

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНИОН РАН

**РАСПАД ЮГОСЛАВИИ:
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

МОСКВА
2024

ББК 63.3(4Юго)

УДК 93/94; 321; 323.1

Р 24

Печатается по решению ученого совета
ИНИОН РАН

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор РГГУ *Б.Л. Хавкин*,
канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Института славяноведения РАН *А.С. Стыкалин*.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *Романенко С.А.* (составитель и отв. ред., ИНИОН РАН),
д-р ист. наук *Мартынова М.Ю.* (Ин-т этнологии и антропологии РАН),
канд. ист. наук *Пархалина Т.Г.* (ИНИОН РАН), д-р ист. наук *Улунян Ар.А.* (ИВИ РАН),
канд. ист. наук *Рябов А.В.* (ИМЭМО РАН)

Авторский коллектив:

Беблер А. (Словения), *Белинский А.В.* (ИНИОН РАН), *Биткова Т.Г.* (ИНИОН РАН),
Гольдштейн И. (Хорватия), *Грызунов С.П.* (независимый исследователь),
Дырина А.Ф. (ИНИОН РАН), *Зечевич М.* (Сербия), *Камберович Х.* (БиГ),
Мартынова М.Ю. (Ин-т этнологии и антропологии РАН),
Мукусов В.В. (независимый исследователь), *Палажченко П.П.* (Горбачев-Фонд),
Перович Л. (Сербия), *Романенко С.А.* (ИНИОН РАН),
Рябов А.В. (ИМЭМО РАН), *Улунян Ар.А.*
(Ин-т всеобщей истории РАН), *Щербакова Ю.А.* (ИНИОН РАН).

Р 24

Распад Югославии: тридцать лет спустя : коллективная монография / отв. редактор и сост. С.А. Романенко ; ИНИОН РАН. – Москва. – 2024. – с. 327.

Коллективная монография «Распад Югославии: тридцать лет спустя» посвящена анализу исторического опыта распада Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Авторы монографии – профессора различных научно-исследовательских учреждений и университетов России, Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, лидеры общественных движений и сотрудники исследовательских фондов – ставили своей целью провести междисциплинарный анализ событий тридцатилетней давности как с точки зрения внутреннего развития многонационального социалистического государства, так и с точки зрения международных отношений, прежде всего – окончания холодной войны, выявить взаимосвязь этих двух процессов. На основании ставших доступными в последние три десятилетия источников историки-югослависты, историки-международники, политологи, этнологи, дипломаты, журналисты реконструировали общий ход событий и уточнили их детали и взаимосвязь. В монографии исследуются проблемы развития межнациональных и межгосударственных отношений на постюгославском пространстве после превращения бывших республик в суверенные независимые национальные государства, влияния распада Югославии на зарождение после окончания холодной войны и распада bipolarной системы новых противоречий между РФ, с одной стороны, и странами Западной Европы и США, иными словами, ЕС и НАТО, – с другой.

Монография состоит из пяти разделов. Представленные в монографии материалы носят историко-документальный, мемуарно-аналитический и научно-исследовательский характер.

УДК 93/94; 321; 323.1

ББК 63.3(4Юго)

DOI: 10.31249/yugoslavia/2024

© ИНИОН РАН, 2024

ISBN 978-5-248-01084-4

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Романенко С.А. 5

РАЗДЕЛ I. ЧТО ТАКОЕ РАСПАД СФРЮ

Глава 1. Взгляд политолога: распад Югославии
и новые явления в мировой политике. Рябов А.В. 26

Глава 2. Взгляд этнолога: этнический фактор
в процессе распада СФРЮ. Мартынова М.Ю. 37

Глава 3. Взгляд историка: советско-югославские отношения
и контакты на высшем уровне, 1985–1991 гг.
Романенко С.А. 66

Глава 4. Взгляд участника переговоров:
Югославия в Ново-Огарево и в Кремле
летом и осенью 1991 г. Палажченко П.Р 109

РАЗДЕЛ II. ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА И РАСПАДА СФРЮ

Глава 5. Взгляд из Белграда – 1. Последние попытки
СКЮ обеспечить выживание Югославии
после Тито. Перович Л. 119

Глава 6. Взгляд из Белграда – 2. Отношение
к сербскому вопросу – фундамент конфликта
в бывшей СФРЮ. Зечевич М. 127

Глава 7. Взгляд из Любляны: судьба Югославии. Беблер А. 134

Глава 8. Взгляд из Загреба: Югославия исчезает,
социализм терпит крах. Гольдштейн И. 156

Глава 9. Взгляд из Сараево: позиция политических элит
Боснии и Герцеговины и Югославия. Камберович Х. 172

РАЗДЕЛ III. РАСПАД ЮГОСЛАВИИ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

- Глава 10.** Взгляд из Праги: распад Югославии в исследованиях чешских авторов.
Щербакова Ю.А. 194

- Глава 11.** Взгляд из Бухареста: позиция Румынии в ходе кризиса 1990-х годов. *Биткова Т.Г.* 204

- Глава 12.** Взгляд из Минска: белорусско-югославские отношения в период распада СФРЮ и косовского конфликта. *Дырина А.Ф.* 229

РАЗДЕЛ IV. СОБЫТИЯ В СФРЮ И ЗАПАДНЫЙ МИР

- Глава 13.** Взгляд из Вены: «забытый» игрок. Политика Австрии на постъюгославском пространстве в 1990–2022 гг. *Белинский А.В.* 238

- Глава 14.** Взгляд из Амстердама: начало «горячей фазы» югославского кризиса по материалам нидерландской печати 1991 г. *Улунян Ар.А.* 255

- Глава 15.** Взгляд из Брюсселя и Вашингтона: война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. в оценке средств массовой информации Западной Европы и США. *Крючков И.В.* 285

РАЗДЕЛ V. СССР И СФРЮ: СУДЬБА ГОСУДАРСТВ И ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ

- Глава 16.** Взгляд журналиста: уроки войны для наших детей. *Грызунов С.П.* 296

- Глава 17.** Взгляд верного друга: «Не стреляйте, мы ваши братья!». *Мукусев В.В.* 307

ВВЕДЕНИЕ¹

Коллективная монография «Распад Югославии: тридцать лет спустя» посвящена анализу исторического опыта распада Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Авторы монографии, сотрудники и профессора различных научно-исследовательских учреждений и университетов России, Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, ставят своей целью провести междисциплинарный анализ событий 30-летней давности как с точки зрения внутреннего развития многонационального социалистического государства, так и с точки зрения международных отношений, прежде всего – окончания холодной войны, выявить взаимосвязь этих двух процессов. На основании ставших доступными в последние три десятилетия источников – дипломатических и внутриаппаратных: партийных и государственных документов СССР / КПСС и СФРЮ / СКЮ, международных договоров, соглашений и деклараций, воспоминаний политических деятелей и непосредственных участников событий тех лет, сообщений печати – историки-югослависты, историки-международники, политологи, этнологи и журналисты стремятся реконструировать общий ход событий 1989–1991 гг. и уточнить их взаимосвязи, детали,

¹ Романенко Сергей Александрович – д-р ист. наук, доцент, зав. сектором Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; serg.hist@gmail.com.

последствия и значение для последующего развития, которые нам, спустя тридцать лет, уже известны.

Особый интерес представляет сопоставление кратко- и среднесрочных экспертно-аналитических прогнозов 1989–1991 гг. с современным знанием и пониманием этнополитических и военно-политических процессов на постюгославском пространстве, в регионе Юго-Восточной Европы, в Европе и мире в целом, и их последствий в конце XX – начале XXI в. Кроме того, в монографии исследуются проблемы развития межнациональных и межгосударственных отношений между суверенными независимыми национальными государствами, влияния распада Югославии на зарождение, после окончания холодной войны и разрушения bipolarной системы международных отношений, новых противоречий между РФ, с одной стороны, и странами Западной Европы и США (ЕС и НАТО) – с другой. Распад Югославии был последствием окончания холодной войны. Он же одновременно стал фактором, препятствующим преодолению ее последствий и предопределившим возможновение новых противоречий между Россией и Западом в конце 1990-х – начале 2020-х годов.

В процессе окончания холодной войны перед быстро терявшими свою социалистическую сущность государствами Восточной, Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы – СССР, Чехословакией и Югославией – со всей остротой встали два вопроса. Первый вопрос – о том, существовала ли возможность сохранения целостности многонациональных федераций вне рамок социалистической идеологии и авторитарных однопартийных режимов, что помогло бы избежать их полного распада на национальные суверенные государства (наподобие ситуации 1918 г. после окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгерской и Российской империй). Оба многонациональных государства – СССР и Югославия – в период окончания холодной войны столкнулись с проблемой сохранения своей целостности и решали ее путем усиления централизма и подавления национальных движений, что вело к ожесточенному сопротивлению и усилению центробежных тенденций, поискам новых форм национального самоопределения в рамках существовавшего многонационального образования. Руководство СССР и СФРЮ в различных исторических ситуациях 1989–1991 гг. отдало должное иллюзиям возможности переустройства федерации в конфедерацию.

Второй вопрос заключался в определении соотношения внутреннего и внешнего факторов развития многонациональных госу-

дарств. События 1989–1992 гг. были связаны прежде всего с дефектами и противоречиями устройства вышеназванных государств и протекавшими в их рамках социальными, политическими и этническими процессами, а не с вмешательством внешних сил, наличие которого полностью отрицать также невозможно.

Однако проблематика настоящего исследования не ограничивается только двумя вышеперечисленными основными вопросами. К ним следует добавить и другие проблемы. Некоторые из них сохраняли и сохраняют практическое политическое значение, некоторые – как представляли тогда, так и представляют сегодня чисто научный интерес. Впрочем, как это часто бывает в истории, наука и политическая аналитика и практика не противостоят друг другу, а находятся в тесной связи друг с другом. Не говоря уже о том, что одну и ту же тематику и проблематику изучают как историки, так и политологи, этнологи, социологи, правоведы и представители всех остальных гуманитарных и общественных наук, которые, в зависимости от исследуемого материала и методов исследования, могут прийти к различным выводам.

Работая над предлагаемой вниманию читателя монографией, авторский коллектив ставил перед собой следующую общую задачу: поставить принципиальные вопросы и если не дать исчерпывающие и окончательные ответы на них (возможно, спустя следующие тридцать лет ответы будут совершенно иными), то по возможности предоставить фундаментальный материал для последующих размышлений и обобщений, осмыслиения исторического опыта. Авторы монографии принадлежат к разным поколениям. Одни были активными участниками описываемых событий как внутри СФРЮ, так и на международной арене. Другие же занимались научными исследованиями и на основании своих знаний писали аналитические статьи в СМИ, пытаясь объяснить суть проходящего. Помимо воссоздания картины прошлого средствами науки, с помощью материалов мемуаристики и с опорой на собственную содержательную и эмоциональную память, мы стремились проанализировать последствия произошедшего, его значение уже исходя из сегодняшнего опыта и информации, обретенных за прошедшие тридцать лет, и сравнить современное знание и понимание с представлениями 1991–1992 гг. Сегодня нас объединили научный подход и исследовательский и расследовательский интерес, что позволяет, уже исходя из знания последующих лет, несколько иначе, чем это было в 1991, 2001 и 2011 гг., оценить значение и последствия распада СФРЮ.

Какие же вопросы поставили перед нами история и политика?

1. Можно ли распад Югославии отнести к бархатным антикоммунистическим революциям? Существует ли сегодня постюгославское пространство и в каком качестве оно воспринимается международным политико-дипломатическим сообществом?

2. Государством какого типа была СФРЮ – многонациональной федерацией или империей? Этот вопрос приобрел особую актуальность, поскольку зачастую в отечественных политических и даже научных кругах, полностью ставя знак равенства между СССР и СФРЮ как государствами и их судьбами, называют СФРЮ «империей».

3. При обсуждении процессов 1989–1991 гг., происходивших в СФРЮ, уместно ли говорить о нескольких кризисах – социальном, политическом, идеологическом, этнополитическом, экономическом и др., которые имели разную динамику и время проявления, или же это был один общий и всесторонний кризис, проявившийся одновременно в разных сферах и формах, развивавшихся разными темпами?

4. За этим вопросом следует следующий вопрос того же типа: рассматривать ли военные конфликты 1991–1995 гг., а то и события 2000-х годов, как самостоятельные, но тесно взаимосвязанные между собой войны или же как различные театры (фронты) боевых действий одной войны?

5. Какой характер носил конфликт – межнациональный, межреспубликанский, этнорелигиозный и этнокультурный – или же это была гражданская война? Необходимо исследовать и роль исторической травмы Второй мировой войны и национально-освободительной борьбы в генезисе конфликта 1989–1995 гг., который, в свою очередь, стал исторической травмой для новых поколений.

6. Окончательные ли очертания обрели границы между государствами – наследниками СФРЮ?

7. Как соотносятся в теории и на практике понятия «Балканы», «Восточная Европа», «Центральная и Юго-Восточная Европа», «Юго-Восточная Европа», «Западные Балканы»?

8. Каким термином следует охарактеризовать прекращение существования СФРЮ – «распад», что означает его обусловленность прежде всего процессами внутреннего развития; или же «развал», что ведет нас к признанию решающей роли внешних факторов – политики иностранных государств и международных организаций? Отметим, что дискуссии о соотношении внутренних и внешних факторов в распаде многонациональных государств в полной мере

начались еще в 1917 г., когда германская и австро-венгерская пропаганда связывала Февральскую революцию в России с политикой Великобритании и Франции; а позднее Октябрьскую революцию пропаганда стран Антанты напрямую соотносила с политикой Германии и Австро-Венгрии. Сходные дискуссии велись и в октябре-ноябре 1918 г., когда распад монархии Габсбургов в Вене и Берлине провозглашали результатом деятельности Лондона и Парижа; при этом игнорировались начавшиеся еще после заключения в 1867 г. австро-венгерского соглашения споры о соотношении центростремительных и центробежных, интеграционных и дезинтеграционных тенденций в развитии с того момента дуалистической Австро-Венгерской монархии, а также роль австро-немецкого и венгерского национальных движений в судьбе этого государства.

9. Следующий вопрос, требующий исторического размышления: что представлял собой распад – относительно кратковременное, одномоментное историческое явление или же долгосрочный процесс, истоки которого восходят к 1960-м годам, а то и к гораздо более раннему периоду, уходя в глубь всей истории югославского государства? Можно ли считать началом процесса распада Югославии (СФРЮ) принятую в 1974 г. еще при жизни Й. Броза Тито конституцию СФРЮ (дискуссии о роли которой для судьбы многонационального государства в известном смысле можно сравнить с дискуссиями о значении австро-венгерского соглашения 1867 г.: позволило ли оно просуществовать этому многонациональному государству еще пятьдесят лет, вплоть до 1918 г., или же стало первым шагом к его распаду), или кончину Й. Броза Тито 4 мая 1980 г., или начало всестороннего кризиса югославской экономической, политической идеологической системы и государственного устройства с середины 1980-х годов.

10. Какую роль в распаде СФРЮ сыграло соотношение этнонациональной концепции югославизма и концепции права на самоопределение в сочетании с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Были ли события 1990–1992 гг. концом теории и практики второй попытки создания **югославского** государства или же они были прежде всего конкретным выражением общего краха **социалистической** экономической и политической системы в ЦВЮВиВЕ и коммунистической идеологии, провозглашившей окончательное урегулирование межнациональных противоречий, которое так и не осуществилось, да и не могло осуществиться?

11. Был ли распад СФРЮ единичным и случайным историческим явлением или же это было закономерное неизбежное

и необходимое с точки зрения исторического развития событие, которое носило не единичный, а системный и региональный характер?

12. Возможно ли было реформировать югославское социалистическое государство? Возможно ли было сохранить несоциалистическую Югославию? Возможна ли была многопартийная Югославия? Возможно ли было югославское государство как конфедерация?

13. Что способствует сохранению многонационального государства в условиях нарастания центробежных и дезинтеграционных тенденций – усиление преследований по отношению к национальным движениям и ущемление национальных прав или поиски новых форм национального самоопределения и либерализация политической и культурной жизни? Этот комплекс проблем достался Югославии, будь то королевской или социалистической, в наследство от Австро-Венгрии.

14. Обоснованно ли отождествлять национальное самоопределение как исторический процесс, юридический принцип, получивший подтверждение в целом ряде международных и национальных документов (ООН), политический лозунг, использовавшийся совершенно разными политическими силами и их представителями (например, В.И. Лениным и В. Вильсоном), – с сепаратизмом и сепацессией?

15. Какова была роль личности в ходе событий конца 1980-х – начала 1990-х? В частности, С. Милошевича, А. Марковича, Ф. Туджмана, А. Изетбеговича, М. Кучана? Особый интерес вызывает роль, которую играл в 1991 г. М.С. Горбачев, поскольку и для советского, и для югославского руководства была очевидна историческая, типологическая и политическая взаимосвязь судеб обоих государств.

16. Национальные движения каких народов, какие республики и какие политические партии – как наследники республиканских Союзов коммунистов, так и вновь образованные в 1989–1991 гг., – имели наибольшее влияние на развитие событий, а именно – на ход внутриюгославских переговоров и неудачный поиск компромисса, развязывание межреспубликанских и межэтнических конфликтов на территории СФРЮ, переговоры с международными посредниками и зарубежными государственными деятелями?

17. Как соотнести друг с другом в новых условиях сформировавшиеся в Заключительном акте Совещания по безопасности и

сотрудничеству в Хельсинки от 1 августа 1975 г. десять противоречащих друг другу принципов, подтвержденных в «Парижской хартии для новой Европы» 21 ноября 1990 г. (принципы «территориальной целостности», «отказа от применения силы», «непрерывности границ» – и… «право народов распоряжаться своей судьбой»)? Иными словами, угроза территориальной целостности страны рассматривалась авторами этих документов и подписавшими их государственными деятелями исключительно как внешняя угроза, как проблема международных отношений. Понимание того, что внутриполитические процессы могут привести к нарушению территориальной целостности, ни в 1975, ни в 1990 г. окончательно еще не созрело.

18. Какое влияние оказalo окончание холодной войны на этнополитические процессы в СФРЮ и ее распад, с одной стороны; а с другой – какое воздействие распад СФРЮ оказал на развитие международных отношений в региональном и глобальном масштабах после окончания холодной войны?

19. Какую роль играли гуманитарные и общественные науки, СМИ и культура в генезисе кризиса и конфликта, а также какова была роль ученых-историков, журналистов и деятелей литературы и искусства, в частности театра, в преодолении этнонационалистических предрассудков и атмосферы взаимной ненависти, служивших «топливом» для «костра», вспыхнувшего в 1991 г.?

20. Наконец, вопрос, сформулированный одним из авторов нашего исследования, хорватским историком И. Гольдштейном: «Ключевой вопрос состоит не в том, можно ли было сохранить Югославию, а в том, можно ли было избежать войн»¹.

Даже этим весьма подробным перечислением не исчерпывается список проблем, вопросов и загадок, которые будут стремиться решить и разгадать исследователи не только в настоящем, но и в будущем.

Югославянская (югославская) общность как единое этнополитическое образование так и не сложилась. Национальная идентичность и этническое самосознание не были утрачены в результате навязываемой сверху политики интегрального югославизма и нескольких безуспешных попыток выстроить в королевской Югославии удовлетворяющее устремлениям хотя бы трех основных

¹ Goldstein I. Hrvatska 1990 – 2020. Godine velikih nadi i gorkih razočaranja. – Zagreb : Profil, 2021. – S. 120.

народов – сербов, хорватов и словенцев, а также босняков-мусульман, македонцев, черногорцев, албанцев – внутреннее национально-государственное устройство (межнациональные противоречия стали одной из причин военного поражения Югославии в апреле 1941 г. и в последующий период оккупации и военно-политического конфликта резко ожесточились). Не были утрачены национальная идентичность и этнонациональное самосознание и в результате воссоздания югославской социалистической федерации как многонационального полиэтнического государства с элементами государственности у входивших в ФНРЮ / СФРЮ союзных республик. Не помогло и соединение югославянской идеи, выдвинутой социал-демократами еще в начале XX в., с концепцией пролетарского интернационализма («братьства и единства») и с персоналистским авторитарным режимом.

Когда исполнялись символические годовщины – десяти- и двадцатилетие распада СФРЮ (соответственно, в 2001 и 2011 гг.), – в разных странах, в том числе и в России, проводились научные конференции на эту тему или осуществлялись исследовательские проекты, материалы которых были опубликованы. Однако эти «круглые» даты не были лишь знаковыми годовщинами. С большей или меньшей степенью точности они отражали изменения в развитии новых государств – наследников СФРЮ, эволюцию на постъюгославском и постсоциалистическом пространстве, изменения в динамике общеевропейских и глобальных взаимоотношений¹. В то же время появлялись работы, авторы которых оценивали значение и последствия распада Югославии в региональном (Балканы) и историческом

¹ Никифоров К.В. Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии // Международный форум «Европа: итоги года перемен». – Москва, 2005. – С. 3–22; История антикоммунистических революций конца XX века : Центральная и Юго-Восточная Европа. – Москва : Наука, 2007; Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы : 20 лет спустя. – Москва : РОССПЭН, 2011; Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. – Москва : Индрик, 2012; Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : Индрик, 2011; Никифоров К.В. Постсоциалистический мир Европы четверть века спустя // Славянский альманах. – Москва, 2018. – № 1–2. – С. 367–378; Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : Институт славяноведения РАН ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021; Энтина Е.Г. Незападные Балканы. – Москва : Зебра-Е, 2022.

(XX в.) контексте, а также рассматривают Югославию как историко-политическую, этнонациональную и культурологическую систему¹.

В течение прошедших тридцати лет постепенно изменялись источниковая база, методы и жанры исследований. В 1989–1992 гг. источниками в основном являлись материалы СМИ (прессы, радио и ТВ) – информация, сообщения и очерки специальных и постоянных корреспондентов, интервью и аналитика, официальные заявления политических деятелей и дипломатов, открытая аналитика, выступления и ответы на вопросы журналистов на пресс-конференциях, радио- и телепередачи – информационные программы и специальные репортажи и телефильмы, а также дискуссии между представителями разных народов, государств, а также учеными разных взглядов, идеологических и этнонациональных симпатий, представителями различных гуманитарных профессий.

Источниковая база исследований расширялась – приоткрылись некоторые архивы, стали частично доступными в Интернете официальные (в 1989–1992 гг. – совершенно секретные) материалы переговоров и записи бесед государственных деятелей и политиков в полном или сокращенном виде. В последнем случае, правда, остаются вопросы: кто и на основании каких принципов или инструкций (если таковые были даны) делал эти сокращения, были ли эти материалы завизированы хотя бы одним из их участников, какие моменты беседы – содержательно и интонационно – попали под сокращение? В какой-то степени эти пробелы могут быть восполнены материалами опубликованных в последние два десятка лет воспоминаний и дневниковых

¹ Бьюкенен А. Сепрессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. – Москва : Рудомино, 2001; Хоббсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. – Москва : Независимая газета, 2004; Altermatt U. Das Fanal von Sarajevo : Ethnonationalismus in Europa. – Zürich : Verlag Neue Zürcher Zeitung, 1996; Crampton R.J. The Balkans since the Second World War. – London : Pearson Education Limited, 2002; Glenny M. The Balkans : nationalism, war and Great Powers. 1804–1999. – London : Granta Books, 1999; Longworth Ph. The making of Eastern Europe : from prehistory to postcommunism. – 2 ed. – New York : St. Martin's Press, 1997; Mazower M. Dark continent. Europe's twentieth century. – New York : Penguin, 1998; Mazower M. The Balkans : a short history. – London : Phoenix Press, 2001; Pond E. Endgame in the Balkans : regime change, European style. – Washington (DC) : Brookings Institution Press, 2006.

записей, в частности, руководителей республик СФРЮ и постюгославских государств, политических партий и национальных движений, а также зарубежных государственных деятелей и дипломатов. К этому можно добавить и материалы публичных и закрытых заседаний парламентов и вновь созданных национальных представительных учреждений, провозгласивших себя представителями того или иного народа на определенной территории¹. Упомянем также опубликованные по прошествии нескольких десятилетий личные дневниковые записи непосредственных участников событий 1990–1992 гг. на разных уровнях – будь то переговоры на высшем уровне, частные беседы руководителей государств или журналистские расследования. По словам одного из самых информированных участников этих событий П.Р. Палажченко, это произошло, «когда пришло время». Отметим, что, к сожалению, во-первых, многие документы еще недоступны исследователям, и неизвестно, будут ли доступны

¹ См., напр.: Анатомия конфликтов : Центральная и Юго-Восточная Европа : документы и материалы последней трети ХХ века. – Санкт-Петербург : Алетейя. – Т. 1 : Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. – 2012 ; Т. 2 : Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. – 2013; Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. – Москва : Международные отношения, 2005; Горбачев М.С. Собрание сочинений. – Москва : Весь мир, 2009. – Т. 10 : Март-май 1988 г.; Грызунов С.П., Сысоев Г. Балканский пророк. – Ярославль : ИНДИГО, 2011; Квицинский Ю.А. Время и случай. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 1999; Козырев А.В. Преображение. – Москва : Международные отношения, 1995; Конец эпохи : СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. – Москва : РОССПЭН, 2015; Медведев В.А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». – Москва : Международные отношения, 1994; Отвечаю на вызов времени. Внешняя политика перестройки : документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другие материалы. – Москва : Весь мир, 2010; Палажченко П.Р. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. – Москва : Новая газета, 2020; Примаков Е.М. Годы в большой политике. – Москва : Совершенно секретно, 1999; Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. – Москва : РОССПЭН, 2008; Шахназаров Г.Х. Цена свободы : реформация Горбачева глазами его помощника. – Москва : Россика : Зевс, 1993. К этому можно добавить и переводы мемуаров некоторых политических и военных деятелей распавшейся Югославии: Кадиевич В. Контрудар (Мой взгляд на развал Югославии). – Москва : Московский издательский дом, 2007; Месич С. Как развалилась Югославия. – Москва : Альпина паблишер, 2013; Югославский кризис и Россия : документы, факты, комментарии (1990–1993) / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. – Москва : Славянская летопись, 1993.

вообще. Во-вторых, и тоже к сожалению, многие российские публикации, в которых затрагивается внешняя политика СССР и РФ по отношению к СФРЮ, СРЮ и новым независимым государствам, остаются почти неизвестными научной общественностью этих государств.

Что же касается методов исследования и жанров научных публикаций, то на первом этапе во вновь созданных независимых национальных государствах в 1991–1999 гг. преобладала разработка национальных нарративов, которая имела два аспекта. Первый – написание национальных историй, соединявших историю «своей» титульной нации и территорию в границах бывших республик СФРЮ, ставших суверенными государствами¹. Второй аспект заключался в написании истории югославского государства с 1918 г. с позиций критики самой идеи различных вариантов югославизма и его воплощения на практике². В этот период историки каждого национального государства работали изолированно от своих коллег, хотя разработанные и опубликованные в этот период национальные нарративы создавались в соответствии с весьма различными политico-идеологическими взглядами их авторов.

В зарубежной литературе первоначально преобладали исследования, которые должны были показать иностранному по отношению к Югославии читателю этапы развития разных южнославянских народов (за исключением болгар и Болгарии) в период Древнего мира, Средневековья, Нового времени и XX в., подводя к логическому и последнему на данный момент

¹ *Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest.* – Zagreb : Golden Marketing, 1999; *Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata / Imamović E. [et al.]*. – Sarajevo : Bosanski kulturni centar Prosveta, 1998; *Filandra Š. Bošnjačka politika u XX stoljeću.* – Sarajevo : Sejtarija, 1998; *Imamović M. Historija Bošnjaka.* – Sarajevo : Bošnjačka zajednica kulture Preporod, 1998; *Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji (1945–1991.) : od zajedništva do razlaza.* – Zagreb : Školska knjiga : Hrvatski Institut za povijest, 2006; ACHOM. *Педесет години македонска држава 1944–1994 : Зборник од симпозиум.* – Скопје, 1995.

² *Zечевић M. Југославија 1918–1992 : јужнословенски државни сан и јава.* – Београд : Просвета, 1994; *Matković H. Povijest Jugoslavije (1918–1991–2003).* – 2, dopunjeno izd. – Zagreb : PIP, 2003; *Pirjevec J. Jugoslavija : nastanek, razvoj ter razpad Karadjordjevićeve in Titove Jugoslavije.* – Koper : Založba Lipa, 1995.

событию – распаду СФРЮ и образованию независимых государств. По своему жанру в основном это были политические истории¹. Кроме того, продолжали издаваться и монографии, посвященные как непосредственно событиям 1990–1992 гг.², так и истории отдельных народов, стран и государственных образований³.

На следующем этапе начинают восстанавливаться связи между историками Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории и Северной Македонии. Публикуются материалы проводимых ими конференций, а также начинают готовиться совместные исследовательские проекты. В то же время идет острыя полемика между национально-консервативными и либерально-демократическими течениями среди историков вышеназванных стран⁴. В мировой

¹ Dějiny Jihoslovanských Zemí / Šestak M., Tejhman M., Havliková L., Hladký L., Pelikán J. – Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 1998; Ramet S.P. Nationalism and federalism in Yugoslavia. 1962–1991. – 2 ed. – Bloomington : Indiana University press, 1992.

² Gagnon V.P. The myth of ethnic war : Serbia and Croatia in the 1990s. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 2004; Glenny M. The fall of Yugoslavia : the Third Balkan war. – New York : Penguin, 1992; Hayden R.M. Blueprints for a house divided. The constitutional logic of the Yugoslav conflicts. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2000; Judah T. The Serbs : history, myth and the destruction of Yugoslavia. – 2 ed. – Yale : Yale University Press, 2000; Silber L., Little A. The death of Yugoslavia. – London ; New York : Penguin : BBC Books : Penguin USA, 1996.

³ Bennett Ch. Bosnia's paralysed peace. – London : Hurst & Company, 2016; Friedman F. Bosnian Muslims. Denial of a nation. – London : Routledge, 1996; Malcolm N. Bosnia : a short history. – London : Papermac, 1994; Malcolm N. Kosovo : a short history. – London : Macmillan, 1998; Tanner M. Croatia : a nation forged in war. – 2 ed. – Yale : Yale University Press, 2001; Thomas R. Serbia under Milošević. Politics in the 1990s. – London : Hurst & Company, 1999.

⁴ Benedežič A. Rusija in slovanstvo : med velikodržavnostjo in vzajemnostjo. – Ljubljana : Fakulteta za družbene vede, Založba FDV, 2021; Dizdarević R. Sudbonosni podvig Jugoslavije : podsjećanja na istorijsko NE staljinizmu– događaj koji je opredijelio budućnost Jugoslavije. – Sarajevo : UMHIS, 2018; Jović D. Jugoslavija – država koja je odumrla : uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). – Zagreb ; Beograd : Prometej, 2003; Jugoslavija : poglavlje 1980–1991. – Beograd : 2021; Jugoslavija u historiografskim ogledalima. Zbornik radova. – Sarajevo : UMHIS, 2018; Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. – Beograd, 2017; Longworth Ph. The making of Eastern Europe : from prehistory to postcommunism. – 2 ed. – New York : St. Martin's

историографии расширяется поле исследования и появляются не только чисто историко-политические исследования, но и междисциплинарные, культурологические, социально-антропологические, этнологические исследования¹, исследования в области международных и межнациональных отношений².

В России активно работают несколько центров, занимающихся историей, политикой, экономикой и этническими процессами в регионе Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, включая СФРИО и образовавшиеся после ее распада государства. Это кафедра истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ, Институт славяноведения РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт экономики РАН (в 2005 г. в него вошел Институт экономики мировой социалистической системы, с 1990 – Институт международных экономических и политических исследований РАН), Институт Европы РАН, РГГУ, МГИМО(у). В течение второго десятилетия после распада СФРИО российские историки соз-

Press, 1997; *Perovic L. Zatvaranje kruga : ishod rascepa 1971–1972.* – Sarajevo : Svjetlost, 1991; *Repe B. Milan Kučan, prvi predsjednik Slovenije.* – Sarajevo : UMHIS, 2019; *Reprezentacije socijalističke Jugoslavije : preispitivanja i perspective.* – Sarajevo ; Zagreb : UMHIS : Srednja Evropa, 2019; *Thompson M. Forging war : the media in Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina.* – Luton : University of Luton Press, 1999.

¹ *Allcock J.B. Explaining Yugoslavia.* – London : Hurst&Company, 2000; *Altermatt U. Das Fanal von Sarajevo : Ethnonationalismus in Europa.* – Zürich : Verlag Neue Zürcher Zeitung, 1996; *Garde P. Vie et la mort de la Yougoslavie.* – Paris : Fayard, 1992; *Neighbors at war. Anthropological perspectives on Yugoslav ethnicity, culture and history / ed. by J.M. Halpern, D.A. Kideckel.* – University Park : Penn State University Press, 2000; *Schopflin G. Nations, identity, power : the new politics of Europe.* – London : Hurst & Company, 2000.

² *Iaz'kova A.A. The emergence of post-cold war Russian foreign policy priorities // The Yugoslav conflict and its implications for international relations / ed. by S. Bianchini, R.C. Nation.* – Ravenna : Longo Editore, 1998; *International perspectives on the Yugoslav conflict / A. Danchev, Th. Halverdon (eds.).* – New York : St. Martin's Press, INC., 1996; *Węzeł Bałkański / pod redakcją J.P.S. Wilkanowicza.* – Kraków : Lux Libri, 1999.

дают национальные истории постюгославских государств¹, а также проблемные монографии и сборники².

¹ См.: Ваганова Н.М. Международные театральные фестивали в Белграде. БИ-ТЕФ 1967–2007. – Москва : ГИТИС, 2011; Ваганова Н.М. Политический театр на сценах Белградского театрального интернационального фестиваля // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 154–175; История Югославии. Т. 1–2. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963; Кацуба М.С., Мартынова М.Ю. Новая этнополитическая карта Балкан. – Москва : ИЭА РАН, 1995; Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011; Косово : международные аспекты кризиса / под ред. Д.В. Тренина, Е.А. Степановой. – Москва : Московский Центр Карнеги, 1999; Косово : прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. Романенко С.А., Шмелев Б.А. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012; Мартынова М.Ю. Балканский кризис : народы и политика. – Москва : Старый сад, 1998; Пархалина Т.Г., Романенко С.А. Международные отношения в Восточной Европе : проблемы, методы, контуры исследования и перспективы развития // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2022. – № 2. – С. 7–22; Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2021. – № 2. – С. 22–58; Романенко С.А. Доктринальные документы внешней политики государств постюгославского пространства 2014–2021 гг. // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2022. – № 2. – С. 50–87; Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). – Москва : НЛО, 2011; Романенко С.А. Политические системы и политические процессы в странах Восточной Европы : этапы, методы изучения и результаты (2014–2022) // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – № 2. – С. 7–30; Романенко С.А. Постюгославское пространство 1992–2014 гг. : проблемы национального самоопределения и непризнанных государств // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2015. – № 1. – С. 154–171; Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. – Москва : Изд-во Ин-та права и публичной политики, 2002; Улунян Ар.А., Кулешов С.Г. Фактор Косово : балканское экспертно-аналитическое сообщество на фоне этнополитического кризиса (1996–2007 гг.). – Москва : ИВИ РАН, 2007; Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001.

² Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никуфоров. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020; Романенко С.А. История и этнонационализм в постсоциалистическом мире : югославский вариант (1980–1990-е гг.) // Национализм в мировой истории / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – Москва : Наука, 2007. – С. 408–451; Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века : в 3-х томах. – Т. 2 : От стабилизации к кризису. – Москва : Наука, 2002 ; Т. 3 : Трансформации 90-х годов, ч. 1–2. – Москва : Наука, 2002; Центральноевропей-

Наш краткий обзор, естественно, не ставил своей целью охарактеризовать все школы и направления, все методы и жанры, существующие в мировой литературе, посвященной стремительно уходящим в даль событиям и превращающимся из современности в историю. Эта литература насчитывает тысячи томов на разных языках. О статьях и говорить не приходится. Это обозрение призвано лишь выяснить специфику предлагаемой монографии, представляющей результат междисциплинарного научного исследования, проведенного учеными разных специальностей, работающими в России, Словении, Хорватии и Сербии, Боснии и Герцеговине, Черногории, Северной Македонии, Албании, а также в Косово (Косово – алб.).¹ Естественно, авторы дают на поставленные выше общие вопросы свои собственные ответы в зависимости от национальной принадлежности и историографической традиции, гражданства, методов исследования, корпуса источников и политических взглядов.

Монография состоит из пяти разделов и 17 глав. Представленные в монографии материалы носят историко-документальный, мемуарно-аналитический и научно-исследовательский характер.

В раздел I – «Что такое распад СФРЮ» – включены главы А.В. Рябова «Взгляд политолога: распад Югославии и новые явления в мировой политике», М.Ю. Мартыновой «Взгляд этнолога: этнический фактор в процессе распада СФРЮ», С.А. Романенко «Взгляд историка: советско-югославские отношения и контакты на высшем уровне, 1985–1991 гг.», а также глава «Взгляд участника переговоров: Югославия в Ново-Огарево и в Кремле летом и осенью 1991 г.», посвященная политике СССР в последние месяцы существования обоих государств в 1991 г., которая основана на материалах архива Фонда М.С. Горбачева. Она принадлежит перу близкого сотрудника М.С. Горбачева, его личного переводчика П.Р. Палажченко.

Раздел II – «Внутренние причины кризиса и распада СФРЮ» – содержит пять глав, принадлежащих перу историков из Сербии – известного общественного деятеля последних 30 лет

ские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития : историко-политический справочник. – Москва : Новый хронограф, 2003; Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под ред. А.А. Языковой. – Москва : Весь мир, 2007.

¹ Поскольку существует название территории в трех языках: в сербском, русском «Косово» и в албанском – «Косова», чтобы избежать путаницы, «Косово» в данной монографии не склоняется. Такое же решение принято относительно названия «Сараево». – Прим. авт.

доктора Л. Перович. «Взгляд из Белграда – 1: последние попытки СКЮ обеспечить выживание Югославии после Тито» и ее оппонента М. Зечевича «Взгляд из Белграда – 2: отношение к сербскому вопросу – фундамент конфликта в бывшей СФРЮ»; Словении (А. Беблер «Взгляд из Любляны: судьба Югославии»); Хорватии (И. Гольдштейн «Взгляд из Загреба: Югославия исчезает, социализм терпит крах»); Боснии и Герцеговины (Х. Камберович «Взгляд из Сараево: позиция политических элит Боснии и Герцеговины и Югославия»).

Авторами глав раздела III – «Распад Югославии и страны Центрально-Восточной и Восточной Европы» – выступают сотрудники сектора Восточной Европы Отдела стран Европы и Америки ИНИОН РАН: Ю.А. Щербакова («Взгляд из Праги: распад Югославии в исследованиях чешских авторов»), Т.Г. Биткова («Взгляд из Бухареста: позиция Румынии в ходе кризиса 1990-х годов») и А.Ф. Дырина («Взгляд из Минска: белорусско-югославские отношения в период распада СФРЮ и косовского конфликта»).

В раздел IV – «События в СФРЮ и западный мир» – вошли главы А.В. Белинского (ИНИОН РАН) («Взгляд из Вены: “забытый” игрок. Политика Австрии на постъюгославском пространстве 1990–2022 гг.»), Ар.А. Улуняна («Взгляд из Амстердама: начало “горячей фазы” югославского кризиса по материалам нидерландской печати 1991 г.») и И.В. Крючкова («Взгляд из Брюсселя и Вашингтона: война в Боснии-Герцеговине 1992–1995 гг. в оценке средств массовой информации Западной Европы и США»).

Раздел V – «СССР и СФРЮ: судьба государств и людские судьбы» – посвящен взаимосвязи развития событий на политическом и человеческом уровнях в Советском Союзе и Югославии. Завершают монографию две главы, написанные журналистами, тесно связанными с ситуацией в Югославии и на постъюгославском пространстве. С.П. Грызунов («Взгляд журналиста: уроки войны для наших детей») работал в Белграде в 1991 г. и сотрудничал с одним из видных политических деятелей Сербии тех лет М. Паничем. Известный российский журналист, депутат ВС России, глава комиссии ВС по расследованию исчезновения журналистов Гостелерадио СССР В. Ногина и Г. Куриллого – В.В. Мукусев в качестве главы монографии предложил фрагменты своей книги, описывающей его самоотверженные и героические попытки выяснить судьбу его погибших в 1991 г. коллег, журналистов Гостелерадио СССР Виктора Ногина и Геннадия Куриллого, «Взгляд верного друга: “Не стреляйте, мы ваши братья!”». Название главы дало название самой книги,

вышедшей в 2018 г. В качестве приложения к этим главам публикуются материалы СМИ осени 1991 г. – интервью, данное С.П. Грызунову Председателем Президиума Скупщины Словении М. Кучаном¹, и обращение советских журналистов, призывающее найти их пропавших товарищей².

С глубокой скорбью приходится писать о том, что авторский коллектив монографии в самом начале работы понес две большие утраты: 30 июня 2020 г. скончался известный хорватский историк Иво Банац, а 12 декабря 2022 г. не стало выдающегося сербского историка и общественного деятеля Латинки Перович. Их исследования входят в золотой фонд хорватской и сербской историографии.

Литература

АЧНОМ. Педесет години македонска држава 1944–1994 : зборник од симпозиум. – Скопје, 1995. – 571 с.

Бьюкенен А. Септессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. – Москва : Рудомино, 2001. – 239 с.

Вагапова Н.М. Международные театральные фестивали в Белграде. БИТЕФ 1967–2007. – Москва : ГИТИС, 2011. – 214 с.

Вагапова Н.М. Политический театр на сценах Белградского театрального международного фестиваля // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 154–175. DOI: 10.31249/ape/2021.02.07

Зечевић М. Југославија 1918–1992 : јужнословенски државни сан и јава. – Београд : Просвета, 1994. – 302 с.

История антикоммунистических революций конца XX в. Центральная и Юго-Восточная Европа. – Москва : Наука, 2007. – 397 с.

История Югославии. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 736 с. ; т. 2. – 430 с.

Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Новая этнополитическая карта Балкан. – Москва : ИЭА РАН, 1995. – 164 с.

Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 480 с.

Косово : международные аспекты кризиса / под ред. Д.В. Тренина, Е.А. Степановой. – Москва : Московский Центр Карнеги, 1999. – 309 с.

¹ Война еще не кончилась : интервью президента Словении М. Кучана С. Грызунову // Новое время. – 1991. – № 32. – С. 20–21.

² Обращение журналистов «Известий». – 1991. – № 219, 13.09. – С. 1.

Косово : прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. Романенко С.А., Шмелев Б.А. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 243 с.

Мартынова М.Ю. Балканский кризис : народы и политика. – Москва : Стартый сад, 1998. – 465 с.

Никифоров К.В. Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии // Международный форум «Европа: итоги года перемен». – Москва, 2005. – С. 3–22.

Никифоров К.В. Постсоциалистический мир Европы четверть века спустя // Славянский альманах. – Москва, 2018. – № 1–2. – С. 367–378.

Никифоров К.В. Сербия на Балканах. ХХ век. – Москва : Индрик, 2012. – 176 с.

Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец ХХ — начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 464 с. DOI: 10.31168/2712-8342.2020.1

Пархалина Т.Г., Романенко С.А. Международные отношения в Восточной Европе : проблемы, методы, контуры исследования и перспективы развития // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2022. – № 2. – С. 7–22. DOI: 10.31249/ape/2022.02.01

Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы : 20 лет спустя. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 775 с.

Романенко С.А. Балканы – Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2021. – № 2. – С. 22–58. DOI: 10.31249/ape/2021.02.02

Романенко С.А. Доктринальные документы внешней политики государств постюгославского пространства 2014–2021 гг. // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2022. – № 2. – С. 50–87. DOI: 10.31249/ape/2022.02.03

Романенко С.А. История и этнонационализм в постсоциалистическом мире : югославский вариант (1980–1990-е гг.) // Национализм в мировой истории / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – Москва : Наука, 2007. – С. 408–451.

Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало ХХ века – 1991 год). – Москва : НЛО, 2011. – 1024 с.

Романенко С.А. Политические системы и политические процессы в странах Восточной Европы : этапы, методы изучения и результаты (2014–2022) // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – № 2. – С. 7–30. DOI: 10.31249/ape/2023.02.01

Романенко С.А. Постюгославское пространство 1992–2014 гг. : проблемы национального самоопределения и непризнанных государств // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва, 2015. – № 1. – С. 154–171.

Романенко С.А. СССР и распад Югославии : идеологический и международный аспекты // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков. 1985–1991 / отв. ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлева. – Москва : РГГУ, 2021. – С. 174–195.

Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. – Москва : Изд-во Ин-та права и публичной политики, 2002. – 624 с.

Романенко С.А. Югославский Рубикон // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 83 (1). – С. 138–164.

Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : Ин-т славяноведения РАН ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – 400 с.

Улунян Ар.А., Кулешов С.Г. Фактор Косово : балканское экспертно-аналитическое сообщество на фоне этнополитического кризиса (1996–2007 гг.). – Москва : ИВИ РАН, 2007. – 208 с.

Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 318 с.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. – Москва : Изд-во Независимая газета, 2004. – 632 с.

Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – 480 с.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века : в 3 т. Т. 2. От стабилизации к кризису. – Москва : Наука, 2002. – 516 с.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века : в 3 т. Т. 3. Трансформации 90-х годов. – Москва : Наука, 2002. – Ч. 1. – 461 с. ; ч. 2. – 464 с.

Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политический справочник. – Москва : Новый хронограф, 2003. – 256 с.

Энтина Е.Г. Незападные Балканы. – Москва : Зебра-Е, 2022. – 656 с.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под ред. А.А. Языковой. – Москва : Весь мир, 2007. – 352 с.

Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : Индрик, 2011. – 888 с.

Югославский кризис и Россия : документы, факты, комментарии (1990–1993) / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. – Москва : Славянская летопись, 1993. – 505 с.

Allcock J.B. Explaining Yugoslavia. – London : Hurst & Company, 2000. – 499 p.

Altermatt U. Das Fanal von Sarajevo : Ethnonationalismus in Europa. – Zürich : Verlag Neue Zürcher Zeitung, 1996. – 288 S.

Benedejčič A. Rusija in slovanstvo : med velikodržavnostjo in vzajemnostjo. – Ljubljana : Fakulteta za družbene vede, Založba FDV, 2021. – 551 str.

Bennett Ch. Bosnia's paralysed peace. – London : Hurst & Company, 2016. – 388 p.
Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. – Zagreb : Golden Marketing, 1999. – 836 str.

Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata / Imamović E. [et al.]. – Sarajevo : Bosanski kulturni centar Prosvjeta, 1998. – 434 str.

Crampton R.J. The Balkans since the Second World War. – London : Routledge, 2002. – 408 p.

Dějiny Jihoslovanských Zemí / Šesták M., Tejhman M., Havliková L., Hladký L., Pelikán J. – Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 1998. – 757 str.

Filandra Š. Bošnjačka politika u XX stoljeću. – Sarajevo : Sejtarija, 1998. – 417 str.

Friedman F. Bosnian Muslims. Denial of a nation. – London : Routledge, 1996. – 304 p.

Gagnon V.P. The myth of ethnic war : Serbia and Croatia in the 1990s. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 2004. – 240 p.

Garde P. Vie et la mort de la Yougoslavie. – Paris : Fayard, 1992. – 480 p.

Glenny M. The Balkans : nationalism, war and Great Powers. 1804–1999. – London : Granta Books, 1999. – 752 p.

Glenny M. The fall of Yugoslavia : the Third Balkan war. – New York : Penguin, 1992. – 193 p.

Goldstein I. Hrvatska. 1918–2008. – Zagreb : Liber, 2008. – 930 str.

Goldstein I. Hrvatska. 1990–2020. Godine velikih nuda i gorkih razočaranja. – Zagreb : Profil, 2021. – 554 str.

Hayden R.M. Blueprints for a house divided. The constitutional logic of the Yugoslav conflicts. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2000. – 224 p.

Iaz'kova A.A. The emergence of post-cold war Russian foreign policy priorities // The Yugoslav conflict and its implications for international relations / ed. by S. Bianchini, R.C. Nation. – Ravenna : Longo Editore, 1998. – P. 109–116.

Imamović M. Historija Bošnjaka. – Sarajevo : Bošnjačka zajednica kulture preporod, 1998. – 635 str.

International perspectives on the Yugoslav conflict / A. Danchev, Th. Halverdon (eds.). – New York : St. Martin's Press, INC., 1996. – 212 p.

Jović D. Jugoslavija – država koja je odumrla : uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). – Zagreb ; Beograd : Prometej, 2003. – 522 str.

Judah T. The Serbs : history, myth and the destruction of Yugoslavia. – 2 ed. – Yale : Yale University Press, 2000. – 398 p.

Jugoslavija : poglavlje 1980–1991. – Beograd : 2021. – 960 str.

Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. – Beograd : 2017. – 544 str.

Jugoslavija u historiografskim ogledalima : Zbornik radova. – Sarajevo : UM-HIS, 2018. – 202 str.

Longworth Ph. The making of Eastern Europe : from prehistory to postcommunism. – 2 ed. – New York : St. Martin's Press, 1997. – 352 p.

Matković H. Povijest Jugoslavije (1918–1991–2003). – 2 dopunjeno izd. – Zagreb : PIP, 2003. – 439 str.

Matvejević P. Jugoslavenstvo danas. – Beograd : 1984 – 287 str.

Mazower M. Dark continent. Europe's twentieth century. – New York : Penguin, 1998. – 512 p.

Mazower M. The Balkans : a short history. – London : Phoenix Press, 2001. – 160 p.

Malcolm N. Bosnia : a short history. – London : Papermac, 1994. – 340 p.

Malcolm N. Kosovo : a short history. – London : Macmillan, 1998. – 491 p.

Neighbors at war. Anthropological perspectives on Yugoslav ethnicity, culture and history / ed. by J.M. Halpern, D.A. Kideckel. – University Park : Penn State University Press, 2000. – 391 p.

Pirjevec J. Jugoslavija : nastanek, razvoj ter razpad Karadjordjevićeve in Titove Jugoslavije. – Koper : Založba Lipa, 1995. – 461 str.

Pond E. Endgame in the Balkans : regime change, European style. – Washington (DC) : Brookings Institution Press, 2006. – 412 p.

Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji (1945–1991.) : od zajedništva do razlaza. – Zagreb : Školska knjiga : Hrvatski Institut za povijest, 2006. – 700 str.

Ramet S.P. Nationalism and federalism in Yugoslavia. 1962–1991. – 2 ed. – Bloomington : Indiana University press, 1992. – 346 p.

Repe B. Milan Kučan, prvi predsjednik Slovenije. – Sarajavo : UMHIS, 2019. – 438 str.

Reprezentacije socijalističke Jugoslavije : preispitivanja i perspective. – Sarajevo ; Zagreb : UMHIS : Srednja Evropa, 2019. – 209 str.

Schopflin G. Nations, identity, power : the new politics of Europe. – London : Hurst & Company, 2000. – 442 p.

Silber L., Little A. The death of Yugoslavia. – London ; New York : Penguin : BBC Books : Penguin USA, 1996. – 400 p.

Tanner M. Croatia : a nation forged in war. – 2 ed. – Yale : Yale University Press, 2001. – 384 p.

Thomas R. Serbia under Milošević. Politics in the 1990s. – London : Hurst & Company, 1999. – 443 p.

Thompson M. Forging war : the media in Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina. – Luton : University of Luton Press, 1999. – 388 p.

Vagapova N.M. Bitef : Pozorište, festival, život. – Beograd, 2010. – 720 str.

РАЗДЕЛ I. ЧТО ТАКОЕ РАСПАД СФРЮ

Глава 1. ВЗГЛЯД ПОЛИТОЛОГА: РАСПАД ЮГОСЛАВИИ И НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Распад СФРЮ не только привел к значительным изменениям на политической карте Юго-Восточной Европы, но и вызвал к жизни процессы на Западных Балканах, последствия которых ощущаются и поныне. Дезинтеграция этой крупной европейской страны способствовала возникновению и новых явлений в мировой политике. Анализу некоторых из них и посвящена данная статья.

Распад Югославии стал одним из ярчайших проявлений крушения Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и созданного ею биполярного миропорядка, в основе которого находилось соперничество двух сверхдержав – США и Советского Союза, возглавлявших две конкурировавшие друг с другом общественные системы – капиталистическую и социалистическую. После переломного для судеб значительной части человечества 1989 года, ознаменовавшегося официальным завершением холодной войны, отказом Советского Союза от присутствия во многих регионах мира и крахом социализма в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)², биполярность как основа миропорядка начала стремительно

¹ *Рябов Андрей Виленович* – канд. ист. наук, доцент, зав. отделом, ИМЭМО РАН; andreyr@imemo.ru.

² См., напр.: Белинский А.В., Никуличев Ю.В. «Американские горки» : эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2019. – № 4. – С. 135–157; Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 84–100; Калоева Е.Б. Власть и граждансское общество на Западных Балканах, их роль во внешней политике глазами

ослабевать. СССР вплоть до своего распада в 1991 г. все еще продолжал оставаться одним из центров силы в мире со своими интересами и видением международной ситуации, однако уже не играл и не хотел играть роль противника США. Общественно-политический и экономический порядок в оставшихся после краха социализма в двух социалистических странах Европы – СССР и СФРЮ – в этих условиях эволюционировал в направлении иных общественных моделей, основанных на рыночной экономике и политическом плюрализме.

При этом правила и политико-юридические нормы, на базе которых существовал биполярный миропорядок, продолжали действовать, ими по-прежнему в практической деятельности руководствовались правительства разных стран. Эти правила складывались постепенно на протяжении десятилетий и в конечном итоге были закреплены в важнейших международных документах только в 1960–1970-е годы. С формальной точки зрения, по крайней мере на первый взгляд, они выглядели противоречивыми. Так, с одной стороны, мировое сообщество признало неотъемлемое право народов на самоопределение, которое было закреплено в Уставе ООН (ст. 1, п. 2), принятом в 1945 г. В принятой 14 декабря 1960 г. Генеральной Ассамблее ООН «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» не только отмечалось, что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие», но и подчеркивалось, что «недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность... никогда не должны использоваться как предлог для задержки достижения независимости»¹. Но, с други-

балканских и зарубежных исследователей // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2022. – № 2. – С. 68–86; Калоева Е.Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан (Аналитический обзор) // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 2. – С. 235–265; Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 22–58; Яковина Т. Хорватская политика : Символика и бездействие // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 101–126.

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 года // сайт ООН. – 1960. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 23.01.2023).

гой стороны, в другом важнейшем международном документе – Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном главами государств и правительств 33 европейских стран, а также США и Канады, устанавливается принцип нерушимости границ, сложившихся по итогам Второй мировой войны. Государства-подписанты брали на себя обязательства уважать территориальную целостность друг друга, воздерживаться от любых направленных против нее действий, от применения силы или угрозы ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства¹. Для мирового порядка значимость правил, установленных Заключительным актом, определялась тем, что они относились к регулированию международных отношений в Европе, на континенте, где противостояние между двумя сверхдержавами и конкурирующими общественными системами приобрело наиболее острый и напряженный в военно-политическом плане характер.

Однако противоречие между приведенными выше подходами было только кажущимся. На самом деле они относились к регулированию совершенно разных процессов и в разных регионах мира. Право народов на самоопределение было адресовано народам стран, освободившихся и освобождавшихся от колониальной зависимости. И в этом плане позиции обеих сверхдержав, заинтересованных в ликвидации прежних колониальных империй европейских государств, были очень близки. Наглядным примером этого являлись позиции, занятые правительствами Советского Союза и США в отношении англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 г. Во многом благодаря совместным усилиям сверхдержав эта война была прекращена. Но в дальнейшем именно борьба за влияние в странах третьего мира стала главным геополитическим полем соперничества между СССР и США в годы холодной войны.

В Европе же, где риск возникновения новой мировой войны, способной уничтожить все человечество, был очень велик, сверхдержавы твердо придерживались иного принципа – сохранения *status quo*, возникшего по итогам Второй мировой войны. Так, США и их союзники по НАТО не оказали никакой помощи антикоммунистическим силам в Венгрии и Чехословакии соответственно в ходе

¹ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный Акт // ОБСЕ [сайт]. – Хельсинки, 1975. – С. 4–5. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 23.01.2023).

венгерского антисталинистского восстания 1956 г. и Пражской весны 1968 г. В свою очередь Советский Союз в 1974–1975 гг. не оказал помочь группировке прокоммунистически настроенных португальских военных, овладевшей в тот период основными рычагами власти в стране и намеревавшейся осуществить социалистическую революцию, вывести Португалию из НАТО и присоединиться к Организации Варшавского договора.

Таким образом, двойственность подходов, предполагавшая право самоопределения для народов третьего мира и нерушимость границ и территориальную целостность в отношениях между первым и вторым миром, была имманентно присуща Ялтинско-Потсдамской системе и возникшему на ее основе bipolarному миру-порядку.

Распад Югославии, воспринимавшийся на Западе и в Советском Союзе, а затем и в России, именно в этой системе координат, поставил мировое сообщество перед совершенно новыми задачами и оказал огромное влияние на мировую политику последующих десятилетий.

Югославия занимала особое место в Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений. Страна не входила ни в Совет экономической взаимопомощи, ни в Варшавский договор, проводила независимую от СССР внутреннюю и внешнюю политику и потому рассматривалась Соединенными Штатами как противовес влиянию Советского Союза. В то же время, несмотря на тесные экономические связи с Западом, СФРЮ не отказывалась от социалистического строя и монопольной власти коммунистической партии. В СССР в рамках господствовавших тогда идеологических взглядов СФРЮ наряду с КНР, КНДР и Албанией считали частью мировой социалистической системы, но не включали в состав мирового социалистического содружества, куда входили только находившиеся в орбите советского влияния страны СЭВ, Варшавского договора, а также Куба и Вьетнам. Югославия являлась одной из стран-основательниц Движения неприсоединения, объединявшего в основном развивающиеся и освободившиеся от колониальной зависимости страны, которое также являлось полем борьбы между сверхдержавами за мировое доминирование.

Однако, несмотря на все эти особенности, процесс ее распада отразил противоречия и проблемы новой эпохи. Югославия как европейское государство являлась членом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), с деятельностью которого непосредственно связано принятие Заключительного акта.

Поэтому ей должно было быть гарантировано сохранение территориальной целостности.

Но в то же время в 1991–1992 гг. страна быстро фрагментировалась под влиянием стремления составлявших ее республик стать независимыми государствами. Трудно было найти решение возникшей проблемы в рамках сложившихся правил и норм. Это признавали в правительственные кругах ведущих стран мира, в том числе и Советского Союза. В декабре 1990 г. Г.Х. Шахназаров, один из ближайших соратников президента СССР М.С. Горбачева, в специальной записке «К вопросу о Югославии» на имя руководителя Советского Союза писал: «В откликах и комментариях [имеется в виду обсуждение югославской темы в СБСЕ. – Прим. А. Р.] просматривается общий вывод: в Югославии проявилось одно из глубоких противоречий современной эпохи – между государственным суверенитетом и правом народов на самоопределение. Оба принципа нашли всеобщее признание и закреплены в международном праве... Перед нами сейчас традиционная для международных отношений политическая задача: как совместить два справедливых интереса, не допустив при этом ущерба окружающим. Задача высшей политической сложности, и если ее не удастся решить, последствия могут быть катастрофическими¹. Определенную растерянность в отношении того, как относиться к начавшемуся распаду Югославии, испытывали и США, которые сначала поддерживали сохранение территориальной целостности СФРЮ и лишь в апреле 1992 г. признали независимость новых государств – Словении, Боснии и Герцеговины и Хорватии.

Совместить «справедливые» интересы не удалось. Мировое сообщество пошло по пути признания новой реальности, зафиксированной распадом СФРЮ в 1991–1992 гг. и создание на месте бывших социалистических республик, входивших в нее, нескольких независимых национальных государств, а также новой федерации в составе Сербии и Черногории (Союзной Республики Югославии), которая в 2003 г. трансформировалась в конфедеративное государство Государственный союз Сербии и Черногории, которое, в свою очередь, в 2006 г. прекратило свое существование, распавшись на два суверенных независимых государства. Такая позиция в целом соответствовала содержащемуся в международном праве принципу

¹ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. – Москва : Россика : Зевс, 1993. – С. 505.

uti possidetis, согласно которому новые государства, получившие независимость, имеют ту же территорию и с теми же границами, которые имели прежде, будучи административно-политическими единицами в составе других государств или колониальных владений. Отчасти политика признания новых независимых государств основывалась и на отсылке к Вводному разделу, Принципу 1 конституции СФРЮ 1974 г., в которой в самом общем плане провозглашалось право народов на выход из федерации¹. Однако когда процессы дезинтеграции, во многом из-за политики тогдашнего руководства Сербии, затронули территорию недавно провозглашенных независимых государств (Боснии и Герцеговины, Хорватии, Автономного края Косово в составе Сербии), вопрос о том, как к этому относиться, с новой силой встал перед мировым сообществом. Но к тому времени Советский Союз перестал существовать, и bipolarный миропорядок ушел в историю. Поэтому вопрос решался уже на совершенно иных основаниях. США и Евросоюз построили политику, исходя из признания Сербии главной виновницей нового витка войн на территории бывшей СФРЮ. Следуя этой логике, они поддержали территориальную целостность Хорватии и Боснии и Герцеговины, однако заняли совершенно иную позицию в отношении Косово, поддержав его независимость после военной операции НАТО против СРЮ в марте 1999 г. и ухода сербских сил безопасности с этой территории. Россия же заняла более взвешенную позицию, стремясь добиться компромисса по проблеме Косово и оказывая моральную поддержку сербскому меньшинству в Хорватии и боснийским сербам, создавшим Республику Сербскую. Однако постсоветская Россия уже не являлась полюсом в мировой системе и не имела военных, политических и экономических ресурсов для проведения активной политики на территории бывшей Югославии. В результате в мировую политику в ситуациях, когда принцип территориальной целостности входил в противоречие с правом на самоопределение, был внедрен новый подход, в соответствии с которым это противоречие разрешалось так, как это считали целесообразным международные акторы – энфорсеры (*enforcers*), обладавшие возможностью навязать в регионе свой порядок и заставить расположенные там

¹ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия (1974 г.) : пер. с сербохорв. // Sovetika.ru. — 1974. — URL: <https://www.sovetika.ru/sfrj/konst.htm> (дата обращения: 23.01.2023).

государства соблюдать его¹. В истории с Косово роль такого энфорсера сыграли США и их союзники по НАТО. Ссылки правительства западных стран на то, что сепаратия Косово (Косовы) является уникальным случаем (*unique case*), не смогли в дальнейшем локализовать применение этого подхода в мировой политике. Так, Россия в 2008 г. после так называемой «пятидневной войны» с Грузией признала независимость бывших грузинских автономий, к тому моменту уже давно вышедших из-под контроля правительства в Тбилиси – Абхазии и Южной Осетии, хотя их кейсы типологически сильно отличались от случая Косово. Тем не менее это решение в значительной мере обосновывалось отсылкой к признанию многими государствами, и в первую очередь США и их союзниками, независимости бывшего Автономного края Сербии. Изменение *status quo* в данном случае стало возможным потому, что в тот период Россия играла роль энфорсера, который изменил существующие границы, исходя из собственных интересов и представлений о справедливом порядке.

А вот Нагорно-Карабахская республика (НКР), возникшая на территории бывшей азербайджанской автономии в ходе кровавого межэтнического конфликта 1992–1994 гг., так и не получила даже частичного международного признания, хотя типологически кейс Карабаха был очень близок к ситуации с Косово. На территории автономии преобладало армянское население (как в Косово (Косове) – албанское), и оно подвергалось дискриминации со стороны правительства Азербайджана, как албанцы – со стороны властей Сербии. Так случилось потому, что потенциальные энфорсеры – Россия, США и Европейский союз – в силу разных причин были заинтересованы в сохранении партнерских отношений с Азербайджаном, которые, несомненно, оказались бы под угрозой разрыва в случае признания независимости НКР. Россия рассматривала Азербайджан в качестве важного торгово-экономического партнера, США и ЕС – в качестве поставщика и одновременно страны – транзитера углеводородных ресурсов из Центральной Азии в Европу, а также противовеса растущему влиянию Ирана в Каспийском регионе и на Южном Кавказе.

Распад Югославии продемонстрировал, что строительство национальных государств, стержнем которых являются «политические нации», за пределами традиционного западного мира либо сталкивается с колossalными трудностями, либо и вовсе не

¹ Бляхер Л.Е. Издерожки глобального лидерства и «соседская» международная политика // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 23–24.

представляется возможным без сильного внешнего давления. Эти явления были обусловлены не только конкретно-исторической спецификой Югославии (схожие процессы происходили и на пространстве бывшего СССР), но имели под собой причины более широкого, общемирового характера. «Дело заключается в том, что национальное государство, которое многие страны пытались построить или имитировать его строительство, в большинстве незападных обществ не является эффективным прежде всего из-за несформированности нации, а также из-за другой по сравнению с Западом культуры, истории, системы базовых ценностей, ментальности»¹. Разница между Югославией и СССР состояла в том, что в первом случае все республики преследовали одну цель – создание национальной государственности, а во втором – крупнейшая страна, Россия, в силу ряда обстоятельств (многонационального характера, тесной связи русской национальной идентичности с имперской государственностью) оказалась вне этих процессов, скорее напоминая бывшую метрополию. В этом смысле можно говорить о том, что рассматриваемые процессы осуществлялись в более «чистом», «модельном» виде.

И в Югославии, и в Советском Союзе процессы их распада и создания новых независимых государств хронологически совпали с переходом к рыночной модели развития. В условиях, когда прежние социальные, политические институты, экономические отношения и официальная идеология прекратили действовать, этничность оставалась единственным фактором, консолидирующим общество и обеспечивающим легитимность новых властей. Главным же фактором, препятствовавшим формированию политических наций, являлось отсутствие зрелых гражданских обществ: «Поскольку ни в СФРЮ, ни в отдельных республиках... не сложилось развитое полиэтническое гражданское общество, передел собственности происходит по этническому признаку, когда этническая общность, а не личность является субъектом государственного, имущественного и прочих видов права. Здесь утверждалась модель не полиэтнического государства-нации, как в Западной Европе, а моноэтнического

¹ Пантин В.И. Государство и государственность в первой половине XXI века : переформатирование в контексте глобальных сдвигов. Гл. 4 // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семенченко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. – Москва : Весь мир, 2020. – С. 91.

государства-национальности»¹. Также следует отметить и такую особенность югославского кайса (также проявившуюся и при распаде Советского Союза), как большой исторический опыт насилия в истории этой страны и ее народов. В связи с тем, что в большинстве республик бывшей Югославии существовала этническая «чертеспло-люсица», ключевым фактором в создании национальных государств стала этническая собственность на землю, территорию, историческое и юридическое обоснование этой собственности. И одновременно такое понимание реалий на уровне массового сознания стало решающим фактором перерастания межэтнических конфликтов в длительное вооруженное противостояние.

Если рассматривать создание национальных государств на территории Югославии в контексте начавшегося в конце 80-х годов прошлого века перехода бывших стран мирового социализма к демократии, то и здесь «югославский опыт» обозначил новую характерную тенденцию. Страны, в которых этнополитика стала играть решающую роль в создании национальной государственности, в большей степени были склонны к авторитаризму (Сербия при С. Милошевиче, Хорватия при Ф. Туджмане, Македония при Н. Груевском). Напротив, там, где влияние этнополитики было меньшим, а гражданское общество более развитым (Словения), процесс перехода к демократии носил более последовательный и поступательный характер. Этнополитический фактор, понимаемый, прежде всего, как собственность конкретного этноса на территорию, представляется, таким образом, явлением, способным корректировать траекторию транзита бывших социалистических стран в сторону обществ, построенных на свободном рынке и плюралистической демократии.

Распад Югославии, как и других социалистических федераций – Советского Союза и Чехословакии, – вызвал новую волну споров о жизнеспособности государств такого типа². При этом большинство исследователей, даже разделявших идею о перспективности и потенциале развития этнофедераций, тем не менее полагали, что социалистические федерации были обречены, прежде всего из-за отсутствия развитых гражданских обществ и слишком высокой централизации управления, вызывавшей у правящих элит

¹ Романенко С.А. Распад Югославии : «заговор» или историческая неизбежность? // Полития. – 1998. – № 2 (8). – С. 160.

² Об этом см.: Фарукшин М.Х. Этнофедерализм : российский и зарубежный дискурс // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 40–51.

и населения входивших в федерации республик стойкое стремление освободиться от власти федерального центра. Разница в процессах их распада состояла лишь в том, что в Чехословакии, где были сильны демократические традиции и отсутствовала «чересполосица» при расселении народов, распад состоялся мирным путем. В Советском Союзе и, особенно, в Югославии, где этих факторов не было, затяжные военные конфликты стали неотъемлемой чертой жизни новых независимых государств на протяжении всей последней декады XX столетия. Лишь немногие исследователи придерживаются мнения, что СФРЮ являлась вполне эффективным федеративным проектом, который погубило неправильное административное деление, границы, проведенные таким образом, что «различные республики федерации не совпали с этническими территориями»¹. Такой взгляд представляется большим упрощением, не учитывающим значение других рассмотренных выше факторов, предопределивших распад Югославии и других социалистических федераций.

В целом же вопрос о жизнеспособности этнофедераций остается открытым и в нынешнее время. С одной стороны, существуют тенденции к федерализации стран с компактно проживающими на определенных территориях национальными меньшинствами (Испания). А с другой – в рамках федеративных государств и государств с сильными элементами федерализма продолжаются попытки сепарации отдельных территорий с целью создания национальных государств (Каталония в Испании, Квебек в Канаде, Шотландия в Соединенном Королевстве), процессы трансформации этнофедераций в более рыхлые образования конфедеративного типа (Бельгия). Однако отличительная особенность этих процессов, затрагивающих развитые страны Запада, состоит в том, что они происходят исключительно в рамках правовых и конституционных процедур с использованием референдумов. И в этом в какой-то мере можно увидеть реакцию, отрицание, по крайней мере частью мирового сообщества, негативного югославского опыта национального самоопределения на основе этнополитики.

¹ Калхун К. Национализм / пер. с англ. А. Смирнова. – Москва : ИД «Территория будущего», 2006. – С. 131.

Литература

Белинский А.В., Никуличев Ю.В. «Американские горки»: эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2019. – № 4. – С. 135–157. DOI: 10.31249/ape/2019.04.08

Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 84–100. DOI: 10.31249/ape/2021.02.04

Бляхер Л.Е Издержки глобального лидерства и «соседская» международная политика // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 21–34. – URL: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34>

Калоева Е.Б. Власть и гражданское общество на Западных Балканах, их роль во внешней политике глазами балканских и зарубежных исследователей // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2022. – № 2. – С. 68–86. DOI: 10.31249/ape/2022.02.04

Калоева Е.Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан (Аналитический обзор) // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2019. – № 2. – С. 235–265. DOI: 10.31249/ape/2019.03.11

Калхун К. Национализм / пер. с англ. А. Смирнова. – Москва : ИД «Территория будущего», 2006. – 288 с.

Пантин В.И. Государство и государственность в первой половине XXI века : переформатирование в контексте глобальных сдвигов. Гл. 4 // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. – Москва : Весь мир, 2020. – С. 85–107.

Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 22–58. DOI: 10.31249/ape/2021.02.02

Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). – Москва : НЛО, 2011. – 1024 с.

Романенко С.А. Распад Югославии : «заговор» или историческая неизбежность? // Полития. – 1998. – № 2 (8). – С. 159–178.

Фарукишин М.Х. Этнофедерализм : российский и зарубежный дискурс // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 40–51. DOI: 10.20542/0131-2227-2012-10-40-51

Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. – Москва : Россика : Зевс, 1993. – 623 с.

Яковина Т. Хорватская политика: Символика и бездействие // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 101–126.

Глава 2. ВЗГЛЯД ЭТНОЛОГА: ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПРОЦЕССЕ РАСПАДА СФРЮ¹

Характер межэтнических отношений в переходный период

Балканский регион в 90-е годы XX в. стал ареной жесткой радикализации этнонациональных проектов, заставивших весь мир по-новому взглянуть на проблемы национализма, сепаратизма, экстремизма, терроризма, обеспечения прав меньшинств. Этнический фактор в постсоциалистический период приобрел на Балканах исключительно важное значение. Он стал питательной средой для укрепления здесь националистических сил; именно этнический принцип стал фундаментом организации политической и общественной жизни. Роль этнической идентичности, как правило, возрастает в эпоху перемен и общественных кризисов, при возникновении угрозы нарушения установленных границ. Поэтому и на Балканах в последние десятилетия XX в. этническое самоопределение становится наиболее релевантным, этническая идентичность утрачивает прежнюю амбивалентность и приобретает четкие границы.

Сразу же оговоримся, что значительная часть проблем переходного времени имеет отнюдь не этнический характер, в их основе скорее лежат политические, социальные, экономические факторы. Многие аналитики, на мой взгляд, ошибочно объясняют войны, протекавшие в последнее десятилетие XX в. на постъюгославском пространстве, древней и непримиримой неприязнью между отдельными этническими группами. Но именно проблемы межреспубликанских и межэтнических отношений, осложнившиеся на базе экономических трудностей и подогревавшиеся определенными кругами в своих политических целях, стали своего рода катализатором тех процессов, которые привели к распаду федеративной Югославии, смене экономического и политического строя².

¹ *Мартынова Марина Юрьевна* – д-р. ист. наук, проф., главный научный сотрудник, руководитель Центра европейских исследований ИЭА РАН, в 2015–2019 гг. – директор ИЭА РАН; martynova@iea.ras.ru.

² См., напр.: *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. – Москва : Старый сад, 1998. – 466 с.

В бурных событиях, сопровождавших распад СФРЮ, этнический фактор играл определяющую роль. Не сошел он со сцены и после прекращения военных действий в регионе, в условиях модернизационных изменений общества. Трансформация государственной системы, пересмотр политических границ, межэтнические конфликты явились катализатором целого ряда процессов этнического характера. Они имели конкретное проявление в различных социальных сферах (в области государственности, религии, языка и др.). Следует обратить внимание на такие проблемы, как роль этнической составляющей в конфликтах, изменение этнической структуры региона, миграции населения, возникновение новых меньшинств и на другие вопросы, имеющие этническую окраску.

Обстановка, сложившаяся в Югославии в 1990 г., характеризовалась многими признаками бессилия и парализованности федерального руководства, потерявшего контроль над ситуацией в стране, победой на первых многопартийных выборах в ряде республик партий и движений, находившихся в оппозиции к коммунистам. В этих условиях, а также вследствие непримиримости позиций участников межреспубликанского диалога о путях преодоления политического, экономического и конституционного кризиса, Хорватия и Словения, наиболее экономически развитые республики СФРЮ, взяли курс на максимальную самостоятельность, поскольку считали, что не могут более развиваться в рамках модели государственного социализма. По этому же пути вслед за ними пошли Босния и Герцеговина и Македония, пересмотревшие свои позиции (на более раннем этапе они считали, что Югославию надо перестроить в современную федерацию). Югославия в ее послевоенной форме (т.е. вторая, федеративная, Югославия) перестала существовать.

Акцент необходимо сделать также на том, что аналогичное положение сложилось и на уровне взаимоотношений республики Сербии и входивших в ее состав автономных краев. Особенно острый, нередко даже драматичный характер эти противоречия приобрели между Сербией и на то время ее автономным краем Косово. В последнее десятилетие существования СФРЮ конфликты имели открытую форму и являлись одним из факторов резкого обострения межэтнической обстановки в стране в целом.

Основой существования как советской, так и югославской федераций было наличие единой на всей территории партийно-административной системы контроля над общественной жизнью. Поэтому не удивительно, что с ее крушением, появлением плюрализма во взглядах и действиях, ослаблением центральной власти и введени-

ем демократических процедур данная основа была подорвана, в той или иной форме стала распространяться идея суверенизации. Вместе с тем национализм этнического характера в переходный период стал восприниматься в качестве наиболее реальной альтернативы коммунизму. Многие организации политического спектра строились по этническому принципу (несмотря на то, что Закон об объединениях граждан от 21 февраля 1990 г.¹ запрещал создание партий на этнической основе) и стояли на позициях этнического национализма. Партии, смешанные по этническому составу и выступавшие за межнациональное взаимодействие, чаще всего были приверженцами коммунистической идеологии и в этот период перестали пользоваться популярностью у населения, стремившегося к переменам.

Кардинальная перестройка политических, экономических и социальных отношений привела к мобилизации именно на этнической почве в силу господства этнонационального принципа государственного строительства. Учитывая то, что югославское государство имело федеративное устройство, основанное, подобно устройству СССР, на этническом принципе, дезинтеграционные процессы и неизбежный кризис переходного периода тесно переплелись с осложнениями межэтнических отношений. Этничность стала определяющим фактором раскола общества, межгрупповые противоречия окрасились в этнические тона, поскольку именно этничность в СФРЮ была положена в основу классификации населения и его групповых прав. Когда группы стали отстаивать свои интересы и права на территории, этническая принадлежность стала гипертрофированно значимой.

Глубочайшим противоречием переходного периода оказалось сочетание двух принципов: нерушимости границ, основополагающего базиса европейской безопасности, и доктрины о «праве наций на самоопределение», сформулированной Томасом Вильсоном и имевшей большой вес со времени окончания Первой мировой войны. Опасная ловушка заключалась в конституционно закрепленном праве наций на самоопределение вплоть до полного отделения. В прошлые годы любой намек на использование этого конституционного права рассматривался как антикоммунистическая деятельность; с ослаблением партийно-административного контроля

¹ Zakon o udruživanju građana u udruženja, društvene organizacije i političke organizacije koji se osnivaju na teritoriju Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije // Službeni list SFRJ. – Beograd, 1990. – Broj 42/90.

создалась возможность для использования этого конституционного права. Но трагедия заключалась в том, что не были разработаны механизмы его реализации.

Под нациями в югославском варианте, так же как и в случае СССР, понимались этнические общности, а не граждане одного государства (в данном случае жители республики). Таким образом, одним из факторов дезинтеграционных процессов явилось стремление отдельных этносов (а не всех жителей республик или автономных краев) реализовать право на самоопределение и создать свое «национальное» государство. Вновь возникшие государства концепцию своего устройства в большей или меньшей степени строили также на этническом принципе, хотя при этом и признавали политичную структуру общества, конституционно определяя свое государство в качестве гражданского.

Реализация права на самоопределение, подстегиваемая стремлением к созданию моноэтнических государств, тенденцией к размежеванию по этническому принципу, спровоцировали в целом ряде случаев территориальные претензии, проблемы национальных меньшинств и другие сложности. В ряде случаев было сложно найти нужный баланс между этническими территориями и политическими границами. В условиях политического и экономического кризиса межэтническая дистанция увеличивалась, число межэтнических конфликтов возрастало, в борьбе за обретение суверенитета во взаимоотношениях отдельных народов усиливалась напряженность. Этнический национализм стал если не господствующей, то наиболее мощной силой в пост тоталитарном обществе. Противоборствующие политические верхушки, независимо от своей партийной окраски, превратили национальный вопрос в козырь в своей борьбе за власть, не считаясь с его взрывоопасным характером. И в результате события вышли из-под контроля, привели к братоубийственным войнам и конфликтам, нередко затяжного и острого характера, гражданским войнам.

Массовая политическая мобилизация по этническим и религиозным направлениям, драматическое углубление существующих социальных различий, обострение политических конфликтов, игнорирование существовавших правил политической игры с параллельной попыткой выработать новые правила, неготовность к политической толерантности и т.п. – все эти явления имели место во всех республиках бывшей Югославии. В частности, с самого начала войны в этой части Европы были политическими, а не религиозными, несмотря на то что в них были вовлечены как минимум три

народа и три крупнейшие мировые религии. Война началась из-за конкретных и несовместимых между собой программ выхода из кризиса и политической реорганизации целого региона.

Войны на территории бывшей Югославии, имевшие характер межэтнических конфликтов, были спровоцированы политической стратегией, доминировавшей в Югославии с конца 1980-х годов, и являлись следствием того политического идеала, к которому стремилось югославское общество. Этот идеал базировался на известных политических формулах: «Одна нация – одно государство. Только одна страна для каждой нации» и «Каждая нация – одна страна и целая (вся) нация в одной стране».

Эта политическая стратегия являлась программой политической реконструкции югославской федерации. Она была инспирирована философией так называемой «ошибочности полиэтничного государства», которая ведет к утверждению, что мультикультурализм несостоителен. Согласно этой стратегии, выход из югославского кризиса искали путем политической реконструкции, основываясь на идее раздела страны на несколько национальных государств. Моноэтничное государство стало идеальной целью. Все это вело к абсолютизации проблемы национального суверенитета, а также параллельно поднимало вопрос территорий и границ. Этническая окраска националистической политической стратегии вела к этничификации, абсолютизации национального суверенитета, стремлению к гомогенности национальных государств, этнической чистоте и отрицанию культурного и этнического смешения.

Эти установки не были результатом патологической нетерпимости к лицам другой национальности, религии и культуры, а стали следствием роста национализма, попытки создать гомогенные и монокультурные национальные государства. Национализм на Балканах был политическим, связанным с борьбой за власть. Одной из его основных целей являлась борьба за территории, право на землю. Как только новые государства были признаны мировым сообществом, встал вопрос о том, кто же имеет право жить на этой земле. Этнический и религиозный фундамент процесса самоопределения стал политической реальностью. Раскол шел по этническому принципу. Но изгнание людей с земель, исходя из их этнической принадлежности, не имело в своей основе этническую несовместимость, решающим фактором было, подчеркиваю еще раз, право на территорию.

Распад страны, с одной стороны, и действия националистически настроенных политиков, с другой, вылились в стремление

определить национальный суверенитет над землями. Этнизация политики повернула социальные конфликты в русло специфических конфликтов коллективной идентичности. Развязывание войны усилило напряженность этнического конфликта. Процесс создания новых государств протекал болезненно и сложно, правовые и конституционные нормы решения подобных вопросов отсутствовали, на повестке дня встали всевозможные территориальные претензии, носившие характер межэтнических противоречий. Югославский кризис развивался с севера на юг, причем с нарастающей интенсивностью и вовлечением в него все большего числа участников, в том числе и внешних сил.

Моноэтничность и минимум проблем: словенский вариант обретения независимости

События в Словении, «десятидневная война» 1991 г., в свое время вызвали большую тревогу в Европе, но лишь потому, что эти события оказались «первым звонком». Жизнь показала, что данный конфликт было не так уж трудно урегулировать. На это повлиял и достаточно гомогенный этнический состав населения республики. Словенцы в 1991 г. составляли 87,84% ее жителей¹. Данный факт делал малозначительным этнический вопрос, остроты которого удалось избежать еще и потому, что сразу после провозглашения независимости Словенским парламентом был принят Закон о гражданстве (словен. *Zakon o državljanstvu Republike Slovenije*)², согласно которому несловенцы имели право на гражданство на основании разрешения постоянного проживания. Более 200 из них тогда воспользовались правом жить в Словении, имея двойное гражданство. Правда, в конце 1993 г. в закон были внесены поправки, согласно которым для получения гражданства требовалось прожить не менее десяти лет в стране, причем на постоянной основе³. Было отменено

¹ Statistični urad Republike Slovenije. – URL: <https://stat.si/statweb> (date of access: 06.12.2022).

² Zakon o državljanstvu Republike Slovenije (Uradni list RS, št. 24/07 – uradno prečiščenobesedilo in 40/17). – URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=ZAKO13> (date of access: 06.12.2022).

³ Zakon o spremembah in dopolnitvah zakona o državljanstvu Republike Slovenije (Uradni list RS, št. 13/94 z dne 10. 03. 1994). – URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=ZAKO923> (date of access: 06.12.2022).

и двойное гражданство. В 1990-е годы многие выходцы из других постюгославских республик были лишены словенского гражданства и лишины права проживания в этой стране, хотя позже был принят закон, восстанавливающий право на гражданство.

В целом Словения наиболее толерантно из всех бывших югославских республик подошла к решению этнических проблем. В этой стране в достаточно короткий срок была разработана одна из наиболее обстоятельных в Европе систем защиты прав национальных меньшинств. Общие положения о правах меньшинств были зафиксированы в специальных разделах конституции (словен. *Ustava Republike Slovenije*, 1991, ст. 64), а также в Законе об этнических группах¹. Они гарантировали «особые права» этой части населения, закон, кроме того, определил статус и полномочия органов, представляющих их интересы. При этом словенское законодательство и статистика подразделили несловенское население на две группы. К первой были отнесены так называемые «автохтонные группы» – венгры и итальянцы, с некоторой оговоркой цыгане (ст. 65), ко второй – «эмигранты», главным образом выходцы из бывших югославских республик. Политика государства по отношению к этим двум категориям граждан несколько отличается. Последние не были наделены коллективными правами². Такой подход создал определенный социальный дисбаланс в стране.

Несмотря на меры по урегулированию положения различных этнических групп, принимаемые словенским руководством, Словении не удалось полностью избежать напряжения в области межэтнических отношений. Словенский политический спектр включал в себя и партии националистического толка. Словенская национальная партия на выборах 1992 г. в Национальную ассамблею получила 12 мест из 18 возможных. Наплыв беженцев из Боснии и Герцеговины, создававший дополнительные экономические и социальные сложности, вызвал распространение настроений типа «Словения для словенцев». Смягченным вариантом этнической чистки стало выселение в принудительном порядке из своих квартир бывших офицеров югославской армии, несловенцев по национальности. Причина недовольства сербами была связана с различием позиций

¹ Ustava Republike Slovenije (Uradni list RS, št. 33/91-I z dne 28. 12. 1991); Ustavni zakon o dopolnitvi II. poglavja Ustave Republike Slovenije – UZ62a (Uradni list RS, št. 92/21 z dne 8. 6. 2021); Конституция Словении // Конституции государств Европы : в 3-х томах. – Москва : Норма, 2001. – Т. 3. – С. 159–208.

² Ethnic Minorities in Slovenia. – Ljubljana, 1994. – P. 33, 37.

постъюгославских государств в Балканском кризисе. Словенско-хорватские отношения оказались испорчены из-за пограничных споров.

Этноцентризм. Хорватия и ее сербы

Гражданская война при отделении Хорватии была связана со сложностью урегулирования положения сербского населения, составлявшего здесь в 1991 г. 12,2%¹. Болезненным для сербов оказался тот факт, что Хорватия утверждалась «как национальное государство хорватского народа и государство представителей иных народов и меньшинств, являющихся его гражданами: сербов, мусульман, словенцев, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев и других»². Таким образом, согласно новой конституции сербы получили статус национального меньшинства, из конституции Хорватии было изъято положение о сербском языке как языке сербов Хорватии. Сербы не хотели смириться с потерей статуса «государствообразующей нации», который они имели в СФРЮ. Хорваты стремились любой ценой утвердить этот статус для себя, сохранить целостность территории и осуществить свою вековую мечту обретения государственности. В Хорватии столкнулись интересы хорватского и сербского национальных движений.

Реакцией на изменение положения сербов в Хорватии явилось провозглашение в г. Книн – центре 10 общин с преобладающим сербским населением – Сербской автономной области сначала в составе Хорватии, а в марте 1991 г., с обретением реальных очертаний выхода Хорватии из СФРЮ, – уже вне ее. 25 июля 1990 г., в день принятия Сабором Хорватии поправок к конституции, была принята Декларация о суверенитете сербов в Хорватии, а органом власти в сербских общинах объявлялось Сербское национальное вече. Желание сербского населения Хорватии объединиться с Сербией показали результаты референдума, проведенного в областях, населенных сербами, 16 августа 1990 г. Волеизъявление населения

¹ Census 1991 / Republički zavod za statistiku Hrvatske. – Zagreb, 1992. – URL: <https://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1991/pdf/G19914018.pdf> (date of access: 04.01.2023).

² Ustav Republike Hrvatske. – 4 izd. – Zagreb, 1992. – S. 8; Конституция Республики Хорватии // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. – Москва : МОНФ, 1997. – С. 421–456.

хорватские сербы посчитали достаточно веской причиной для того, чтобы провозгласить собственную государственность. По результатам плебисцита 21 декабря 1990 г. в Кинне Сербское национальное вече областей Славония, Баранья и Западный Срем провозгласило создание Республики Сербская Крайина в составе Хорватии и в рамках федеративной Югославии.

В конце 1991 г. по окончании боевых действий было принято решение о специальном статусе Сербской Крайины, и вплоть до августа 1995 г. в этом регионе с помощью «голубых касок» поддерживался хрупкий мир. Летом 1995 г. после молниеносного наступления хорватской армии и проведения двух операций – «Блеск» в Славонии и «Буря» в области Книна – самопровозглашенные сербские образования были ликвидированы и территориальная целостность Хорватии восстановлена.

Для нашего исследования важно констатировать тот факт, что война повлияла на изменение этнической структуры на территории Хорватии. Существенным последствием вооруженного конфликта стало превращение Хорватии практически вmonoэтническое государство. В 2001 г. хорваты составляли 89,6% населения страны, а сербы – 4,5%, на другие этнические группы приходилось 5,9% в целом¹. Миграции населения начались с первых дней войны. Весной и летом 1991 г. хорваты стали покидать области Восточная Славония, Баранья и Западный Срем, а также территорию Крайины. Сербы из западной Славонии бежали зимой того же года. Таким образом, к концу 1995 г. сербы практически поголовно покинули бывшую Крайину, где они на протяжении столетий составляли большинство населения. Но в результате миграций беженцев они стали абсолютным большинством в Восточной Славонии, Баранье и Западном Среме, где раньше составляли лишь одну треть населения. Хорваты, выехав из Крайины, Центральной Боснии и Боснийской Посавины, населили районы, покинутые сербами. В свою очередь сербы из юго-западной Боснийской Крайины переехали в области, очищенные от хорватов².

В результате войны в зоне конфликта практически не осталось районов со смешанным населением. Более того, попытки

¹ The World Factbook. – URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/croatia/#people-and-society> (date of access: 06.12.2022).

² Svart F. Victims of war and peace // War Report. – 1998. – N 57 : Dec. 1997–Jan. 1998. – P. 34–35.

перемешать его встречали крайне негативную реакцию. И сербы, и хорваты утверждали, что не могут жить вместе, так как взаимная вражда быстро не забудется. Это свидетельствует об изменении этнодемографической ситуации в Хорватии, поскольку в период с 1945 по 1992 г. лишь 26,7% всех сербов Хорватии проживали в населенных пунктах с преобладающим сербским населением. В те времена смешанные хорватско-сербские поселения и значительное число межэтнических браков были типичным явлением в Хорватии, как и на всей территории СФРЮ¹.

Уничтожив официально сербскую автономию, с конца 1990-х годов правительство Хорватии видело свою дальнейшую задачу в восстановлении прежнего этнического состава конфликтного региона. Оно настаивало на том, чтобы в Восточной Славонии, Баранье и Западном Среме (откуда в 1991 г. бежало много хорватов) демографическая ситуация стала аналогична довоенной. Это во многом зависело от того, вернутся ли сюда хорватские беженцы, около 77 тыс. которых покинули этот регион в период военных столкновений². Согласно переписи 1991 г., в зоне конфликта проживали 193 тыс. чел., из которых 85 тыс. были хорваты, 70 тыс. – сербы и 38 тыс. – представители других национальностей, главным образом венгры и те, кто называл себя югославами. Согласно хорватской статистике, во второй половине 90-х годов XX в. здесь проживали 100–120 тыс. чел. Это были преимущественно сербы, как из числа прежних жителей, так и прибывшие из других областей Хорватии³.

Что касается реинтеграции сербского населения, то надо отметить, что она, хоть и медленно, но происходила. По данным УВКБ ООН, к 2005 г. в Хорватию вернулись 80 902 серба из Сербии и 11 364 – из Боснии и Герцеговины⁴.

¹ Multicultural reality and perspectives in Croatia / V. Katunarić (ed.). – Zagreb : Intercultura, 1997. – P. 82.

² Vukic I. Bricks and Mostar // War Report. – 1995. – July-august, № 35. – P. 11–12.

³ Ibid.

⁴ Croatia – Events of 2008 // World Report 2009 / Human Rights Watch. – 2009. – URL: <https://www.hrw.org/world-report/2009/country-chapters/europe/central-asia-croatia> (date of access: 04.01.2023).

Под лозунгом национализма к мультикультурализму: Босния и Герцеговина на тернистом пути кобретению государственности

Во второй половине 1991 – первой половине 1992 г. эпицентр югославского кризиса переместился в Боснию и Герцеговину, занимающую пятую часть территории бывшей Югославии. В силу целого комплекса причин, прежде всего весьма пестрого этнического состава населения (согласно переписи 1991 г. мусульмане (босняки) составили в Боснии и Герцеговине 43,7% жителей, сербы – 31,3%, хорваты – 17,3%, югославы – 5,5%, остальные – 2,2%)¹, смешанного его проживания (по состоянию на начало 1991 г. мусульмане имели абсолютное или относительное большинство среди населения 48,6% общин Боснии и Герцеговины, сербы – 33%, хорваты – 17,4% общин)² и тяготения сербского и хорватского населения к «своим» республикам, этот кризис приобрел здесь наиболее драматичный характер и вылился в затяжную, кровопролитную межэтническую гражданскую войну. В ней были замешаны и соседние республики бывшей Югославии. Более того, в этот кризис втянулись внешние силы: ряд стран и международных организаций – ООН, ЕС, НАТО.

Пытаясь определить характер социально-политической, идеологической и социально-культурной матрицы событий в Боснии и Герцеговине, хотелось бы отметить, что они вызваны не случаем стечением обстоятельств, рядом отдельных событий, а подчинены доминирующей логике эволюции кризиса в экс-Югославии в целом и в Боснии и Герцеговине в частности. Не надо было обладать особой интуицией и необыкновенным политическим чутьем, чтобы догадаться, что кризис в СФРЮ не мог не задеть Боснию и Герцеговину.

Судьба Боснии и Герцеговины была предрешена, когда националистическая политика стала доминировать в югославском обществе. Встает вопрос, почему именно такая политика преуспела и получила поддержку в этом регионе. Было наивно верить, что в условиях югославского кризиса могла возобладать либеральная этнизация политики. В сочетании с мультикультурной и полигл

¹ Popis stanovništva Jugoslavije 1991 // Federalni zavod za statistiku. – URL: <http://fzs.ba/index.php/popis-stanovnistva/popis-stanovnistva-1991-i-stariji/> (date of access: 06.12.2022).

² Спасовски М., Живковић Д., Степић М. Етнички састав становништва Босне и Херцеговине. – Београд : Стручна књига, 1992. – С. 52–53.

ничной природой общества явным было противоречие между политическим характером Боснии и Герцеговины и выбранной всеми конфликтующими сторонами политической стратегией «одна нация, одна культура, одна страна». Националисты во всех югославских республиках должны были убедить население и внешний мир в необходимости создания независимых государств. Главным аргументом была пропаганда невозможности совместного проживания представителей разных национальностей. Питательной средой для обострения отношений стали этнически смешанные регионы и области, населенные меньшинствами, поскольку именно там были условия для появления альтернативных взглядов и политической оппозиции.

Наиболее сложной оказалась ситуация в Республике Босния и Герцеговина. Население ее территории было этнически смешанным, что отрицало аргумент о необходимости создания моноэтнического государства и аргумент, что люди различных национальностей не могут жить вместе. Кроме того, ни один конституционный народ Боснии и Герцеговины (мусульмане, сербы, хорваты) не составлял большинства населения, поэтому план какой-либо этнической группы не мог стать доминирующим в республике.

Лидеры Словении, Хорватии и Сербии мобилизовали население по этническим параметрам, чтобы добиться более эффективного проведения реформ и защитить республиканские права на федеральном уровне. Они выступали как выразители «национальных интересов» своих республик на международном уровне, начиная с весны 1991 г. В Боснии и Герцеговине ситуация резко отличалась. По конституции СФРЮ сербы, хорваты и мусульмане являлись конституционными народами, и таким образом население республики не представляло собой целостной, этнически однородной политической нации. Официальной статистики о том, какая часть населения идентифицировала себя с Боснией и Герцеговиной, не было, отсутствовали и выразители политических интересов этой части югославского общества.

В то же время, в Боснии и Герцеговине начался процесс, подобный политическому развитию в других республиках СФРЮ, ее идеологические лидеры использовали тот же набор аргументов, что и руководители прочих республик. Но в отличие от них в Боснии и Герцеговине не было политической силы, которая представляла бы республику в целом и защищала ее против внешних сил. Партии создавались по этническому принципу, основывались на идее этнонационализма и отражали интересы определен-

ной этнической группы. Особенностью ситуации был тот факт, что ведущие политические партии могли говорить от имени лишь части населения. В то же время, чтобы сохранить позиции выразителей интересов своих народов не только в предвыборной гонке, но и в ходе дальнейшей борьбы за самоопределение и территориальные права, им необходимо было разрушить идею страны, где этнические различия не являются определяющими, а ее жители этнически толерантны и лояльны к культурному многообразию. Чтобы сохранить монополию на своих избирателей и убедить международных посредников, нужно было поддерживать идею о том, что альтернативы разделительным позициям нет, что совместная жизнь невозможна и необходимо разбежаться по национальным государствам. Концепции полиэтничной идентичности, отличавшейся от той, каковую воплощала Югославская федерация, тоже не существовало. Таким образом, в Республике Босния и Герцеговина под лозунгами национализма велась борьба за мультикультурализм.

Македонский пример мирного выхода: «государствообразующие нации» СФРЮ не в претензии, но...

Македония (с 2019 г. – Республика Северная Македония) – единственная республика бывшей Югославии, сумевшая в начале 1990-х годов выйти из ее состава мирным путем. Но при всем кажущемся благополучии межэтнических отношений в стране они должны рассматриваться в широком региональном контексте, в комплексе, как звенья цепи греко-болгаро-албано-сербских отношений. Македония давно является яблоком раздора на Балканском полуострове. Судьба ее небезразлична соседним государствам. Греция была против названия страны, поскольку оно совпадает с историческим названием одной из ее областей. Болгария не имеет территориальных претензий, но против признания македонцев в качестве отдельного этноса. Официальная Македония с самого начала независимого существования придерживалась принципа «Македонии как многонациональной страны» и пыталась интегрировать национальные меньшинства в политическую систему. Вместе с тем тяжелое экономическое положение и сложная международная ситуация подталкивали внутриполитическую ситуацию к постоянной радикализации.

Албанцы, которые в начале 1990-х годов составляли около 22% жителей Македонии, занимают здесь активную позицию. Референдум 1991 г., поставивший вопрос о желании населения жить в независимом государстве, албанское население бойкотировало, поскольку считало, что их интересы не учтены¹. Хотя Конституция 1991 г. и гарантировала определенные коллективные права национальным меньшинствам, албанцы хотели обрести наряду с македонцами статус государствообразующей нации и выступали за провозглашение албанского языка официальным языком страны наравне с македонским (ст. 7)². Ставился вопрос и о федерализации Македонии.

Вопрос о статусе сербов, признании их политической партии, согласии на предоставление им возможности получать образование и информацию на сербском языке был решен лишь в 1993 г. Сложно поддавались урегулированию отношения между сербской и македонской православными церквями.

Борьба за идентичность: черногорский вариант нациестроительства

Как известно, на начальном этапе распада СФРЮ Сербия и Черногория остались вместе, образовав еще одну, теперь уже третью Югославию – СРЮ. Что можно сказать об их взаимодействии с точки зрения этничности?

Хотя в составе социалистической Югославии как сербы, так и черногорцы, наряду со словенцами, македонцами, хорватами и «мусульманами», относились к категории «народы», разделительная линия между сербской и черногорской идентичностями была весьма условна. Их роднят общность происхождения, язык и религия. Дискуссии о том, являются ли сербы и черногорцы разными народами или это одна этническая группа, не прекращаются многие годы. Эти дебаты, а также конкретные случаи этнического самоопределения граждан балканских республик, подобно целому ряду примеров из других регионов мира, наглядно показывают, как в ходе

¹ Шкарич С. Конституционно-правовое становление македонского государства // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / сост. и отв.ред. Е.Ю. Гуськова. – Москва : Радуга, 1997. – С. 51–52.

² Устав на Република Македонија // Службени Весник на Република Македонија. – Скопје, 1991. – N 1. – С. 4.

исторического процесса причины самого разного – экономического, социального и политического – характера становятся квинтэссенцией этничности.

Среди основных политических сил Черногории в 1990-е годы выделялись три течения: одно, поддерживаемое тогда официальными властями, выступало за баланс между Черногорией и Сербией (унионисты или федералисты). Другое составляли те, кто считал, что черногорцы – это сербы, а значит, надо к Сербии просто присоединиться (фузионисты, или унитаристы). И третье течение, когда-то оппозиционное, выступало за суверенитет, против ориентации на Сербию и идущего процесса потери государственности (индепендисты, или сепаратисты). Постепенно количество сторонников черногорской независимости возрастало. Стремление к политическому суверенитету подкреплялось концепцией создания этноции. На передний план вышли дискуссии о национальной идентичности черногорцев, все предвыборные программы различались по вопросу о характере государства, в котором граждане Черногории хотели бы жить. Общественное мнение о дальнейшем существовании Черногории в составе единой Югославии было разделено.

Однако все настойчивее стала внедряться идея об «инаковости» черногорцев, их отличии от сербов. Делался упор на праевропейское или средиземноморское происхождение черногорцев, сотрудничество с Западом и западные культурно-социальные ценности. В ходе опроса, проведенного в 2000 г. для выяснения мнения населения о перспективах союза Черногории и Сербии, вероятно, впервые были зафиксированы две новые категории этнической принадлежности: черногорец-серб и серб-черногорец. Эта двойственная этническая самоидентификация оказалась выявленной у 26% опрошенных граждан Черногории. О расколе общества свидетельствовал тот факт, что все чаще стала обнаруживаться и другие сложные варианты самоидентификации: «исконные сербы» vs «сербские черногорцы» и «черногорские сербы» vs «исконные черногорцы»¹.

Так или иначе, начало XXI в. было ознаменовано новым витком сепаратизма в «третьей Югославии». Результатом стали распад конфедерации Сербии и Черногории и образование в 2006 г. нового

¹ Цит. по: *Самарџић С. Градња и разградња државе. Србија у суочењу са Европом од октобра 2000. – Београд : Издавачко предузеће Филип Вишњић, 2008. – С. 237–238; Мирич И.А. Политические процессы в переходных обществах : опыт национостроительства в современной Черногории : дисс. ... к. и. н. – Москва, 2011. – С. 105, 110.*

суверенного государства – Республика Черногория. Черногорский вариант национостроительства является, на наш взгляд, ярким примером того, что образование новых наций-государств есть результат политического конструирования, успех которого зависит от политических обстоятельств. В Черногории этот процесс в значительной степени связан со стремлением к «европеизации».

Вместе с тем Черногория является ярким примером того, как могут использоваться историко-культурные компоненты, мифологизация пространства и образов для обоснования своего особого пути развития. О значимости символической и политической роли языка свидетельствует тот факт, что в Черногории конструируется черногорский язык, отличный от сербского, и он сегодня является государственным языком страны. Ведется поиск новых религиозных основ для черногорцев. Здесь параллельно с Сербской православной церковью в лице ее Митрополии черногорско-приморской активно стала действовать самопровозглашенная автокефальная Черногорская церковь, несмотря на отсутствие канонических и исторических источников, свидетельствующих о ее существовании в прошлом. Официальную Черногорскую академию наук и искусств начала дублировать Дуклянская академия наук и искусств, которая пропагандировала взгляды, направленные на подчеркивание отличий черногорцев от сербов. Показательны смена названий улиц в городах и замена других «просербских» символов на новые, по-новому интерпретируются факты исторического прошлого. Ведется интенсивная латинизация черногорцев.

Черногорская современная история – яркое свидетельство того, что идентичность является динамичным феноменом, она может меняться под влиянием в том числе и внешних обстоятельств. Это подтверждается тем, что в Черногории происходит стремительная трансформация этнической идентичности населения. Если в 1909 г. сербами себя считали около 95% ее жителей, то по переписи 1948 г. черногорцами себя записали более 90% населения республики, тогда как по переписи 2003 г. здесь было зафиксировано 43% черногорцев и 32% сербов. Показательно, что в 1991 г. процент называвших себя черногорцами был больше – 61,9%, сербами – 9,3%, т.е. меньше¹.

¹ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2003. Stanovništvo. Nacionalnili etnička pripadnost. Podaci ponaseljima i opštinama // Zavod za statistiku Republike Crne Gore. – Podgorica, 2004. – Septembar, Knj. 1. – S. 12; Konačni rezultati popisa stanovništva od 15.3.1948. Knj. IX. – Beograd : SZS, 1954. – S. 21; Становништво пре-

Другие этнические группы Черногории представлены албанцами (5%) хорватами, цыганами, босняками. Впервые они заявили о себе как о самостоятельной политической силе еще в начале 1990-х годов. Тогда они поддержали курс сторонников премьер-министра М. Джукановича на суверенизацию и впоследствии стали требовать все больше социальных и политических прав. В Скупщине Черногории представлены национальные партии албанцев и босняков. Конституция Черногории 2007 г. зафиксировала широкие права национальных меньшинств. В частности, хотя официальным языком назван черногорский, она разрешила в случае служебной необходимости пользоваться и другими языками. Утверждалась возможность получать образование и информацию на родном языке представителей меньшинств.

Косовский гамбит

Во время бурных событий в других частях Балкан в 90-е годы XX в. – в Хорватии, Боснии и Герцеговине, – а также политических катаклизмов в Сербии Косово оказалось в тени. Между тем этот регион долгие годы представлял собой общество, растерзанное межэтническими столкновениями; это был край, где сербы и албанцы стали жить в двух параллельных мирах. Именно выступления албанцев, населявших Автономный край Косово, явились начальным кризисным звеном в цепи распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. Политические неурядицы в югославской федерации начались с появления критических настроений среди косовских интеллектуалов. Уже в 50-е годы XX в. под влиянием их требований возникла необходимость урегулирования статуса этнических групп (в югославской терминологии – наций и национальностей). Именно на этот период приходятся первые массовые, хотя и мирные, выступления в стране, объединившие их участников по этническому принципу.

Ситуация в Косово (Косова – алб.) – яркий пример взаимосвязи в политической борьбе идей национализма (как албанского, так и сербского) и мобилизационного потенциала сторон на

ма националној припадности, попис 1991. Република Србија // Републички завод за статистику Србије. – 1991. – URL: <https://www.stat.gov.rs/media/3637/stanovnistvo-prema-nacionalnoj-pripadnosti-popis-1991.xlsx> (date of access: 04.01.2023).

этнической почве вплоть до порождаемых этим насилиственных действий. Градус накала противостояния сил в регионе привел к нарушению территориальной целостности Сербии. Он стал показателем того, как конфронтация между центральной властью и местной элитой, между олицетворяющими их этническими группами способствует росту националистических настроений, обостряет их проявление. С другой стороны, национализм оказался одним из факторов, способствовавших обострению кризиса. Он повлиял на его характер, формируя как противостояние между этническими общностями, так и их политическое единство на этнической основе. Межэтнические отношения за годы развития конфликта стали настолько напряженными, что их возможно классифицировать как открыто враждебные.

Косово (Кособа) провозгласило независимость 17 февраля 2008 г. После начала самостоятельного пути для Косово наиболее сложной по известным причинам является перспектива интеграции сербского населения. Приштина пытается получить контроль над северной частью Косово, где компактно живут сербы. Совместно с так называемым Международным гражданским офисом косовские власти разработали «новую стратегию для Северного Косово», ставящую целью укрепление суверенитета и территориальной целостности Косово. Она включала, в частности, план ликвидации сербских органов самоуправления в Косовской Митровице.

Массовый исход из Косово оставшихся сербов, которого многие ожидали, пока не произошел. Под влиянием международных посредников предпринимались меры по сохранению здесь сербов. Была создана специальная структура, занимающаяся этими вопросами, – мультиэтничный Офис по возвращению. По данным на апрель 2010 г., на рассмотрении там находились 370 заявлений. Всего же, по оценкам, с 2000 г. за 10 лет в Косово вернулись от 3 до 7 тыс. сербов. В частности, за 11 месяцев 2009 г. возвратились 1015 чел.¹ В качестве примера можно привести данные СМИ Сербии о том, что, например, в марте 2010 г. около 45 сербских семей жили в двух палаточных лагерях в селах Жач и Драголевац в муниципалитете Исток (под охраной местной полиции). Они бежали из населенных пунктов Исток и Благача и нескольких соседних сел в 1999 г. Эти люди обратились в косовские органы власти с прошением о возвра-

¹ См.: Мартынова М.Ю. Есть ли место сербам в Косово // Мир и политика. – 2011. – № 3 (54). – С. 7–18.

щении и ожидали новое жилье взамен разрушенного. Были созданы также переселенческие лагеря Цермин Луг, Остероде, Лепосавич. Согласно другим источникам, в северную Метохию, в село Грабац в районе Клины, с 2002 г. также возвратились 46 сербов. Еще около 220 сербов вернулись в южную Метохию¹. Большая группа сербов вновь обосновалась в селах на территории Шар-Планинского заповедника. Их переселение финансировала Норвегия (Норвежский совет по делам беженцев). В целом же темпы возвращения оставались достаточно низкими. Как пишут очевидцы, восстановив свои дома, сербы часто продавали их албанцам и, получив деньги, уезжали из Косово.

Государствообразующие процессы, как известно, всегда не только сопровождаются изменениями экономического, политического, социального характера, но и имеют этнокультурные последствия. Вот уже несколько десятилетий ситуация в Косово дает новые и очень мощные импульсы для развития особой идентичности жителей Косово. Но что является концептуальной основой для ее конструирования? Насколько силен ресурс региональной и/или уже практически государственной (национальной) идентичности? Международные посредники сформулировали задачу – создать мультикультурное и мультиэтническое сообщество в новом независимом государстве. Посильная ли это задача на сегодняшний день?

Политики и сотрудничающие с ними интеллектуалы озабочены поиском технологий для создания гомогенного социокультурного и социополитического пространства, сценариев включения в него всего населения. Пока в Косово, как и повсюду в регионе Западных Балкан, во главу угла ставится этноконфессиональное начало. О надэтнической идентичности можно только мечтать (тем, кто о ней мечтает). Несомненно, каждая из двух основных этнических групп, как албанцы-косовары, так и сербы, имея за спинами «еще одну родину-мать», не могут не ощущать своей идентичности, особой миссии своей «малой родины» на просторах Западных Балкан. Албанцы пребывают в эйфории. Сербы опечалены и в определенной степени растеряны. Настроения тех и других имеют разные измерения, в том числе и символические. Изобразительные средства, ландшафт, песни, танцы, герои, праздники, язык и многое другое становятся составляющими знаково-символических комплексов. Косовские албанцы в спешном порядке создали атрибуты независимого государства: гимн, флаг,

¹ См.: Мартынова М.Ю. Есть ли место сербам в Косово // Мир и политика. – 2011. – № 3 (54). – С. 7–18.

герб, сконструировали иные символы, что было мотивировано новыми тенденциями во внутривнешней политической жизни региона. Сербы подкрепляют идентичность, опираясь на осмысление собственного прошлого и опасаясь за перспективу.

Заметны особое внимание к народным традициям и символам, придание им гипертрофированного значения, создание новых символов и возрождение ушедших в прошлое обычаев. Этот процесс характерен в последние годы для обеих этнических групп Косово. Албанское население давно демонстрирует свои этнические символы публично и открыто. Бросается в глаза множество мечетей-новостроек, памятников погибшим бойцам Армии освобождения Косовы. На всех зданиях, домах, кладбищах вывешиваются албанские национальные флаги,ими же украшают машины в шумных свадебных процессиях. В магазинах можно купить предметы домашнего обихода (ковры, подушки, посуда) с албанскими национальными символами. Граффити «UÇK» (аббревиатура Армии освобождения Косовы – алб.) были видны на фасадах многих домов в этнически смешанных поселках. Язык видится носителем определенного смысла, а не просто средством коммуникации. Если в прошлые годы дискуссии в среде косовских идеологов разворачивались вокруг таких проблем, как право на самоопределение, получение статуса республики, обретение независимости, то теперь важной темой для полемики стало стремление некоторой части общества создать собственный косовский литературный язык¹.

Сербы подчеркивают свою этноконфессионально-культурную принадлежность и историческую идентичность менее явно, но с таким же усердием: во всех домах заметно большое число икон; в публичных местах стены украшаются картинами с изображением сербских святителей и воинов. По меткому наблюдению исследователя Сони Златанович, подчеркивание «этнического» обеими сторонами вплоть до абсурда хорошо показано в фильме Бориса Митича «Унмик Титаник», снятом в Приштине, столице Косово, в новогоднюю ночь 2003 г. Даже праздничные воздушные шары в ту ночь были украшены албанскими этническими символами; на коленях у Деда Мороза дети размахивали албанскими флагами; повсюду продавали календари, футболки и эмблемы с портретами выдающихся бойцов и с военными значками. Оставшиеся в городе сербы,

¹ См. об этом подробно: Новик А.А. Языкоизнание на косовский манер // Родина. – 2008. – № 6. – С. 72–74.

около 100 человек, проживали «заключенными» в одном многоэтажном доме. На фоне разговора группы сербов по радио слышна песня: «Косово сербское, сербским и останется...» В новогоднюю ночь несколько юношей вышли на улицу перед домом и пели песню, в которой упоминается имя Дражи Михайловича, противоречивой фигуры сербской истории времен Второй мировой войны¹.

Хотя большинство албанцев и являются мусульманами (в Косово проживают и около 70 тыс. албанцев-католиков), ислам, по мнению исследователя Г. Дейзингса, не сыграл значительной роли в их политической мобилизации, объединяющим началом в этом случае стал язык, а не конфессиональная принадлежность². У сербов же этническая и конфессиональная идентичности тесно взаимосвязаны. Одним из способов выражения идентичности для них стало, в частности, соблюдение православного канона. Многие косовские сербы строго соблюдают пост по православному календарю. Свадьба и крещение ребенка в церкви распространены повсеместно.

В соответствии со старыми традициями отмечаются христианские календарные праздники, такие как Рождество и Пасха. Например, в сочельник во всех сербских домах анклавов из комнаты, в которой обедают, выносят столы и стулья, пол застилают соломой, на ней расставляют блюда и ужинают. В последующие два дня также обедают на соломе; после праздника солому разбрасывают по посевам, веря, что это должно принести богатый урожай. Во всех семействах празднуют день святого защитника семейства – «славу». На сельских праздниках (сельская «слава» – день святого защитника всего села) главную роль играет хозяин праздника при обязательном участии всех членов общины. Характерный для южных славян обряд, совершаемый в день св. Лазаря (Вербную субботу) девушками, которые называются *лазарки* (серб. *лазарице*), и другие ритуалы, проводимые всем селом с очевидной функцией объединения, проводились в сербских анклавах даже во время вооруженных столкновений 1999 г.³

Надо сказать, что настоящий клад для себя могут найти здесь этнографы и любители «сельской экзотики», особенно в глухих

¹ Златанович С. Жизнь под протекторатом // Наша повседневная жизнь. Антропологические исследования ученых России и Сербии / отв. ред. М.Ю. Мартынова, Д.М. Радойичич. – Москва : ИЭА РАН, 2008. – С. 68.

² Duijzings G. Religion and the politics of identity in Kosovo. – London, 2000. – Р. 10, 159.

³ См. об этом: Златанович С. Указ. соч. – С. 65.

местах. В сербских южных анклавах (например, в Сиренечкой жупе) люди проживают в старинных домах, носят одежду в стиле 20–30-х годов прошлого века, сено возят на волах, коней используют как гужевой транспорт¹.

Важным институтом, формирующим идентичность населения в будущем, является школьное образование. Поэтому в Косово многие годы ему уделялось особое внимание. В борьбе за независимость албанцы последовательно выступали за развитие своего языка и культуры, национальной самобытности, добивались получения прав «по наивысшим стандартам, предусмотренным ООН». По данным 2008 г., дети-сербы учились в Косово по школьной программе Министерства просвещения и спорта Правительства Республики Сербии. Школы, находившиеся в сербских анклавах, финансировались Правительством Сербии. Преподаватели во многих сербских школах не имели соответствующей профессиональной квалификации. Если в прежние годы большая часть населения Косово была двуязычна, хорошо владела как сербским, так и албанским языками, постепенно ситуация кардинально изменилась. Молодежь, которая росла во время конфликта, не знает языка другой общины. Для сербов это становится проблемой, которая во многом осложняет их присутствие и работу в органах власти и общественных службах.

Сербия в этническом ракурсе

Необходимо отметить, что в силу того, что при становлении практически всех государств постюгославского пространства в межэтнические конфликты было вовлечено местное сербское население, Сербия, не являясь непосредственным участником военных действий, оказалась тем не менее одним из главных действующих лиц в Балканском конфликте. Более того, мировая общественность возложила именно на нее вину за кровавые события, потрясшие постюгославское пространство.

Вероятно, это связано с целым рядом причин, среди которых выделяются следующие: а) Сербию нередко идентифицировали с политикой, проводившейся ранее в общеюгославском масштабе союзным правительством и СКЮ; б) правящую в то время партию

¹ Белогорьев А. Дама пик в крапленой балканской колоде // Урал. – 2006. – № 6. – С. 36.

Сербии – Социалистическую партию – и ее лидера С. Милошевича рассматривали как продолжателей политики СКЮ; в) Сербию обвиняли в участии в судьбах сербов, проживающих на территории других республик; г) провозглашение независимости и выход из федерации большинства составлявших ее ранее республик привел к тому, что Югославская армия фактически стала армией Сербии и Черногории; д) одна из главных причин – сербские националисты выдвигали идею «Великой Сербии».

Вопрос о положении сербского населения, оказавшегося за пределами Сербии, – один из наиболее серьезных конфликтных вопросов в балканском кризисе. Анализ событий приводит к мысли о том, что для сербов было бы более перспективно на каком-то этапе ориентироваться на обеспечение гражданских прав своей диаспоры, оказавшейся за пределами Сербии (с получением международных гарантий на этот счет), а не на уход из новых государств вместе с занимаемыми территориями, историческая судьба которых весьма сложна и неоднозначна. Новые диаспоры, ранее бывшие доминирующими этносами, – общая проблема для постюгославского и постсоветского пространств.

Интересно, что идеология сербского национального движения в отличие от национализма других республик формировалось не как атака на югославизм, а как защита целостности страны, в противовес сепаратистским выступлениям в первую очередь албанцев. Различие двух форм национализма состоит также в том, что в других республиках, в первую очередь в Хорватии и Словении, он обрел форму антикоммунизма. В Сербии же в конце XX в. антикоммунистическое национальное движение, во главе которого стоял Вук Драшкович, было довольно слабым. Оно не нашло широкой поддержки у населения еще и потому, что имело экстремальную форму. В 1989–1990 гг. большинство сербских политиков рассматривали возможность осуществления сербских национальных интересов в пределах СФРЮ. Постепенно, с осознанием все меньшей реальности этого, стала и в официальных кругах господствовать идея создания сербского государства, с объединением всех территорий, населенных сербами.

Как известно, социалистическая Югославия была полиэтничным государством, в котором сербы, самая многочисленная этническая группа, на момент распада федерации составляли лишь одну треть, точнее, 36,3% всего населения. При этом на территории Сербии проживали 75,9% всех сербов страны, таким образом, четвертая часть сербов была расселена в других регионах Югославии. Сама

же Сербия в период СФРЮ была самой полиэтничной ее территорией. В 1991 г., по результатам переписи населения, сербы в своей республике насчитывали 65,8% жителей¹.

Говоря о складывании новой сербской государственности при исследовании этнической составляющей этого процесса, я считаю важным не заострить внимание на политологической оценке этих событий, а констатировать определенные изменения в этнической структуре населения региона. Перепись 2002 г. наглядно продемонстрировала, что Республика Сербия, как и другие вновь созданные государства Западных Балкан, обрела черты моноэтничного государства. В обновленной Сербии 82,86% населения страны – сербы. Второе место по численности занимают венгры, но их количество несоизмеримо меньше – они составляли лишь 3,91% жителей страны. Каждая из прочих этнических групп, среди которых босняки, цыгане, югославы, черногорцы, македонцы, албанцы, набирала менее 2% каждой².

Самой полиэтничной территорией сербского государства является ее автономный край Воеводина. В 2002 г. 65% местных жителей идентифицировали себя как сербы, а венграми назвали себя 14,28% населения. Еще около 20% – это словаки, хорваты, черногорцы, румыны, цыгане, русины, македонцы, украинцы, чехи и др. При всей этнической пестроте ни один из этих народов не составлял более 3% населения Воеводины³. В начале 90-х годов XX в. межэтнические войны на Балканах и повсеместный рост национализма не могли не проявляться в Воеводине. Значимость этнической идентичности здесь, как и повсюду, в последние десятилетия возросла. Вместе с тем межэтнические отношения в этом регионе никогда не доходили до крайностей. Представители этнических меньшинств в основном сосредоточивают свои политические требования на расширении местного самоуправления и обеспечении культурных прав.

¹ Становништво према националној припадности, попис 1991. Република Србија // Републички завод за статистику Србије. – 1991. – URL: <https://www.stat.gov.rs/media/3637/stanovnistvo-prema-nacionalnoj-pripadnosti-popis-1991.xlsx> (date of access: 04.01.2023).

² Popis stanovništva Srbije 2002 // Republički завод за статистику Србије. – URL: <https://stat.gov.rs> (date of access: 08.12.2022); Основне карактеристике становништва Србије по националности // Демографски преглед, – 2004. – № 18. – С. 1.

³ Основне карактеристике становништва Србије по националности // Демографски преглед, – 2004. – № 18. – С. 1; Vojvođanski identitet / P. Domanji (ed.). – Beograd, 2006. – С. 76.

Вопрос о современной автономии Воеводины широко обсуждается общественностью. При этом следует подчеркнуть, что концепции автономии Воеводины, выдвигаемые большинством движений и партий автономного края, в основном не носят этнического характера и предполагают региональное структурирование. Этнический плюрализм является общим местом в риторике политиков применительно к Воеводине. В сентябре 2005 г. Европарламентом даже была принята Резолюция о защите мультиэтничности Воеводины. Вместе с тем в автономном kraе широко дискутируется вопрос о воеводинской надэтнической идентичности. Показателен и тот факт, что число лиц, в ходе переписей указывающих региональную, а не этническую идентичность, здесь растет от года к году. В переписи 2002 г. 7,1% населения Воеводины указало региональную или другую неэтническую идентичность¹.

Говоря об историко-культурных регионах Сербии, нельзя не упомянуть еще одну ее южную область – Санџак. Санџак, который сейчас разделен между Сербией и Черногорией, занимает особое место в истории распада югославского государства, поскольку здесь проживает самое большое количество босняков-мусульман на Балканах после Боснии и Герцеговины. Из 11 санджакских общин (муниципалитетов) шесть (Нови Пазар, Сеница, Тутин, Нова Варош, Приеполье и Прибой) расположены в Республике Сербия. Согласно переписи населения 2002 г., сербская часть Санџака имела 235 567 жителей, из которых 142 350 чел., или 60%, считали себя босняками. Из оставшегося числа 38% – сербы, 2% – другие этнические группы. Причем в трех восточных общинах босняки составляли подавляющее большинство (Тутин – 94,9%, Нови Пазар – 78%, Сеница – 75%)².

Имея в виду недалекое прошлое, прежде всего события 1991–1995 г., а также и более позднее время, можно сказать, что события в Санџаке остались в тени того, что происходило в это время в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово. Но в любом случае для Санџака 1990-е годы были временем страха и дискриминации. И сегодня Санџак переживает общественный и экономический

¹ Основне карактеристике становништва Србије по националности // Демографски преглед. – 2004. – № 18. – С. 1; Vojvodanski identitet / P. Domonji (ed.). – Beograd : Zagorac, 2006. – S. 24.

² Основне карактеристике становништва Србије по националности // Демографски преглед. – 2004. – № 18. – С. 1; Veroispovest, matergji jezik i nacionalna ili etnička pripadnost // Republički zavod za statistiku. – Beograd, 2003. – S. 20.

кризис как последствие войны, в которой были задействованы босняки и сербы на территории Боснии и Герцеговины.

В 90-е годы прошлого века местные босняки-мусульмане, беря пример с политических игроков других балканских регионов, стали выступать за автономию Санжака, правда, делали это достаточно мягко и тихо. Модель национализма санджакских босняков этого времени была увязана с концепцией региональной автономии. В 1991 г. здесь был проведен референдум на эту тему. Но войны в Хорватии, а также в Боснии и Герцеговине отвлекли внимание от заданной цели. Не способствовало ее воплощению и отсутствие поддержки со стороны Боснии и Герцеговины, которая отстаивала собственную целостность и проводила параллель между интересами санджакских мусульман-босняков и сербов в своей республике. Различие интересов политических кругов в Санжаке и слабость его культурной элиты обусловили ситуацию, при которой исламская община Санжака во главе с муфтием представляла собой единственную структуру, которая реально объединяла всех босняков Санжака. Этноконфессиональная идентификация, как доминирующий элемент конструирования боснийской идентичности, усиливала авторитет религиозной организации. Замена вслед за Боснией и Герцеговиной этнонима *мусульманин* на этноним *босняк* шла параллельно со все большим сосредоточением на исламе.

Многочисленные инциденты, которые имели место в Санжаке во второй половине 2000-х годов, актуализировали вопросы отношений сербской власти с этническими и религиозными меньшинствами. С принятием на государственном уровне Закона о защите прав и свобод национальных меньшинств (серб. *Закон о заштити права и слобода националних мањина*)¹, Закона о церкви и религиозных объединениях (серб. *Закон о црквама и верским заједницама*)², ряда других законов Сербией был сделан определенный шаг к урегулированию обстановки в законодательном плане.

Несмотря на предпринимаемые сторонами робкие усилия по исправлению ситуации в регионе, обстановка в Санжаке не внушиает оптимизма. Экономическая отсталость наряду с политическими проблемами способствуют оттоку населения отсюда. Согласно

¹ Закон о заштити права и слобода националних мањина (2002) // Службени лист СРЈ. – 2002. – № 11/2002.

² Закон о црквама и верским заједницама // Службени гласник РС. – 2006. – № 36.

переписи населения 2002 г., число жителей сербской части Санджа-ка сократилось на 8,4%. При этом боснийское население, несмотря на высокий уровень рождаемости, уменьшилось на 7,88%. Многие босняки уехали в Боснию и Герцеговину, Турцию и европейские страны. Большинство эмигрировавших сербов устремились в другие районы Сербии с более благополучной экономической ситуацией, их доля уменьшилась здесь к 2002 г. на 6,43%. В целом же в Сербии босняки стали составлять менее 2% населения.

Некоторые выводы

Значительная часть этнических проблем вызревала в СФРЮ и с распадом страны активизировалась (например, проблема албанского населения и статуса автономий), другая, связанная с переделом границ и новыми диаспорами, явилась следствием деления федеративного государства на несколько частей. Межэтнические противоречия, имея социально-экономические и политические корни, обострились в момент масштабных институциональных преобразований общества.

К настоящему моменту можно выделить три этапа балканского кризиса: латентный, активный и восстановительный. Первый этап, при котором конфликт носил скрытую форму, начался до распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. На этой стадии еще можно было изыскивать возможности для принятия конструктивных мер, способных предотвратить этнические взрывы. С началом распада федерации разразился широкомасштабный конфликт между этническими группами. Процесс дробления политического пространства имел несколько ступеней. Но исторический опыт свидетельствует, что после кровопролитных войн неизбежно наступает момент, когда противоборствующие стороны садятся за стол переговоров. Здесь им необходимо вспомнить, что возможно не только противостояние, в том числе по этническому принципу, но и кооперация при наличии общих целей и задач.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее. В последней четверти XX в. общество стало свидетелем взаимодействия двух противоположных тенденций общественного развития: интеграционных и дезинтеграционных. Именно эти два процесса определили парадоксальность и своеобразную логику нынешнего общемирового бытия. Значительные дезинтеграционные тенденции, связанные с обострением этнических проблем, сочетались со

все более стремительным расширением полномочий наднационального и субнационального уровней принятия решений.

Полиэтничность, мультикультурализм, регионализм и автономия – сегодня эти темы актуальны во многих странах мира. Для Западных Балкан данные понятия имеют не только теоретическое, но и остро практическое значение. Противостояние на этнической, языковой, религиозной основе, дискуссии на международном, государственном и региональном уровнях по вопросам межэтнических отношений, о правах и статусе национальных меньшинств в регионе, сепаратистские устремления на этнической почве – эти явления не ушли в прошлое, они присутствуют и в сегодняшней жизни региона. Перемены, произошедшие на Балканах в последние десятилетия, привели к существенным изменениям в этнической сфере. Следствием кризиса стала перегруппировка населения на территории экс-Югославии по этническому принципу, в зонах конфликта практически не осталось районов со смешанным населением. Резко сократилось число межэтнических браков. Возросла численность южнославянской diáspora за пределами Балкан. Появились новые нюансы в осмыслиении понимания идентичности и локальной культуры, изменилась государственная этнонациональная политика.

События, разразившиеся на Балканах в конце XX в., стали своеобразным уроком для всего человечества, они имеют не узко локальное, а глобальное значение. Не только здесь, но и в других странах мира процесс самоопределения и создания новых государств ведет к дестабилизации политической и социальной обстановки, разрушению баланса в межгосударственных и межэтнических отношениях. Идентичность часто оказывается тем фактором, который может использоваться в качестве не только созидательной, но и разрушительной силы. В некоторых государствах наблюдается движение за признание прав автономий (порой крайне широких), в других разгораются региональные националистические движения за независимость или объединение с соседними государствами. Изменение политических границ или их статуса, эксперименты с использованием региональных стратегий приводят к серьезным социально-политическим и этнокультурным переменам. Поэтому изучение последствий этнических конфликтов, взаимовлияния идентичности и регионализма, анализ теоретических построений и эмпирического материала по данной проблеме представляется сейчас крайне важным. Вдвойне полезным видится обращение к материалам балканского региона, название которого часто является уже нарицательным благодаря случившимся там острым этническим

конфликтам на почве распределения ресурсов и властного представительства. По нашему мнению, серьезное изучение взаимосвязи государственной политики, регионализма и идентичности в балканском пространстве способно полнее выявить природу этих феноменов, сделать более иллюстративными современные теоретические положения социальной антропологии, а также может иметь большое научно-практическое значение.

Литература

- Белогорьев А.* Дама пик в крапленой балканской колоде // Урал. – 2006. – № 6. – С. 163–205.
- Златанович С.* Жизнь под протекторатом // Наша повседневная жизнь. Антропологические исследования ученых России и Сербии / отв. ред. М.Ю. Мартынова, Д.М. Радойичич. – Москва : ИЭА РАН, 2008. – С. 57–68.
- Косово: прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Алтейя, 2011.
- Мартынова М.Ю.* Балканский кризис : народы и политика. – Москва : Стартый сад, 1998. – 466 с.
- Мирич И.А.* Политические процессы в переходных обществах : опыт нациостроительства в современной Черногории : дисс. ... к. и. н. – Москва, 2011. – 164 с.
- Новик А.А.* Языкоzнание на косовский манер // Родина. – 2008. – № 6. – С. 72–74.
- Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». – Москва: НЛО, 2011.
- Самарџић С.* Градња и разградња државе. Србија у суочењу са Европом од октобра 2000. – Београд : Издавачко предузеће Филип Вишњић, 2008. – 542 с.
- Спасовски М., Живковић Д., Степић М.* Етнички састав становништва Босне и Херцеговине. – Београд : Стручна књига, 1992. – 103 с.
- Шкарич С.* Конституционно-правовое становление македонского государства // Путь к самостоятельности. Документы / сост. и отв. ред. Е.И. Гуськова. – Москва : Радуга, 1997. – С. 51–55.
- Duijzings G.* Religion and the politics of identity in Kosovo. – London, 2000. – 238 p.
- Multicultural reality and perspectives in Croatia / V. Katunarić (ed.). – Zagreb : Intercultura, 1997. – 208 p.
- Svarn F.* Victims of war and peace // War Report. – 1998. – N 57, Dec. 1997–Jan. 1998. – P. 34–35.
- Vojvodanski identitet / P. Domonji (ed.). – Beograd : Zagorac, 2006. – 155 с.
- Vukic I.* Bricks and Mostar // War Report. – 1995. – July-august, № 35. – P. 11–12.

Глава 3. ВЗГЛЯД ИСТОРИКА: СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНТАКТЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ, 1985–1991 гг.¹

Пережив хрущевскую оттепель, брежневский застой и безвремене начало 1980-х, югославская проблема по наследству досталась М.С. Горбачеву. Он стремился ее решить в рамках «перестройки» и «нового мышления», затрагивавших не только внутреннюю, но и внешнюю политику, как межгосударственные отношения, так и международное коммунистическое движение².

В развитии советско-югославских отношений в контексте политики М.С. Горбачева можно выделить несколько этапов³.

Первый этап (11 марта 1985 – январь – март 1988 г.) от избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС до публикации концептуальной брошюры «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» и визита Генерального секретаря ЦК КПСС в СФРЮ 14–18 марта 1988 г. Кроме того, этот период связан с относительной стабильностью внутреннего развития обоих государств и обеих партий. Одним из первых публичных

¹ *Романенко Сергей Александрович* – д-р. ист. наук, доцент, зав. сектором Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; serg.hist@gmail.com.

² Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. – Москва : Вагриус, 2001. – С. 224–225.

³ Для понимания механизма внешнеполитических контактов и принятия решений на высшем партийном и государственном уровне в СФРЮ и СКЮ в 1985–1991 гг. необходимо кратко охарактеризовать специфику югославской политической системы после смерти в 1980 г. Й. Броза Тито. Югославские руководители согласно принятому в 1974 г. принципу ротации на посту Председателя Президиума СФРЮ ежегодно сменяли друг друга в соответствии с принадлежностью каждого из них к одной из шести республик и двум автономным краям. Председатель Президиума ЦК СКЮ избирался из числа членов Президиума сроком на один год, секретарь – на два. Правительство – Союзное исполнительное вече (СИВ) – утверждалось Скупщиной СФРЮ в соответствии с парламентской традицией на четыре года. После смерти Тито его место в Президиуме СФРЮ перешло к председателю СКЮ, который входил в состав Президиума СФРЮ по занимаемой должности. Таким образом коммунистическая партия пыталась закрепить свою роль в проведении внутренней и внешней политики путем автоматического включения главы партии в число членов высшего государственного коллективного органа. С 1988 г. согласно поправке к конституции Председатель СКЮ исключался из числа членов Президиума СФРЮ.

шагов, направленных на установление нормальных рабочих связей между двумя странами и партиями, стало Послание ЦК КПСС и правительства СССР «руководителям СФРЮ» по случаю 40-й годовщины Победы над фашизмом 9 мая 1985 г.¹ Подобные послания получили все руководители стран Восточной Европы, что означало, что Югославия воспринимается как социалистическая страна, а СКЮ – как «братская» партия.

Второй этап (апрель 1988 – март 1991 г.) связан с началом зарождения и усиления центробежных и дезинтеграционных процессов в обеих странах и обеих партиях. «Именно в 1988 году локальные сигналы стали превращаться в общегосударственную проблему. Горбачев это чувствовал», – писал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, а с 15 марта 1990 г. – Президента СССР А.С. Черняев².

Третий этап (май – август 1991 г.) – от событий в республиках Прибалтики, в Москве в январе и в Белграде в марте, от тайного визита в Москву союзного секретаря по делам обороны Велько Ка-диеевича, активного участия Горбачева в переговорах с руководителями ведущих стран мира о путях и перспективах предотвращения кризиса, конфликта и распада СФРЮ до рабочего визита в СССР председателя Союзного исполнительного веча (СИВ) СФРЮ Анте Марковича 1–2 августа 1991 г.

И, наконец, **четвертый этап** (сентябрь – декабрь 1991 г.) – от попыток Президента Горбачева сохранить СССР и свою власть в государстве, в том числе и путем усилий, направленных на предотвращение межреспубликанского и межнационального вооруженного конфликта в СФРЮ, до Беловежского соглашения 8 декабря 1991 г., поставившего точку в судьбе не только СССР, но и СФРЮ. Центральным моментом этого этапа стала посредническая миссия М.С. Горбачева, в рамках которой 15–16 октября 1991 г. состоялись его переговоры в Кремле с президентами Сербии Слободаном Милошевичем и Хорватии Франьо Туджманом. Кроме того, с мая по ноябрь 1991 г. «югославская проблема» занимала значительное место в его переговорах и дискуссиях с руководителями США, Германии, Великобритании, Италии, Испании.

Материал предлагаемой главы, на наш взгляд, рельефно показывает эволюцию отношений двух партий и государств, позволяет

¹ См.: Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1985. – Москва : Международные отношения, 1986. – С. 75.

² Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. – Москва : Прогресс : Культура, 1993. – С. 242.

дать сравнительную характеристику социально- и этнополитическим процессам в СССР и СФРЮ, а также, что весьма немаловажно, на основании частично использованных или пока еще вовсе не использованных источников – материалов РГАНИ и Архива Горбачев-Фонда, публикаций СМИ и мемуаров непосредственных участников событий – нарисовать картину политico-идеологических симпатий и антипатий и личных взаимоотношений как внутри советского и югославского руководства, так и между их видными представителями, представить не только ход самих этих переговоров, но и их предысторию, начавшуюся, по нашему мнению, в 1985 г. Все вышеназванные обстоятельства не могли не сказаться на ходе важнейших переговоров в Москве 2 августа и 16 октября 1991 г., которые знаменовали собой окончание одной и начало другой эпохи в истории социалистических многонациональных государств. Эти встречи представляются также важнейшими вехами в развитии политики СССР по отношению к кризису, конфликту и распаду СФРЮ, отношений между СССР и СФРЮ, между СССР, Сербией и Хорватией.

1988, 14–18 марта: Белград – Любляна – Дубровник – Белград

В январе 1988 г. вышла книга Генерального секретаря ЦК КПСС «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»¹. Упоминая о «серьезных сбоях в отношениях между социалистическими странами», Горбачев признал, что «особенно тяжелым было нарушение дружественных отношений между Советским Союзом и Югославией, Китайской Народной Республикой и Албанией»². Заметим, что в данном контексте речь шла скорее о межгосударственных, а не о межпартийных отношениях. «Югославская проблема» отдельно упомянута и проанализирована в этой брошюре не была.

Постепенно советско-югославские контакты на высшем уровне принимали более интенсивный характер, и «югославы смогли

¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – Москва : Изд-во политической литературы, 1988.

² Там же. – С. 168.

еще раз убедиться в готовности Москвы к открытому диалогу»¹. Как свидетельствовал Г.Х. Шахназаров, «одним из первых актов нового советского руководства стало удовлетворение давнего настойчивого желания югославов добиться покаяния с нашей стороны». Хрущев в известных документах 1955–1956 гг. «поделил вину за происшедший разрыв на двоих, что югославов никак не устраивало. Они годами ждали, время от времени деликатно намекая, что нам не худо бы признать себя виноватыми»².

Полным идеологическим и политическим примирением двух сторон и переводом их в цивилизованное русло можно назвать визит Горбачева в СФРЮ 14–18 марта 1988 г.³ Первоначально этот визит должен был состояться годом раньше, весной 1987 г. Однако он был перенесен не только из-за « занятости » советского лидера и его югославских партнеров, но и потому, что « визиту и та и другая стороны придавали особое значение. Потребовалась большая работа для его подготовки»⁴.

Целей этого визита было две. Во-первых, окончательное устранение идеологических (в рамках международного коммунистического движения) и межгосударственных (в рамках региона Центральной и Юго-Восточной Европы) противоречий, унаследованных М.С. Горбачевым и его соратниками от И.В. Сталина, Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева. Во-вторых, в двусторонних отношениях добавился и новый аспект, который вызывал озабоченность как советского, так и югославского руководства, – возникновение, активизация и усиление роли оппозиционных политических сил, которые могли угрожать как

¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – С. 380. Одним из свидетельств перемен в отношениях КПСС к СКЮ стало издание в 1987 г. сборника статей и речей Тито, в котором, однако, не было материалов, принципиально важных для понимания югославской концепции социализма и причин конфликта 1948 г. См.: Броз Тито И. Избранные речи и статьи. – Москва : Издательство политической литературы, 1987.

² Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. – Москва : Зевс, 1993. – С. 102.

³ Подробнее об официальном визите Генерального секретаря ЦК КПСС в СФРЮ см.: Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 г.). – Москва : НЛО, 2011. – С. 727–805.

⁴ Медведев В.А. Распад. Как он назревал в « мировой системе социализма ». – Москва : Международные отношения, 1994. – С. 229.

еще не отмененной «руководящей» роли КПСС и СКЮ, так и целостности обоих многонациональных государств. Как свидетельствуют опубликованные документы, по всем этим вопросам, в особенности по последнему, М.С. Горбачевым и руководством СКЮ была найдена общая точка зрения¹.

Однако это касалось только уровня КПСС и СКЮ, СССР и СФРЮ. Встретившись же с руководителями республик – Словении, Хорватии и Сербии, – а также с руководством республиканских Союзов коммунистов, советские гостичувствовали влияние националистических настроений. Пожалуй, ошибкой этого визита, которая сказалась в скором будущем на двусторонних отношениях, стало отождествление линии руководства Сербии во главе со С. Милошевичем, выступавшим за сохранение Югославии как сербского государства, с позицией сторонников сохранения Югославии как единого многонационального государства в принципе, пусть даже и в измененном виде (Председатель СИВ СФРЮ хорват А. Маркович). Вероятно, сыграло свою роль подсознательное и недостаточно критическое отождествление Югославии с СССР – государством с совершенно иной историей, этнодемографической ситуацией и традициями².

Во многом в результате непосредственных контактов Горбачева и членов его делегации с руководителями союзного и республиканского уровня советскому руководству стало окончательно ясно значение судьбы Югославии и СКЮ не только в масштабах одной страны, но и в масштабах всей социалистической Европы, для сохранения у власти коммунистических партий и сохранения многонациональных федераций. Югославская проблема стала рассматриваться в Кремле в новых ипостасях – уже не только как проблема взаимоотношений между социалистическими странами и различными коммунистическими партиями, но и как негативный вариант развития, как «предостережение» для СССР, а также как камень преткновения на переговорах руководства СССР с руководителями

¹ Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 10. Март-май 1988. – Москва : Весь мир, 2009. – С. 13–68; Визит Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Социалистическую Федеративную Республику Югославию. 14–18 марта 1988 г. – Москва : Издательство политической литературы, 1988; Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». – С. 727–805; Романенко С.А. «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм»? М.С. Горбачев и судьба Югославии // Славянский альманах-2006. – Москва, 2007. – С. 171–209.

² Медведев В.А. Указ. соч. – С. 229.

США, стран Западной Европы и евроатлантических структур. Сторонники реформ видели путь предупреждения межнациональных конфликтов и сохранения многонационального государства в расширении свобод, демократизации и децентрализации, а их противники – наоборот, в подавлении, в усилении репрессивного аппарата, централизации и унитаризме.

«Советско-югославская декларация», подписанная 18 марта 1988 г. в Дубровнике, спустя более тридцати лет после знаменитых «хрущевских» Белградской и Московской деклараций 1955–1956 гг., как и задумывали обе стороны, «закрывала период враждебности и распада»¹. Москва более не рассматривала СКЮ и СФРЮ как сооперника в Средней (Восточной) Европе и в международном коммунистическом движении. «До того момента невозможно было себе представить, – вспоминал Раиф Диздаревич, занимавший тогда пост союзного секретаря по иностранным делам СФРЮ, а в 1988–1989 годы – председательствующий Президиума СФРЮ, – чтобы советский лидер сказал (и притом в Белграде!), что никто не может навязывать свою модель другому»².

В то же время еще не было и речи о пересмотре роли правящих партий – КПСС и СКЮ. В СССР еще не была отменена ст. 6 конституции 1977 г. о КПСС как «руководящей и направляющей силе советского общества» (это произошло только 14 марта 1990 г.), «да и югославы при всем их “оппортунизме”, при том, что сами в свое время провозглашали отделение партии от государства, “дезтатизацию” и введение “непосредственной демократии”, не приняли бы подобной концепции»³. Обе партии тогда по-прежнему основывались на принципе демократического централизма, и их организационные принципы восходили к известной резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии» (1921 г.). Принятие принципа ротации

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы : в двух книгах. Кн. 2. – Москва : Изд-во «Новости». – С. 380. Также см.: Визит Генерального секретаря... Указ. соч. – С. 77, 78; Nikolić M. Informborno // Knjiga druga. – Zagreb : Centar za informacije i publicitet, 1989. – S. 301. También см.: Медведев В.А. Указ. соч. – С. 234–235.

² Dizdarević R. Od smrti Tita do smrti Jugoslavije. – Sarajevo : Svetlost, 2000. – S. 179. Приводимые слова были сказаны Горбачевым во время переговоров с Председателем Президиума СФРЮ Л. Мойсовым 14 марта 1988 г.: «Никто не обладает монополией на истину... Согласен с вами. Никто никому и ничего не может наязывать... Сегодня у нас не выявилось никаких разногласий». Горбачев М.С. Собр. соч. Т. 10. Указ. соч. – С. 16, 22.

³ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Указ соч. – С. 103.

и исключение Председателя СКЮ из состава Президиума СФРЮ означали отступление от принципов персоналистского и однопартийного режима. Ежегодная смена руководства партии и государства после ухода их харизматичного основателя Й. Броза Тито 4 мая 1980 г. в условиях нараставшего экономического кризиса и межреспубликанских и межнациональных противоречий привела к тому, что страна все глубже погружалась в примитивизм, догматизм, рутину, с одной стороны, и личные дрязги – с другой.

Проблема места коммунистической партии в перестроочный период в многонациональной стране волновала Горбачева настолько, что он попросил об особой встрече с Председателем Президиума СФРЮ Лазаром Мойсовым и Председателем Президиума ЦК СКЮ Бошко Круничем для того, чтобы поделиться с ними мыслями о возможности политической оппозиции. Эту же проблему он обсуждал и на отдельной – межпартийной – встрече с Круничем¹.

Подписанная декларация не только означала подведение окончательной черты под конфликтами и предрассудками прошлого. Несмотря на «дружественную, товарищескую атмосферу» визита, недоверие все же сохранялось. «На официальных встречах, да даже и в неофициальной обстановке, югославские руководители не очень охотно шли на откровенный обмен мнениями по межнациональным и межреспубликанским проблемам. Объяснение, с моей точки зрения, простое. Встречи с представителями республик проходили, как правило, в присутствии федеральных руководителей. Но и работники федеральных органов занимали свои посты как представители республик по принципу ротации. Они, по-видимому, не хотели углубляться в эти проблемы в беседах с советским руководителем, демонстрировать при нем свои противоречия, во всяком случае, проявляли определенную сдержанность. Мы, со своей стороны, не скрывали интереса к межнациональным проблемам, но старались делать это в ненавязчивой форме»².

«На официальном обеде, данном в честь Горбачева от имени руководства Сербии, царила атмосфера, которая предопределялась характером, манерой поведения Милошевича. Он был тогда председателем Президиума ЦК СК Сербии, чувствовал себя безусловным лидером республики [да и сербов в Югославии. – С. Р.]. Категоричность и беспепеляционность суждений, решительность, напор вы-

¹ Горбачев М.С. Собр. соч. Т. 10. – С. 23–24, 26–27.

² Медведев В.А. Распад. – С. 238.

деляли его не только из сербских руководителей, но и политических деятелей федерации». Суть его речи была понята советскими слушателями однозначно: «Это была открытая позиция в пользу укрепления централизма в югославской федерации вокруг ее сербского ядра, – писал Медведев. – Милошевича поддерживали и выдвигали как сильную личность различные общественно-политические силы в Югославии [? – С. Р.], в первую очередь в Сербии [именно так. – С. Р.]. Он пользовался поддержкой и Югославской народной армии. Об этом нам прямо и открыто говорили высокопоставленные и информированные представители военного руководства Югославии»¹.

Во время переговоров с Милошевичем Горбачев, как свидетельствуют его воспоминания, почувствовал «националистический настрой» собеседника. Однако и позднее, не совсем корректно, чисто политически и, может быть, отчасти подсознательно, сравнивая положение сербов и русских, Сербии и России, он полагал, что «руководители крупнейшей республики не без основания опасались, что усиление сепаратистских тенденций и течений, затронув прежде всего интересы граждан – сербов по национальности, проживающих в федерации, вызовет дестабилизацию всей страны»². Однако поскольку, как свидетельствуют документы, советский лидер вел с разными политиками переговоры в разном стиле, он «приспособился» к стилю Милошевича, отвечая ему схожей риторикой³.

Знал ли тогда советский руководитель о «Меморандуме Сербской академии наук и искусств» 1986 г., ставшем манифестом сербской националистической «перестройки»?⁴ Смогли ли тогда реально оценить этот документ его помощники? Во всяком случае, многоопытный советский генсек во время переговоров с руководителями Сербии, Хорватии и Словении не мог не увидеть значительных различий в их оценках ситуации в СФРЮ и предложениях относительно направленности реформ. Однако он не увидел (или не признал, что увидел) в позиции Милошевича сербского национализма,

¹ Медведев В.А. Распад. – С. 239.

² Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. – С. 384.

³ Более подробно о ходе визита и переговоров см., напр.: Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». – С. 748–758.

⁴ Текст см.: Михаиловић К., Крестић В. Меморандум САНУ. Одговори на критике. – Београд : САНУ, 1995. – С. 101–147. Этот многостраничный документ, являющийся ценным источником для понимания сути и содержания программы сербского национализма, к сожалению, до сих пор не переведен на русский язык.

нацеленного отнюдь не на укрепление федеративных принципов, а на укрепление позиции Сербии в едином государстве путем централистских мер¹.

В следующий раз М.С. Горбачеву и С. Милошевичу было суждено встретиться в Москве при драматических обстоятельствах 15 октября 1991 г. Но в марте 1988 г. еще никто и предположить не мог, что обеим странам и обеим партиям остается существовать не более трех лет.

1989, март – 1991, март: Москва²

Еще в 1988 г. начали проявляться тенденции, которые встревожили руководство не только КПСС и СССР, но и практически всех социалистических стран и правящих в них «коммунистических и рабочих партий». В первую очередь это коснулось СФРЮ. Специфика этого государства состояла, во-первых, в том, что эта многонациональная социалистическая федерация была создана в результате освобождения от иностранной оккупации в 1945 г.; во-вторых, в том, что в результате конфликта КПЮ (СКЮ) и ФНРЮ с ВКП(б) и СССР и союзными им партиями и государствами в 1948–1955 (1956) гг. Югославия оказалась вне Восточной Европы, т.е. экономического и военно-политического союза социалистических стран Европы. Одним из парадоксов развития Югославии после нормализации отношений с СССР на государственном и партийном уровнях в 1955–1956 гг. стало то, что устранение военной угрозы со стороны СССР и его союзников повлекло за собой размораживание процессов национального самоопределения в СФРЮ. Перестройка в СССР и начало окончания холодной войны в еще большей степени активизировали эти процессы, которые наложились на рост оппозиционных – антикоммунистических – настроений во всех республиках СФРЮ, образованных в свое время по этнополитическому

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. – С. 384–386; Союз можно было сохранить. Белая книга : документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. – Москва : Изд-во «Апрель-85», 1995.

² Эта тема подробно рассмотрена в: Романенко С.А. СССР и распад Югославии : идеологический и международный аспекты // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков. 1985–1991. – Москва : РГГУ, 2021. – С. 174–195.

признаку. Этнический национализм оказался единственной идеологической и психологической альтернативой коммунистическому югославизму – «братьству и единству наций и национальностей».

Общие проблемы и особенности развития социалистических стран обсуждались как на высшем партийно-государственном, аппаратном, так и на экспертном и научном уровнях¹. Проблемы перспектив развития социалистических стран начали обсуждаться в СССР в 1988 г.²

Советские руководители независимо от увеличивавшихся по мере развития перестройки различий в своих политико-идеологических позициях с тревогой следили за тем, как в 1988–1991 гг. центробежные и дезинтеграционные процессы в СФРЮ стали идти по восходящей и в конце концов приняли необратимый характер.

Межнациональные противоречия как в Югославии, так и в СССР с конца 1980-х годов набирали силу и стали основой указанных процессов в обеих странах в 1989–1990 гг. Поэтому югославская проблематика постепенно стала рассматриваться в Кремле в новых ипостасях – уже не только как проблема взаимоотношений между социалистическими странами и двумя коммунистическими партиями, но и как негативный опыт развития, как предостережение КПСС и СССР, а также как международная проблема на переговорах руководства СССР с руководителями США и стран Западной Европы. Актуальность проблемы подтверждают и внутриаппаратные – на уровне партии и органов государственной безопасности – югославские документы тех лет³.

Относительно недавно опубликованы некоторые материалы аппарата ЦК КПСС, МИД СССР и КГБ СССР (они находятся на постоянном хранении в РГАНИ). В документах признавались проявления национализма не только у словенцев, хорватов и албанцев, но и у сербов. В то же время аналитики не придали значения тому, что и руководству Сербии, и Союзу коммунистов Сербии во главе со С. Милошевичем был присущ национализм, что они пытались сохранить целостность Югославии на великосербской основе.

¹ Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. – Москва : РОССПЭН, 2015. – С. 39–247; Анатомия конфликтов : Центральная и Юго-Восточная Европа : документы и материалы последней трети XX века. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. – Т. 2 : Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. – С. 37–93.

² Анатомия конфликтов... – С. 43–48.

³ Там же. – С. 822–837.

А именно нерушимость границ в Европе была геополитической и идеологической целью советского руководства. 1990 год предопределил судьбу и СССР, и СФРЮ, и самой идеи многонациональной этнотERRиториальной социалистической федерации как формы национального самоопределения. Именно тогда стало ясно, что Югославия фактически прекращает свое существование как единое политическое, правовое и экономическое пространство.

С 1990 г. во всех республиках СФРЮ шло активное формирование основ этнонациональной государственности – новой формы национального самоопределения. Это выражалось прежде всего в формировании принципиально новых – многопартийных – политических систем. Оно проходило по этнореспубликанскому принципу, после того как на своем XIV (чрезвычайном) съезде СКЮ 22 января 1990 г. фактически прекратил свое существование. В течение всего года – с 8 апреля в Словении по 9 декабря в Сербии и Черногории – во всех республиках прошли первые после 1945 г. многопартийные выборы, на которых в большинстве случаев победу одержали антикоммунистическая оппозиция или коммунисты-реформисты (исключение составили только Сербия и Черногория). Кроме того, республиканские парламенты вносили поправки в прежние конституции и принимали новые, правительства объявляли экономические блокады и – что самое опасное – начались мелкие конфликты на этнической почве среди проживавшего смешанно или чересполосно населения в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Да и в Словении росла обусловленная этнополитическими факторами напряженность. В январе 1990 г. СКЮ прекратил свое существование, а многопартийные выборы в общеюгославском масштабе так никогда и не состоялись.

Все это происходило параллельно с «парадом суверенитетов» союзных республик в СССР, обострением отношений Москвы с республиками Балтии, межэтническими конфликтами, появлением первых симптомов роста внутренней нестабильности в КПСС и возникновением зачатков многопартийности¹. Несмотря на все идеологические различия и предрассудки, социалистическая Югославия в глазах Москвы оставалась не только социально однотипным государством, но и многонациональной этнотERRиториальной федерацией, развитие событий в которой могло стать не только

¹ См., напр.: Россия. Хроника основных событий. IX–XX вв. – Москва : РОССПЭН, 2002. – С. 682–693.

предзнаменованием, но также вполне реальным прообразом возможных событий в самом СССР.

О степени озабоченности советского руководства развитием событий в СФРЮ и понимания им «первопричин произошедшего там взрыва» и его возможных последствий свидетельствует одна из «записок», направленных Шахназаровым Горбачеву еще в декабре 1990 г. и озаглавленная «К вопросу о Югославии». «Перед нами сейчас традиционная для международных отношений политическая задача: как совместить два справедливых интереса (государственный суверенитет и право народов на самоопределение. – С. Р.), не допустив при этом ущерба окружающим. Задача высшей политической сложности, и если ее не удастся решить, последствия могут быть катастрофическими», – писал Шахназаров, подчеркивая, что эти признанные международным правом принципы «составляют фундамент общеевропейского процесса». Справедливо отмечая, что «противостояние периода холодной войны как бы отодвинуло на задний план региональные противоречия на континенте», советник писал, что «теперь возникла реальная угроза того, что тлевшие здесь конфликты могут вспыхнуть с новой силой, поставив под угрозу всё развитие мирного общеевропейского процесса». Безусловно, настаивал он, «решать эту проблему – право народов самой Югославии и ее правительства. <...> Однако нельзя допустить, чтобы пожар войны опалил эту прекрасную страну и перекинулся на соседей». Поэтому «бесспорны и право, и обязанность участников Европейского сообщества оказать всемирную поддержку и помочь югославам в этот трагический для них час»¹.

Поэтому было бы «крайне важно выработать некоторые общие подходы к событиям в СФРЮ. В декларациях ООН и документах СБСЕ, особенно Парижской хартии (21 декабря 1990 г. – С. Р.), заложены требования, которые должны соблюдаться в таких случаях. Речь идет, во-первых, о том, что право народов на самоопределение должно осуществляться так, чтобы при этом не допускалось нарушение суверенитета государств, основным признаком чего является

¹ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. – С. 505–506. Остается только сожалеть, что Г.Х. Шахназаров не привел в своих воспоминаниях документов, относящихся к визиту М.С. Горбачева в СФРЮ в 1988 г., а также к интенсивным контактам между советским и югославским руководством весной и летом 1991 г. Это же относится и к книге: В Политбюро ЦК КПСС : по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). – Москва : Альпина бизнес букс, 2006.

территориальная целостность, – продолжал Г.Х. Шахназаров. – Вторых, любые изменения не должны вести к перекройке границ в Европе, нерушимость которых стала главной гарантшей мира и безопасности на континенте. Отсюда вытекает, что не могут признаваться односторонние акты, нарушающие конституционный порядок в том или ином государстве. Пойти по этому пути – значило бы нарушить принцип невмешательства во внутренние дела, породить цепную реакцию, разрушающую всю международную законность»¹.

Противоречивость этих двух групп принципов, о которых писал Шахназаров, отразилась и в Парижской хартии для новой Европы от 21 ноября 1990 г., которая исходила из 10 принципов, зафиксированных в Заключительном акте от 1 августа 1975 г. Документы содержали в себе противоречащие друг другу принципы: с одной стороны, нерушимость границ и территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела, а с другой – право на самоопределение. В 1975 г. это была фиксация Ялтинско-Потсдамской системы, в 1990 г. – эти же слова означали распад Ялтинско-Потсдамской системы и создание **новой** [выделено мной. – С. Р.] Европы².

Сказывалось непонимание того, что национальное самоопределение является не только зафиксированным в Уставе ООН (ст. 1 п. 2) правовым принципом и политическим лозунгом, но и историческим процессом, охватившим второй период Нового времени, Новейшее время и современную историю³.

«События в Югославии, – заканчивал Шахназаров, – первое серьезное испытание той новой системы безопасности, которая начинает формироваться в Европе и в мире в итоге произошедших перемен. Сумеем сообща пройти это испытание – будет доказана устойчивость и надежность опор нового международного порядка»⁴. Однако дальнейшие события, в особенности начиная с 1991 г., пока-

¹ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. – С. 506.

² Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. – 1975. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 31.08.2023).

³ Парижская хартия для новой Европы. – 1990. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/4/39520.pdf> (дата обращения: 31.08.2023); Устав ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 31.08.2023).

⁴ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. – С. 506.

зали, что «новый международный порядок» приобрел совершенно иной характер.

Содержание информации и документов, представленных Международным отделом ЦК КПСС, МИД, КГБ, свидетельствует о том, что в советском партийном и государственном аппарате даже в рамках официальной идеологии и методологии, определявшей и политическую позицию СССР, существовали разные точки зрения на происходящие в Югославии события, на их природу, причины и возможные последствия, на поиск вариантов решений, удовлетворявших советское руководство. Однако в течение 1989–1991 гг. эти точки зрения изменялись по нескольким причинам: изменились ситуации в СФРЮ и СССР, актуальными становились проблемы, о возникновении которых югославское и советское руководство (во всяком случае, некоторые его деятели) даже думать отказывались, например единство СКЮ и сохранение его руководящей роли, социалистический выбор, возникновение многопартийности, кризис федерации и поиск путей сохранения единого югославского государства в форме конфедерации, оценка позиции отдельных политических руководителей – А. Марковича, С. Милошевича, М. Кучана, а также оппозиционных партий и их руководителей – исключительно как националистических и «правых», отождествление идеи сохранения Югославии как единого государства с позицией С. Милошевича и / или Анте Марковича, роль в развитии событий в Югославии европейского сообщества и США – примирение и сохранение или поддержка центробежных и дезинтеграционных процессов и сил в контексте процесса прекращения холодной войны и изменения конфигурации в европейском и глобальном масштабах, бархатных¹ революций в странах Восточной Европы и развитие событий в самом СССР. Цель советского руководства состояла в том, чтобы сохранить Югославию, сохранить социалистическую Югославию, сохранить власть СКЮ и однопартийную систему (как и в других социалистических странах).

Судя по тексту, предпочтение в качестве партнера – сторонника сохранения югославского государства советская стороны отдавала главе правительства СФРЮ и партии Союза реформаторских

¹ Подробнее об этом см., напр.: Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». – С. 727–788.

сил Югославии А. Марковичу¹. Если исходить из общих соображений, то именно эта партия была наиболее близка Горбачеву и его единомышленникам. Именно на СРСЮ некоторые силы в Москве рассчитывали как на «замену» СКЮ в качестве общеюгославской партии. Сдержанное отношение к Милошевичу в узком кругу Горбачева сформировалось, видимо, во время поездки в марте 1989 г., хотя впоследствии он в своих воспоминаниях под влиянием распространившихся в части российского общества настроений дал ему более благожелательную оценку.

Изменились в Москве и взгляды на конфедерацию как на форму сохранения государственного единства, после того как стало очевидно, что многонациональная социалистическая федерация себя исчерпала, а создание многонационального централистского государства невозможно. Первоначально отвергалась сама идея конфедерации. Затем, по мере нарастания центробежных и дезинтеграционных тенденций, а также роста оппозиционных антикоммунистических настроений, получавших политическое оформление, она стала рассматриваться как альтернатива либо установлению многонационального централистского государства, либо, после полного распада, созданию национальных (хотя и полигэтнических) государств в республиканских границах. Именно возможность возникновения вооруженных конфликтов с целью изменения республиканских границ, превращавшихся в государственные в процессе распада СФРЮ, и беспокоила всех без исключения политиков – югославских, советских, восточно- и западноевропейских, американских.

Кроме того, распад СФРЮ даже в процессе окончания холодной войны рассматривался в мире как изменение конфигурации системы безопасности. В связи с этим отметим, что в октябре 1990 г. в очередной «Записке» Международного отдела ЦК КПСС положительную характеристику получила позиция Запада, которая оценивалась как сдерживающая сепаратизм, а не как его провоцирующая.

Аналитические документы ЦК КПСС демонстрируют недоверие советской стороны к словенскому и хорватскому национальным движениям, в том числе и коммунистам. Это было

¹ После прекращения существования СКЮ в июле 1990 г. создал Союз реформистских сил (Savez reformskih snaga Jugoslavije) – партию социал-демократических позиций, выступавшую за превращение Югославии в современное европейское демократическое государство.

следствием не только восприятия их как сепаратистов, но и наличия вполне осознанных, а также подсознательных политических, этнических, конфессиональных и культурных предрассудков («националисты», «сепаратисты», «католики», «западники», «кантикоммунисты»). Постепенно С. Милошевич, выступавший под лозунгом сохранения Югославии, стал восприниматься как наименьшее зло. Впоследствии в связи с его отрицательной позицией по отношению к реформам в СССР и в СФРЮ взгляды Милошевича (национализм крупнейшей нации в государстве, централизм, вождизм, «сильная личность») стали привлекать все большее внимание в советском аппарате. Его риторика, в том числе и ссылка на сербско-русское братство, многих в Москве вводила в заблуждение. Сказывались и отождествление Югославии и сербского государства, незнание и непонимание традиций отношений народов Югославии, отождествление сепаратизма и национального самоопределения. Кроме того, Милошевич находился в Белграде – столице не только Сербии, но и СФРЮ, – и постепенно стал восприниматься как элемент «югославского руководства». Хорват А. Маркович принадлежал к реформаторскому крылу, выступал за сохранение Югославии как общего многонационального государства. Кроме того, он был более слабым политиком и личностью, чем Милошевич, на словах сторонник социализма.

В Москве постепенно изменялось и представление о субъектах внутриюгославского конфликта. Если во время подготовки и проведения XIV съезда СКЮ основными соперниками считались СК Сербии и СК Словении, то уже в октябре 1990 и феврале 1991 г. в качестве основных противостоящих сил рассматривались Сербия и Хорватия – «две крупнейшие республики».

Нельзя не упомянуть и воздействие «внешних факторов» – революции в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы 1989–1990 гг., перестройку в СССР, а также падение Берлинской стены (9 ноября 1989 г.), встречу М.С. Горбачева и Дж. Буша – старшего на Мальте (2–3 декабря 1989 г.) и Парижскую хартию для новой Европы (21 ноября 1990 г.), иными словами, процесс окончания холодной войны.

Обсуждение вопросов, посвященных судьбе СФРЮ, Президент СССР неизменно использовал для агитации за собственный план сохранения реформированного СССР. «Мы выражали надежду, что нынешний переход к новому качеству югославской федерации завершится успешно. Мы это воспринимаем близко,

потому что это перекликается с процессами в нашей стране», – говорил он в мае 1991 г. после встречи с премьер-министром Италии¹.

1991, май – август: Москва – международная активность

Внешним отражением произошедших в этот период изменений в Югославии и в советско-югославских отношениях стало изменение официальной лексики, имеющей большое значение в дипломатическом и внешнеполитическом процессе. В своих телеграммах соответственно от 16 и 18 марта 1990 г. по случаю избрания Горбачева президентом СССР Янез Дрновшек и Анте Маркович обращаются к главе советской партии и государства «уважаемый товарищ Президент». Сам же Горбачев в телеграмме Степану Месичу от 5 июля 1991 г. с поздравлениями по случаю избрания Председателем Президиума СФРЮ обращается к последнему как к «Председателю Президиума СФРЮ господину Степану Месичу»².

2 августа Горбачев обращался к прибывшему в Москву с давно запланированным визитом А. Марковичу «товарищ», имея в виду его многолетнее членство в СКЮ и попытку создать партию – Союз реформаторских сил Югославии, который стал бы продолжателем СКЮ, что было близко Горбачеву и его соратникам.

Между этими двумя датами (май – 1–2 августа) стоит провозглашение парламентами Хорватии и Словении 25 июня 1991 г. деклараций о независимости каждой республики. Это было негативно встречено в ориентировавшейся на официальный Белград (будь то Милошевич или Маркович) Москве, которая расценила эти шаги как «не получившие признания государственных органов СФРЮ и не могущие рассматриваться как способствующие решению сложных проблем Югославии». В заявлении МИД СССР от 26 июня 1991 г., посвященном этим событиям в Загребе и Любляне, говорилось, что

¹ Цит. по: Хроника внешнеполитических событий в СССР. 1991 г. Май // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований имени М.С. Горбачева (Горбачев-Фонд). – URL: https://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29328/ (date of access: 08.09.2023).

² См.: Югославский кризис и Россия : документы, факты, комментарии (1990–1993) / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. – Москва : Славянская летопись, 1993. – С. 55, 56, 58.

«Советский Союз последовательно выступает за единство и территориальную целостность Югославии, нерушимость ее границ, включая внутреннее право народов Югославии решать свою судьбу, поддерживает федеральные структуры власти, которые стремятся обеспечить сохранение югославского государства»¹.

Любопытно, что С. Месич², вспоминая о событиях лета 1991 г., так оценивал советскую позицию, направленную на сохранение СФРЮ: «Что касается Советов, их позиция по отношению к Югославии, хотя и по другим причинам, была такой же, как и американская»³. К подобному же выводу пришел и помощник президента СССР А.С. Черняев: «Глобальное наблюдение вот в чём: США и СССР фактически начинают проводить в мире одну и ту же политику (Ирак, Ближний Восток, Европа – Югославия...). Но это произошло тогда, когда США убедились, что мы им не опасны»⁴. Подобную же позицию занимали тогда и другие европейские страны⁵.

Летом 1991 г. Горбачев в югославском вопросе последовательно стремился найти «общие подходы» с руководителями стран Западной Европы и США. Более того, он подчеркивал это публично, вероятно, иногда преувеличивая степень реально достигнутого взаимопонимания. В мае – июле 1991 г. его собеседниками в Москве были руководители Италии (Дж. Андреотти), ФРГ (Г. Коль), Испании (Ф. Гонсалес) и США (Дж. Буш – старший)⁶.

Во время летних встреч в Москве как советские, так и иностранные политики стремились уйти от обзывающих сущностных характеристик конфликта, называя его «кризисом», «драматиче-

¹ Заявление МИД СССР от 26 июня 1991 года // Югославский кризис и Россия. – С. 56.

² Месич Стјепан – в 1990 г. вступил в Хорватский демократический союз Ф. Туджмана. Первый премьер-министр Хорватии. Когда Сабор Хорватии избрал его членом Президиума СФРЮ от Хорватии, ушел в отставку. В 1991 г. стал последним Председателем Президиума СФРЮ. В 1992 г. избран председателем Сабора Хорватии. В 1994 г. вышел из ХДС и утратил свой пост. В 2000 и 2005 г. избран президентом Республики Хорватия.

³ См.: *Mesić S. Kako je srušena Jugoslavija.* – Zagreb : Mislavpress, 1994. – S. 39–40.

⁴ Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. – Москва : РОССПЭН, 2008. – С. 968. (Запись от 1 августа 1991 г.)

⁵ Югославский кризис и Россия. – С. 219.

⁶ Записи бесед М.С. Горбачева с вышеперечисленными деятелями хранятся в Архиве Фонда М.С. Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1. Записи бесед М.С. Горбачева с главами иностранных государств, правительств и политических партий.

ским развитием событий» и т.п. Лишь в заявлении Советского правительства от 2 августа 1991 г. говорится о «тяжелом гражданском конфликте»¹.

Совершенно иное содержание придает, например, планам Германии относительно участия СССР в урегулировании ситуации в СФРЮ тогдашний министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер, которого впоследствии многие российские политики стали называть главным виновником «развала» СФРЮ: «Летом 1991 года, чувствуя свою обязанность включить Советский Союз во все фазы политики по отношению к Югославии, <...> мое стремление состояло в том, – пишет он, – чтобы с помощью ОБСЕ мы полностью привязали Советский Союз к решениям ЕС о конфликте в Югославии, чего можно было добиться и последующими шагами ЕС»².

Сторонники Горбачева довольно трезво оценивали роль и цели Милошевича и его окружения: «С ним связывалось противодействие опасности раз渲а югославской федерации, вокруг него происходила концентрация радикально-традиционистских сил в югославском обществе, которые проявили себя попытками остановить процесс распада, не останавливаясь перед применением жестких методов борьбы с сепаратистскими тенденциями во имя сохранения югославской федерации при доминирующем влиянии Сербии»³.

МИД СССР 26 июня 1991 г. опубликовал заявление, в котором говорилось, что «Советский Союз последовательно выступает за единство и территориальную целостность Югославии, нерушимость ее границ, включая внутреннее право народов Югославии решать свою судьбу, поддерживает федеральные структуры власти, которые стремятся обеспечить сохранение югославского государства»⁴. В этот период на советском телевидении началась активная антисловенская и антихорватская пропаганда. Наиболее консервативные силы в КПСС, пытаясь обосновать антигорбачевскую платформу, ссылались на «положительный» пример Китая, успехи

¹ Югославский кризис и Россия. – С. 60.

² Genscher H.D. Sjećanja. Prevod s njemačkog. – Zagreb : Hrvatska sveučilišna naklada–Hrvatski institut za povijest, 1999. – S. 518, 522.

³ Медведев В.А. Распад... – С. 240.

⁴ Цит. по: Рыжков Н.И., Тетекин В.Н. Югославская Голгофа. – Москва : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 2000. – С. 75.

которого объяснялись отсутствием в стране «лишней демократии», и Югославии, где, по их мнению, она была¹.

Если раньше советские генсеки всеми силами откращивались от непредвзятого и неидеологизированного анализа югославского опыта и тем более переноса его на советскую почву (за исключением краткого периода начала 1960-х годов), то теперь советский президент стал присматриваться к позитивному и негативному опыту югославских товарищей, признал родство партий и государств.

Важнейшим внутри- и внешнеполитическим обстоятельством стало поражение ЮНА в «десетидневной войне» 27 июня – 7 июля 1991 г. и подписание при посредничестве ЕС Брионского соглашения, имевшего и значение общеюгославского компромисса: ЮНА прекращала боевые действия на территории Словении (выход частей ЮНА был завершен только в октябре 1991 г.), а Словения и Хорватия объявили трехмесячный мораторий на введение в действие принятых ими деклараций независимости.

1991, 1–2 августа, Москва

Практически одновременно с публикацией советско-американского заявления по Югославии (см. ниже главу П.Р. Палажченко) в Москву с долгожданным «рабочим визитом» прилетел А. Маркович. 1 августа он встретился с премьер-министром СССР В.С. Павловым. «Председатель югославского правительства подробно проинформировал о ситуации, складывающейся в СФРЮ, об усилиях союзных органов в поисках налаживания в стране конструктивного диалога, мирного решения югославских проблем, – сообщали “Известия”. – Премьер-министр СССР подтвердил позицию Советского Союза в поддержку целостности Югославии. Было подчеркнуто, что Советский Союз выступает за создание таких внешних и внутренних условий, которые позволили бы югославским народам мирным, демократическим, конституционным путем самим решить вопрос о будущем государственном устройстве СФРЮ². То, что государство было названо СФРЮ, а не Югославия, уже, по сути,

¹ См.: *Лацис О.Р. Тщательно спланированное самоубийство. – Москва : Московская школа политических исследований, 2001. – С. 359.*

² Там же.

предопределяло неизменность основных принципов дальнейшего развития государства с точки зрения Москвы.

«Международные усилия, направленные на стабилизацию обстановки в Югославии, не должны входить в противоречие с принципом невмешательства во внутренние дела, – говорилось далее в официальном сообщении. Они констатируют, что заявление заседания совета министров иностранных дел – участников СБСЕ в Берлине сохраняет свою значимость и должно соблюдаться всеми сторонами. А. Маркович высоко оценил конструктивную морально-политическую и дипломатическую поддержку Советским Союзом усилий союзного правительства по стабилизации обстановки в стране, сохранению единства и территориальной целостности». В переговорах участвовали министр внешних экономических связей К.Ф. Катушев, первый заместитель министра иностранных дел Ю.А. Квицинский и с югославской стороны – А. Митрович¹ (будущий преемник Марковича на посту председателя СИВ), заместитель секретаря по иностранным делам М. Максич и посол СФРЮ в СССР А. Рунич².

2 августа 1991 г. А. Марковича принял М.С. Горбачев. В Архиве Горбачев-Фонда хранится «запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с председателем Союзного исполнительного веча (правительства) СФРЮ А. Марковичем»³.

Предваряя содержательную часть переговоров, Президент СССР заверил гостя, что «у нас в стране с интересом и озабоченностью следят за тем, что происходит в дружественной Югославии». Председатель правительства сразу перешел к оценке ситуации в его стране, которая, по его мнению, «остается критической. Есть два выхода из положения. Первый – это немедленная ломка всей системы, разрыв складывавшихся десятилетиями связей и развал государства. Можно хорошо себе представить, какую цену придется в таком случае заплатить за это югославским народам. Второй вариант, за который выступает правительство СФРЮ [эта позиция расходилась с позицией Милошевича. – С. Р.], – это, не ломая сложившейся системы и связей, приступить к реформам и мирным демократическим путем договориться о будущем югославского государства...» При

¹ Известия. – 1991. – № 183, 02.08. – С. 4.

² Конец эпохи. – С. 870.

³ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с председателем Союзного исполнительного веча (правительства) СФРЮ А. Марковичем // Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

этом, по мнению Марковича, должны быть «осуществлены серьезные изменения, направленные на создание рыночной экономики, включая рынок труда и капитала, трансформацию форм собственности...» Он отметил также, что «значительно выросли валютные резервы страны, удалось свести на нет инфляцию». Маркович понимал, что для дальнейшего реформирования нужны были изменения и в политической области (и в этом он был согласен с Президентом СССР). Еще в конце 1989 г. правительство СФРЮ [т.е. Маркович, занимавший пост премьера с 16 марта 1989 г. – *C. P.*] предложило начать разработку новой конституции СФРЮ. При этом возникали вопросы: что именно предполагалось сохранить – единое многонациональное государство; социалистическую систему в этом государстве; власть СКЮ.

«Однако республики, и в первую очередь Словения, блокировали принятие новой конституции, – продолжал рассказывать А. Маркович. – Сами же республики приняли новые республиканские конституции, которые не только не соответствовали конституции СФРЮ, но и вступали с ней в противоречие. Вследствие этого сложилась парадоксальная ситуация, когда в стране параллельно действуют семь правовых систем: шесть республиканских и одна союзная. Отказ республик изменить конституцию СФРЮ наглядно свидетельствует о том, что они уже давно взяли курс на отделение от югославской федерации». Таким образом, по мнению А. Марковича, курс на отделение от югославской федерации взял и президент Сербии С. Милошевич. Однако возникает вопрос: а разве принятие конституций – не мирный путь? Если югославское государство исторически изжило себя, то, вероятно, попытка сохранить его целостность неизбежно ведет к вооруженным конфликтам. Однако история показала, что распад и образование независимых государств вместо союзных республик также ведет к этнотERRITORIALНЫМ (в том числе и вооруженным) конфликтам в случае прихода к власти националистически ориентированных сил.

«На происходивших во всех республиках многопартийных выборах везде победили партии националистической ориентации. Это, естественно, привело к возникновению конфликтов на национальной, религиозной, этнической почве, – продолжал А. Маркович. – А главное, все это повернуло вспять процесс экономических реформ. Республики стали требовать в собственность предприятия, находящиеся на их территории, т.е. и здесь процесс пошел вспять. Вместо приватизации общественной собственности вновь, по сути дела, вернулись к огосударствлению. Правительство же выступало

за свободу на едином югославском рынке». Таково, по мнению председателя правительства Югославии, было соотношение этно-политических, социальных и экономических процессов.

«Кроме того в деятельности отдельных партий в республиках проявлялись и некоторые элементы национал-социализма [этот термин в советской версии записи беседы вызывает сомнение. В советских документах 1989–1991 гг. он не использовался. Ответ может дать югославская версия записи беседы. – С. Р.]. А народы наших двух стран прекрасно знают, к чему это может привести. Такое развитие событий, усиление центробежных тенденций в федерации в результате роста национализма подорвали основы экономической системы страны, и сейчас задача правительства состоит в том, чтобы восстановить функционирование нарушенной системы. Мы также уверены, что развал Югославии [вероятно, более точным в данном случае является термин “распад”, поскольку А. Маркович говорил о внутренних процессах. Безусловно, это вопрос трактовки терминов переводчиком. – С. Р.] может иметь негативные непредсказуемые последствия не только для Европы, но и для всего мира. Поэтому правительство выступает за нерушимость внутренних и внешних границ Югославии [Милошевич, как и генералы ЮНА, фактически выступал за изменение внутренних границ, за совпадение республиканских границ с этническими в представлении властей, реальными или провозглашенными. – С. Р.], за невмешательство в ее внутренние дела. Сложность ситуации заставляет нас принимать помошь стран Европейского сообщества в деле разрешения конфликтной ситуации между республиками. Но правительство считает, что такая помошь может осуществляться лишь с его согласия и по его просьбе. Внутренние проблемы Югославии должны решать сами югославы», – закончил изложение своей принципиальной позиции А. Маркович¹.

М.С. Горбачев ответил, что, по его мнению, «внутренние процессы наших многонациональных стран во многом очень схожи. Целый ряд возникающих в Югославии проблем [хотелось бы уточнить, имеет ли здесь место сравнительная или стадиальная характеристика. – С. Р.] фактически имеет зеркальное отражение в нашей стране. Мы, так же, как и вы, считаем, что распад [см. выше о переводе этого термина. – С. Р.] Югославии [можно ли было его предот-

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с А. Марковичем. – Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

вратить? И что это значит – сохранить формальное единство? – *C. P.*] приведет к весьма негативным последствиям для всего мирового сообщества. Мы об этом открыто и последовательно говорим в наших контактах с руководством США и стран Западной Европы. Эта наша позиция нашла свое отражение в недавнем советско-американском заявлении по Югославии. Мы настояли на включении в нее положения о необходимости соблюдения принципов Парижской хартии для новой Европы, а то, как известно, прежде всего территориальная целостность государства, нерушимость границ, мирные методы действий. Сейчас некоторые западные страны выдвигают право каждого народа на самоопределение. Мы тоже за самоопределение. [Напомним, что этот термин почти не упоминался в советской аналитике в 1988–1991 гг.] Но процесс самоопределения должен проходить мирным путем в рамках законности и в соответствии с конституцией страны. Все другие пути ведут к конфликтам. Самая сложная проблема – это, конечно, проблема границ. Это касается и Вашей страны, и нашей, да и всей Европы. <...> А народы каждой страны хотят жить в мире, в едином государстве [в том-то и дело, что не все хотят жить в едином государстве! В одну историческую эпоху этнонационализм – используем это слово без какой-либо негативной коннотации – способствует созданию многонациональных и полиэтнических государств, в другую – их распаду. – *C. P.*]. Это наглядно продемонстрировали результаты всесоюзного референдума, в ходе которого за сохранение единого союзного государства высказались свыше 70% советских граждан». [Существует и иная интерпретация референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г. – *C. P.*]¹

«В своих беседах с руководителями других стран мы подчеркиваем, что принципы нерушимости границ важны не только для нашей страны, но и для всей Европы. Мы уверены, что все, кто искренне желает добра народам Югославии и преданы делу строительства новой Европы [внутренние и исторически закономерные процессы в Югославии и СССР подорвали результаты окончания холодной войны и дальнейшей нормализации международных отношений. – *C. P.*], должны проявить максимум ответственности и понимания того, что распад Югославии чреват трагическими последствиями для благотворных международных процессов, которыми отмечены последние годы. Ведь проблемы могут возникнуть и

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с А. Марковичем. – Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

в Западной Польше, и в Германии в других регионах Европы. Мы об этом откровенно говорили с Г. Колем. Нам кажется, что он понял наш подход и задумался над нашими соображениями. Наиболее разумной и отвечающей интересам как Югославии, так и всей Европы нам представляется позиция Дж. Андреотти».

А. Маркович согласился с М.С. Горбачевым: «Мы заметили, что после визита в СССР Г. Коль несколько изменил свой подход к событиям в Югославии в лучшую для нас сторону. Что касается Дж. Буша, то его позиция претерпела определенные изменения. Раньше он прямо высказывался в поддержку союзного правительства и его председателя. Сейчас такой поддержки уже нет. Согласен с вами, что наиболее разумную позицию занимает Дж. Андреотти. Австрия, Венгрия и ряд других стран продолжают пока маневрировать».

Затем президент СССР поставил ключевой для обоих государств вопрос – о роли союзной армии: «А как Вы оцениваете роль Югославской народной армии?»

Председатель правительства СФРЮ ответил прямо: «Армия подчиняется непосредственно Президиуму СФРЮ. А в Президиуме сейчас нет единства. Два месяца этот орган, являющийся по конституции СФРЮ верховным главнокомандующим, вообще не функционировал, и ЮНА была вынуждена взять на себя защиту единства и целостности страны. Ситуация осложняется наличием у населения огромного количества оружия. [И это начнет сказываться в самом ближайшем будущем. Парадоксальным образом, на события 1991–1995 гг. наложили отпечаток деятельность югославского руководства во время советско-югославского конфликта 1948–1953 (1956) гг. и мероприятия в рамках формирования Территориальной обороны. – С. Р.]. Сейчас вооружаются все. Свои военизированные формирования создают также и политические партии, что может в любой момент спровоцировать вооруженные столкновения. Правительство же требует незамедлительного их распуска]. [К этому надо было бы добавить и процесс превращения ЮНА в сербскую по национальному составу армию. – С. Р.]¹

Отвечая на вопрос М.С. Горбачева о ситуации в Косово, А. Маркович был краток: «Внешне там сейчас спокойно. Но положение сложное. За этим спокойствием кроется взрывоопасная ситуация».

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с А. Марковичем. – Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

Завершая беседу, президент СССР заверил «товарища Марковича», что позиция СССР в отношении Югославии остается неизменной. «Мы поддерживаем нормальные отношения с федеральными органами СФРЮ и в первую очередь с югославским правительством. Мы не признаем провозгласивших независимость югославских республик. Вам известно, что мы дезавуировали заявление о признании Литвой независимости Словении и Хорватии. Данное заявление не может иметь каких-либо международно-правовых последствий. Советский Союз ясно и последовательно выступает за территориальную целостность страны, нерушимость внутренних границ Югославии, мирное решение конфликтов демократическим путем. [Увы! История показала, что не удалось ни сохранить единство государства, ни территориальную целостность, ни избежать вооруженного конфликта как в СССР, так и в Югославии, ни решить конфликт демократическим путем. – С. Р.] Республики Югославии сами без постороннего вмешательства договорятся о новых отношениях и новом характере государственности. Что касается роли международного сообщества и европейских государств в оказании помощи Югославии в решении межреспубликанских [не межнациональных. – С. Р.] конфликтов, то здесь необходимо действовать только в русле Хельсинкского процесса, руководствуясь принципами Парижской хартии для новой Европы. Добрые услуги со стороны международных организаций и других государств возможны только по просьбе и при участии законного правительства»¹. [Заметим, что при посредничестве и политическом давлении ЕЭС 7 июля 1991 г. удалось подписать Брионские соглашения и закончить «десетидневную войну» в Словении. – С. Р.]

Маркович поблагодарил советскую сторону и М.С. Горбачева, заявив, что тот «абсолютно правильно определил главные направления, по которым нас нужно поддерживать: территориальная целостность Югославии, нерушимость ее внешних и внутренних границ, мирное решение всех споров, подписание договора о будущем устройстве югославского государства. Для этого, разумеется, нужно время»². Однако, как выяснилось очень скоро, этого времени ни у президента СССР, ни у Председателя Правительства Югославии не оказалось. В следующий раз М.С. Горбачеву 16 октября пришлось

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с А. Марковичем. – Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

встречаться уже с лидерами фактически независимых государств. Это было одновременно и посредничество, и признание распада Югославии.

На следующий день в «Известиях» была опубликована официальная информация о встрече, которая содержала сокращенный текст реплик М.С. Горбачева и в которой практически отсутствовало изложение позиции А. Марковича. В печать практически не попала и информация о встрече А. Марковича с президентом РСФСР Б.Н. Ельциным¹.

А.С. Черняев заметил в своем дневнике, что на переговорах «пахнуло прежней “дружбой”, как бывало с союзниками по ОВД... только искренней, товарищеской, полной открытостью, какой-то родственностью»². А. Маркович и его коллеги вряд ли согласились бы с помощником президента СССР, в особенности с его сравнением Югославии с союзниками по Организации Варшавского договора.

Среди наиболее важных внешнеполитических проблем, которыми, по мнению Черняева, Горбачеву предстояло заняться сразу же после возвращения в августе 1991 г. из отпуска, – оказавшегося роковым, – значилась и югославская проблема. В своей рабочей записке от 18 августа помощник представил президенту набросок предстоящего в сентябре на сессии Верховного Совета СССР «заявления или доклада» о внешней политике: «5. Зримо обозначается новый тип мировой политики (на Ближнем Востоке, в связи с Югославией)»³.

Рассматривая перспективы своей политики в условиях ослабления роли СССР, сербские политики и военные, практически не скрывая этого, искали поддержки США, которые во имя стабильности на Балканах до последнего момента поддерживали целостность СФРЮ. Кадиевич пытался вести двойную игру: с одной стороны, он использовал глубоко укоренившиеся в сознании части советских политических и военных «верхов» традиции, неистребимые как раз с 1948 г., начала холодной войны и советского конфликта с Югославией; с другой – он практически в открытую предлагал США поддержать «сильную Югославию» против России и Германии. «Развал югославского государства, даже несмотря на распад СССР, не

¹ Мушкатеров С. Пресс-конференция премьеров // Известия. – 1991. – № 184, 03.08. – С. 4.

² Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. – С. 969.

³ Там же. – С. 480.

может отвечать стратегическим интересам США, тем более – долгосрочным. Югославия, независимое, самостоятельное и сильное государство, всегда была защитой от любых попыток установить господство над Балканами, исходи они вновь с Востока, как было в [недавнем] прошлом или может быть завтра, или же со стороны Германии, как было в [более отдаленном] прошлом и как есть в данный момент [то есть в начале 1990-х годов. – С. Р.]»¹.

Однако европейским политикам не удалось повторить свой успех в Словении. 5 августа «Известия» сообщили, что «провалом завершилась миссия делегации Европейского сообщества в составе министров иностранных дел Голландии, Португалии и Люксембурга, пытавшихся в течение субботы и воскресенья договориться с руководителями республик и федерации о прекращении огня в Хорватии»².

Корреспондент сообщал, что «делегация Европейского сообщества намеревалась использовать опыт, уже накопленный при разрешении кризиса в Словении, и распространить мандат наблюдателей ЕС и на Хорватию. Начало переговоров “тройки” и сообщения об этом вселили надежду на успех». С представителями ЕС встретились президенты Хорватии, Словении, Сербии. «Сообщения об итогах этих бесед местная пресса подавала с обнадеживающими акцентами: прекращение кровопролития в районах этнических столкновений возможно в ближайшие часы...»

Далее в информации шла речь о принятых в Белграде (Президиум СФРЮ) и Загребе (Сабор Хорватии) решениях – «исключительно важное постановление об “абсолютном и неотложном” прекращении огня в Хорватии. Оно предусматривало немедленную приостановку всех военных действий, отказ от передвижения военных сил и разъединение противоборствующих группировок на значительное расстояние. Контроль за перемирием должны осуществлять представители союзной милиции совместно с органами республиканских секретариатов по внутренним делам БиГ, Словении и Македонии. Частям ЮНА и органам секретариатов по внутренним делам СФРЮ и Хорватии было предложено координировать действия сторон по прекращению огня».

¹ Кадијевић В. Моје виђење распада. – Београд : Politika, 1993. – С. 18–19.
См. также: Јовић Б. Последњи дани СФРЈ. – Београд : Politika, 1996.

² Вострухов Е. Югославия : упущен последний шанс? // Известия. – 1991. – № 185, 05.08. – С. 1.

По мнению корреспондента «Известий», «основу мирного разрешения кризиса заложить удалось. Правда, в тот же субботний день в Загребе завершилась чрезвычайная сессия Сабора (парламента) Хорватии. Сессия действительно стала чрезвычайной: три дня вместо двух продолжалась выработка политического курса республики на ближайшее время... Утвердив состав нового кабинета, Сабор принял шестнадцать заключений [постановлений. – С. Р.], которыми он будет руководствоваться. Этим заключительным документом было одобрено постановление Президиума СФРЮ от 3 августа» [кроме решения о председателе комиссии по координации, черногорце Б. Костииче, против которого хорватская сторона возражала изначально. – С. Р.].

«Открытая война Сербии, таким образом, не объявлена, но в «“решениях”» сказано, что коммунистическая власть Республики Сербии с помощью Югославской народной армии проводит против Хорватии агрессивную и захватническую политику». Поэтому Хорватия замораживает все отношения с Сербией на время ее агрессивной политики. ЮНА в документе не названа оккупационной, как этого требовали некоторые депутаты, но в нем отмечается, что соединения армии откровенно стоят на стороне террористов, а «часть коммунистической военной верхушки сопротивляется неизбежным демократическим преобразованиям общества, угрожает демократически избранной власти в республике [Хорватии]»¹.

«Эти решения, принятые в Белграде и Загребе, безусловно, оказали влияние на итоги переговоров европейской “тройки” с югославскими лидерами, – говорилось далее в корреспонденции. – В воскресенье министры встретились с союзным секретарем по народной обороне В. Кадиевичем, и он заверил их, что ЮНА выполнит любое постановление Президиума СФРЮ. Состоялись также переговоры с главой союзного правительства А. Марковичем и другими политиками, членами Президиума СФРЮ. На заседании Президиума… присутствовали все его члены, кроме представителей Сербии, Воеводины и Косово (должность была вакантна с 1 июля 1991 г.). Заседание продолжалось 50 минут, после чего члены делегации ЕС устроили пресс-конференцию. Их заявление на ней было для многих ошеломляющим: дальнейшее пребывание в Югославии они считают бесполезным. Глава делегации, министр иностранных дел Голландии, сказал: “Югославия угрожает трагедия и катастро-

¹ Вострухов Е. Указ. соч.

фа. Мы попытались сделать все возможное, чтобы помочь стране двинуться вперед, остановить гибель людей и начать диалог о будущем Югославии". Министр добавил, что все, что могли, члены делегации сделали, оставалось лишь призвать политиков к разуму. По словам голландского министра, большинство представителей республик и союзных властей согласны прекратить "военные игры" и начать мирные переговоры. Однако выявились разногласия по мерам выполнения последнего постановления президиума СФРЮ. И когда министры предложили свои условия по его выполнению и контролю за прекращением огня, добиться согласия не удалось и дальнейшие переговоры были блокированы. "Если не дойдет до примирения между теми, кто командует противоборствующими сторонами, можно лишь пожалеть людей, которые следуют за ними", – заявил глава делегации¹.

Советский журналист пришел к выводу, что «тем временем пламя гражданской войны разгорается все ожесточеннее». М.С. Горбачев активно продолжал обсуждать проблемы Югославии в беседах с послом США Р. Страусом 22 августа, с Г.-Д. Геншером 9 сентября, с Дж. Андреотти 23 сентября, с премьер-министром Испании социалистом Ф. Гонсалесом 30 октября².

Вскоре последовали события в Москве 19–21 августа 1991 г., которые перевернули политическую картину мира, сказавшись и на попытках добиться мирного урегулирования в Югославии.

1991, сентябрь – октябрь, Москва

Несмотря на занятость проблемами, связанными с ситуацией в СССР после августовских событий, М.С. Горбачев уделял большое внимание югославской проблематике, по-прежнему тесно увязывая ее с развитием событий в своей стране. Встречаясь с западно-

¹ Вострухов Е. Указ. соч.

² См.: Запись основного содержания беседы президента М.С. Горбачева с послом США в СССР Р. Страусом 22 августа 1991 г.; Запись основного содержания беседы президента М.С. Горбачева с министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером 9 сентября 1991 г.; Запись основного содержания беседы президента СССР М.С. Горбачева с председателем Совета министров Италии Дж. Андреотти 23 сентября 1991 г.; Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с премьер-министром Испании социалистом Ф. Гонсалесом 30 октября 1981 г. // Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

европейскими и американскими политиками, он неоднократно поднимал вопрос о судьбе Югославии и о возможностях ее мирного развития как многонационального социалистического государства при активной деятельности международной дипломатии.

Следующая непосредственная встреча М.С. Горбачева с представителем Югославии состоялась 19 сентября 1991 г.¹ В Москву прибыл секретарь по иностранным делам словенец Будимир Лончар. Начиная разговор, Президент СССР подчеркнул свою личную и СССР как государства заинтересованность «в успешном, а главное – мирном решении существующих сложных проблем». В ответ Лончар подчеркнул, что «в Югославии с большим воодушевлением восприняли победу демократических сил в СССР». «Процессы, происходящие в наших странах, имеют много схожего и в значительной степени взаимосвязаны. Мне говорили европейцы, что от того, как будут решаться дела в Югославии, по крайней мере на десять процентов зависит развитие ситуации в СССР. Я с ними согласен. Но в то же время считаю, что от того, как пойдут процессы в Советском Союзе, на 90 процентов зависит и решение югославских проблем». «В сфере общественно-политических процессов, мне кажется, Югославия опережает СССР». Говоря о возможности развития СССР и Югославии как целостных государств, М.С. Горбачев заметил, что он видит, что «сейчас в Югославии склоняются к нашему варианту союза суверенных государств». Б. Лончар заявил, что ему «нравится эта идея». По его мнению, «такой вариант помогает достичь самого главного – избежать крупных столкновений и кровопролития в ходе реорганизации государственного устройства». Слово «конфедерация» не было произнесено. Рассуждая далее о причинах кризиса, югославский дипломат сделал упор на то, что его «причины возникли, когда в республиках у власти находились коммунистические руководители. Переход к плюрализму выдвинул на сцену другие силы, которые дали негативный импульс развитию ситуации. Это, как правило, представители правых кругов, экстремистски настроенные националисты. Это привело к пропасти [видимо, исчезновению. – С. Р.] доверия между лидерами республик. Я прямо могу сказать, что главную роль в углублении межреспубликанских [не межнациональных. – С. Р.] противоречий играют

¹ Запись беседы М.С. Горбачева с секретарем по иностранным делам СФРЮ Б Лончаром. 10 сентября 1991 г. // Архив Фонда Горбачева. – Ф.1. Оп. 1.

президент Сербии С. Милошевич и президент Хорватии Ф. Туджман». Далее Лончар защищал позицию части югославского руководства, которое было вынуждено «пойти на привлечение международного фактора в разрешении наших внутренних проблем».

М.С. Горбачев смягчил свою позицию по сравнению с беседой с А. Марковичем. «Мы в принципе не против участия международного фактора в югославских делах, но при этом всегда подчеркиваем, что это должно делаться с согласия югославского правительства». «В ЕС накопился опыт взаимодействия с суверенными государствами, которые готовы развивать федеративные отношения. Кроме того, нам хотелось бы, чтобы югославскими проблемами занимались все страны сообщества, а не отдельные государства, например, Германия». Характеризуя политику европейских государств и их лидеров по отношению к Югославии, М.С. Горбачев особо отметил «очень конструктивную позицию», которую занимал премьер Италии, христианский демократ Дж. Андреотти. Б. Лончар отметил, что «проект ЕС нашел одобрение у нас в Югославии и в Европе в целом. Он в основном заключается в создании союза суверенных республик с единым экономическим пространством». Это было продолжение линии А. Марковича, который пытался преодолеть этнополитические и социальные противоречия за счет создания экономического благосостояния. Однако имелся и военно-политический аспект: «Общеюгославским рынком и валютной системой предполагается сохранить единую систему обороны с использованием общих стратегических сил и обеспечить координацию внешней политики. Для решения всех наших проблем главное – это дальнейшее развитие демократии», – сказал представитель реформистского югославизма. Советский реформатор ответил: «Ваш анализ показывает, насколько схожи происходящие у нас процессы». Б. Лончар подчеркнул также, что, по его мнению, «в таких условиях решение может быть найдено только на основе уважения прав человека». Отвечая на вопрос югославского министра о «ролях союзных республик во внешнеполитической деятельности», президент СССР ответил: «Нам кажется, что должна сохраниться единая внешняя политика».

«В Советском Союзе с растущей тревогой следят за эскалацией военных действий в Югославии, приносящих все большие жертвы и лишения народам дружественной страны, – говорилось в заявлении МИД СССР. – Наш призыв прекратить огонь, выполнить решения собственного руководства от 2 сентября с. г., – последовать рекомендациям СБСЕ обращен ко всем федеральным органам, несущим прямую ответственность за судьбы республик и

народов Югославии. Наш призыв к ЮНА, от выдержки и сознания ответственности которой многое зависит. Мы обращаемся к руководству Хорватии с призывом продолжить мирный диалог, не прибегать к ультиматумам. Наш призыв к руководству Сербии – в этот трагический момент способствовать повсеместному прекращению огня. Глубоко убеждены, что единственный путь решения югославских проблем – честные переговоры, терпеливый диалог в поисках взаимоприемлемых связок, новых форм сожительства и сотрудничества в общем экономическом и правовом пространстве при сохранении исторически оправдавших себя связей»¹.

Вероятно, апогеем внешнеполитической активности СССР и лично М.С. Горбачева стало проведение в Москве встречи президентов Сербии С. Милошевича и Хорватии Ф. Туджмана. Подробно об этом рассказывается в главе П.Р. Палажченко. Однако интересна и предыстория этой встречи, на которую проливает свет хранящаяся в архиве Фонда М.С. Горбачева запись телефонного разговора министра иностранных дел СССР Б.Д. Панкина с министром иностранных дел Нидерландов Х. ван ден Бруком 14 октября 1991 г. Х. ван ден Брук проинформировал своего советского коллегу о «нынешней ситуации в Югославии» накануне встречи М.С. Горбачева со С. Милошевичем и Ф. Туджманом. Этот разговор представляет собой свидетельство не только совместных действий СССР и ЕС, но и позиций как ЕС, так и Нидерландов. «Во-первых, обстановка в стране продолжает оставаться сложной и неспокойной. Отмечаются многочисленные нарушения прекращения огня. Поэтому представляется важным, чтобы советская сторона выступила, если сочтет возможным, с призывом к обеим сторонам соблюдать режим прекращения огня. На днях мы встречались в Гааге с президентами Милошевичем и Туджманом, а также министром обороны Югославии»². Б.Д. Панкин подтвердил, что знаком с этой информацией от Г.-Д. Геншера. «В ходе этой встречи, – продолжал нидерландский министр, – обсуждались возможные договоренности с целью достижения перспектив политического решения проблемы Югославии в пределах одного, максимум двух месяцев, мы просили ЮА сотрудничать в выработке схемы вывода войск из Хорватии на

¹ Из заявления МИД СССР // Известия. – 1991. – № 222, 18.09. – С. 5.

² Запись основного содержания телефонного разговора Б.Д. Панкина с министром иностранных дел Нидерландов Ван ден Бруком 14 октября 1991 г. // Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

том понимании, что по достижении политического урегулирования независимость Хорватии будет признана. В международном плане нарушение режима прекращения огня отрицательно сказывается на поисках политического решения, и именно поэтому мы подчеркиваем важность активного участия ЮА в поисках средств обеспечения вывода войск из Хорватии в течение одного месяца. Памятуя в первую очередь о положении национальных меньшинств, мы заявили о готовности увеличить число наблюдателей от Европейского сообщества, а также вновь обдумать возможность проведения совместного патрулирования представителями стран – членов Европейского сообщества, армии Хорватии и ЮА именно во избежание посягательств на права национальных меньшинств. Министр обороны Югославии заявил нам о своей готовности в целом сотрудничать в выводе войск из Хорватии. Но вместе с тем он подчеркнул, что он не может единолично принимать решение о выводе войск из приграничных районов, в которых проживают представители национальных меньшинств. Он обещал переговорить с представителями федеративной президентской власти. Этот орган, как вы знаете, мы не признаём. Позже мы получили от него ответ, в котором говорилось, что войска должны находиться там, где они сейчас находятся, до тех пор, пока не будет выработано окончательное решение»¹. Х. ван ден Брук сказал своему советскому коллеге, что он говорит об этом так подробно, потому что «Милошевич обладает большим влиянием в федеративной президентской власти. И мы [ЕС. – С. Р.] считаем, чтобы сербы и армия оказывали поддержку при выработке и реализации сбалансированной схемы постепенного вывода войск». «Мы считаем, что любая схема урегулирования положения в Югославии должна основываться, в частности, на мерах по защите сербского меньшинства в Хорватии после достижения этой республикой независимости (а это уже рассматривается как неизбежный факт). Мы выработали ряд формул, которые, по нашему мнению, могут помочь обеспечить такую защиту. Кроме того, Милошевич должен согласиться с достижением Хорватией независимости и должен понять, что любая переделка границ неприемлема. Могут обсуждаться те или иные условия автономии. Насколько мы понимаем, Туджман готов сотрудничать в выработке специальных путей и средств

¹ Запись основного содержания телефонного разговора Б.Д. Панкина с министром иностранных дел Нидерландов Ван ден Бруком 14 октября 1991 г. // Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

защиты меньшинств, однако нет уверенности в том, что он, взяв на себя обязательства, потом не пойдет на попятную»¹.

Затем нидерландский дипломат поставил проблемы Югославии в контекст проблем, с которыми сталкивался осенью 1991 г. СССР, – «“свободой ассоциации” союза суверенных или независимых республик. <...> Если между Сербией и Хорватией будет достигнута договоренность, предусматривающая гарантию прав сербского меньшинства в Хорватии, и если Хорватия получит независимость, то сербы, наверняка, поставят вопрос о правах меньшинств в Боснии. И тогда Босния, наверняка, потребует независимости. Милошевич по этому поводу высказывался мало. Но поскольку сербы способны заблокировать решения правительства Боснии и Герцеговины, мы будем нуждаться в помощи Милошевича при решении этой проблемы»².

Наконец, представитель ЕС и Нидерландов перешел к проблеме собственно Сербии, а именно Косово и Воеводины. «Если Милошевич будет выдвигать слишком далеко идущие требования в отношении гарантий особого статуса сербов в Хорватии, то это, наверняка, отзовется в Косово. Так что эти проблемы взаимосвязаны». И дальнейшие события подтвердили эту оценку.

В конце своей лекции Х. ван ден Брук обратил внимание своего собеседника и советской стороны перед встречей М.С. Горбачева и президентов Сербии и Хорватии на два обстоятельства. Во-первых, на необходимость «вывода ЮНА из Хорватии». Во-вторых, на необходимость «уделить первостепенное внимание вопросу о будущих отношениях между республиками и проблеме национальных меньшинств». В-третьих, министр признал отсутствие прогресса на встрече представителей ЕС и министров иностранных дел республик Югославии. Встречу с президентами Сербии и Хорватии в Гааге предлагалось перенести с 22 на 18 октября, для того чтобы на ней «изложить наши [ЕС. – С. Р.] предложения по ряду политических вопросов, включая специальный статус меньшинств, а также возможные модели будущих отношений между республиками. Необходимо добиться того, чтобы ответственные политические деятели взяли на себя обязательства по ряду принципиальных вопросов с

¹ Запись основного содержания телефонного разговора Б.Д. Панкина с министром иностранных дел Нидерландов Ван ден Бруком 14 октября 1991 г. // Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

тем, чтобы далее на этой основе можно было провести детальную проработку проблем»¹. Советскому министру ничего не оставалось делать, как пообещать «поделиться всей этой информацией с президентом Горбачевым». Таким образом, посредническая миссия президента СССР была не только самостоятельным шагом, она также встраивалась в общий контекст усилий ЕС и США, которые тогда надеялись предотвратить войну.

«Лидеры Сербии и Хорватии ищут мира в Москве». С таким заголовком на первой странице вышел 15 октября самый популярный официоз тех лет – «Известия»².

«15 октября с интервалом в двадцать минут в советскую столицу прилетели президенты Сербии и Хорватии – крупнейших югославских республик, уже несколько месяцев находящихся в состоянии войны. В 3 часа дня в Кремле начались переговоры лидера Сербии Слободана Милошевича с Михаилом Горбачевым. Через два часа намечена встреча советского Президента с руководителем Хорватии Франко Туджманом. Обозреватели отмечают, что поездка в Москву стала первым зарубежным визитом хорватского президента после того, как 7 октября его республика провозгласила полную независимость. Михаил Горбачев взял на себя посредническую миссию в югославском конфликте в прошлый четверг, пригласив в Москву Милошевича и Туджмана. Положительный ответ из Белграда и Загреба пришел неожиданно быстро. Судя по всему, бесперспективность попыток решить проблемы вооруженным путем начинают осознавать обе противоборствующие стороны. Не только хорваты, но и сербы, которым в последние недели принадлежит инициатива и, как правило, сопутствует успех. Но одновременно усиливается международная изоляция Сербии, что не может не тревожить Белград. Без сомнения, отрезвляющее подействовало и распространенное неделю назад обращение Горбачева к руководству СФРЮ. Советский президент в не-привычно жесткой форме осудил тех, кто делает ставку на военную силу и срывает соглашение о прекращении огня»³.

«Советская дипломатия, придерживавшаяся в первые месяцы югославского конфликта явно просербской ориентации, после

¹ Запись основного содержания телефонного разговора Б.Д. Панкина с министром иностранных дел Нидерландов Ван ден Бруком 14 октября 1991 г. // Архив Фонда Горбачева. – Ф. 1. Оп. 1.

² Лидеры Сербии и Хорватии ищут мира в Москве // Известия. – 1991. – № 246, 15.10. – С. 1.

³ Лидеры Сербии... Указ. соч.

провала августовского путча и смены идеологических акцентов проявляет более взвешенный и объективный подход, – писал дипломатический корреспондент “Известий”. – Именно это обстоятельство делает сегодня Москву идеальным посредником между противоборствующими республиками, учитывая, с одной стороны, традиционные культурные, религиозные и политические связи Сербии с Россией, а с другой, – появившуюся в последнее время готовность воспринять аргументы хорватов, тем более, что эта республика пользуется определенной симпатией в российских демократических кругах»¹.

«Конечно, трудно предположить, что Горбачев с первого раза сумеет добиться прорыва, сделать то, что уже несколько месяцев не удается посредникам из Европейского сообщества. Но за первым шагом, судя по всему, последуют другие. И одной миротворческой акцией дело, будем надеяться, не ограничится. На среду намечены переговоры сербского и хорватского президентов с Борисом Ельциным. Естественно, в Белый дом, как и в Кремль, они вновь поедут отдельно»².

На следующий день главная тема номера была также посвящена переговорам в Москве. «Посредническая миссия Горбачева, кажется, удалась», – так называлась статья на первой полосе «Известий»³.

«Михаил Горбачев, проявив чудеса дипломатической эквилибристики, сумел добиться того, что еще вчера утром казалось крайне маловероятным. Результатом переговоров, которые советский лидер провел 15 октября с президентом Сербии Слободаном Милошевичем и руководителем Хорватии Франьо Туджманом, стало трехстороннее коммюнике о принципах мирного урегулирования в Югославии. Кроме того, лидеры противоборствующих республик [опять конфликт характеризовался как межреспубликанский, а не межнациональный. – С. Р.] согласились встретиться за ужином, который Горбачев дал во вторник в мидовском особняке на улице Алексея Толстого», – подвел итоги дипломатический корреспондент «Известий».

Далее следует краткое изложение коммюнике. Оно состоит из трех пунктов. В первом говорится о необходимости «немедленно

¹ Лидеры Сербии... Указ. соч.

² Там же.

³ Юсин М. Посредническая миссия Горбачева, кажется, удалась // Известия. – 1991. – № 247, 16.10. – С. 1.

прекратить все вооруженные конфликты». Второй предусматривает, что «в течение месяца представители Сербии и Хорватии должны начать переговоры по всем вопросам, которые являются предметом противоречий». Эти переговоры должны вестись «на основе уважения суверенных прав народов и равноправности Сербии и Хорватии с целью обеспечить прочный мир и добрососедство» между ними. В третьем пункте президенты двух республик обращаются к СССР, США и Европейскому сообществу с просьбой «оказать посредничество в организации мирных переговоров»¹.

«В коммюнике ничего не сказано об оккупации значительной части Хорватии Югославской (а фактически к тому времени уже – сербской) армией, – писал журналист. – Однако формулировка о “равноправности” двух республик подразумевает, что диалог не должен вестись с позиции силы. В то же время требование уважать “суверенные права народов” было включено в текст, очевидно, по инициативе Милошевича, имевшего в виду сербское меньшинство в Хорватии, которое, по мнению Белграда, притесняют хорватские власти»².

Подводя итоги беспрецедентному посредничеству, автор статьи, прежде всего, заключает: «Бессспорно, тот факт, что Туджман и Милошевич договорились о прекращении огня, обнадеживает. Но праздновать окончательную победу рано. Враждующие республики уже неоднократно заключали перемирие, которое через считанные часы, в лучшем случае – дни, нарушалось. Правда, Михаил Горбачев настроен оптимистически. Встретившись с журналистами после завершения переговоров, он сказал, что открывается реальный шанс мирного решения югославского конфликта. Туджман и Милошевич, наученные прежним опытом, от восторженных оценок воздержались. Оба выразили благодарность советскому Президенту за его посреднические усилия»³.

Кроме того, «московское перемирие пришлось тем более кстати, что в минувшие сутки обстановка в Югославии вновь обострилась. Парламент Боснии и Герцеговины провозгласил суверенитет республики. В ответ лидеры сербского меньшинства пригрозили развязать гражданскую войну. Маловероятно, что в случае начала

¹ Юсин М. Посредническая миссия Горбачева, кажется, удалась // Известия. – 1991. – № 247, 16.10. – С. 1.

² Юсин М. Указ. соч.

³ Там же.

боевых действий в БиГ югославская армия сохранит нейтралитет. Остается надеяться, что итоги московских переговоров позволят снизить напряженность¹. Однако надеждам президента СССР и автора этой статьи не суждено было сбыться. Впереди была затяжная ожесточенная война, которой суждено было закончиться только в ноябре 1995 г. подписанием Эрдутского и Дейтонских соглашений.

Как и А. Маркович 2 августа, 16 октября президенты Сербии и Хорватии встретились (раздельно друг от друга и отдельно от Горбачева) с президентом РСФСР Борисом Ельциным. О содержании переговоров с Ельциным в прессе нет информации. Это важно для понимания российской политики с 1992 г.

Более сдержанно оценил итоги переговоров обозреватель еженедельного журнала «Новое время» В. Журавский. Его статья называлась «Границы: яблоко раздора»². В отличие от многих политиков он отметил, что «только окончательный распад федерации может остановить этническую войну».

«Какой путь будет выбран, вряд ли кто-либо может сказать сегодня. Ясно одно: истребительную войну необходимо прекратить. Кровопролитие лишь наращивает ожесточение и ведет в тупик... Принято трехстороннее коммюнике о принципах мирного урегулирования в Югославии. В нем говорится о необходимости “немедленно прекратить все вооруженные конфликты” и предусматривается, что в течение месяца высшие сербские и хорватские представители сядут за стол переговоров, которые должны вестись “на основе уважения суверенных прав народов и равноправности Сербии и Хорватии с целью обеспечить прочный мир и добрососедство между ними. Президенты двух республик обратились к СССР, США и Европейскому сообществу с просьбой оказать посредничество в организации мирных переговоров”».

«Так или иначе, сербам и хорватам надо мириться и, очевидно, полюбовно делиться, – делал вывод обозреватель. – Легче при свободном волеизъявлении национальных меньшинств и при взаимном согласии республик организовать сербские монако и хорватские лихтенштейны. Труднее организовать “плановые переселения” десятков тысяч людей и “обмен населением”. Такая операция обошлась бы в десятки миллиардов долларов... А вот как проложить

¹ Юсин М. Указ. соч.

² Журавский В. Границы : яблоко раздора // Новое время. – 1991. – № 43. – С. 28–29.

границу в семье между супругами, когда муж серб, а жена хорватка? Или – в душах, сердцах и сознании их детей?»

На встрече в Мадриде 30 октября – 1 ноября 1991 г., посвященной проблемам Ближнего Востока, президенты Горбачев и Буш-старший обсуждали и проблему Югославии. «Констатировали, что ситуация ухудшается... “К сожалению, есть разногласия и между членами ЕС. Им нелегко сохранить единство подхода, – вступил в разговор [Джеймс] Бейкер [тогда – государственный секретарь США. – С. Р.]. – Некоторые европейцы хотят признать независимость республик. Мы пытаемся препятствовать этому. Но Германия забежала вперед”. “Я тоже говорил об этом Колю, когда мы встретились под Киевом, – заметил М.С. – Меня эта проблема беспокоит. В конце концов, речь идет не только о Югославии. Как продолжать общеевропейский процесс, если мы не можем найти способ решать подобные вопросы?”»¹.

Президент и несколько его ближайших сотрудников встретились в неофициальной обстановке с президентом Франции Ф. Миттераном². И там не обошлось без обсуждения югославской проблемы. «Сепаратизм существовал там всегда, – в своей разумной и внушительной манере говорил Ф. М. – Но немцы сразу же выступили за признание независимости Словении и Хорватии. Я же еще с июня³ был против независимости этих республик. Моему примеру последовало и большинство других государств – членов ЕС. Не то, чтобы я отрицательно относился к самой идее независимости. Просто я исходил из того, что независимость должна провозглашаться при соблюдении международных договоренностей, в частности,

¹ Черняев А.С. Совместный исход. – С. 1005.

² Фрагмент встречи президентов СССР и Франции в Москве 6 мая 1991 г. см.: Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / общ. ред. А.С. Черняева, А.Б. Вебера. – Москва : Весь Мир, 2010. – С. 360–361. На ней, в частности, Миттеран высказал идею об «активной роли Москвы и Парижа» как «факторах европейского равновесия», которые должны быть представлены везде, где обсуждаются актуальные проблемы, будь то германский вопрос, эволюция Соединенных Штатов, сепаратистские тенденции в Европе и т.д.».

³ Некоторые события июня 1991 г.: 25 июня – Конституционное постановление и Декларация о суверенитете и независимости Республики Хорватия, 26 июня – правительство СФРЮ провозгласило решения Словении и Хорватии о самостоятельности нелегитимными; 26–27 июня – начало столкновений ЮНА с частями территориальной обороны Словении.

положений Заключительного акта Хельсинки, а также Парижской хартии для новой Европы. По моему убеждению, провозглашение независимости под давлением националистических сил вряд ли можно приветствовать. Ясно, что немцы придерживаются иной позиции. Дело в том, что Словения и Хорватия в свое время входили в состав Австро-Венгерской империи. Помимо немецкого влияния они испытывали на себе воздействие римско-католической церкви, Ватикана. Я как-то обсуждал югославскую тематику с [Джоном] Мэйджором [премьер-министр Великобритании. – С. Р.]. Он спросил меня, что будет дальше. Я ответил: Хорватия, видимо, обратится за помощью к вооруженным силам Германии, Австрии, Венгрии и Турции. Сербия, в свою очередь, аналогичную просьбу адресует Великобритании, России и Франции. Наши вооруженные силы окажутся таким образом в Югославии, и возникнет ситуация, как в начале Первой мировой войны в 1914 г.»¹.

Вышеприведенный пассаж в изложении помощника президента СССР А.С.Черняева – яркая иллюстрация того, что зачастую главы ведущих государств мира в тот момент не понимали ни происходящего в Югославии, ни того, как изменились основа и конфигурация международных отношений в течение XX в. Во-первых, каждый из них, находясь во власти предрассудков и мифов, мыслил стереотипами, обусловленными традицией собственной национальной исторической, политической и правовой школы, а также исходил из собственных национально-государственных интересов. Во-вторых, на переговорах на высшем уровне они лишь обменивались этими стереотипами, предрассудками и мифами, что также уводило их от решения современных проблем. Тот же Ф. Миттеран отождествлял национальное самоопределение с сепаратизмом, имел весьма приблизительное представление об отношениях хорватов и словенцев с немцами, Германией и Австро-Венгрией, а также легко переносил логику исторического развития начала XX в. на его конец, не замечая при этом, что допуская противостояние входивших в НАТО и ЕС государств из-за сербско-хорватских противоречий, он тем самым ставит крест и на самих этих организациях, а также на всей системе международных отношений, сложившейся к концу 1980–1990-х годов. Скорее, это была дань прошлому – представлению о Балканах как о «пороховой бочке», на которой сидит Европа.

¹ Черняев А.С. Совместный исход. – С. 1013.

По завершении своего визита во Францию М.С. Горбачев выступил на пресс-конференции. Ему был задан вопрос о возможностях урегулирования кризиса в Югославии. Отвечая на него, президент СССР сказал, во-первых: «Югославский урок для всех нас состоит в том, что мы должны твердо придерживаться принципов. Я думаю, что неопределенность позиций отдельных государств на начальном этапе конфликта стимулировала в Югославии сепаратизм именно в такой форме, что привело к столкновениям, к таким последствиям»; во-вторых: «Когда я говорю о принципах, я имею в виду, что есть такие документы, как Хельсинкский заключительный акт, Парижская хартия для новой Европы, есть принцип целостности и нерушимости границ. Есть, конечно, в этих документах положение о правах меньшинств. Все это должно решаться в конституционных рамках, и все добрые услуги должны осуществляться не в форме вмешательства извне или давления, а в форме сотрудничества. Не всё было на первом этапе именно так, и это обострило ситуацию»; и в-третьих: «Я полагаю, что не исчерпаны ни возможности сотрудничества в этом деле стран ЕС, хотя нужно быть единными в подходе, ни возможности Советского Союза и Соединенных Штатов. У нас есть в запасе миссия генерального секретаря ООН и, наконец, есть Совет Безопасности. Можно привести в действие и этот механизм, если не удастся добиться успеха, основываясь на тех подходах, о которых я уже сказал». Возвращаясь к октябрьским встречам со С. Милошевичем и Ф. Туджманом в Москве, М.С. Горбачев заметил: «Проблема заключается, как это показала встреча в Москве руководителей Сербии и Хорватии, вот в чем. Они не хотели встречаться, но, в конце концов, встретились, тем более они не собирались подписывать никакого документа, но, в конце концов, подписали. Так состоялась договоренность, но нет реального механизма, который способствовал бы ее выполнению. И тогда начинается повторение всего того, что этому предшествовало...» Делая вывод относительно значения уроков событий в Югославии на тот момент, глава СССР подчеркнул: «Нам надо быть очень внимательными. Общественное мнение усилиями политических деятелей и прессы должно быть направлено на поддержку Югославии. Если мы на путях к новой Европе не сможем решать такие проблемы, тогда возникает вопрос: кому же нужна такая Европа, где рождаются подобные процессы, приобретающие такой характер и приносящие столько бед? И это – беды не только экономического характера. Разрушаются целые города, рушится культура, в первую очередь, страшдают люди. Поэтому нам надо быть очень внимательными. У нас

еще есть рычаги воздействия. СССР очень тесно связан со всеми югославскими народами, мы поддерживаем с ними контакты, они прислушиваются к нам. Мы будем использовать все наши возможности. Такова наша позиция, мы будем сотрудничать со всеми»¹. К сожалению, предостережение М.С. Горбачева о зарождении в Европе «процессов, приобретающих такой характер и приносящих столько бед», оказалось провидческим. Именно югославская и постюгославская проблема во многом подорвали достижения в международных отношениях, связанные с окончанием холодной войны.

Кроме того, невозможно не сказать, что сторонники идеи советского и югославского единства, пусть и в форме конфедерации (союза государств), сторонники продолжения социалистического эксперимента, пусть и в социал-демократическом варианте (М.С. Горбачев и А. Маркович), несмотря на все свои усилия, потерпели в конце 1991 г. и стратегическое, и тактическое поражение².

Литература

Зубок В.М. Гибель Советского Союза. – Москва : ACT, 2023. – 656 с.

Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. – Москва : НЛО, 2011. – 1024 с.

Романенко С.А. «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм»? М.С. Горбачев и судьба Югославии // Славянский альманах-2006. – Москва, 2007. – С. 171–209.

Романенко С.А. СССР и распад Югославии : идеологический и международный аспекты // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков. 1985–1991. – Москва : РГГУ, 2021. – С. 174–195.

Романенко С.А. Югославский рубикон // 1990: опыт изучения недавней истории. Т. 1. – Москва : НЛО, 2011. – С. 138–163.

¹ Хроника внешнеполитических событий в СССР. 1991 г. Январь // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований имени М.С. Горбачева (Горбачев-Фонд). – URL: https://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29328/ (дата обращения: 03.09.2023).

² О развитии и судьбе СССР и сравнении его с развитием и судьбой Югославии см., напр.: Зубок В.М. Гибель Советского Союза. – Москва : ACT, 2023. – С. 559, 560.

Глава 4. ВЗГЛЯД УЧАСТНИКА ПЕРЕГОВОРОВ: ЮГОСЛАВИЯ В НОВО-ОГАРЕВО И В КРЕМЛЕ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1991 г.¹

Найти окончательные ответы на вопросы о сочетании внутренних и международных факторов в том, что происходило в Югославии в 1991 г., что происходит сейчас на постюгославском пространстве, о том, что было неизбежно, чего можно было избежать, что закономерно, что случайно, – вряд ли возможно, но приблизиться к этому можно, прежде всего, изучая документы. Предлагаемая вниманию читателя глава построена на документах, которые хранятся в архиве Горбачев-Фонда. Это записи бесед Михаила Сергеевича Горбачева с президентом США Джорджем Бушем – старшим в Ново-Огарево 31 июля 1991 г. (эту беседу переводил я), а также с президентом Сербии Слободаном Милошевичем и президентом Хорватии Франьо Туджманом 15 октября того же года.

В беседе с Дж. Бушем в Ново-Огарево с нашей стороны участвовали А.А. Бессмертных и А.С. Черняев, с американской стороны – Дж. Бейкер и Б. Скоукрофт. Эта беседа касалась очень широкого круга международных проблем и взаимоотношений между СССР и США. Здесь я коснусь той части беседы, которая касалась Югославии.

Президенты попросили министров иностранных дел А.А. Бессмертных и Дж. Бейкера доложить о ходе работы над совместным заявлением по Югославии. Бессмертных сообщил, что стороны пытаются выработать текст краткого заявления по этому вопросу. «Главный вопрос состоит в следующем, – сказал Бессмертных. – Мы [т.е. советская сторона] считаем, что следовало бы включить, опираясь на формулировки, принятые всеми министрами иностранных дел СБСЕ на совещании в Берлине [совещание состоялось 20 июня 1991 г.], упоминание принципов территориальной целостности и единства Югославии. Однако у Соединенных Штатов возникают тактические трудности в этой связи»².

Палажченко Павел Русланович – переводчик М.С. Горбачева и Э.А. Шеварднадзе в 1985–1991 гг., политический аналитик, советник первого класса (дипломатический ранг). С 1995 г. – руководитель отдела международных связей и контактов с прессой в Международном фонде социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд); pavelpal@hotmail.com.

² Запись основного содержания бесед М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем 31.07.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1. Оп. 1.

Дж. Бейкер охарактеризовал эти трудности следующим образом: «Поскольку Европейское сообщество играет лидирующую роль в усилиях по урегулированию в Югославии, и мы это поддерживаем, мы проконсультировались по этому тексту с министром иностранных дел Голландии, как страны – председателя ЕС. Голландцы говорят, что такой текст создал бы трудности. Они согласны с первой частью заявления, где говорится о необходимости переговоров и конструктивного диалога. Однако конкретное упоминание территориальной целостности и единства, хотя и имелось в берлинском заявлении, создало бы проблемы. Дело в том, что внутри ЕС возникли разногласия относительно тактики в этом вопросе. Это, в частности, разногласия между Германией и другими странами ЕС, которые они не хотели бы усугублять»¹.

Дж. Буш отметил, что, «действительно, Германия вырвалась вперед по вопросу о признании Словении». Ситуация в ЕС сложная, и поэтому Буш предложил ограничиться кратким заявлением из двух-трех предложений: «Отметим большую озабоченность в связи с событиями в Югославии, призовем всех соблюдать договоренность о прекращении огня, осудим применение силы для решения политических проблем»².

Дж. Бейкер обратил внимание на то, что «в берлинском заявлении говорилось не только о территориальной целостности». Мы, заявил он, «против односторонних действий, которые предвосхищали бы результаты урегулирования. Может быть, президенты могли бы сказать о поддержке берлинского заявления, но следует избегать формулировок, несущих большую нагрузку, а именно: территориальная целостность и самоопределение. Между нами нет разногласий в принципе. Есть позиции, по которым мы едины. Мы не отходим от берлинского заявления. Но мы не хотим создавать затруднения для ЕС»³.

М.С. Горбачев отметил, что есть очевидные параллели между событиями в Югославии и в Советском Союзе. Незадолго до лондонской встречи «семерки», продолжал он, «я обсуждал этот вопрос с Г. Колем. Он спрашивал, как быть с принципом самоопределения меньшинств, если настаивать на территориальной целостности и

¹ Запись основного содержания бесед М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем 31.07.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

³ Там же.

нерушимости границ». И здесь М.С. Горбачев говорит одну важную вещь, которая относится, на мой взгляд, не только к этому конфликту: «Я сказал, что не вижу здесь противоречия, но процесс должен идти в конституционных, правовых рамках. Единственным путем решения является конституционный процесс. Я просил бы найти такие формулировки, из которых было бы ясно, что для нас эти принципы остаются в силе». Да, реагирует Буш, «надо подумать, как учесть это»¹.

В этот момент помощник Бейкера принес ему текст телеграммы, полученной из посольства США в Нидерландах.

Бейкер зачитал выдержку из текста этой телеграммы (в моей практике это был всего второй случай, когда во время переговоров зачитывался текст шифротелеграммы. Первый был в августе 1990 г. в Иркутске, когда Э.А. Шеварднадзе и Дж. Бейкер вели переговоры и Бейкеру принесли телеграмму с сообщением, что войска Ирака вторглись в Кувейт): «Van den Брук [министр иностранных дел Голландии] считает, что выделение принципа территориальной целостности и единства подорвет усилия по вовлечению Словении и Хорватии в процесс урегулирования, ибо они считают, что это предрешило бы исход этого процесса. Особую проблему для ЕС создает упоминание берлинского заявления. Они не отходят от этого заявления. Однако немцы хотят сбалансировать это ссылкой на Парижскую хартию, где говорится о самоопределении. Сохранение единства ЕС чрезвычайно важно для того, чтобы оно могло играть конструктивную роль. Ситуация и без того достаточно трудная»².

После этого Буш и Горбачев согласились в том, что стороны близки к согласию. Я бы просил, сказал Буш, «с учетом этой дискуссии переработать текст и показать нам».

Известно, что совместное заявление было принято и было опубликовано. Это, а также заявления по Центральной Америке и Ближнему Востоку, стало одним из итогов саммита, помимо, конечно, главного события – подписания Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений.

Заявление действительно получилось очень кратким. Оно содержит осуждение применения силы и призыв ко всем сторонам

¹ Запись основного содержания бесед М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем 31.07.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

соблюдать договоренности о прекращении огня и решать разногласия в отношении будущего Югославии мирным путем¹.

«СССР и США с глубокой озабоченностью отмечают драматическое развитие ситуации в Югославии. Они осуждают применение силы в целях разрешения политических разногласий, призывают обе стороны соблюдать договоренности о прекращении огня. СССР и США исходят из того, что решение возникших проблем должно быть найдено самими народами Югославии на основе демократических принципов путем процесса мирных переговоров и конструктивного диалога.

Ими подчеркнута необходимость уважения всеми сторонами фундаментальных принципов, зафиксированных в Хельсинском Заключительном акте и Парижской Хартии для новой Европы.

СССР и США поддерживают усилия, предпринимаемые странами – участниками СБСЕ, в частности предпринимаемые Европейским сообществом по урегулированию проблемы².

Последующие события у нас в стране хорошо известны. Это путч ГКЧП и ускорение центробежных процессов, которое закончилось подписанием Беловежских соглашений президента России и руководителей Украины и Белоруссии. Но между этими событиями были серьезные усилия по сближению позиций сторон югославского конфликта. Эти усилия происходили на фоне дальнейшего обострения событий в Югославии. Я работал тогда в Аппарате президента СССР, и надо сказать, что помощник президента по международным делам А.С. Черняев сомневался, приведут ли эти усилия хотя бы к организации встречи сторон. Тем не менее усилия МИДа, который возглавлял тогда Б.Д. Панкин, привели к тому, что встреча состоялась в Москве 15 октября 1991 г. Состоялись две беседы М.С. Горбачева – сначала со С. Милошевичем, а затем с Ф. Туджманом, после чего состоялся совместный ужин втроем.

Приведу некоторые цитаты из «Записи основного содержания беседы М.С. Горбачева с президентом Республики Сербии С. Милошевичем». Надо сказать, что запись сделана очень квалифицированно, но, если судить по ее объему, у меня создается впечатление, что это именно «основное содержание», а не запись, близкая к

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с президентом Республики Сербии С. Милошевичем 15.10.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1., Оп. 1.

² Советско-американское заявление // Известия. – 1991. – № 182, 01.08. – С. 5.

максимально полному отражению беседы. Тем не менее по этому документу можно составить полноценное впечатление о том, что и как обсуждалось.

М.С. Горбачев, приветствуя Милошевича, сразу сказал: «Мы очень озабочены продолжающимся конфликтом в Югославии, влекущим за собой человеческие жертвы». И далее: «Нам очень важно непосредственно от вас узнать о происходящих в Югославии событиях, вместе подумать о поисках мирных решений конфликта между Сербией и Хорватией»¹. Действительно, к этому времени уже обозначилось существование конфликта: это был конфликт между двумя республиками тогда еще формально существовавшей Югославии.

С. Милошевич в ответ говорит: «Я буду с вами предельно откровенен. Сейчас в Югославии идет процесс распада государства. Начала его Словения, сейчас этим активно занимается Хорватия. В принципе это германская идея». Затем он углубляется в историю Югославии – до Первой мировой войны, во время мировой войны. Хорватия, подчеркивает Милошевич, «стала «независимым» государством после оккупации Югославии. Это было самое настояще фашистское государство»². Далее Милошевич очень резко говорит о хорватах, Хорватии, поднимает проблему сербов, проживающих на территории, как он сказал, «нынешней Хорватии». Они, говорит Милошевич, живут на этой земле уже более четырехсот лет, и будучи в составе Австро-Венгрии, они не подпадали под юрисдикцию Запада³.

Далее Милошевич говорит, что сербы в двух районах Хорватии, где они проживают компактно и где идут боевые действия, «контролируют обстановку. Югославская народная армия не участвует в боевых действиях в качестве самостоятельного субъекта, она выполняет лишь разграничительную функцию»⁴.

Затем Милошевич подробно говорит о ситуации в союзных органах Югославии: «К сожалению, многие союзные органы сейчас проводят не общеюгославскую, а хорватскую политику. Особенно это касается внешнеполитического ведомства, возглавляемого

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с президентом республики Сербии С. Милошевичем 15.10.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

хорватом Б. Лончаром. Сейчас союзный МИД осуществляет ряд мероприятий, не имея на это мандата СФРЮ»¹.

Политику Европейского сообщества Милошевич характеризует так: «Это политика Германии, которая сейчас играет главную роль в ЕС, это политика с позиции силы, политика разделения сфер влияния. <...> Дело идет к созданию четвертого рейха»².

М.С. Горбачев стремится вывести разговор на обсуждение того, что можно сделать, и задает вопрос: «Какие же основные противоречия между Сербией и Хорватией?»³.

В ответ Милошевич заявляет: «Главный вопрос – это вопрос сербских краев в Хорватии. Здесь проживает половина всех хорватских сербов. Мы говорили в Гааге, что эти два сербских края в Хорватии должны получить особый статус. Хорватские сербы не доверяют республиканским властям»⁴.

Далее Милошевич говорит, что в случае распада Югославии «естественно, возникнет проблема границ. Внутренние границы СФРЮ являются чисто административными. Интересно, что сейчас многие ругают всё, что было создано за пятьдесят лет коммунистического правления в Югославии, всё, кроме границ. А ведь они также были созданы при этом режиме»⁵.

Здесь Горбачев вновь возвращается к вопросу о том, что можно сделать сейчас для того, чтобы обеспечить условия для переговоров между югославскими сторонами. Мы считаем, отвечает Милошевич, что «можно еще сохранить Югославию как союз равноправных республик с единым рынком, обороной, внешней политикой и одинаковой защищенностью прав человека на всей ее территории. Но, как мне представляется, Хорватия сейчас на это не пойдет»⁶.

Сербия и Черногория все равно останутся в составе Югославии, говорит далее Милошевич. «В Югославии хотят жить также и сербы Хорватии и Боснии и Герцеговины».

Приведем один из центральных моментов беседы.

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с президентом республики Сербии С. Милошевичем 15.10.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

«М.С. Горбачев. А если Хорватия не согласится с этими вариантами?

С. Милошевич. Тогда неизбежна война и кровопролитие».

Далее Милошевич говорит: «Сейчас самое главное – это остановить кровопролитие, попытаться решить возникшие вопросы мирным путем»¹.

Значит, реагирует на это высказывание Горбачев, «вы в принципе согласны на немедленное прекращение военных действий и начало переговоров по всем возникшим вопросам, включая, разумеется, и статус сербских краев в Хорватии, без каких-либо предварительных условий»².

«С. Милошевич. Да. Мы уже заявляли об этом. Еще 4 октября Югославской народной армии был дан приказ прекратить военные действия».

Как вы полагаете, спрашивает в конце беседы Горбачев, есть ли смысл встретиться нам втроем с президентом Хорватии Туджманом? Милошевич отвечает: «...не совсем уверен, что это может дать какой-либо результат. Такая встреча возможна, если у Туджмана будут какие-либо изменения позиции по вопросу о статусе сербских автономных краев в Хорватии. Я полагаю, что вы сами могли бы оценить, нужна ли будет такая встреча. Я полностью полагаюсь на вас»³.

Через полчаса после окончания этой беседы состоялась беседа с Ф. Туджманом.

М.С. Горбачев довольно дипломатично начал этот разговор. Он приветствовал Ф. Туджмана как опытного политика, участника партизанского движения в Югославии в годы Второй мировой войны. Сказал о том, с какой болью в Советском Союзе воспринимают трагическое развитие ситуации в Югославии, сказал, что цель встречи – «вернуть мир на вашу прекрасную землю», вспомнил о своей поездке в Югославию, о посещении Дубровника, «в окрестностях которого сейчас ведутся боевые действия»⁴.

Туджман тоже ведет разговор очень дипломатично, говорит о важности своего визита: «Мой визит в Москву не является

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с президентом республики Сербии С. Милошевичем 15.10.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

просто визитом вежливости, это визит к друзьям, к людям и народам, веками исторически связанным с хорватами». После этого дипломатического вступления он переходит к описанию ситуации:

«Больше года в Хорватии идет активный процесс коренной трансформации догматического, однопартийного, зацентрализованного общества в новое, плюралистическое, демократическое. Но догматические, большевистско-коммунистические силы, в первую очередь в Сербии, пытаются вернуть нас назад. <...> Идет война – грязная, неприкрытая война Сербии и Югославской армии против суверенной Хорватии¹. Далее Туджман говорит о бомбардировках городов, в том числе исторических – Задара, Дубровника, Шибеника.

М.С. Горбачев в ответ подчеркивает, что, «наблюдая за событиями в Югославии, мы, прежде всего, думаем о нашей стране. Понимаем, что столь характерные для СФРЮ тенденции сепаратизма и великодержавного шовинизма имеют весьма плодотворную почву и у нас». И далее пытается вывести разговор на возможности налаживания диалога и переговорного процесса: «Как вы оцениваете возможность создания союза суверенных югославских республик? Что необходимо предпринять для нормализации сербско-хорватских отношений?»².

Ф. Туджман продолжил: «Как политик и историк хотел бы подчеркнуть, что в мире параллельно развиваются две тенденции – интеграция и развитие национального самосознания. Именно исходя из этого, более года тому назад Хорватия предложила создать союз суверенных республик Югославии. Однако Словения пошла своим путем к полной независимости. Сербия же, опираясь на армию и догматические силы, стала развивать идеи великого сербства и укрепления централизованной федерации. Ее руководство ликвидировало основы конституции 1974 г., в соответствии с которыми все республики пользовались широкими правами и взаимодействовали фактически на конфедеративной основе»³.

Далее Туджман подчеркнул, что «до развязывания войны против Хорватии на территории республики не погиб ни один житель сербской национальности. Теперь же жертвы с обеих сторон огромны. После того, что произошло, Хорватия не может уже пойти на создание

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с президентом республики Хорватии Ф. Туджманом. 15.10.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

³ Там же.

какого-либо политического союза в рамках Югославии. Хотя при условии прекращения агрессии против нашей республики мы готовы заключить экономический союз, начиная, например, с создания таможенной унии»¹.

Что же необходимо, вновь спрашивает М.С. Горбачев, для начала переговорного процесса между вашими республиками?

Только одно, отвечает Ф. Туджман: «Незамедлительное прекращение агрессии и войны против Хорватии».

М.С. Горбачев попросил хорватскую сторону уточнить свою позицию: «Как я Вас понял, после прекращения боевых действий ваша республика может пойти на переговоры под патронажем международных факторов, включая ЕС, Советский Союз и США.

Ф. Туджман. Да, при таких условиях мы будем вести переговоры»².

В заключение беседы М.С. Горбачев предлагает «встретиться сегодня вечером [т.е. 15 октября 1991 г. – П. П.] за ужином втроем с президентом Сербии Милошевичем и вместе обсудить весь комплекс проблем». Туджман немедленно соглашается, после чего это было передано Милошевичу, который тоже согласился³.

После ужина три руководителя вышли к микрофонам, и пресс-секретарь президента СССР А.С. Грачев зачитал коммюнике, в котором указывалось, что в итоге обстоятельного обсуждения всех аспектов югославского кризиса стороны договорились по трем ключевым пунктам. Во-первых, они выступают за необходимость немедленного прекращения всех вооруженных конфликтов. Во-вторых, согласовано, что в течение месяца высшие представители Сербии и Хорватии начинают переговорный процесс по всем вопросам, которые являются предметом противоречий и разногласий, и ведут его с учетом интересов народов Югославии. Переговоры должны вестись с уважением суверенных прав народов и равноправности республик Сербии и Хорватии с целью обеспечения прочного мира и добрососедства между Сербией и Хорватией. В-третьих, президенты Сербии и Хорватии обратились к Советскому Союзу и Европейскому сообществу с просьбой об оказании миссии добрых услуг в организации и проведении переговорного процесса.

¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с президентом республики Хорватии Ф. Туджманом. 15.10.1991 // Архив Горбачев-Фонда. – Ф. 1. Оп. 1.

² Там же.

³ Там же.

В мемуарах А.С. Черняева и А.С. Грачева есть интересные и довольно колоритные детали этого ужина, о том, как готовилось это коммюнике. Первый вариант надиктовал за пять минут Черняев своей стенографистке, потом его читали и переводили на сербско-хорватский язык сторонам, и другие детали, которые уже описаны в публично доступных материалах¹.

Литература

Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 1024 с.

¹ См.: *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). – Москва : НЛО, 2011. – С. 790–796.

РАЗДЕЛ II. ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА И РАСПАДА СФРЮ

Глава 5. ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛГРАДА – 1: ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ СКЮ ОБЕСПЕЧИТЬ ВЫЖИВАНИЕ ЮГОСЛАВИИ ПОСЛЕ ТИТО¹

Кажется парадоксальным, что после того как реформа 1965 г.² провалилась, а возможность осуществления проекта «социализм с человеческим лицом» была упущена (ввод войск Организации Варшавского договора в Прагу в августе 1968 г.), произошла определенная демократизация СКЮ. Съезды республиканских Союзов коммунистов состоялись до съезда СКЮ. На них произошла смена

¹ *Перович Латинка* (Perović Latinka, 1933–2022) – югославский и сербский политик, Секретарь СК Сербии 1968–1972 гг. Д-р полит. наук. После отстранения от должности занималась историческими исследованиями, став выдающимся сербским историком, а также общественным деятелем. В нашей монографии представлен фрагмент принадлежащего ее перу введения к коллективному исследованию историков из всех бывших республик СФРЮ, ныне суверенных государств : Jugoslavija : poglavlje 1980–1991. – Beograd, 2021. – Параграф : Poslednji pokušaj u SKJ da se osiguraju uslovi za opstanak Jugoslavije posle Tita. – S. 79–84.

² «Реформа предусматривала изменения в ценовых отношениях, укрепление третичного сектора экономики, модернизацию системы отношений с заграницей с изменением курса динара, ограничительную денежно-кредитную политику, изменение налоговой системы, уравновешивание расходов и доходов, постепенное создание конвертируемости динара и новое отношение к неразвитым республикам и краям. Согласно плану СФРЮ на 1966–1970 гг. необходимо было увеличить средства, выделяемые на модернизацию, улучшить организацию производства, увеличить импорт и производительность [труда].» – Пилько Н.С. Экономический путь, альтернативный советскому : Социалистическая Республика Словения в 60-е – 70-е годы XX в. // Slovenica. Российско-словенские отношения в XX веке / гл. ред. К.В. Никифоров. – Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2018. – Вып. 4. – С. 194. – Прим. перев.

поколений (рядом с партийными функционерами среднего звена но-менклатуры, молодыми участниками войны, оказались представители новых поколений, не участвовавших в войне, сформировавшиеся в период *десталинизации*). Они проходили с несколькими кандидатурами в избирательных бюллетенях и тайным голосованием.

Отказавшись от догматических ограничений, новое руководство («молодые львы», как назвал их словенский историк Й. Пирьевец) начало обсуждать важные вопросы и вводить в практику новые методы руководства с частными совещаниями, поощрением открытых обсуждений, привлечением специалистов, толерантным отношением к разным мнениям. Таковы были эффекты либерализации, произошедшей после отстранения от своих постов Александра Ранковича¹. В 1970 г. состоялся X пленум ЦК СК Хорватии. На нем обсуждались проблемы федерации, от которой требовалось больше «федерировать» (В. Бакарич²). Но до обсуждения этих проблем в общеюгославских организациях дело не дошло. Отклик на X пленум ЦК СКХ, имевший двойное значение – демократизация и освобождение от подспудного национализма, – носил крайнее догматический характер. Пленум был воспринят как разрушение единства партии и даже как шаг на пути к гражданской войне и начало конца Югославии.

В Сербии партийные и государственные руководители действовали в соответствии со своими собственными полномочиями: они постоянно консультировались [с центром], но работали самостоятельно. Раскол произошел после XXI пленума Президиума ЦК СКЮ в Караджорджево. Раскол был спровоцирован Тито: перед атакой на хорватское руководство он провел консультации с председателем Народной скупщины Сербии Драгославом (Дражей) Мар-

¹ Ранкович Александр (1909–1983) – участник Народно-освободительной борьбы (НОБ) 1941–1945 гг., министр внутренних дел ФНРЮ (1946–1953), вице-президент СФРЮ (1963–1966), ближайший соратник Й. Броза Тито. Был обвинен в прослушивании апартаментов Тито. До заседания внеочередного пленума ЦК СКЮ 1 июля 1966 г. Ранкович подал в отставку с должностей члена ЦК СКЮ и члена Исполкома ЦК СКЮ. Позднее, 15 сентября 1966 г., Ранкович был исключен из СКЮ. 1 декабря 1966 г. правительство СФРЮ приняло секретное «Сообщение о противоправной деятельности группы Александра Ранковича и о злоупотреблении Службы государственной безопасности в политических целях». – *Прим. перев.*

² Бакарич Владимир (1912–1983) – Председатель ЦК СК Хорватии (1944–1969). В 1971–1972 гг. вместе с Й. Броз Тито возглавил кампанию против «хорватских националистов». В 1974 г. выдвинул идеи о децентрализации власти в стране. – *Прим. перев.*

ковичем. Лидеры партийного руководства в Сербии на XXI пленуме Президиума СКЮ (1971) не знали, что на повестке дня стоит обсуждение руководства Хорватии. Практически на повестке дня стоял вопрос и о партийном руководстве Сербии. Не из-за необходимости добиться равновесия с Хорватией, но для создания критической массы для изменений в руководстве всех республиканских СК.

Давление продолжалось до октября 1972 г. Между тем было разослано Письмо председателя СКЮ и Исполкома ЦК СКЮ. Еще до рассылки письма Тито подчеркнул необходимость возврата СКЮ на позиции до VI съезда КПЮ (1952). Партия все еще носила классовый характер, т.е. была партией революции. Эти события вызвали сильнейший отклик в западной печати. Считалось, что Тито откывается от «титоизма» и вновь сближается с Советским Союзом.

После смещения Александра Ранковича югославские коммунисты разделились. В то время как одни из них ожидали перемен, прежде всего в том, что касается роли СКЮ, другие считали, что процесс демократизации зашел слишком далеко и необходимо повернуть назад. После Брионского пленума ЦК СКЮ (1966) была создана весьма авторитетная комиссия по реорганизации СКЮ, которая представила новые решения. Прочитав тезисы по реорганизации СКЮ, Э. Кардель¹ сказал: «На сегодняшний день это лучший документ, но в случае, если надо будет принимать то или иное решение, сойдет и такая партия». Очевидно, он имел в виду, что все еще существует Советский Союз (доктрина ограниченного суверенитета Л.И. Брежнева), но также сохранили сильные позиции элементы сталинизма в самом СКЮ. В своей речи в Мариборе (Словения) Тито уничтожительно отзывался о работе Комиссии по реорганизации СКЮ, назвав ее «дирижизмом» (эпитет, который использовал М. Джилас на III пленуме ЦК СКЮ в 1954 г.²).

¹ Кардель Эдвард (1910–1979) – участник НОБ, личный друг Тито, теоретик социализма в Югославии, один из авторов конституции 1974 г., Союзный секретарь по иностранным делам ФНРЮ (1948–1953), председатель Союзной скупщины (парламента) СФРЮ (1963–1967). – Прим. перев.

² Джилас Милован (1911–1995) – участник НОБ. Личный друг Й. Броза Тито. Секретарь Исполнительного бюро ЦК КПЮ-СКЮ (с 1948 г.), один из вице-президентов ФНРЮ (с 1953 г.), председатель Союзной народной скупщины (парламента) ФНРЮ. В октябре 1953 – январе 1954 г. опубликовал в газете «Борба» статьи, содержащие резкую критику «сталинских методов» и однопартийной системы в ФНРЮ, выступил за независимость правосудия. Выдвинул тезис о возникновении в Югославии (и в странах народной демократии и СССР) нового правя-

В последовавших в 1971–1972 гг. «чистках» в СК Словении, Хорватии и Сербии (и значительно меньше – во всех остальных республиках) на руководящие посты выдвинули новых людей. Не только партийное руководство, но и общественные организации и государственные учреждения были «очищены» от людей, деятельность которых привела к принятию поправок к конституции в 1971–1972 гг., которые легли в основу конституции 1974 г. И на этот раз, когда была возможность перейти Рубикон, КПЮ-СКЮ вернулся к проверенному сталинскому методу: смена руководства и «чистка» среди рядовых членов партии.

Во всех национальных историографиях период до смерти Тито (1980) хорошо исследован. На основе этой литературы можно сделать вывод, что в конце 1960-х и в начале 1970-х годов были приостановлены процессы модернизации экономики, демократизации общества, а также реальной федерализации страны. Для сохранения внешнего вида фасада сохранялся определенный стандарт, но после смерти Тито и его разломали. Сербия сыграла в этом решающую роль. Через своих представителей она оказывала сопротивление изменениям конституции. Конституция 1974 г. была принята на основе тогдашнего баланса сил: Сербия стояла по одну сторону, а остальные республики и оба автономных края – по другую. Будучи реалистом, Тито принял это соотношение сил, хотя оно было направлено против конфедерализации Югославии. Пока Тито был жив, Сербия требовала изменить конституцию 1974 г. После его смерти Югославия освободилась от исполнявшейся им роли арбитра, гарантировавшего сложившееся – кажущееся и реальное соотношение [сил].

Чтобы доказать неравноправие Сербии и тем самым угрозу интересам сербского народа (Никола Пашич: «У разделенной с остальными сербскими землями Сербии нет причины существовать», Слободан Милошевич: «Сербия будет государством, или ее не будет»), надо было поставить под вопрос политику партийного руководства Сербии в 1968–1972 гг. Иными словами, имеются в виду следующие вопросы: политика обращения Сербии к своим внутренним проблемам, взаимопонимание с остальными [народами] Югославии, сведение функций федерации к общим инте-

щего класса. За это был смешен со всех партийных и правительственные постов за «буржуазно-либеральные взгляды, имеющие целью подрыв ведущей роли СКЮ». В марте 1954 г. подал заявление о выходе из партии. Стал первым югославским диссидентом, неоднократно подвергался преследованиям. – *Прим. перев.*

ресам, внешняя политика, оборона, общий рынок и финансовая система, демократическое функционирование соответствующих учреждений.

Достижения этой политики, нашедшие свое отражение в конституции 1974 г., были подвергнуты сомнению (централизация Сербии путем ликвидации автономных краев, экспорт «антибюрократической революции»¹ в другие республики с целью навязать ее всей Югославии, создание сербских образований (*ентитет* – серб., *entitet* – босн. и хорв.) в Боснии и Герцеговине и в Хорватии для изменения границ сербского государства, включение в этот проект ЮНА). Наряду с этим [предполагалось] разрушение общеюгославских учреждений (принятие собственной конституции, не содержащей обязательств по отношению к общеюгославской конституции, вмешательство в финансовую систему).

Надо было доказать, что у этой технологии никогда – начиная с XIX в. вплоть 1960–1970 гг. – не было альтернативы. Таким образом возникла интерпретация такого явления, как «сербские либералы» 1968–1972 гг. Они были отстранены от занимаемых должностей как оппортунисты, способствовавшие ослаблению революционной роли СКЮ, как технократы, националисты и советофобы, иными словами, «западники». Все это было систематично изложено в двухтомнике Драгана Марковича и Савы Кржавца. После этого либералы были преданы забвению до начала 1989 г. Тогда редактор журнала

¹ Явление в истории Сербии в 1987–1989 гг. Характеризуется кадровыми изменениями, фактически ограничившими права автономных округов в Сербии (Косово и Воеводина), что обеспечило руководящую роль Сербии в органах СФРЮ и СКЮ. Летом и осенью 1988 г. прошли массовые митинги, в результате которых председатель ЦК СК Сербии С. Милошевич заменил представителей Воеводины, Косово и Черногории в союзных органах своими сторонниками. Таким образом, к 1989 г. Сербия получила контроль над четырьмя из восьми голосов на посту президента страны и контроль над СКЮ. Антибюрократическая революция характеризовалась массовыми митингами и собраниями, выдававшимися за спонтанные. На них выдвигались лозунги, быстро воплощавшиеся в жизнь сторонниками С. Милошевича. Большую роль в этом сыграла белградская газета «Политика». Антибюрократическая революция стала разрывом с коммунистическим пониманием политики, прежде всего с основным отношением к национализму. В конце 1988 г. Милошевич заменил социальную терминологию на национальную, термин «рабочий класс» в качестве определения социальной группы был заменен на термин «национа». – Прим. перев.

НИНа¹ Стеван Никшич опубликовал в газете «Борба»² 11–12 февраля 1989 г. статью, которая положила начало иной интерпретации «сербских либералов». Эта статья была реакцией на книгу Александра Ненадовича «Беседы с Кочей»³. Время либералов Никшич назвал самым мрачным периодом в истории Сербии (запреты, аресты, преследования). Конца этого кошмара, согласно Никшичу, ожидали как «сильного послабления». Изучение первичных источников, которое провел Миливой Бешлин⁴, показало, что эта новая дискредитация либералов совпадала с тайной подготовкой войны за пересмотр границ. Куча Попович, как всегда, был краток: Никшич не объяснил главные причины устранения «либералов». Но журналист Драган Белич в своем обстоятельном ответе Никшичу представил совершенно противоположную картину. Он расценил этот период как самый блестящий в сербской культуре. Устранение «либералов», по мнению Белича, обусловило исход сербских интеллектуалов за границу (он упомянул отъезд в Германию Зорана Джинджича⁵).

Посткоммунистическая историография (Радина Вучетич) и публицистика (Небойша Попов⁶) ввели термин «так называемые либералы». В традиции изучения отношения либералов (после смерти Йосипа Броза Тито) находится и книга публициста Славолюба

¹ НИН – популярный и влиятельный журнал. Выходит в Белграде. – Прим. перев.

² Газета «Борба» основана в 1922 г. как центральный печатный орган КПЮ. С 1954 г. – центральный печатный орган Социалистического союза трудового народа Югославии. Приватизирована в 2008 г. Издание прекратилось в 2009 г. – Прим. перев.

³ Константин «Куча» Попович (1908–1992) – югославский военный и политический деятель, начальник Генерального штаба ЮНА (1948–1953), министр иностранных дел СФРЮ (1953–1965), вице-президент СФРЮ (1966–1967), писатель и публицист. – Прим. перев.

⁴ Bešlin M. Ideja moderne Srbije u socijalističkoj Jugoslaviji 1968–1972. Knj. 1, 2. – Novisad : Akademска knjiga, 2021.

⁵ Джинджич Зоран (1952–2003) – сербский политик, мэр Белграда в 1997 г., премьер-министр Сербии (2001–2003). В 1970–1980-е годы учился в Германии, в частности в университете г. Констанц. Доктор философии. В июне 2000 г. Джинджич стал одним из координаторов ведущего оппозиционного объединения Сербии – Союза перемен. Погиб в результате спланированного убийства. – Прим. перев.

⁶ Popov N. Contra Fatum : slučaj grupe profesora filozofskog fakulteta u Beogradu (1968–1988). – Beograd : Mladost, 1989.

Джукича¹, автора множества книг о Добрице Чосиче² и Слободане Милошевиче. «Легкомысленная книга о серьезной теме», – сказал Марко Никезич³. Но материал победил автора, и книга повлияла на новое обсуждение оттесненной было темы. Соотносимым по своему значению с темой было обсуждение книги в редакции «Борбы». Различия в оценке «либералов» отразили различия между сербскими интеллектуалами периода событий 1980-х и кануна войн 1990-х годов. Неготовность либералов к реваншу и понимание его катастрофичности укрепили отношение к ним как к «так называемым либералам», т.е. жандармам, в особенности в области культуры. Это, во всяком случае, было характерно для начального периода плюрализма в Сербии. Надо было доказать, что до возникновения многочисленных политических партий и их более или менее одинаковых программ (рынок, многопартийная система, парламентаризм) в Сербии не существовало политической и идеологической альтернативы, что коммунизм – это всегда и везде только другое лицо тоталитаризма.

Первая серьезная дискуссия о сербских либералах состоялась по случаю тридцатой годовщины их падения. Объяснение их как явления и их политической судьбы стало возможным благодаря публикации самого основательного до настоящего момента исследования Миливоя Бешлина («Идея современной Сербии в социалистической Югославии 1968–1972»). Помимо прочего, это исследование ставит под вопрос философию Добрицы Чосича о лжи как о главном средстве существования сербского народа. Югославянские народы в начале 1990-х годов вовсе не неожиданно начали уничтожать друг друга, как «желтые муравьи»⁴. Выборы между навязанным *единством государства и свободой его народов*, между имперским и

¹ Đukić S. Slom srpskih liberala. Tehnologijas političkih obračuna Josipa Broza Tito. – Beograd : Filip Višnjić, 1990.

² Чосич Добрица (1921–2014) – югославский и сербский писатель и политик. Первый президент Союзной республики Югославия (1992–1993). – *Прим. перев.*

³ Никезич Марко – участник НОБ, председатель ЦК СК Сербии (1968–1972). Был снят с должности в ходе антилиберальной «чистки» в Сербии (1972). Член ЦК СКЮ (1958–1972). – *Прим. перев.*

⁴ Метафора. Имеется в виду вид муравьев, распространенный в Центральной Европе, колонии которых не пересекаются. В случае возникновения угрозы они укрепляют свое гнездо и могут проявлять агрессивность по отношению друг к другу. – *Прим. перев.*

современным государством, не могли быть одинаковыми. Для всех народов Югославии его и не существовало. Брожение 1980-х годов выкристаллизовалось, оформилось в последнем десятилетии XX в. В свете этой кристаллизации стало яснее, почему сербские *либералы 1970-х годов XX в.* были единственным реформаторским течением в коммунистических партиях бывшего социалистического лагеря и бывшей Югославии, любую мысль о сотрудничестве с которыми отвергали и власть, и оппозиция. Историография же сначала избегала любого исследования, а потом стала допускать и фальсификации.

Перевод с сербского С.А. Романенко

Литература

Bešlin M. Ideja moderne Srbije u socijalističkoj Jugoslaviji 1968–1972. – Novi sad : Akademска knjiga, 2021. – 604 str.

Dukić S. Slom srpskih liberala. Tehnologijas političkih obračuna Josipa Broza Tito. – Beograd : Filip Višnjić, 1990. – 332 str.

Popov N. Contra Fatum : slučaj grupe profesora filozofskog fakulteta u Beogradu (1968–1988). – Beograd : Mladost, 1989. – 456 str.

Глава 6. ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛГРАДА – 2: ОТНОШЕНИЕ К СЕРБСКОМУ ВОПРОСУ – ФУНДАМЕНТ КОНФЛИКТА В БЫВШЕЙ СФРЮ¹

Крах СФРЮ вновь поставил сербский вопрос. Изменившееся в мире соотношение сил, крах социалистического блока, а вместе с ним и разрушение порядка, установленного между великими державами в Тегеране и Ялте, немецкое воссоединение и многолетние процессы дезинтеграции в Югославии уменьшили возможность ее сохранения как общего государства. Восстановление единства Германии вновь объединило государства, в 1914–1918 и в 1941–1945 гг. воевавшие против Сербии, т.е. дважды в этом столетии пытавшиеся уничтожить Сербию и Югославию. Трудно определить мотивы подобной политики.

Сербский вопрос существует на европейской политической сцене с момента создания средневекового сербского государства, но в современном его значении – с начала XIX в., т.е. со времени Первого сербского восстания в 1804 г., до наших дней. Он постоянно носил балканский и европейский характер, а отношение к нему других стран в большей или меньшей степени имело подчеркнуто политические, территориальные, экономические параметры. При этом эти страны не упускали возможность получить выгоды. Решение сербского вопроса в рамках югославянского вопроса было скорее временным заблуждением, чем реальностью.

Объективно сербский вопрос мог быть решен во второй половине XIX в. Баланс сил в Европе, истощение Турции и положение освободительных движений на Балканах способствовали такой трактовке. Однако Берлинский конгресс (иными словами, Австро-Венгрия и Германия) воспрепятствовал [подлинному] решению сербского вопроса, на деле решив его таким образом, что он до сих пор остается открытым. Сбылось предсказание автора «Сербской революции 1804 г.», немецкого историка Леопольда

¹ *Зечевич Миодраг* (Зечевић Миодраг, 1930–2015) – д-р соц. наук, сербский историк и государственный деятель. В данном издании приведен отрывок из его книги: Југославија 1918–1992. Јужнословенски државни сан и јава. – Београд : Просвета, 1999. «Одно спрема српском питању – основа сукоба у бившој СФРЈ». – С. 268–273.

Ранке¹, – что на пути своего дальнейшего развития Сербия столкнется с более опасным врагом, чем Турция, в лице Австрии. Дальнейшие события, такие как аннексионный кризис 1908–1909 гг., который в еще большей степени разделил сербов, Первая и Вторая мировые войны и события последних лет, подтверждают тот факт, что главными противниками решения сербского вопроса всегда были Австро-Венгрия и Германия, а теперь и Германия с целым рядом соседних стран. После создания Королевства сербов, хорватов и словенцев сербский вопрос стал не более чем одним из направлений политики нового государства и до сих пор является неотъемлемой частью политики нашего нынешнего государства, в отличие от политики хорватского и словенского истеблишмента, которые использовали все политические средства для создания и обосабления государственной, национальной и политической идентичности этих народов по отношению к вновь созданному государству. Сербский вопрос утрачивает свою национальную оригинальность, поскольку в новом государстве он способствует осуществлению интересов династии Карагеоргиевичей, политики сербской радикальной партии и политики сербской демократической партии, действовавшей на территории бывшей Австро-Венгерской монархии. Династия все свои интересы и свою позицию по отношению к другим югославянским народам осуществляла в ущерб сербским национальным интересам, поскольку эти интересы были переданы в ведение королевского двора [далее – Двор. – С. Р.] и отождествлялись с ним. Двор и Радикальная партия не соглашались с реставрацией Сербии в этноисторических границах сербского народа, за что выступали союзники по Антанте в ходе и после окончания Первой мировой войны, таким образом жестко подчинив интересы сербского народа собственным притязаниям.

Способ, которым было осуществлено объединение и создано Королевство сербов, хорватов и словенцев, свидетельствует о том, что это было сделано в ущерб решению сербского национального вопроса. Когда сербские войска находились в основном на территории бывшей Австро-Венгерской империи, в Загребе было сформировано Национальное вече [Совет. – Прим. перев.] словенцев, хорватов и сербов, которое провозгласило создание государства этих народов, проживавших на территории австро-венгерского государства. Сербия

¹ Ranke L. Die serbische Revolution. Aus serbischen Papieren und Mittheilungen. – Hamburg : Friedrich Perthes, 1829.

объединилась с этим государственным образованием военного времени еще до того, как добилась обеспечения своих территориальных национальных интересов. К этому государству Сербия присоединилась в границах, которые были у нее до Первой мировой войны, предварительно объединившись с Королевством Черногория.

Можно предположить, что на изменение отношения сербского Двора и правительства повлияли две причины, помешавшие до объединения добиться осуществления сербских национальных интересов, а после этого – присоединиться к общему государству. Надо отметить наличие достаточно сильного сопротивления всех славянских народов Австро-Венгрии устремлениям династии Карагеоргиевичей стать правящей династией во вновь созданном общем государстве. В этом, безусловно, заключалась причина крупной уступки сербского Двора и тесно связанной с династией Карагеоргиевичей Радикальной партии. Предшествующее территориальное устройство сербского государства с точки зрения сербских национальных интересов ставило под сомнение идею о «трехименной нации»¹ и концепцию, на основании которой было осуществлено объединение, а это ставило в деликатное положение Двор и Радикальную партию как инициаторов объединения. Все вышеупомянутые факты указывают на подлинные причины того, что предварительно не был решен сербский территориальный вопрос. В отличие от сербов хорваты и словенцы реализовали свои национальные интересы, а хорваты – особенно благодаря способу объединения – подчеркнули свои притязания на территории, включенные в состав вновь созданного государства, ранее входившие в Австро-Венгрию. На этом основаны их постоянные требования включить [в состав Хорватии] Далмацию, Боснию, Славонию и Воеводину как составные части бывшей Австро-Венгерской монархии.

Создав в 1929–1931 гг. систему бановин², король Александр, Карагеоргиевич, чтобы сломить хорватскую национальную иден-

¹ Корфская декларация 7/20 июля 1917 г. Югославянского комитета и правительства Королевства Сербии. Сербы, хорваты и словенцы трактовались как одна нация. – *Прим. перев.*

² Бановина – административно-территориальная единица в КСХС (с 1929 г. – Королевство Югославия). Бан – начальник, губернатор, глава администрации. В 1929–1939 гг., до создания в 1939 г. Бановины Хорватии, в названии бановин отсутствовал этнический элемент. Этнический состав населения был смешанным. Это была попытка противодействовать проявлениям этнонационального сепаратизма. – *Прим. перев.*

тичность, разделяет на несколько бановин территории, на которых проживали сербы. Тем самым он делает невозможным создание единого сербского образования Крайины с центром в Бихаче [Босния и Герцеговина. – *Прим. перев.*] с населением около 600 000 сербов. Двор и Радикальная партия, защищавшая свои интересы с помощью сербо-хорватского соглашения, на основании которого в 1939 г. была создана Бановина Хорватия [соглашение Цветковича – Мачека, 1939. – *Прим. перев.*], оставили без внимания сербские национальные интересы. Эта идентификация интересов сербского народа с интересами династии Карагеоргиевичей и Радикальной партии дорого обошлась Сербии и сербскому народу в годы Второй мировой войны и существования социалистической Югославии. Во всех несчастьях и тяготах вновь созданного государства обвинили сербскую династию и сербскую буржуазию, с которыми идентифицировали весь сербский народ; таким образом было сформировано общественное мнение, считавшее, что сербский народ в югославском государстве – это угнетатель и эксплуататор.

Коммунистическая партия Югославии, вплоть до 1935 г. придерживавшаяся этой точки зрения, работала над расколом Югославии и провозглашала ответственными за ситуацию в стране и национальные конфликты, проявлявшиеся со все большей очевидностью, исключительно сербскую буржуазию и королевскую династию. Сербская буржуазия провозглашалась эксплуататором югославянских народов, и тем самым [в эксплуатации] косвенно обвинялся и весь сербский народ, в то время как хорватская и словенская буржуазия, иностранный капитал, турецкие беги¹ и остатки дворянства несербского происхождения были отнесены к эксплуатируемым. Идею войны самой крупной нации за все беды в стране Коммунистическая партия заимствовала из идеологии партии большевиков, державшей русский народ в подчиненном положении по сравнению с другими народами Советского Союза.

С приходом Й. Броза Тито к руководству КПЮ эта позиция в принципе изменилась, однако ощущение «вины», навязанной сербам за их буржуазию и монархию, сохранилось и в социалистической Югославии, в особенности когда ставилась под вопрос реализация государственности Республики Сербия.

¹ Зажиточные и чиновные турки, сохранившиеся в Боснии и Герцеговине после аннексии БиГ Австро-Венгрией в 1908 г. и образования КСХС. – *Прим. перев.*

В социалистической Югославии сербский вопрос стали рассматривать в рамках обновления югославского сообщества, в котором сербам был гарантирован статус равноправного народа на всех территориях Югославии, так же как и другим народам и национальным меньшинствам независимо от республиканской или национальной принадлежности и господствующего положения нации. Республика Хорватия по конституции является государством хорватского и сербского народа, который проживает на ее территории, а Босния и Герцеговина – государством трех равноправных народов – сербов, боснийских мусульман и хорватов¹.

Проблемы, вызвавшие национальную, религиозную и гражданскую войну на территории бывшей Югославии, возникли из-за отказа от концепции, утвержденной решениями ЗАВНОХ² 1943 г. и послевоенными конституционными постановлениями, которые определяют Хорватию как государство хорватского и сербского народа, и превращения сербов в национальное меньшинство в Хорватии. Это одностороннее, принятное Сабором Хорватии решение, а также референдум, в котором приняли участие только хорваты, придали новое содержание сербскому вопросу. В дальнейшем сербский вопрос обострился после сепаратии Боснии и Герцеговины из Югославии и объявления Европейским сообществом сербов этой республики стороной-аггрессором в начавшейся войне.

Учитывая происходящие сейчас (в конце 1980-х – начале 1990-х годов) события, сербский вопрос, если речь не идет о войне, можно решить только в том случае, если сербскому народу в Хорватии и Боснии удастся обеспечить такие же права, которыми обладают другие народы Югославии, – право выйти из состава Югославии или остаться в ней. Это право сербов международное сообщество оспаривает, а за остальными народами Югославии признает.

¹ В 1970-е годы «мусульмане» были признаны отдельной национальностью. На языках народов Югославии этот этноним писался с большой буквы. В современном русском литературном языке существует несколько вариантов данного этнонима. Мы выбрали вариант «боснийские мусульмане» и его будем придерживаться далее – *Прим. ред.*

² Земельное антифашистское вече народного освобождения Хорватии – *Zemaljsko Vijeće Narodnog Oslobođenja Hrvatske*, руководящий орган антифашистского коммунистического движения в Хорватии в период Второй мировой войны и Народно-освободительной борьбы. Первое заседание ЗАВНОХ состоялось 13 июня 1943 г. – *Прим. перев.*

Исходя из способа образования Югославии и состава субъектов, которые ее создали, а также из административно-территориального деления между республиками бывшей СФРЮ, непозволительно, чтобы один народ в случае выхода из югославского сообщества увел за собой без его согласия и выражения его воли часть другого народа, лишая его национальной самобытности и государственной идентичности и превращая его в национальное меньшинство, хотя оба народа проживали в государстве на равных правах. И как невозможно оспорить право одного народа выделиться из Югославии и создать самостоятельное государство, так же невозможно позволить тому же народу лишить этого права другой народ или его часть, чтобы тот мог реализовать свои национальные интересы, оставаясь в границах своего народа и существующей общности. В этом заключается суть нынешнего сербохорватского спора, который недостаточно принимают во внимание Европейское сообщество и Совет безопасности, продолжая таким образом агонию на постюгославском пространстве.

Выход из югославского хаоса возможен или в случае, если за сербами, как и за всеми другими народами Югославии, признать право на самоопределение (поскольку таким образом они вошли в авноевскую Югославию в 1943 г.), или в случае, если сербов в результате террора и насилия со стороны международных сил и международного сообщества принудить согласиться с навязанным решением, примириться с тем фактом, что за ними признаны по неизвестно каким причинам меньшие права по сравнению с другими народами Югославии. Учитывая то, как проявил себя сербский народ в ходе своей долгой истории, а также происходящее в Хорватии и Боснии, можно было бы сказать, что это народ, который очень часто вел себя неразумно и самоубийственно встречал в конфликты, не учитывая силу, с которой он сталкивается, и последствия, которые могут наступить для его физического существования. Когда ставится вопрос о несправедливости, представляется, что он не умеет и не может поступать иначе.

Если обратиться к истории сербского народа в последние двести лет, то мы увидим, что это утверждение глубоко обоснованно. В начале XIX в. Карагеоргий поднял восстание сербов в Османской империи, которая в то время все еще одерживала победы над Европой и Россией. В 1914 г. сербы отвергли унизительный ультиматум Австро-Венгрии и требование осудить сараевское покушение, за которое не считают себя ответственными, и вступили в войну с Австро-Венгрией и Германией. В 1941 г. сербские офицеры уничто-

жили пакт, присоединивший Югославию к Третьему рейху. В том же году, когда Гитлер подчинил себе всю Европу, часть Африки и Россию, югославянские народы подняли восстание против Гитлера. В 1948 г. они сказали Сталину свое историческое «нет», рискуя начать войну с Россией. Из всех этих ситуаций югославянские народы вышли моральными победителями. Это историческое наследие определяет и сегодняшнюю линию сербов, в особенности в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Поэтому угрозы и насилие не заставят сербов в Боснии и Хорватии признать решения, несправедливость которых они чувствуют, невзирая на возможные последствия.

Пока существует военный вариант развития событий и беспринципных решений, настоящий выход из югославского кризиса не просматривается. Случившиеся до сих пор события показали, что происходящее не в интересах ни одного югославянского народа и предлагаемые решения лишь временно смягчают возникшие проблемы. Сепаратизм в Югославии вызовет тяжелые последствия для всех югославянских народов, а для сербов, хорватов и мусульман-босняков означает и физическое уничтожение части населения, и проведение этнических чисток на обширных территориях.

Перевод с сербского С.А. Романенко

Глава 7. ВЗГЛЯД ИЗ ЛЮБЛЯНЫ: СУДЬБА ЮГОСЛАВИИ¹

Распад СФРЮ был вторым в истории неудачным воплощением идеи югославской государственности на практике. Оба распада – в 1941 и в 1991 гг. – были тесно связаны с важнейшими мировыми событиями и крупными сдвигами в отношениях между государствами на европейском континенте. Первая Югославия развалилась под ударами вооруженных сил фашистской «оси» в апреле 1941 г. Будучи до некоторой степени искусственным образованием, королевская Югославия вполне могла распасться, даже если бы не стала жертвой внешней агрессии.

Югославским коммунистам (Коммунистическая партия Югославии, КПЮ) ценой больших жертв в 1945 г. удалось выйти победителями и в освободительной войне с оккупантами, и в борьбе со своими противниками внутри страны. Югославские коммунисты никогда бы не пришли к власти, если бы во Второй мировой войне союзники по антигитлеровской коалиции не одержали победу. В Югославии, в отличие от других восточноевропейских стран (кроме Албании), коммунисты пришли бы к власти и без помощи СССР, которую тот оказал в освобождении Белграда и части страны, а также в виде поставок оружия на завершающем этапе войны. Большинство их противников бежали с отступающими частями вермахта. Это произошло потому, что в Югославии, в отличие, например, от Франции, не развилось политически разнородное движение Сопротивления.

Коммунистам удалось подавить вооруженное сопротивление в некоторых областях на территории освобожденного Королевства Югославии, занять и присоединить часть территории Италии и создать вторую Югославию как федеративную республику с новым государственным строем, идеологией и экономической системой. Этот несколько раз реформированный и подвергшийся частичной «либерализации» строй продержался сорок пять лет, до 1990 г., а единая Югославия пережила его ненадолго².

¹ *Беблер Антон* (Bebler Anton) – д-р полит. наук, дипломат и политик, почетный профессор Университета Любляны, Словения; Anton.Bebler@fdv.uni-lj.si.

² Подробнее об этом см., напр.: Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». – Москва : НЛО, 2011. – 1024 с.; Benedečić A. Rusija in slovanstvo : med velikodržavnostjo in vzajemnostjo. – Ljubljana :

Рождение и развитие второй Югославии

Вторая Югославия, так же как и первая, родилась в исключительных и необычных условиях окончания мировой войны. В ней, в отличие от СССР, снова добровольно объединились несколько южнославянских народов, при сохранении унаследованного включения в состав государства неславянских меньшинств, в том числе значительной части албанского народа, без их согласия. Кроме сопротивления германскому, итальянскому и венгерскому империализму сербов, хорватов, словенцев, черногорцев и боснийских мусульман и объединяли, и частично разделяли горький опыт и коллективная травма Второй мировой войны, в результате которой погибло более миллиона их соплеменников. Болезненные воспоминания о кровавых междуусобицах, жертвах военных и послевоенных лет и обидах всплыли на поверхность в 1980-е годы, когда уже исчез коллективный страх перед бывшими оккупантами.

В отличие от потерпевшего военное и политическое поражение централизованного унитарного Королевства, вторая – федеративная – Югославия еще во время Второй мировой войны возникла в форме объединения и союза движений Сопротивления нескольких южнославянских народов. Связующей нитью этих движений были руководившие ими коммунисты, хотя в начале Сопротивления в 1941 г. КПЮ составляла незначительное меньшинство. В своей борьбе эти движения Сопротивления, их органы и партизанские отряды на большей части территории не придерживались прежних административных и национальных границ бывшего Королевства. Задолго до начала мировой войны, в 1934–1937 гг., в составе КПЮ были созданы Коммунистическая партия Словении и Коммунистическая партия Хорватии.

На первом заседании Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), созванного по инициативе И. Брода Тито и КПЮ в боснийском городке Бихач 26 ноября 1942 г., был провозглашен принцип создания многонационального федеративного государства. На историческом втором заседании представителей этих движений 29 ноября 1943 г. в боснийском городке Яйце, без разрешения Коминтерна и Москвы, были приняты решения об образовании послевоенной федеративной республики Югославии.

на : Založba FDV, 2022. – 551 str.; Yugoslavism : histories of a failed idea 1918–1992 / D. Djokić (ed.). – London : Hurst, 2003. – 365 p.

Состав федерации не полностью соответствовал составу присутствовавших в г. Яйце делегаций¹. Когда вторая Югославия конституировалась в январе 1946 г.², то это несоответствие касалось положения как славянских, так и неславянских меньшинств, а также мусульман. При правовом формировании второй Югославии коммунистическое руководство в значительной мере почти дословно следовало тексту советской («сталинской») конституции 1936 г. Этот образец они считали наилучшей формой организации многонационального государства. К тому же принятие этого образца соответствовало возможной форме присоединения Югославии к СССР³.

Как и российские большевики, югославские коммунисты ошибочно верили в то, что социалистическая революция и коммунизм в принципе решают национальный вопрос. От «первой страны социализма» они переняли основные черты советского федерализма, приспособив их к некоторым особенностям югославского государства. Это сходство с СССР соответствовало обстоятельствам 1945 г., хотя и было чревато долгосрочными отрицательными последствиями, проявившимися 45 лет спустя. Так, провозглашение, как и в СССР, главного города самой большой республики столицей второй Югославии было связано со стремлением получить быстрое признание нового режима со стороны западных союзников. Это прагматическое решение возродило, особенно в Хорватии, неприятные воспоминания о сербском централизме и господстве в довоенном государстве в 1918–1941 гг. Для долгосрочной стабильности в многонациональном государстве было бы лучше избрать столицей другой город, который был бы расположен в центральной части страны, либо разместить столицу в особом федеральном округе (как в США и в некоторых других федерациях), либо по меньшей мере рассредоточить некоторые федеральные учреждения по другим ре-

¹ Большинство из 142 делегатов были членами КПЮ или ее сторонниками. Однако среди делегатов были и сторонники различных фракций Хорватской крестьянской партии, Мусульманского союза, Партии христианских социалистов, Партии независимых демократов, Радикальной партии, Партии сельских хозяев, два хорвата – члена созданного еще в 1915 г. в Лондоне Югославянского комитета и некоторые другие.

² Демократическая Федеративная Югославия (с 1945 г.), Федеративная Народная Республика Югославия, ФНРЮ (с 1946 г.).

³ *Bilandžić D. Zgodovina socialistične Federativne Republike Jugoslavije. – Ljubljana : Partizanska knjiga, 1980. – 463 s.; Pirjevec J. Partizani. – Ljubljana : Mladinska knjiga, 2020. – 864 str.; Романенко С.А. Указ. соч.*

спубликам. Но связанный с этим опыт «буржуазных» федераций югославских коммунистов, по-видимому, не интересовал¹.

Как и в СССР, при разделении страны на шесть республик (Сербия, Хорватия, Словения, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина), а также две автономии в составе Сербии (Воеводина, Косово и Метохия) – в пяти случаях из восьми были использованы этнические названия этих образований, политонимы совпали с этнонимами и возникли титульные нации. Югославские коммунисты считали разделившие республики границы лишь административными разделительными линиями. Они не представляли себе, что эти линии когда-нибудь могут превратиться в границы между суверенными национальными государствами с негативными последствиями для этнических и религиозных меньшинств внутри них. Неэтнические названия двух субъектов: Босния и Герцеговина, – и имеющих более низкий статус: Воеводина и Косово – отражали продолжающуюся со времен первой Югославии политическую дискриминацию неславян. Это касалось также и самого названия, и гимна возрожденного государства («Гей, славяне!»).

Как и в СССР, линии разграничения между федеральными единицами в ряде случаев проводились не на основании исторических или этнических принципов. Нигде не были проведены местные референдумы, а протесты против такого разделения были подавлены. Наиболее грубые нарушения исторических и этнических принципов имели место при проведении совершенно новых границ Черногории, а также при разделении Санџака между Сербией и Черногорией без согласия населения. Как и в СССР, культурная автономия формально предоставлялась лишь неславянским меньшинствам, а не меньшинствам самого большого народа на территории других республик. После распада СФРЮ они оказались под давлением националистов, принадлежавших к титульным нациям. Последствия проявились во время последней войны в Хорватии 1991–1995 гг.

Вместо постепенного и терпеливого развития сложного федерального устройства многонационального общества на основе широкого, демократически выраженного согласия населения коммунисты просто наложили на это общество перенятую от российских большевиков модель уменьшенной советской структуры.

¹ Bilandžić D. Op. cit.; Kux S. Soviet federalism : a comparative perspective. – New York : Institute for East-West Security Studies, 1990. – 117 p.

Главным изъяном, погубившим обе структуры, было то, что и та и другая были псевдодемократиями. За фасадом второй Югославии очень быстро ввели полную монополию власти победителей в войне. Как и в советской системе, стало невозможным существование или были просто запрещены остатки присутствовавших до войны других политических партий, преследовались любые попытки создания новых политических группировок. Некоторое время на постах министров и на других высоких должностях находились некоторые политики довоенного времени, однако все важные решения принимались органами централизованной, по-военному организованной, дисциплинированной и более года после освобождения все еще официально не зарегистрированной, но входившей в Народный фронт Коммунистической партии Югославии (КПЮ). Под давлением новой власти исчезли все формы открытой политической оппозиции, все публичные выражения других идеологий и все частные и неподконтрольные режиму средства массовой информации (газеты, журналы, радио, а позже и телевидение).

Был установлен полный партийный контроль над государственными репрессивными органами. Вместо конкурентных и свободных выборов коммунисты ввели внешне похожие на выборы ритуалы, результаты которых не имели никакого влияния на государственную политику и состав правящего класса. С введением по советскому образцу однопартийной системы квазипарламентаризма югославские коммунисты отказались от инструментов регулярной самокорректировки власти, исходящей из динамики действительного, а не официозного общественного мнения. Сформированная таким образом система монопольной власти КПЮ стала стержнем как централизованного коммунистического строя, так и структуры псевдофедерации.

Причиной политического конфликта с СССР в 1948 г. было не расхождение югославских коммунистов с идеологией сталинизма и с основными постулатами и практикой советского строя. Поэтому их первой реакцией было ревностное старание доказать, что они еще более преданы этим постулатам, чем другие восточноевропейские коммунисты. Только несколько лет спустя им пришлось пересмотреть свою приверженность сталинизму, при одновременном желании доказать, что они все еще марксисты и коммунисты, а не националисты и предатели мирового социализма.

Переименование партии в Союз коммунистов Югославии (СКЮ) на VI съезде 2–7 ноября 1952 г., введение рабочего и мест-

ного самоуправления, частичное изменение экономической политики, начало во внешней политике позиции «неприсоединения к блокам» в 1955–1961 гг., а также восстановление югославско-советских межгосударственных и межпартийных отношений в 1955–1956 гг. ознаменовали отход югославских коммунистов от некоторых официальных догм и практики советского коммунизма. Идеологически партия немного приблизилась к западноевропейским социал-демократам. Уровень репрессий снизился, режим постепенно «либерализировался», была введена свобода передвижения и выезда через государственные границы. Страна открылась в информационной, культурной, научной и спортивной сферах¹.

Эту эволюцию верхушка партии и государства несколько раз приостанавливала и устранила сторонников дальнейшей «либерализации», реформ и более последовательного прощания с марксистско-ленинским догматизмом. От него югославские «ревизионисты», как их называли лидеры и идеологи КПСС, так полностью и не отказались, особенно в федеральном центре. Монополия власти, отказ от свободных выборов и преследование политической оппозиции сохранились почти до конца режима. Навязанный «сверху» КПЮ / СКЮ эрзац политического плюрализма в форме непартийного Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТН) не мог устранить этого главного изъяна авторитарного режима².

Эта «социалистическая» демократия в течение четырех десятилетий существования, несмотря на «либерализацию» и смягчение политики режима, привела к потере поддержки со стороны значительной части населения, которую коммунисты заслужили во время войны, а также благодаря противостоянию нажиму со стороны СССР.

¹ См., напр.: Вагапова Н.М. Международные театральные сезоны в Белграде : БИТЕФ 1967–2007. – Москва : ГИТИС, 2011; Вагапова Н.М. Политический театр на сценах Белградского театрального интернационального фестиваля // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 154–175; Vagapova N.M. BITEF : Pozorište, festival, život. – Beograd : Altera, 2010.

² Самая массовая организация в ФНРЮ / СФРЮ. Создана в августе 1945 г. как Народный фронт Югославии (*Народни фронт Југославије*) на основе Единого фронта национального освобождения (с 1953 г. – Социалистический союз трудового народа Югославии). Включал в себя несколько общественно-политических, профсоюзных и других организаций. – Прим. ред.

Эта потеря поддержки совпала с возрождением подпольной политической оппозиции, связанной с политическими наследниками потерпевших поражение во время войны сил, с церковной иерархией, с обиженными послевоенной национализацией частными собственниками и с дискриминацией верующих, а также с антикоммунистически настроенной эмиграцией на Западе. СКЮ потерял поддержку и значительной части либеральной интеллигенции, которая пользовалась гораздо большей интеллектуальной свободой, чем в других социалистических странах.

Отсутствие внутренней демократии и «демократический централизм» в КПЮ / СКЮ привели сначала к единоличной диктатуре и культу личности Й. Броза Тито, а после его смерти 4 мая 1980 г. – к диктатуре стареющих партийных олигархов в двух Президиумах (СКЮ и СФРЮ). Считалось неприемлемым завоевание политиками популярности с помощью выступлений в СМИ, и такие попытки наказывались. Продвижение на высокие должности не зависело от общественного мнения и популярности политиков. Новое поколение руководителей, за редкими исключениями, не приобрело престижа и уважения общественности, которыми в значительной мере пользовалось партизанское поколение. Для создания демократического фасада и одновременного сохранения монополии власти режим разработал очень сложную систему косвенных многоступенчатых выборов в три палаты скупщин парламентов на уровне республик и областей и в две палаты союзной скупщины СФРЮ. Действие этой системы контролировал СКЮ через свои кадровые комиссии и через ССТН.

В своей экономической политике югославские коммунисты в течение двух послевоенных десятилетий следовали советской стратегии автарической индустриализации за счет сельского хозяйства и сферы потребления. От этой ошибочной нерыночной стратегии государственного капитализма с централизованным плановым управлением СКЮ начал отходить, частично открывая югославский рынок влиянию мировых рынков и переходя к полурыночной экономической политике. Несмотря на значительное улучшение благосостояния населения и рост уровня жизни по сравнению с другими восточноевропейскими странами, Югославия в области потребления все более отставала от соседних западных стран. Свои трудности она частично преодолевала с помощью экономической эмиграции – выезда безработных на Запад – и накопления долгов западным банкам. В экономической политике югославского руководства все еще

сохранялся марксистский догматизм с отрицательным отношением к частному предпринимательству и частной собственности, к рыночному хозяйству и особенно к иностранному капиталу. Как и для других социалистических стран, для Югославии десятилетиями был характерен высокий уровень военных расходов. Все это привело к серьезным хозяйственным перебоям, экономическому и долговому кризису в течение десяти лет после смерти президента Й. Броза Тито. Коммунисты с переходом значительной части народного хозяйства от государственной к «общественной» собственности, с введением рабочего самоуправления и полурыночной экономической политики отошли от советского образца. Однако их отход от марксистского догматизма был непоследовательным и недостаточным (в этом было их отличие от китайских коммунистов, которые внимательно наблюдали и изучали югославский опыт). Отрицательные рыночные последствия этого процесса усугубили политический кризис в конце 80-х годов прошлого столетия.

Несмотря на институциональную и идеологическую схожесть ФНРЮ / СФРЮ с советской квазифедерацией, в ней был позволен более высокий уровень культурной автономии южнославянских народов и неславянских меньшинств внутри каждой республики. Провозглашенное равноправие южнославянских языков долго не соблюдалось в федеральном центре и в федеральных учреждениях, в особенности в федеральной армии, службах безопасности и дипломатии. Проблему равноправия сербского и хорватского языков, кириллицы и латиницы в федеральных учреждениях решили с помощью изобретения и введения двух вариантов сербскохорватского/хорватскосербского языка и перехода на латиницу.

В республиках развивались свои системы управления, правосудия, внутренних дел, образования (вплоть до университетского), средств массовой информации и т.п. Таким образом развивалась собственная государственность и в четырех из шести республик, в которых раньше она почти или полностью отсутствовала (Словения, Хорватия, БиГ, Македония). Развитие собственных систем образования и поднятие культурного и образовательного уровня населения укрепили республиканскую государственность. Переход от строго централизованной и панновой к полурыночной экономике способствовал увеличению политического веса республиканского партийного руководства в каждой республике. Требования экономической децентрализации в конце 1960-х годов совпали с кризисом в Чехословакии и

введением войск Варшавского договора (1968). Боязнь последующего советского нападения на Югославию привела к частичной децентрализации в области обороны, что ранее было сделано и в системе внутренней безопасности. Последняя конституция второй Югославии – 1974 г. – отражала попытку удовлетворить сторонников дальнейшей децентрализации. Требования более высокого уровня автономии и действительного равноправия народов, в том числе косовских албанцев, попытались тогда удовлетворить за счет введения элементов конфедерализма в систему федеральных органов, двойного статуса областей Косово и Воеводины и т.д. С созданием в 1971 г. Президиума СФРЮ (в 1963 г. – и Президиума СКЮ) был подготовлен переход от единоличной власти президента Тито к коллективному межреспубликанскому руководству страной. После смерти Й. Броза Тито в 1980 г. и при отсутствии политически авторитетного наследника установленная смешанная форма централизованного федерализма и усиленных элементов конфедерализма привела к частым сбоям в работе и параличу высших гражданских государственных органов.

К концу 1980-х годов, так же как и в СССР, стала очевидной системная несовместимость настоящего федерализма с монополией власти единственной в стране централизованной политической партии. Многолетнее сопротивление введению соревновательной многопартийной системы и свободных выборов представители и адвокаты правящего режима оправдывали опасностью раз渲ла Югославии. Особенно ревностно эту позицию защищало командование Югославской народной армии (ЮНА)¹.

Само существование этой в значительной степени внутренне политизированной и тесно связанной с Союзом коммунистов институции непосредственно зависело от судьбы СФРЮ. Поэтому военная верхушка с момента принятия в 1969 г. доктрины общенациональной обороны и общественной самозащиты, а также создания системы Территориальной обороны (ТО) отрицательно относилась к существованию ее учреждений в республиках. В этих организациях и их связях с политическим руководством республик (особенно в Словении и Хорватии) верхушка ЮНА видела главную опасность сепаратизма.

¹ Jugoslavija : poglavje 1980–1991. Perović L. (ur.). – Beograd, 2021.

Особенности распада СФРЮ

Первые заметные симптомы внутреннего кризиса СФРЮ появились уже в конце 1960-х – начале 1970-х годов, сначала в Косово, а затем и в Хорватии.

Вооруженное и кровавое подавление протестов студентов университета в Приштине в марте 1981 г. некоторые считают началом глубокого политического кризиса, который привел к распаду государства. Ухудшение положения югославской экономики с перебоями в снабжении увеличивало недовольство населения, особенно в Хорватии и Словении. Такое состояние после смерти Й. Броза Тито усугубляли блокады в высших органах власти. Избрание Слободана Милошевича на высший партийный пост в Сербии – председателя Президиума ЦК Союза коммунистов Сербии (1986–1989) – совпало с ростом великосербского национализма. Почвой для этого служило недовольство значительной части сербского населения в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине положением сербов в СФРЮ. Одновременно укрепились требования косовских албанцев по признанию их равноправия со славянскими народами СФРЮ и по повышению статуса Косово до уровня республики.

В отличие от гибели первой Югославии – жертвы внешнего вторжения в 1941 г. – СФРЮ стала распадаться изнутри, и этот процесс продолжался два десятилетия. За распадом по границам между республиками последовал распад внутри республик. Правовое разложение СФРЮ закончилось в 2008 г., после провозглашения независимости Республикой Косово. Оно началось с грубого нарушения Сербией союзной конституции. В марте 1989 г. в Сербии отменили автономию Косово (и Воеводины), снова введя в этой области систему репрессий по отношению к албанцам, некоторыми чертами напоминающую южноафриканский апарtheid. Возращение сербского руководства, пользовавшегося массовой поддержкой в самой Сербии, к грубой колониальной политике первой Югославии и навязывание этой политики другим республикам отравили отношения между югославскими народами. Этот факт свидетельствует об отрицательной роли сербского колониального наследия по отношению к третьему (из семи) по численности народу СФРЮ. Продолжение сербской политики в Косово исключало вхождение СФРЮ в Совет Европы и ее приближение к Европейскому экономическому сообществу. А этого настойчиво требовала общественность Словении и Хорватии. Введенная Сербией экономическая блокада Словении, организованное из Белграда с помощью антибюрократических

«йогурт-революций» свержение руководства Черногории и Воеводины и такая же попытка в Словении привели к настолько глубокому политическому кризису, что его не смогла преодолеть единственная политическая партия страны – Союз коммунистов Югославии (СКЮ).

Политическая гибель СФРЮ произошла на последнем XIV «чрезвычайном» съезде СКЮ в Белграде 22 января 1990 г. Делегации словенских, а затем и хорватских коммунистов покинули зал съезда, некоторые со слезами на глазах, после того как сербские и черногорские делегации грубо отвергли все их предложения о реформе партии. Только полтора года спустя подтвердился тот факт, что СКЮ действительно был стержнем, на котором держалась СФРЮ и без которого страна не могла выжить. Прекращение деятельности органов СКЮ привело к блокировке деятельности и отставкам в союзных органах СФРЮ, за исключением ЮНА. В этой обстановке сформировалось единогласие, что необходима глубокая реформа СФРЮ. Однако руководства республик расходились в том, какая именно реформа необходима. Два противоположных предложения были выдвинуты Словенией (к которой присоединилась Хорватия) и Сербией (которую поддержала Черногория). Первая предлагала превращение СФРЮ в конфедерацию независимых республик, с сохранением общего рынка, валюты и небольшой федеральной армии. Эта конфедерация с общими органами координации политики членов была бы похожа на Европейское экономическое сообщество. Сербия, со своей стороны, предлагала возвращение Югославии к крепкой централизованной федерации с введением президентской системы. Президентские выборы должны были проходить по единому избирательному округу, включающему всю территорию Югославии, по принципу один избиратель – один голос. Президент в этом случае имел бы огромные полномочия. Похожее предложение сделал на заседаниях Президиумам СФРЮ и Союзного исполнительного веча (правительства) в апреле 1990 г. и незаконно созданный Штаб верховного главнокомандования ЮНА. Это предложение военных верхов включало принятие новой союзной конституции, которая устранила бы все элементы конфедерализма и восстановила централизованную федерацию. Предложения Сербии и командования ЮНА были совершенно неприемлемы для руководств Словении и Хорватии, в то время как позиции руководств Боснии и Герцеговины и Македонии находились между двумя полюсами. На встречах руководителей республик не было достигнуто согласие ни о конституционной реформе, ни о путях разрешения

конфликта. Предложение Скупщины Словении о мирном разъединении СФРЮ было отвергнуто в Союзной скупщине. В Словении и Хорватии уже до этого коммунисты отказались от монополии на власть, разрешили создавать другие партии (в Словении им даже помогали самоорганизоваться) и весной 1990 г. провели впервые после Второй Мировой войны свободные многопартийные выборы. В результате выборов 8 апреля 1990 г. в Словении и 22 апреля – 6 мая 1990 г. в Хорватии коммунисты оказались в оппозиции к новоизбранным некоммунистическим правительствам¹.

Так как договор между республиками заключен не был, то в Словении и Хорватии новые некоммунистические правительства решили провести свои референдумы о выходе своих республик из состава СФРЮ с шестимесячной отсрочкой провозглашения независимости, если до этого не будет достигнуто межреспубликанское согласие. На двух референдумах – 23 декабря 1990 г. в Словении и 19 мая 1991 г. в Хорватии – за независимость проголосовало подавляющее большинство избирателей в обеих республиках.

Внутреннее разложение политической системы привело к потере гражданского политического контроля над федеральной армией. Это отсутствие контроля попыталось использовать руководство ЮНА для спасения как однопартийного политического строя, так и самой Югославии. В Штабе ЮНА разработали сценарий взятия власти военными сроком на один год. За это время была бы принята новая конституция СФРЮ, были бы проведены союзные выборы и был бы установлен новый государственный строй в Югославии. Для разгона демонстраций на улицах Белграда 9 марта 1991 г. появились танки. По словам председательствующего в Президиуме СФРЮ представителя Сербии Борислава Йовича, министр обороны генерал Велько Кадиевич 13 марта 1991 г. сообщил ему и Слободану Милошевичу о решении Штаба ЮНА совершить военный переворот в том случае, если президиум не одобрят требования штаба о

¹ *Pirjevec J. Jugoslavija 1918–1992 : Nastanek, razvoj ter raspad karadjordjeve in Titove Jugoslavije. – Zagreb : Koper, 1995. – 461 p.; Goldstein I. Hrvatska 1990-2020. Godine velikih nuda i gorkih razočaranja. – Zagreb : Profil, 2021. – 554 s.* 30 июня 1990 г. создана Новая коммунистическая партия Югославии, заявившая о своей преемственности по отношению к Союзу коммунистов Югославии. Она существует и поныне, в 2020 г. насчитывала 3000 членов. Союз коммунистов – Движение за Югославию был создан по инициативе В. Кадиевича 4 ноября 1990 г. и просуществовал до 23 июля 1994 г. – *Прим. ред.*

введении чрезвычайного положения в стране и всеобщей мобилизации. В своих воспоминаниях Б. Йович и союзный секретарь по делам обороны серб В. Кадиевич (1988–1992) расходятся только в том, кто первым предложил совершить военный переворот.

Уже 17 марта, после тщательного анализа положения, Штаб ЮНА отказался от своего прежнего решения, прияя к выводу, что переворот привел бы только к кровопролитию и ухудшил бы положение в стране. Вместо этого штаб решил создать новую организацию «Союз коммунистов – Движение за Югославию», организаторами которого выступали бы военные. Но из этого тоже ничего не получилось. В июне 1991 г., перед самым провозглашением независимости Словении, союзное правительство поручило ЮНА предотвратить взятие словенскими органами контроля над 133 пунктами перехода государственной границы СФРЮ и сохранить над ними союзный контроль. Эта плохо продуманная и проведенная операция ЮНА превратилась в длившееся неделю вооруженное столкновение с Территориальной обороной Словении и закончилась политическим поражением ЮНА. По требованию С. Милошевича ЮНА тогда согласилась покинуть территорию Словении до сентября 1991 г. и занялась вооруженным спасением кукей Югославии, главным образом путем войны в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. ЮНА утратила тогда свой общеюгославский характер и превратилась в орудие сербского национализма и гегемонизма. По оценке бывшего секретаря по делам обороны СФРЮ (1982–1988), предшественника В. Кадиевича, адмирала Бранко Мамулы, по происхождению серба из Хорватии, вина командования ЮНА за распад второй Югославии состояла в том, что оно не решилось провести государственный переворот тогда, когда страну еще возможно было спасти. На самом деле попытки спасти одновременно и политический строй, и СФРЮ были с самого начала обречены на провал¹.

Кроме постепенного расплазания – сначала по границам республик, а потом внутри трех республик из шести (Хорватии, БиГ,

¹ Kadijević V. Moje viđenje raspada Jugoslavije. – Beograd : Filip Višnić, 2010; Mamula B. Jugoslavija je razbijena : razgovorao M. Lazanski // Politika. – 2011. – 24.12. – URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/202435/Jugoslavija-je-razbijena> (date of access: 04.01.2023); Mamula B. Slučaj Jugoslavija. – Podgorica : CID, 2000. – 339 str. Также см.: Кадиевич В. Контрудар (Мой взгляд на развал Югославии). – Москва : Московский издательский дом, 2007.

Сербии), – особенностями распада СФРЮ являлись сочетание межгосударственных и внутренних вооруженных столкновений и войн; значительная роль военного фактора; высокая смертность, преимущественно среди гражданского населения, как непосредственное следствие вооруженного насилия. Наиболее известным примером этого насилия является массовое убийство формированием боснийских сербов приблизительно восьми тысяч мужчин мусульман-босняков в окрестностях Сребреницы в Боснии и Герцеговине 11–19 июля 1995 г. Если сравнивать с другими «социалистическими» странами, которые пережили глубокие политические перемены в начале 1990-х годов, то распад СФРЮ был самым кровавым.

Большую роль при этом сыграла ЮНА, которая в 1992 г. превратилась в три связанные между собой армии – армию Союзной Республики Югославии (Сербии и Черногории), армию Республики Сербской Крайины в Хорватии и армию Республики Сербской в Боснии и Герцеговине. Вместе с сербскими военизованными отрядами и примкнувшими к ним сербскими криминальными элементами в Боснии и Герцеговине все эти три армии в гораздо большей степени по сравнению с другими вооруженными силами в четырех бывших республиках СФРЮ (Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине и Сербии) повинны в смерти приблизительно 130 тыс. человек, в большинстве своем мирных граждан. Самое большое количество жертв было среди боснийских мусульман и гораздо меньше – среди сербов и хорватов. Если к этим жертвам добавить убитых албанцев-мусульман, а также учесть организованное сербскими властями изгнание более миллиона албанцев из Косово в апреле-мае 1999 г., то с этой точки зрения самые острые противоречия в СФРЮ были не между сербами и хорватами, а между православными сербами и мусульманами. В этом сказалось наследство многовекового оттоманского владычества на Балканах.

Распад СФРЮ начался и проходил почти одновременно с распадом СССР и со сменами режимов и уходом коммунистов от власти, происходившими в разных формах, в других «социалистических» странах Восточной Европы, Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, а также вскоре и в 15 бывших республиках СССР, и в Монголии. Это совпадение во времени и схожесть не были случайными. Внутренние кризисы и политические банкротства режимов «реального социализма» имели место в однонациональных,

двунациональных и многонациональных странах. Это значит, что культурные, религиозные и национальные факторы или вообще не являлись причиной, или, как в Югославии, были второстепенной причиной разрыва и лишь придали ему национальную и религиозную окраску. Общим для всех этих стран и основной причиной соппадения во времени и схожести процессов распада было предшествовавшее насильственное насаждение (в большинстве случаев) или добровольное подражание советской системе (а затем и зависимость от СССР), как это случилось при образовании второй Югославии и коммунистической Албании. Эпицентр глубокого кризиса, который привел к распаду СФРЮ, находился в ее политической системе. Основные разногласия между руководством республик, а ранее и внутри руководства каждой республики, касались разного понимания изменения политической системы, демократичности, эволюции в направлении политических систем западных либеральных демократий, экономической политики, открытости мировому рынку, сближения с Европейским экономическим сообществом и т.д. Руководства республик не смогли преодолеть эти разногласия. Позже кризис и разложение распространились и на другие сегменты общества.

Несмотря на свою эволюцию после 1949 г., югославская политическая система недостаточно отделилась от советского оригинала и после более чем сорокалетнего существования оказалась политическим банкротом. Распад СССР (в отличие от большинства других восточноевропейских «социалистических» стран) и подчиненного ему военно-политического блока – Варшавского договора – не имел непосредственного влияния на распад СФРЮ. Этого распада, может быть, даже и не произошло бы, если бы Й. Броз Тито не прожил так долго и в шестидесятые годы его место занял бы югославский Дэн Сяопин. Экономически более успешная, чем страны Восточной Европы, и все еще «социалистическая» Югославия, одна из ведущих стран в движении неприсоединения, имея хорошие отношения с Западом, может быть, и выжила бы.

В момент своего зарождения в XIX в. и в дальнейшем югославянство в форме союза южнославянских народов стало освободительной идеей и лозунгом. После отказа болгар в 1948 г. присоединиться к этой идее, с распадом СФРЮ в 1991 г. оно потерпело свое окончательное поражение, стало достоянием балканского прошлого и предметом изучения историками и другими учеными-обществоведами.

Роль России / СССР и других великих держав в судьбах трех Югославий

Победа во Второй мировой войне позволила видоизмененной России в форме СССР вернуться на Балканы в качестве великой державы. Эту возможность она основательно использовала с помощью Красной армии и коммунистических партий балканских государств. СССР в наибольшей степени, хотя и временно, повлиял на судьбы Румынии, Болгарии, Югославии и Албании. С его помощью к власти пришли в первых двух странах, и он способствовал приходу к власти в Югославии и Албании идеологически тесно связанных с СССР коммунистических режимов. В отношении второй Югославии (ДФЮ, в ФНРЮ 1945–1947 гг.) СССР играл роль покровителя и гегемона от момента признания нового режима и заключения в 1945 г. первого межгосударственного Договора о дружбе и взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве вплоть до разрыва отношений в 1948–1949 гг. Подражание советской системе, следование идеологии, практике, внутренней и в значительной степени внешней политике СССР определило главные черты государственного строя и политики второй Югославии. Разрыв летом 1948 г. по инициативе советского руководства и лично И.В. Сталина произошел потому, что югославское руководство хотело выступать в роли уважаемого младшего союзника СССР на Балканах, а не только во всем послушного сателлита, как этого требовал Сталин.

Враждебная политика СССР, давление на границах, экономическая блокада, пропагандистская война, подготовка к нападению и насильственному свержению руководства страны не только помогли, а даже заставили югославских коммунистов пересмотреть свое отношение к СССР и к советской идеологии. Начиная с 1949 г. СССР своей враждебной политикой объективно способствовал развитию югославского «ревизионизма» и непосредственно повлиял на перемены во второй Югославии в направлении, противоположном тенденциям периода 1945–1948 гг. Советская политика заставила Югославию временно сблизиться с США, Великобританией и НАТО, которые в наиболее трудные годы оказали ей значительную военную и экономическую помощь. Это очень помогло стране и позволило режиму политически победить в противостоянии с СССР и выдержать его блокаду.

После смерти И.В. Сталина новое советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым принесло извинения Югославии. В 1955–

1956 гг. межгосударственные и частично межпартийные отношения улучшились. Однако интенсивность и температура этих отношений никогда более не достигали уровня 1945–1948 гг., хотя несколько раз в них происходили подъемы и спады. Улучшение и ухудшение отношений двух стран влияли на некоторые международные события, но кроме того эти периоды частично совпадали с внутренними колебаниями в югославском руководстве между «ревизионизмом» и «догматизмом». Улучшение югославско-советских отношений в 1962–1968 гг. привело, кроме роста торгового оборота, к установлению тесного сотрудничества в военно-промышленной области и к крупным закупкам советского вооружения и лицензий. В связи с этим снова укрепились отношения между вооруженными силами, несмотря на официальную югославскую политику неприсоединения. Однако президент Й. Броз Тито отказался принять требование Л.И. Брежнева создать в Боке Которской советскую военно-морскую базу. Причинами нового ухудшения отношений в 1968 г. стали ввод вооруженных сил Варшавского договора в Чехословакию, подавление Пражской весны и провозглашение Л.И. Брежневым доктрины «ограниченного суверенитета» социалистических стран. Эти действия СССР были восприняты как новая серьезная угроза Югославии¹. Как таковая она значительно повлияла и на югославскую внутреннюю политику, прежде всего в области обороны. Частичная отмена монополии федеральной армии и установление на уровне республик организаций Территориальной обороны помогли два десятилетия спустя, особенно Словении, выстоять в вооруженном противостоянии частям ЮНА и защитить свой выход из состава СФРЮ в июне 1991 г.

Западные державы, в отличие от СССР, с 1945 г. до самого распада СФРЮ не имели заметного влияния на ее внутреннюю политику. О незначительном идеологическом влиянии на югославское руководство можно говорить только в связи с западноевропейской социал-демократией и швейцарским федерализмом. Привлекательность более высокого уровня жизни и личной свободы на Западе, а также западная антикоммунистическая пропаганда способствовали постепенному внутреннему разложению всех восточноевропейских коммунистических режимов, а также, хотя и в меньшей степени, югославского режима.

¹ К этому надо добавить и подъем реформистского и национального движения в Словении, Хорватии и Сербии в 1970–1972 гг.: словенские «технократы», хорватские «националисты» и сербские «либералы». – *Прим. ред.*

Но это не было важной причиной распада СФРЮ. Ее геостратегическое положение между двумя военно-политическими блоками определило интерес и желание западных держав сберечь СФРЮ, несмотря на идеологию установленного там режима. Эта политика, особенно со стороны США, выражалась в доброжелательных политических отношениях, в поддержке Югославии во время ее трудностей, в свободном визовом режиме и т.д. Займы и кредиты западноевропейских банков и международных, контролируемых Западом финансовых институций смягчали экономические трудности страны и позволяли режиму откладывать неприятные для населения меры. Когда же и это перестало помогать и стали обостряться экономические трудности и внутренние политические споры, крупные западные государства, кроме новых кредитов, стали предлагать льготные торговые соглашения, обещать повышение статуса СФРЮ в отношениях с Европейским экономическим сообществом и убеждали югославских руководителей оптимальнее решать внутренние разногласия. Кроме того, уже в 1988 г. они стали предостерегать, а в 1990 г. напрямую угрожать экономической блокадой Словении и Хорватии в случае их выхода из СФРЮ. Во время своего визита в Белград за несколько дней до провозглашения независимости Словении эти предостережения и отказ признать ее самостоятельность ясно высказал государственный секретарь США Джеймс Бейкер. США тогда больше всего опасались возможного влияния распада СФРЮ на СССР и особенно на судьбу советского ядерного оружия.

Сопротивляясь распаду СФРЮ западноевропейские государства, особенно Франция, продолжали до осени 1991 г., а США – до апреля 1992 г. Вооруженное насилие в Словении и Хорватии, показанное на телевизионных экранах во всем мире, убедило правительство объединенной Германии признать факт необратимого распада СФРЮ. Этому решению способствовали преследующий собственные интересы Ватикан, а также правительство соседней Австрии. С помощью угрозы одностороннего признания независимости Словении и Хорватии, если этого коллективно не сделает Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Германии удалось сломить сопротивление Франции и Италии. Признанию стран ЕЭС 15 января 1992 г. недовольные этим решением США последовали лишь в апреле.

Россия признала Словению 14 февраля 1992 г., Хорватию – 17 февраля 1992, а Боснию и Герцеговину – 27 апреля 1992 г.

Принятие трех республик (Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины) в ООН страны ЕС поддержали в мае 1992 г., только после того, как стало известно о массовых убийствах сербами мусульман-bosняков в Восточной Боснии. Сделали они это исходя из собственных интересов в азиатских и африканских мусульманских странах.

Занятоу собственными трудностями: перестройкой и гораздо более важным окончанием холодной войны, отношениями с США, свертыванием Организации Варшавского договора, объединением двух Германий и т.п., советскому руководству не хватало времени заниматься еще и Югославией. Когда же всплыли на поверхность признаки внутреннего разложения СФРЮ, М.С. Горбачев лично, во время своего визита в 1988 г., высказался за преодоление внутренних конфликтов и за сохранение СФРЮ. Однако эта позиция СССР, который сам переживал процесс разложения, не оказала никакого влияния на развитие событий в Югославии. В ходе тайного, без разрешения Президиума СФРЮ, визита в Москву 13 марта 1991 г. союзного секретаря по делам обороны генерала Велько Кадиевича последний министр обороны СССР маршал Дмитрий Язов не пообещал ему советскую военную поддержку в случае интервенции НАТО, а М.С. Горбачев отказался его принять¹.

После провозглашения независимости Словении в июне 1991 г. и в ходе дальнейшего политического раздробления пространства СФРЮ уже независимая Россия сначала признала независимость трех республик, которые вышли из состава СФРЮ. Россия сделала это после стран Европейского экономического сообщества, но раньше, чем США. Россия затем признала право на самоопределение за всеми народами Югославии, кроме косовских албанцев, и установила нормальные дипломатические отношения со всеми признанными на международном уровне бывшими республиками СФРЮ. С 1993 г. до 1500 российских миротворцев участвовали в международных операциях UNPROFOR, IFOR, SFOR и KFOR на территориях Боснии и Косово.

В то же время во время войн на территории бывшей СФРЮ российской политической и моральной поддержкой пользовались лишь сербские националисты в Сербии во главе со Слободаном Милошевичем и сербские сепаратисты в Боснии и Герцеговине и

¹ Јовић Б. Посљедни дани СФРЈ. – Београд, 1996; Јовић Б. Kako su Srbi izgubili vek. – Beograd : Službeni glasnik, 2016; Kadjević V. Op. cit.; Кадиевич В. Указ. соч. – С. 192.; Романенко С.А.

в Хорватии во главе с Радованом Караджичем, Ратко Младичем и другими, которые позже были признаны виновными и осуждены за военные преступления. В Боснии и Герцеговине в рядах армии сербских сепаратистов боролись и погибли также и российские добровольцы. Видный российский политик Виктор Черномырдин стал специальным представителем президента Б.Н. Ельцина и сыграл роль покровителя СРЮ в ходе переговоров Слободана Милошевича с бывшим президентом Финляндии Мартти Ахтисаари о прекращении военных действий и выводе армии СРЮ из Косово в июне 1999 г.

Однако первый президент РФ Б.Н. Ельцин не повторил роковую ошибку императора Николая Второго в 1914 г. Российская Федерация не приняла предложение о создании федерации с Сербией и Белоруссией и не вступила в войну с НАТО на стороне Сербии. Попытка в июне 1999 г. российского миротворческого контингента из Боснии и Герцеговины рывком первыми занять аэродром в Приштине закончилась неудачей. К 2003 г. Россия вывела с территории бывшей СФРЮ свои контингенты в составе международных сил под эгидой НАТО¹.

Однако благодаря своей поддержке Сербии в конфликте с Косово и покровительству, оказываемому Республике Сербской, вложениям российского капитала, прежде всего в энергетику, Россия сохранила свое влияние в Сербии и в Республике Сербской в Боснии и Герцеговине. В этих делах ей помогает ее положение постоянного члена Совета Безопасности ООН с правом наложения вето и ее отказ признать независимость Косово. В том и другом случаях проявляется частичная преемственность балканской политики Российской Федерации по отношению к политике Российской империи.

В ходе политического и экономического переустройства и переформатирования территории бывшей СФРЮ западные державы (политически – США, экономически – Германия и другие члены Евросоюза) стали ведущим внешним фактором. Две бывшие республики СФРЮ (Словения и Хорватия) вошли в Евросоюз, а четыре (Словения, Хорватия, Черногория и Северная Македония) – в НАТО. С двумя протекторатами (Косово, Боснией и

¹ Никитин А. Международные конфликты : вмешательство, миротворчество, урегулирование : учебник. – Москва : Аспект Пресс, 2017; Frozen conflicts in Europe / A. Bebler (ed.). – Opladen : Barbara Budrich Publishers, 2015.

Герцеговиной) западные державы стали осуществлять непосредственный контроль над значительной частью территории бывшей СФРЮ. Кроме того, возросли присутствие и роль Турции и Китая.

Из всех великих держав Россия, во всех ее трех исторических разновидностях, больше всех повлияла на судьбы обеих Югославий. Благодаря огромному вкладу, внесенному в победу над Германией, и своей помощи югославским коммунистам до и во время Второй мировой войны СССР сильно повлиял на образование второй Югославии, на формирование ее политической системы и федеральной структуры, а тем самым и на ее судьбу¹.

Литература

Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 84–100. DOI: 10.31249/ape/2021.02.04

Вагапова Н.М. Политический театр на сценах Белградского театрального интернационального фестиваля // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 154–175. DOI: 10.31249/ape/2021.02.07

Вагапова Н.М. Международные театральные сезоны в Белграде : БИТЕФ 1967–2007. – Москва : ГИТИС, 2011. – 214 с.

Кадиевич В. Контрудар (Мой взгляд на развал Югославии). – Москва : Московский издательский дом, 2007. – 192 с.

Калоева Е.Б. Власть и гражданское общество на Западных Балканах, их роль во внешней политике глазами балканских и зарубежных исследователей // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2022. – № 2. – С. 68–86. DOI: 10.31249/ape/2022.02.04

Калоева Е.Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан (аналитический обзор) // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2019. – № 2. – С. 235–265. DOI: 10.31249/ape/2019.03.11

Князева С.Е. Проблема вступления в ЕС балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 176–193. DOI: 10.31249/ape/2021.02.08

Никитин А.И. Международные конфликты : вмешательство, миротворчество, урегулирование : учебник. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 384 с.

¹ См.: *Пархалина Т.Г., Романенко С.А.* Международные отношения в Восточной Европе : проблемы, методы, контуры исследования и перспективы развития // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2022. – № 2. – С. 7–24. – Прим. ред.

Пархалина Т.Г., Романенко С.А. Международные отношения в Восточной Европе : проблемы, методы, контуры исследования и перспективы развития // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2022. – № 2. – С. 7–24. DOI: 10.31249/ape/2022.02.01

Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 22–58. DOI: 10.31249/ape/2021.02.02

Benedejčić A. Rusija in slovanstvo : med velikodržavnostjo in vzajemnostjo. – Ljubljana : Založba FDV, 2022. – 551 s.

Bilandžić D. Zgodovina socialistične Federativne Republike Jugoslavije. – Ljubljana : Partizanska knjiga, 1980. – 463 s.

Frozen conflicts in Europe / A. Bebler (ed.). – Opladen : Barbara Budrich Publishers, 2015. – 215 p.

Goldstein I. Hrvatska 1990–2020. Godine velikih nada i gorkih razočaranja. – Zagreb : Profil, 2021. – 554 s.

Jović B. Kako su Srbi izgubili vek. – Beograd : Službeni glasnik, 2016. – 212 s.

Јовић Б. Посљедни дани СФРЈ. – Београд : Б. Јовић, 1996. – 487 с.

Kadijević V. Moje viđenje raspada Jugoslavije. – Beograd : Filip Višnić, 2010. – 301 s.

Kux S. Soviet Federalism Comparative Perspective. – New York : Institute for East-West Security Studies, 1990. – 117 p.

Mamula B. Jugoslavija je razbijena : razgovarao M. Lazanski // Politika. – 2011. – 24.12. – URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/202435/Jugoslavija-je-razbijena> (date of access: 04.01.2023).

Mamula B. Slučaj Jugoslavija. – Podgorica : CID, 2000. – 339 s.

Pirjevec J. Partizani. – Ljubljana : Mladinska knjiga, 2020. – 864 s.

Pirjevec J. Jugoslavija 1918–1992. Nastanek, razvoj ter raspa Gold std karadjordjeve in Titove Jugoslavije. – Koper : založba Lipa, 1995. – 463 s.

Vagapova N.M. Bitef : pozorište, festival, život. – Beograd : Altera, 2010. – 720 s.

Jugoslavija : Poglavlje 1980–1991, Perović L. (ur.). – Beograd, 2021. – 960 s.

Yugoslavism : histories of a Failed Idea 1918–1992 / D. Djokić (ed.). – London : Hurst, 2003. – 356 p.

Глава 8. ВЗГЛЯД ИЗ ЗАГРЕБА : ЮГОСЛАВИЯ ИСЧЕЗАЕТ, СОЦИАЛИЗМ ТЕРПИТ КРАХ¹

На одном из этапов распада Югославии, примерно в конце 1987 – начале 1988 г., произошло столкновение позиций (не очень драматичное и не слишком известное широкой общественности) между сербской верхушкой во главе со С. Милошевичем и верхушкой ЮНА во главе с В. Кадиевичем². Согласно оценке адмирала Бранко Мамулы³, «Словения и Хорватия инициировали механизм распада Югославии», явно считая, что они обе несут равную ответственность⁴. Мамула и армейское руководство не считали Милошевича самым подходящим человеком для осуществления планов ЮНА по восстановлению унитарного государства и полагали, что если стремиться к сохранению Югославии, то его надо устранить. По их мнению, в тот момент политика Милошевича была слишком просербской и как таковая неприемлемой для Югославии в целом. Однако благодаря искусной демагогии Милошевича, а также вследствие других обстоятельств ЮНА все больше становилась его союзником⁵. Якобы принципиальная, а по сути догматичная и негибкая политика ЮНА была крайне далека от децентрализованной и демократизированной политики Югославии, которую предлагали власти Словении и Хорватии в 1990–1991 гг. Армии гораздо ближе была вооруженная и, в сущности, великосербская модель Милошевича. Командование ЮНА и Милошевич однозначно сближаются в 1988 и 1989 гг. На XIV съезде Союза коммунистов Югославии 20–23 января 1990 г.

¹ Гольдштейн Иво (*Goldstein Ivo*) – хорватский историк, д-р ист. наук, профессор; igoldste@ffzg.hr. Автор многих монографий, посвященных различным периодам истории Хорватии. В настоящей монографии с любезного разрешения автора публикуются фрагменты его книги: *Hrvatska 1990 – 2020. Godine velikih nada i gorkih razočaranja*. – Zagreb : Profil, 2021, главы «Jugoslavija nestaje, socijalizam propada», «Raspad Jugoslavije». С. 108–120.

² С 1988 по 1992 г. союзный секретарь по делам народной обороны СФПЮ и СРПЮ. – Прим. перев.

³ Югославский сербский военачальник, адмирал Военно-морского флота СФРЮ, Министр обороны СФРЮ с 1982 по 1988 г. – Прим. перев.

⁴ Mamula B. Slučaj Jugoslavija. – Podgorica : CID, 2000. – S. 109–121.

⁵ Špegelj M. Memoari // Globus. – Zagreb, 1995. – 21.07; Špegelj M. Sjećanja vojnika. – Zagreb : Znanje, 2001. – S. 97 и след.

Милошевич и его сторонники использовали делегатов от ЮНА, чтобы настаивать на «единстве СКЮ и демократическом централизме». Люди Милошевича обещали «поддерживать» только такие идеи. Впрочем, Борисав Йович утверждал, что ЮНА сознательно «согласилась с такой ролью»¹.

Приход к власти некоммунистических партий в Словении и Хорватии в апреле-мае 1990 г. лишь ускорил сближение ЮНА с сербским руководством. Кадиевич заявил, что Милошевич «способствует стабильности Югославии»². После распада единого СКЮ генералы в 1990–1994 гг. основали «Союз коммунистов – Движение за Югославию», в который вступило лишь небольшое количество невоеннослужащих ЮНА. По сути дела, за жесткими идеологическими формулами скрывалась забота о собственном существовании, ибо было очевидно, что вместе с преобразованием общества необходима и коренная реформа в ЮНА, а ЮНА не была к этому готова. Когда 9 и 23 декабря 1990 г. в Сербии прошли президентские выборы и выборы в Скупщину³, Велько Кадиевич в одном из интервью поддержал СПС Милошевича по трем основным причинам. Во-первых, их объединяло сопротивление либеральным и демократическим изменениям; во-вторых, они считали, что, сохранив старый режим, они сохраняют Югославию; и, в-третьих, когда они увидели, что такой сценарий не может быть реализован, их целью стало введение чрезвычайного положения. Поэтому ими и была принята концепция «третьей (укороченной) Югославии» как нового отечества для ЮНА и Сербии, если первый вариант – «федеративная Югославия» – не будет осуществлен⁴.

Адмирал Бранко Мамула в конце 1990-х, уже покинув пост союзного секретаря по делам народной обороны, но сохранив большое влияние, заявил зарубежной аудитории: «Если нам придется прибегнуть к репрессивным мерам, в том числе и к военной силе, то мы убеждены в том, что Югославия сможет контролировать ситуацию в своих границах». Он сказал, что предложение Словении и Хорватии «о конфедерации неприемлемо, поскольку создание национального государства сербов или хорватов невозможно без

¹ *Jović B. Poslednji dani SFRJ.* – Beograd : Politika, 1995 – S. 69.

² *Kadijević V. Moje viđenje raspada.* – Beograd : Politika, 1993. – S. 106.

³ Победили С. Милошевич и Социалистическая партия Сербии (СПС). – *Прим. перев.*

⁴ *Pešić V. Nacionalni sukobi, raspad Jugoslavije i rat za nacionalne države // Republika.* – Beograd, 1995. – N 7 (129). – S. 18.

кровопролития, но невозможно даже и с ним». Среди командования ЮНА не было сербских националистов классического типа, генералы не были одержимы популистской мифоманией или романтическими эмоциями; однако в их среде существовали отвращение, предубеждения и даже ненависть к словенскому и албанскому «сепаратизму», хорватскому «национализму» и исламскому «фундаментализму». Военное руководство утилитарно относились к национальной принадлежности; они действительно были в основном сербами, но предпочитали представлять себя югославами. По позиции, занятой в каждой конкретной ситуации, генералов можно разделить на три группы. Первая – представители умеренного течения, которые якобы соглашались с демократическими преобразованиями и считали их неизбежными. Это были хорваты – адмирал Петар Шимич (1932–1990) и контр-адмирал Божидар Грубишич (родился в 1932 г. в. Шибенике (Хорватия, на службе до 1991 г.); словенец генерал-полковник Конрад Колшек (1934–2010, на службе до 1991 г.), генерал-майор Светозар Вишнич (1927–1999) и др. К группе экстремистов можно отнести генерал-полковника Благое Аджича (в 1989 – январе 1992 г. начальника Генерального штаба, в январе–феврале 1992 г. – и.о. союзного секретаря по делам национальной обороны); генерал-полковника Стевана Мирковича (1927–2015); генерал-полковника Петара Грачанина (1923–2004, служил до 1985 г.) и хорвата генерал-майора Йосипа Грегорича (1928–1995). Центристскую группу предположительно представляли генерал армии Велько Кадиевич (1925–2014; 1988–1992 – союзный секретарь по делам народной / национальной обороны, 1992), хорват генерал-полковник Зорко Чанади (1925–2003, 1987) и адмирал Стане Бровет (1930–2007, 1992). Однако представляется, что такое деление не имело значения в стратегически важных ситуациях, поскольку приказы выполняли абсолютно все, даже среди генералов расхождения были невозможны¹.

Чтобы понять, в каком положении в то время оказалась ЮНА, необходимо принять во внимание, что армия сама почти полвека культивировала веру в то, что она – мощная и непобедимая военная сила². Кроме того, командование ЮНА, если говорить о поли-

¹ Špegelj M. Memoari // Globus. – Zagreb, 1995. – 21.07.

² Представление о ЮНА как о третьей или четвертой по силе армии в Европе восходит к утверждению, что югославская армия в конце Второй мировой войны была по численности и силе «третьей военной силой союзников в Европе (учитывая европейские государства) вслед за Красной Армией и ВС Великобрита-

тических проблемах, традиционно занимало жесткие позиции, что сильно мешало более тонкому подходу в конкретной политической ситуации. Наконец, примитивизм и деспотическая ментальность, проявленные на войне в начале 1990-х годов значительным количеством офицеров ЮНА, были принесены [в казармы] из домашней, в основном из сельской среды.

После первого тура выборов в Сабор Хорватии, состоявшегося 22 апреля 1990 г., стало ясно, что Хорватский демократический союз во главе с Ф. Туджманом побеждает¹. Затем армия обращается к секретарю Союза коммунистов Хорватии, имевшего в Саборе предыдущего созыва абсолютное большинство мест (с конца 1990 г. – Партия демократических перемен, с 1993 г. – СДПХ), Ивице Рачану с предложением фактически совершивший государственный переворот, однако тот отказался. В ответ на это ЮНА забрала у Территориальной обороны Хорватии все вооружение (на 240 тыс. солдат это составляло 200 тыс. винтовок и автоматов, 1400 минометов, 1000 артиллерийских орудий и др.), а хорватскому правительству даже не удалось выразить протест. И если в Хорватии такая акция была предпринята в период междуувластия, постсоциалистическая власть в Словении уже была сформирована несколькими месяцами ранее² и отчасти помешала ЮНА захватить вооружение словенской ТО. Таким образом, словенские «территориалы», воевавшие с 26 июня по 4 июля 1991 г., были солидно вооружены и без дополнительных поставок вооружения и помощи извне.

Представляется, что руководство ЮНА до лета 1991 г. считало, что крупномасштабного конфликта на территории Югославии не будет. Оно строило планы по предотвращению «антикоммунистических и антиюгославских» процессов в стране, но было уверено, что быстро и качественно наведет порядок без особого кровопролития. Они переоценивали свои силы и считали, что у каждого из югославских народов есть свое «здоровое ядро», которое вовремя поймет «ошибки» своих руководителей и вернет их к жесткой

нии». См.: *Gračanin P. Završna ofanziva Jugoslovenske armije za konačno oslobođenje zemlje // Za pobedu i slobodu : Završne operacije za oslobođenje Jugoslavije. Učesnici govore.* – Beograd, 1986. – S. 51.

¹ Второй круг состоялся 6 мая 1990 г., Ф. Туджман избран Сабором Председательствующим Президиума Социалистической Республики Хорватия 30 мая, 25 июля – Председательствующим Президиума РХ, 22 декабря 1990 г. – Президентом РХ. – *Прим. перев.*

² Выборы в Скупщину состоялись 8 и 12 апреля 1990 г. – *Прим. перев.*

централистской концепции югославской системы. Поэтому в конце 1990 и начале 1991 г. планировались даже похищения и суды над ведущими представителями власти в Хорватии (министр обороны М. Шпегель, президент Ф. Туджман), вплоть до возможности их ликвидации. Но первые репрессивные акции, например суд над шестерыми хорватами, обвиненными в незаконном ввозе оружия в марте 1991 г., спровоцировали бурные демонстрации граждан перед зданием военного суда в Загребе, которые показали, что Хорватия не испугалась и что эти репрессии только усиливают раздражение и неповинование.

Непосредственно накануне начала конфликта в Словении 26 июня 1991 г. командование Пятого военного округа, дислоцировавшееся в Загребе, проинформировало подчиненных о позиции ЮНА по отношению к текущей ситуации в государстве (очень характерно, что армия вообще имела политическую позицию!). Подчеркивалось, что ЮНА остается единой вооруженной силой всех югославских наций и национальностей, которые, как никогда ранее, «не будут определять территории или играть роль арбитра в межнациональных и межреспубликанских конфликтах», и продолжит выполнять задачи по «сохранению Югославии как общего отечества и единого государства». Национальные лидеры и лидеры некоторых политических партий были названы подстрекателями и обвинены в том, что они ускоренно создают республиканские, партийные и национальные армии, «поскольку прекрасно знают, что без вооруженной силы они не смогут достичь своей цели». Их обвиняли в том, что они не учитывают два факта: во-первых, что «карликовые образования на территории Югославии не имеют будущего в международной системе, потому что эти “суверенные” государства очень быстро становятся добычей более крупных и сильных соседей, которые еще не отказались от претензий на наши территории»; и, во-вторых, что вооруженные силы таких государств «очень быстро вошли в конфронтацию и междуусобный конфликт и толкнули наши народы в затяжную гражданскую войну»¹.

В политических и военных кругах, которые поощряли, организовывали и руководили войной в Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговине, существовало двойственное отношение к конечной цели. «Югославская» концепция, которая включала в себя и

¹ Marijan D. Slom Titove armije : JNA i raspad Jugoslavije 1987–1992. – Zagreb : Golden marketing : Tehnička knjiga, 2008. – S. 202.

Словению, сначала господствовала в общественном сознании, однако со временем, особенно когда начались боевые действия, стало ясно, что Хорватию не сломить и что было бы гораздо реальнее создать на оккупированных территориях «Великую Сербию». С этого момента ЮНА стала превращаться в сербскую армию. По нашему мнению, главной целью операции ЮНА до сентября-октября 1991 г. был «югославский» вариант, исключавший Словению. Однако с крахом наступления ЮНА в войне в Хорватии осенью 1991 г. этот вариант был окончательно отвергнут, и был принят вариант «Великой Сербии». С этого момента ЮНА окончательно превратилась в сербскую армию¹.

Генерал-полковник Благое Адич, родом из Герцеговины, в 1991 г. занимал пост начальника Генерального штаба ЮНА (в начале 1992 г. он сменил В. Кадиевича на должности союзного секретаря по делам народной обороны). По политическим взглядам его можно было считать сторонником радикальных решений, то есть «большим» сербом по сравнению с другими. Он публично заявил, что проблема будет решена, то есть что Югославия будет воссоздана в очень короткие сроки на благо многих будущих поколений. Он предсказал сотни тысяч жертв со стороны противника – Хорватии и Боснии и Герцеговины; около ста тысяч – со стороны Сербии, а реакцию внешнего мира игнорировал, полагая, что о балканской трагедии поговорят неделю и потом мир замолчит.

В течение нескольких месяцев ЮНА изменила свое отношение к конфликтам между хорватской полицией и восставшими сербами. Сначала армия вообще не вмешивалась, но постоянно предлагала себя в качестве возможного миротворца. Потом стала поступать информация о нераскрытых хищениях армейского вооружения, о сообщничестве командиров сербских повстанцев и отдельных офицеров. Поскольку происходила эскалация конфликтов, военные получили полномочия создавать буферные зоны и предотвращать дальнейшие столкновения, но при этом ЮНА сознательно помогала сербским повстанцам. Впоследствии она планомерно и совершенно открыто снабжала их легким оружием, крупнокалиберными пулеметами и минометами. Таким образом, хорватская сторона оказалась в крайне неравном с ЮНА положении. На последнем этапе, с сентября 1991 г., ЮНА открыто пошла в наступление, а

¹ Nobile M. Hrvatski feniks : diplomatski procesiiza zatvorenih vrata : 1990. – 1997. – Zagreb : Globus, 2000. – S. 92 и след.

местных повстанцев и четников, прибывших из других республик бывшей Югославии, она включила в свой состав¹. Вполне сознательно, умело и преднамеренно велась «война малой интенсивности» (low intensity warfare). По этой причине долгое время многим в Хорватии и за границей в 1990 и 1991 гг. было неясно, что на самом деле происходит в Хорватии.

Весной и летом 1991 г. в ЮНА прошла усиленная чистка армейских рядов. Особенно интенсивной она стала в конце июня, после неудачи ЮНА в Словении². Тем самым усилилось просербское крыло в Генеральном штабе, поэтому сербское руководство во главе с Милошевичем (на встрече Милошевича, Кадиевича и Йовича) в начале июля могло свободно требовать от руководства ЮНА «полностью исключить хорватов и словенцев» из своих рядов и «сосредоточить главные силы на линии Карловац – Плитвице на западе; Баранья, Осиек, Винковцы – река Сава на востоке и река Неретва на юге. Таким образом, нужно было охватить все территории, на которых проживают сербы, до окончательной развязки, то есть до "свободного во-leизъявления народа на референдуме"»³. Иными словами, надо было при помощи ЮНА установить границы государства, которое в действительности стало бы «Великой Сербией». Поскольку операции с этими целями были начаты в ближайшие месяцы, и в то же время из ЮНА дезертировали или были уволены все те, кто не был сербом или черногорцем, ЮНА превратилась в сербскую армию.

¹ Одним из ключевых доказательств того, что ЮНА в конечном счете окончательно встала на великосербские позиции, является судьба рапорта подполковника ЮНА Милана Еремие (уроженец Шида – серб из Славонии, входящей в РХ. – Прим. перев.), датированного 25 октября 1991 г. В нем он сообщает о преступлениях, совершенных добровольческими отрядами в селе Ловац под Вуковаром, включая и направление гражданских лиц мужского пола на минные поля, и требует их (отряды) разоружить. Спустя несколько месяцев рапорт опубликовал белградский журнал «Време», но никакого наказания организаторы этой акции не понесли. Рапорт приобщен к доказательной базе процесса против С. Милошевича в Гаагском трибунале.

² Боевые действия прекратились 4 июля. 7 июля было подписано Брионское соглашение. – Прим. перев.

³ Jović B. Op. cit. – S. 349.

Распад Югославии

Югославия, и как централистское королевство, и как социалистическая федерация, была хрупким образованием. Она была не в состоянии эффективно противостоять национальным чаяниям своих народов. Поэтому она пыталась устраниТЬ эти чаяния путем насильственного подавления, что неизбежно имело противоположный эффект. Йосип Броз Тито прекрасно осознавал опасность нерешенных межнациональных проблем и опасался катастрофического исхода (и был в этом совершенно прав). Коммунистические структуры каждой нации тоже чувствовали это, поэтому они, по-своему жестким образом, сами произвольно решали, насколько и какие в каждом случае национальные устремления могут быть осуществлены, а также насколько и какие потенциально опасные угрозы в межнациональных отношениях можно вынести на общественное обсуждение. Однако, в созданной Тито системе, не было никаких «гарантий» от власти тиранов, которые придут «сверху», типа Слободана Милошевича, возвышение которого должно было уничтожить Югославию или преобразовать ее согласно его модели.

Желание сохранить югославское единство в гражданском обществе с течением времени угасало и в основном сошло на нет к концу 1980-х годов. Последний съезд Союза писателей Югославии, на котором республиканские делегации выказали взаимно непримиримые позиции и разногласия во взглядах на литературу и политику, состоялся в 1985 г. Подобная участь постигла в те годы и другие профессиональные объединения (например, последний съезд историков Югославии, оказавшийся в трудном положении при бойкоте значительной части сербских ученых, был организован в Приштине в 1987 г.). Перестали издаваться профессиональные журналы на союзном уровне, многие культурные мероприятия, такие как Югославский кинофестиваль в Пуле и конкурс песни «Евровидение», превратились в полигон для голосования по республиканскому принципу. Последняя Эстафета молодости в 1988 г. была организована после горячих споров в значительно измененном виде, а на следующий год она не проводилась; Югославия, похоже, «исчерпала себя»¹.

¹ Rudolf D. Rat koji nismo htjeli : Hrvatska 1991. – Zagreb : Globus, 1999. – S. 128–130.

Нет сомнения, что Югославия была различными способами разделена еще до ее формального распада. То есть разные формулы югославской идеологии – национальная, культурная и идеологическая – все они, одна за другой, потерпели неудачу. Унитаристская концепция интегрального югославизма провалилась в тридцатые годы в результате соглашения Цветковича – Мачека (1939 г.). Не лучше удалась и попытка культурной интеграции. Хотя в новом социалистическом сообществе строго соблюдалась национальная форма, выраженная в федеративном устройстве, однако без некоторых традиционных элементов, в которых выражались различные национальные и религиозные компоненты¹. «Канон хорватской народной культуры, выстроенный в период, политически связанный с культурной политикой Хорватской крестьянской партии (HSS), остался почти нетронутым, в том числе и в представлении хорватского фольклора на сцене, в течение всего периода существования социалистической Югославии. В реальной жизни и в быту, подавленная процессами модернизации, а также политикой дехристианизации и давления на крестьян, народная культура отступила. Тем не менее стилизованная под народную и приведенная в канонический вид культура представлялась реальным политикам наименее опасным выражением национальной культуры»². В формировании и представлении национальной культуры (как хорватской, так и других южнославянских наций и национальностей) вообще не было никакого давления, направленного на то, чтобы сделать ее более «югославской». Просто было «ожидание, что рано или поздно произойдет какая-то гомогенизация без насилия, не требующая упразднения национальной культуры»³. Но и эта концепция потерпела поражение.

Экономический югославизм также потерпел неудачу, потому что во время кризиса 1970-х и 1980-х годов экономические системы отдельных республик закрылись, а не открылись, поскольку

¹ Spehnjak K. Javnost i propaganda : narodna fronta u politici i kulturi Hrvatske, 1945 – 1952. – Zagreb : Hrvatski institut za povijest, 2002. – S. 170–171, 249–253; Rihtman-Auguštin D. Etnologija i etnicitet. – Zagreb : ABS95, 2001. – S. 173.

² Rihtman-Auguštin D. «Etnički identitet – etnocentrizam – nacionalizam» // Kulturna, etničnost, identitet / ur. J. Čačić-Kumpes. – Zagreb : Jesenski i Turk, 1999. – S. 51.

³ Wachtel A.B. Stvaranje nacije, razaranje nacije : književnost i kulturna politika u Jugoslaviji. – Beograd : Stubovi kulture, 2001. – S. 159. Так же см.: Šarić T. Kulturna politika vlasti u NR Hrvatskoj – primjer Matice hrvatske 1945 – 1952. Magistarski rad. – Zagreb : Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2008.

отсутствовала адекватная экономическая политика, которая поощряла бы (или даже заставляла) их объединиться.

Даже идеологическое объединение, выдвинутое Тито и сформулированное в лозунге «братство и единство», не увенчалось успехом, хотя этот лозунг начали заменять еще при жизни Тито на другие (например, «сообщество»), которые также оказались нежизнеспособными.

Несомненно, ключевой идеино-политический импульс процессу дезинтеграции придал Меморандум САНУ (Сербская академия наук и искусств), опубликованный в 1986 г.¹ Приход Слободана Милошевича к власти в следующем году инициировал процесс распада на формально-правовом уровне. С этого и началась развязка: в то время как в конце 1980-х из Словении поступило предложение провести экономическую и политическую реформы, а также реформу СКЮ, в Сербии Союз коммунистов Сербии во главе с Милошевичем, тогда еще формально входивший в единый Союз коммунистов Югославии (до XIV съезда 20–23 января 1990 г.), стал пропагандировать национализм, сохраняя в то же время свою приверженность принципам социалистического догматизма². Очевидно, что страна, в двух частях которой (Сербия и Хорватия в составе федерации) у власти находятся политические силы со столь разными концепциями управления и видением будущего, не может оставаться единой. Одно из ключевых событий, показавшее всю глубину разногласий внутри югославского общества, произошло летом 1989 г., когда комиссия Президиума Социалистической Республики Сербии представила документ «Основные положения о реформе политической системы». Хотя, по крайней мере на словах, в нем поощрялось развитие демократии, текст изобилует избытыми социалистическими фразеологизмами. Эти положения были главным образом направлены на то, чтобы устраниТЬ предполагавшиеся элементы конфедерации и создать «современную федерацию равноправных наций и национальных меньшинств». Согласно сербскому предложению, федеративное государство должно было бы иметь «изначальный суверенитет и субъективность», а это значит, что оно должно быть неделимым³. Такие предложения радикально отличались от

¹ Lukic R. L'Agonie yougoslave (1986–2003) : les Etats-Unis et l'Europe face aux guerres balkaniques. – Québec : Les Presses de l'Université Laval, 2003. – P. 2.

² Perović L. Jugoslavija se podelila i pre formalnog raspada // Radikalizacija društva u Srbiji : prilozi i dokumenti. – Beograd, 1997. – S. 100–106.

³ См.: Nobilo M. Op. cit. – S. 36 и след.

словенских и хорватских и даже от поступивших из Боснии и Герцеговины и Македонии.

Когда в конце 1980-х (в 1988–1989 гг.) Милошевич инициировал преобразование Югославии, демонтаж сохранившихся общеюгославских институтов (СКЮ, ЮНА, Национальный банк Югославии) был частью его преднамеренной стратегии, направленной на то, чтобы избежать возможного компромисса по этим проблемам. Именно в руководстве Сербии, а также среди генералитета ЮНА существовало стойкое стремление сохранить социалистическое государство. Один из инструментов пропаганды состоял в том, что все другие варианты (албанский автономизм, словенская политика реформ, любое отклонение от официальной позиции и политики в Хорватии) изображались как ультранационалистические.

Таким образом, если исключить очевидное – то, что политика Милошевича нанесла Югославии смертельный удар, – существуют более глубокие, более многослойные и более трудные для понимания причины распада Югославии. Общественному сознанию с самого начала 1990-х был свойственен своего рода упрощенный взгляд (редукционизм), сводивший причины распада Югославии к одному или двух факторам¹, что не только неверно, но и способствует дальнейшей мистификации. Затяжной политический и экономический кризис 1970–1980-х годов не только привел к обнищанию людей, которого можно было избежать, но и открыл возможности для манипуляции массами. С 1970-х годов Югославия должна была перейти в качественно новую фазу модернизации, которая непременно подразумевала коренные, радикальные политические и социальные реформы; однако у правящих элит на это не было сил. По сути, это была энтропия югославских институтов. Поэтому, даже если такая реформа и была бы проведена, это не означает, что государство не распалось бы. Этот кризис также значительно способствовал распаду (ведь даже в демократических федерациях – Бельгии, Швейцарии, Канаде – для выживания необходимы постоянные реформы)², но распад не был неизбежным следствием этого кризиса.

¹ Lazić M. Autoritarnost i nacionalizam kao mobilizacijske prepostavke sukoba na području SFRJ // Dijalog povjesničara-istoričara. – Zagreb, 2005. – Sv. 9. – S. 37–56. Также см.: Vejvoda I. Yugoslavia and the empty place in power // Praxis international. – Zagreb, 1994. – N 4. – S. 346–353.

² Lukic R. Op. cit. – S. 58.

Эпоха Югославии, фактически это эпоха югославской социалистической федерации (исключая период монархии 1918–1941 гг.), в силу многих внутренних и внешних факторов была для всех народов эпохой самого сильного экономического роста. В то же время эти общества и культуры взрослели, и было совершенно естественно, что они начали чувствовать себя связанными в югославском сообществе, в котором ситуация (то есть баланс сил) была такова, что им часто представлялось, что это сообщество не выражало наилучшим образом их устремления.

По сути, бесспорными кажутся два факта. Во-первых, Югославия как многонациональное образование едва ли могла сохраниться. Во-вторых, нереформированный югославский социализм, неспособный пережить свирепствовавший кризис, в 1980-е годы мало-помалу вошел в стадию безнадежной агонии. Своим крахом социализм в многонациональной Социалистической Республике Хорватии и в СФРЮ в целом открыл дорогу единственной концепции, которая казалась понятной и приемлемой для всех, – национализму – со всеми вытекающими последствиями.

Югославия страдала от многих болезней, но вопрос в том, когда они стали неизлечимыми (если они не возникли с самого основания государства в 1918 г.)? Была ли Югославия уже обречена на распад в 1918 г. (иными словами, был ли распад «неизбежным» или «спонтанным»)?¹ Возможно, так и было, но доказать как первое, так и второе не очень легко. Прежде всего, Югославия была необходимым каркасом, в котором хорватское общество (а также вторая Югославия, хотя речь в первую очередь идет о хорватском обществе) созревало десятилетиями. И в момент, когда внутренние и международные ситуации сделали это возможным, пришли в движение общественные силы, выдвинувшие концепцию независимого государства. Когда начался процесс распада, сказать трудно: то ли в марте 1962 г., когда Исполком ЦК СКЮ в драматических тонах обсуждал вопрос текущего кризиса, то ли во время Хорватской весны (1967–1971), то ли в начале 1980-х, после смерти Тито и одновременного краха экономики и начала всеобъемлющего кризиса.

История общего югославского государства (1918–1991) длилась семьдесят три года. Это был период перманентного общественного и государственного, то есть конституционного кризиса. Как писала Латинка Перович, «частые конституционные изменения

¹ Nobile M. Op. cit. – S. 23.

показали, что Югославия все еще ищет формулу»; однако она так ее и не нашла¹. В рамках ни одной из реализованных концепций государства – гражданской или социалистической / коммунистической – политические элиты не сумели и не могли определиться и договориться об основных положениях государственного устройства. Кроме того, несомненно, «ни в одной из своих осуществившихся форм югославизм не был здоровой альтернативой политическому экстремизму», прежде всего потому, что «те, кто осуществлял югославский проект, вели себя более или менее так же, как их соперники-экстремисты»². Постоянные изменения препятствовали устойчивости системы и делали ее, согласно мнениям некоторых исследователей, «одной из самых сложных и уж точно самой оригинальной политической системой в мире»³. Возможно, это небольшое преувеличение, но система югославского социалистического самоуправления, вне всякого сомнения, не лишена оригинальности.

В течение всей истории существования Югославии в сознании всех югославянских народов, прежде всего сербского и хорватского, происходил процесс поиска формулы, с одной стороны, общего, югославянского, а с другой стороны, – национального государства.

Первая Югославия была создана в конце Первой мировой войны и перестала существовать в начале Второй мировой, а в конце ее была восстановлена. На протяжении всей истории югославского государства сталкивались две концепции государства: первая воплощалась в идее централизованного и унитарного государства с особыми правами самого многочисленного народа, вторая – в идеи сложносоставного совместного государства, что, впрочем, не отменяет идеи общего государства. Вторая концепция легла в основу восстановления второй Югославии, но ее федерализм носил скорее административный и культурологический, чем идеологический характер.

В рамках этого федерализма югославское пространство было интегрировано на нескольких уровнях. Интеграционные факторы

¹ Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). – Beograd, 2006. – S. 25–26.

² Džaja S. Politička realnost jugoslavenstva. – Sarajevo ; Zagreb : Svjetlo riječi, 2004. – S. 8; также см.: Perović L. Op. cit. – S. 68–69.

³ Nobilo M. Op. cit. – S. 15. Возможно, югославская система не была самой оригинальной, как утверждает Нобило, но, без сомнения, оригинальности ей хватало.

представляли собой фундамент относительной стабильности югославского общества и государства. Движущими силами этой стабильности выступали: постоянная идеологическая обработка, производимая авторитарным режимом; глубоко укоренившийся страх национализма; политическая и экономическая помощь Югославии со стороны Запада в силу ее специфического положения и частичной открытости; относительно высокий уровень жизни; харизматичность Тито и его политическое искусство; а также изощренные, а при необходимости и откровенно репрессивные меры по наведению порядка и устраниению «врагов государства»¹. Несмотря на все эти интеграционные факторы, которые были достаточно сильны (правда, они ослаблялись или усиливались в зависимости от времени и места), напряженность сохранялась постоянно. В начале 1990-х годов распались многонациональные государства, будь то империи или социалистические федерации. Но не только принцип свободы личности, но и принцип свободы волеизъявления народов решили судьбу югославского государства.

Югославия распалась стремительно. Хотя многие исследователи (историки, социологи, политологи и др.) в течение последних тридцати лет уделили большое внимание этой теме, очевидно, что мы еще далеки от полного понимания этого процесса и его правильной интерпретации. Например, некоторые исследователи «исходят из предположения, что Югославия была хотя бы в течение одного из периодов своей истории нормальным (с точки зрения внутреннего развития) политическим образованием», однако и это не безусловно².

Среди причин распада менее всего следует принимать во внимание «закоренелую этническую ненависть», поскольку все исследования еще периода социализма показывали, что этническая дистанция между двумя крупнейшими народами (сербами и хорватами) и другими (кроме албанцев) относительно невелика. С другой стороны, и тезис о «братьстве и единстве» – а его в 1980-е годы успешно изничтожали отдельные националистически настроенные деятели и целые группировки – просто не годится: в некоторых регионах, особенно в Косово и там, где обитали сербы и хорваты (а также боснийские мусульмане), где они проживали совместно, существовала «закоренелая ненависть» и сохранялись взаимные неоплаченные счета

¹ Nobile M. Op. cit. – S. 15–16.

² Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). – Beograd, 2006. – S. 26, 68–69; см. также: Džaja S. Op. cit. – S. 173.

прежних времен. За несколько лет и месяцев до распада выходцы из таких регионов, как правило, заняли очень влиятельные позиции в политическом истеблишменте. Кроме того, некоторые СМИ рисовали картину общественных отношений, соответствующую экстремистским настроениям политических элит¹.

Югославия была хрупким государственным образованием еще и потому, что это социалистическое общество было либо недемократическим, либо полудемократическим, предполагавшим (принудительное) слияние, дедифференциацию всех социальных сфер. Таким образом, при социализме политика в принципе не могла отделиться от экономики и культуры. Это происходило также из-за природы командного управления обществом, в структуре которого единая правящая иерархия управляла всем совокупным общественным производством. Поэтому, например, литературные и историографические дебаты (даже спортивные соревнования, вроде футбольных матчей) производили политический эффект. В конце концов распад единой и единственной партии, СКЮ, в начале 1990 г. настолько дестабилизировал государство, что оно уже не могло восстановиться.

Все эти события долго и последовательно, шаг за шагом усложняли ситуацию и способствовали драматическому исходу. В заключение скажем, что ключевой вопрос состоит не в том, можно ли было сохранить Югославию, а в том, можно ли было избежать войн.

Перевод с хорватского С.А. Романенко

¹ Jović B. Jugoslavija – država koja je odumrla. – Zagreb : Prometej, 2003. – S. 23–86. Автор приводит восемь теоретических обоснований причин распада СФРЮ. См. также: Sekelj L. Jugoslavija – struktura raspadanja. – Beograd : Createspace Independent Publishing Platform, 1990. – S. 14–16, 143–147; Marković P.J. Komparativna iskustva raspada država u 20. Veku // Dijalog povjesničara-istoričara. – Zagreb, 2005. – N 9. – S. 17–21; Lazić M. Op. cit. – S. 46.

Литература

Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». – Москва : НЛО, 2011 – 1024 с.

Jović B. Jugoslavija – država koja je odumrla. – Zagreb : Prometej, 2003. – 520 str.

Jović B. Poslednji dani SFRJ. – Beograd : Politika, 1995 – 487 str.

Kadijević V. Moje viđenje raspada. – Beograd : Politika, 1993. – 166 str.

Mamula B. Slučaj Jugoslavija. – Podgorica : CID, 2000. – 339 str.

Nobilo M. Hrvatski feniks : diplomatski procesi iza zatvorenih vrata : 1990 – 1997. – Zagreb : Globus, 2000. – 654 str.

Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). – Beograd : 2006. – 435 str.

Perović L. Jugoslavija se podelila i pre formalnog raspada // Radikalizacija društva u Srbiji : prilozi i dokumenti. – Beograd : 1997. – S. 100–106.

Špegelj M. Sjećanja vojnika. – Zagreb : Znanje, 2001. – 430 str.

Špegelj M. Memoari // Globus. – Zagreb, 1995. – 21.07.

Глава 9. ВЗГЛЯД ИЗ САРАЕВО: ПОЗИЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ И ЮГОСЛАВИЯ¹

На первый взгляд, в Боснии и Герцеговине (БиГ) только посткоммунистическая элита изменила свое отношение к Югославии. Однако более подробный анализ показывает, что даже внутри коммунистического руководства Социалистической республики БиГ последнего периода существовали заметные различия в отношении к Югославии, особенно к трактовкам Югославии и югославизма, предлагавшимся руководством Сербии во главе со Слободаном Милошевичем. Очевидные разногласия между республиканскими элитами во второй половине 1980-х годов принимали все более острый характер и становились все более масштабными², что заставило руководство Боснии и Герцеговины более четко определить свое отношение не только к ключевым точкам конфликта, но и ко всем быстрее превращавшейся в руины Югославии в целом. Даже завоевание золотой медали на чемпионате Европы по баскетболу в 1989 г. не смогло остановить стремительное падение Югославии.

Тем не менее в конце 1980-х – начале 1990-х годов коммунистическое руководство Боснии и Герцеговины было проюгославским³ и постоянно подчеркивало, что оно не присоединится ни к одной из уже сформировавшихся в СКЮ фракций (реформистской, титоистской и сербской, которая выступала за смешение унитарной Югославии и с Великой Сербией)⁴. В 1989 г. несколько раз были организованы переговоры между тогда еще коммунистическими элитами разных республик, в ходе которых они пытались найти решение югославского кризиса. «Руководство БиГ, слишком долго занятое собой, различными делами и оправданиями перед

¹ Хусния Камберович (*Kamberović Husnija*) – д-р ист. наук, профессор, Сараевский университет, Босния и Герцеговина, член-корреспондент АНУ БИХ; husnijakamberovic@gmail.com.

² Jugoslavija : pogavlje 1980–1991 / Bešlin M., R. Miletić R.A., Prekic A., Kamberovic H. – Beograd, 2021. – S. 311–373.

³ Sasso A. «Just a few years left for us». Non-nationalist political actors in Bosnia-Herzegovina (1989–1991). Tesi doctoral. – Barcelona, 2015. – S. 38.

⁴ Repe B. Raspad Saveza komunista Jugoslavije // Ideje o transformaciji Jugoslavije 1990-ih godina. Zbornik radova. – Sarajevo : Udrženje za modernu historiju, 2022. – S. 21–49.

другими»¹, с трудом «овладевало стихией» и поэтому имело слабую исходную переговорную позицию. На переговорах с руководством Сербии в конце июня 1989 г. оно выразило «готовность к совместной обороне “авноевской” Югославии»². В ходе этих переговоров, которые вели Обрад Пиляк³ и Слободан Милошевич⁴, подчеркивалась необходимость остановить «процессы распада в Югославии». Предпосылкой для этого, по оценкам двух руководителей, могло бы стать «разрешение экономического кризиса и установление социалистического демократического единства на основе национального равноправия и при полном уважении национальных особенностей», что открыло бы простор для более широких социальных реформ. Хотя это были общеизвестные призывы к реформам, стало ясно, что в это время руководство обеих республик выражало свою приверженность сохранению Югославии. Однако было не совсем понятно, вкладывали ли они в этот термин одинаковое содержание. Они настаивали на «преодолении разногласий и укреплении единства внутри страны», но было трудно понять, что каждая сторона подразумевает под этим «единством». Руководство обоих Союзов коммунистов (СК) и обеих республик, однако, согласилось с тем, что должна быть принята новая конституция Югославии и «новые конституционные решения должны обеспечить эффективное выполнение Федерацией своих функций на едином югославском рынке, во внешней и внутренней политике и в защите страны». Также присутствовала «совместно выраженная готовность защищать и сохранять “авноевскую” Югославию – концепцию Тито о югославской социалистической федерации, ее независимости, суверенитете и

¹ Kljajić R. Gdje je Bosna? // Oslobođenje. Prilog Nedjelja. – 2021. – 25.06. – S. 10.

² Razgovori najviših funkcionera Srbije i Bosne i Hercegovine u Sarajevu. Spremnost za zajedničku odbranu avnojske Jugoslavije // Oslobođenje. – 1989. – 01.07. Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ, АВНОЈ – сербск., хорв., босн.) – совещательный и законодательный орган, созданный в рамках коммунистического партизанского движения в 1942, 1943 и 1945 гг. «Авноевская Югославия» – политический термин, определявший суть и форму новой югославской государственности. Связан с именем Й. Броза Тито. – Прим. ред.

³ Пиляк Обрад (1933–2013) – последний председатель Президиума БиГ, член СКБиХ (апрель 1989 – декабрь 1990 г.). – Прим. ред.

⁴ Милошевич Слободан (1941–2006) – председатель Президиума Социалистической республики Сербия (8 мая 1989 – 11 января 1991 г.), первый президент Республики Сербия 11 января 1991 – 23 июля 1997 г.), председатель Социалистической партии Сербии (СПС), образованной 16 июля 1990 г., ранее – член СКС. – Прим. перев.

территориальной неделимости» при «уважении всех особых интересов, существующих в Югославии как многонациональном сообществе»¹.

В частности, руководство БиГ пыталось подчеркнуть свое несогласие с национальными объединениями, в особенности – с [созданием] организаций так называемых «своих» наций за пределами «своих» национальных республик. Руководство в Сараево подчеркивало, что национальная институционализация прямо направлена против Боснии и Герцеговины, поскольку «представители всех наций и национальностей в Боснии и Герцеговине живут и работают в общих культурных учреждениях и [в рамках] общего культурного наследия. <...> Любой другой подход, не учитывающий историческую ситуацию в этих районах, в которых вместе проживают равноправные и братские нации и национальности, означает демонтаж не только этой республики, но и [всей] Югославии. В этом мы [руководство БиГ. – *Прим. перев.*] столкнулись с концепциями “молодых мусульман”, “маспок-а” и асимметричной федерации»².

На этих переговорах руководство Сербии согласилось с позицией руководства БиГ, подчеркнув при этом важность сохранения Югославии. «Всё, что разделяет Югославию, противоречит жизненным интересам сербского народа <...>. Только при существовании Югославии сербы могут жить в общем государстве. Жизненно важными интересами сербского народа являются выживание, целостность и федеративное устройство Югославии. Всем должно быть ясно, что раскол и противостояние на национальной почве в Боснии и

¹ Razgovori najviših... – Op. cit.

² Razgovori najviših... – Op. cit. Автор главы имеет в виду национальные проекты изменения статуса БиГ, Хорватии и Словении в 1970–1980-е годы. «Молодые мусульмане» (*Mladi muslimani*) – организация исламистской направленности, созданная в 1941 г. Продолжала свою деятельность и в титовской Югославии. В 1983 г. в Сараево состоялся процесс над членами этой организации. Они были осуждены в соответствии с уголовным законодательством СФРЮ за создание преступной организации, враждебную и контрреволюционную деятельность. Среди подсудимых были Алия Изептбегович и другие, впоследствии создавшие Партию демократического действия. «Маспок» – речь идет о Хорватской весне 1970–1971 гг. – культурном и политическом движении, требовавшем расширения прав Социалистической республики Хорватия и хорватов. Политические оппоненты называли это «массовым движением» (*masovni pokret – хрв.*), или «Маспок». Асимметричная федерация – словенская концепция преобразования СФРЮ, предусматривавшая предоставление Словении больших прав и меньшую зависимость от центра в Белграде. – *Прим. перев.*

Герцеговине противоречат интересам сербского народа, потому что это противоречит интересам Югославии и ее выживанию». Милошевич подчеркнул, что Сербия «никогда не имеет в виду никакой иной Югославии, кроме “авноевской”»¹.

Эти переговоры между делегациями Боснии и Герцеговины и Сербии проходили в атмосфере более широких дискуссий о конституционных изменениях. 25 июня 1991 г. скупщина Словении приняла конституционный закон о реализации Основополагающей конституционной хартии о независимости Словении². В Сербии, однако, преобладала точка зрения, выраженная в предложении рабочей группы по изменению политической системы Югославии, которая заключалась в том, чтобы восстановить Югославию как «современную и эффективную социалистическую федерацию с общественным имуществом в качестве доминирующей формы собственности»³. В то время к такой Югославии склонялись и коммунисты Боснии и Герцеговины. Председатель ЦК СК БИГ Нияз Дуракович⁴ в середине июля 1989 г. в беседе с журналистами заявил, что «с теми, кто раскалывает Югославию, компромисса быть не может»⁵. В городке Босанска Дубица [в северной части БиГ, граничит с Хорватией. – *Прим. перев.*] во время празднования Дня восстания он подчеркивал, что Югославия не является «ни сиюминутным, ни временным сообществом», а является «выражением постоянных исторических интересов своих наций и национальностей, что она – условие существования и свободного социалистического развития ее трудящихся и граждан, ее наций и национальностей»⁶.

¹ О čemu su razgovarale i kakve su stavove zauzele delegacije SR Srbije i SR Bosne i Hercegovine? BiH nije jezičak na vagi // Oslobođenje. – 1989. – 19.07. – S. 1.

² Repe B. Milan Kučan. Prvi predsjednik Slovenije. – Sarajevo : Udrženje za modernu historiju, 2019. – S. 224.

³ Nikolić K. Jugoslavija. Poslednji dani (1989–1992). Knjiga 1. – Beograd : Službeni glasnik, 2018. – S. 112.

⁴ Дуракович Нияз (1949–2012) – председатель Президиума ЦК СК БиГ в 1989–1990 гг., в середине июля 1989 г., с 1990 г. – председатель Социал-демократической партии БиГ. – *Прим. перев.*

⁵ Razgovor Nijaza Durakovića, predsjednika Predsjedništva CK SKBiH sa novinarima o političkoj situaciji u BiH i zemlji. Nema kompromisa sa djeliteljima Jugoslavije // Oslobođenje. – 1989. – 15.07. – S. 1.

⁶ Proslavljen Dan ustanka naroda i narodnosti BiH i Hrvatske. Iz govora dra Nijaza Durakovića u Bosanskoj Dubici. Jugoslavija nije ni trenutna ni privremena zajednica // Oslobođenje. – 1989. – 28.07. – S. 1.

На переговорах между делегациями БиГ и Хорватии 18 июля 1989 г. подчеркивалась необходимость сохранения «исключительно “авноевской” Югославии»¹, и это также демонстрировало, что Хорватия и БиГ отвергают политику национальной однородности, которая в течение многих предыдущих лет осуществлялась в Сербии. «Принято считать, что единственной основой для выживания всех федеральных единиц является “авноевская” Югославия, а внутри нее – полное равенство всех наций и национальностей»². Председатель Президиума БиГ Обрад Пиляк «выразил озабоченность политической ситуацией в стране и в особенности разногласиями между республиками, которые в последнее время принимают серьезные масштабы». Златан Каравдич, председатель двухпалатной Ассамблеи БиГ в 1989–1990 гг. (член СКБиГ), выразил мнение, что «нет выхода из кризиса без большей степени единства в стране». Создатель Сербской демократической партии (СДС / СДП) Р. Караджич отверг некоторые утверждения, которые можно было услышать в Хорватии, о том, что БиГ «не определила свою позицию в конфликтах на югославской политической сцене». Председатель Президиума СР Хорватии Иво Латин³ заявил, что хорватское руководство сталкивается с такими же обвинениями. «Это неправда, что мы молчим, что у нас нет своей позиции, – сказал Латин, – и мы очень хорошо знаем, чего мы не будем делать. В Хорватии немало тех, кто хотел бы надеть перчатки и ответить ударом на каждый удар. Мы сделаем все, чтобы преодолеть [существующие] проблемы трудом, терпением, мудростью, а не идти на войну и наносить ответные удары ниже пояса»⁴. Тем самым Латин объяснил линию хорватских властей по отношению к событиям в Книне 28 июня 1989 г. в связи с празднованием 600-летия Косовской битвы⁵. Делегация Боснии и

¹ Antifašisticko Veće (Vijeće) Narodnog Oslobođenja Jugoslavije (AVNOJ) – *Прим. перев.*

² Susret delegacija SR Hrvatske i BiH u Sarajevu. Samo avnojska Jugoslavija // Oslobođenje. – 1989. – 19.07. – S. 1.

³ Латин Иво (1929–2002) – председатель Президиума СР Хорватия (май 1988 – 30 мая 1990 г.), предшественник на этом посту Ф. Туджмана. – *Прим. перев.*

⁴ Susret delegacija SR Hrvatske... – Op. cit.

⁵ Barić N. Srpska pobuna u Hrvatskoj 1990–1995. – Zagreb : Golden marketing – Tehnička knjiga, 2005. – S. 44–47. 28 июня 1989 г. в г. Книн в Хорватии, где до начала войны в 1991 г. сербы составляли 79% населения, а хорваты 19%, сербы широко отмечали 600-летнюю годовщину Косовской битвы. В мероприятиях приняли участие сербы, приехавшие из Сербии, Черногории, БиГ, из Косово.

Герцеговины особо подчеркнула свое неприятие любого «покровительства “своей” нации по отношению к народам, проживающим в Боснии и Герцеговине», а Иво Латин поддержал точку зрения, что югославский кризис не может быть разрешен на уровне сербско-хорватского соглашения. «Эта страна может жить только в том случае, если мы все вместе поймем, что приносит улучшение, при всем общем полном равноправии»¹.

Таким образом, коммунистическое руководство БиГ оставалось на проюгославских позициях, но становилось все более очевидным, что политика С. Милошевича, хотя формально и про-югославская, все больше разрушала мосты между югославскими народами и республиками. Как показало заседание ЦК СКБиГ в ноябре 1989 г., позиция БиГ заключалась в том, что эта республика «никогда не присоединится ни к какой национальной программе, ни к какому типу раздела страны», ни к какому руководителю, являющемуся сторонником таких программ и таких разделов», а будет проводить политику «принципиальной определенности во всех ключевых вопросах югославской действительности, без расчета на то, с чьими программами в данной ситуации она совпадет. Наша постоянная ориентация – единая Югославия и единый Союз коммунистов Югославии как определяющие критерии осуществления наших собственных интересов, синтеза и единства, за которые мы выступаем. Босния и Герцеговина представляет собой равноправное государственное сообщество всех наций и национальностей, проживающих в ней, и только так она сможет выжить в федеративной Югославии»². В то время коммунисты БиГ опирались на индивидуальные опросы, показавшие, что около 70% жителей Боснии и Герцеговины поддерживают централизацию государства и укрепление югославских государственных институтов.

Однако в течение 1990 г. развитие пошло в совершенно ином направлении. Коммунисты проиграли парламентские выборы, а

Манифестация проходила под сербскими националистическими лозунгами, продавалась только что вышедшая из печати книга С. Милошевича «Годы развязки» (Милошевић С., Године расплета. – Београд : БИГЗ, 1989). Власти СР Хорватии довольно пассивно наблюдали за происходящим и только позднее заявили, что в митинге в Кинне участвовали воинственные сербы-националисты, но что Хорватия остается приверженной основным ценностям Югославии Тито. – Прим. перев.

¹ Цит. по: *Barić N.* Op. cit. – S. 44–47.

² Tridesetosma sjednica CK SKBiH. BiH se neće svrstati uz bilo koji nacionalni program // Oslobođenje. – 1989. – 25.11. – S. 1.

отношение посткоммунистических националистических элит БиГ к Югославии как государству стало диаметрально противоположным коммунистическому¹.

Вскоре после победы на парламентских выборах в ноябре 1990 г. правящие посткоммунистические элиты Боснии и Герцеговины, состоявшие из [мусульманской] Партии демократического действия (Stranka demokratske akcije, SDA. ПДД – рус.), Сербской демократической партии (Српска демократска странка, СДС; СДП – рус.) и Хорватского демократического союза (Hrvatska demokrattska zajednica, HDZ BiH; ХДС БиГ – рус.), объединились в коалицию, основанную исключительно на антикоммунизме как общей платформе. Но уже на первой сессии ассамблеи они разошлись по вопросам языка, письменности, содержания Торжественного заявления, отношений с Югославской народной армией и т.д. В отношении Югославии, что нас сейчас интересует, их позиции также были различны: депутаты от СДС / СДП требовали, чтобы уже в Торжественной декларации было подчеркнуто, что БиГ является частью Югославии и что эта связь является наиболее предпочтительной, что означало, что они любой ценой подчеркивают необходимость сохранения как можно более прочной и сильной Югославии, в то время как депутаты от HDZ / ХДС выступали за разрушение существующей югославской общности, а SDA / ПДД маневрировала между этими двумя вариантами, выступая за сохранение югославского государства, но при условии, что в составе этой Югославии останутся также Сербия и Хорватия. Это соответствовало изначальной позиции SDA / ПДД: сохранение Югославии как «свободного сообщества суверенных наций и республик»². Даже в предвыборной кампании SDA / ПДД избегала выбора между централистской и конфедералистской моделями реорганизации Югославии, но в принципе выступала за сохранение Югославии.

Партия представляла интересы всех мусульман Югославии, что определяло ее проюгославскую ориентацию, а БиГ была для нее «своего рода отправной точкой, базой, с которой велась бы полити-

¹ Выборы 1990 г. в Югославии прошли 8 и 22 апреля; в Словении – 22–23 апреля; 6–7 мая – в Хорватии; 11 ноября – в Македонии; 18 ноября – в БиГ, в том числе и в Президиум; 9 и 23 декабря – в Сербии; 9 и 16 декабря – в Черногории и президентские 9–23 декабря. – Прим. перев.

² Bougarel X. Nadživjeti carstva. Islam, nacionalni identitet i politička lojalnost u Bosnji Hercegovini. – Sarajevo : Udrženje za modernu historiju, 2021. – S. 187.

ческая борьба за улучшение положения мусульман¹ “в югославском контексте”².

Процесс отхода SDA / ПДД от югославянства и югославизма происходил постепенно. Даже после того, как сессия Ассамблеи БиГ 30 и 31 января 1991 г. потребовала обсудить Декларацию о государственном суверенитете и неделимости Республики Босния и Герцеговина³, представители SDA / ПДД по-прежнему рассчитывали на Югославию, но выступали за суверенитет и неделимость БиГ. В качестве одной из возможностей одновременного сохранения Югославии, а также суверенитета и неделимости БиГ лидер SDA / ПДД Алија Изетбегович вместе с президентом Македонии Киро Глигоровым (27 января 1991 – 19 ноября 1999 г.) в феврале 1991 г. предложили вариант так называемой «многоступенчатой, или мягкой, федерации». Это означало, что Словения и Хорватия будут иметь более слабые связи в этой будущей «югославской общности» (само название Югославия в государственном смысле этого слова избегалось), а остальные четыре республики – Сербия, Черногория, БиГ и Македония – поддерживали бы более тесные связи⁴.

Поскольку это предложение не только не получило поддержки в других частях Югославии, но и встретило осуждение внутри самой БиГ⁵, уже в июле 1991 г. произошло заметное изменение отношения к Югославии внутри SDA / ПДД. На встрече в г. Велика Кладуша А. Изетбегович заявил, что «для нас есть три приемлемых варианта: равноправная Босния в составе федеративной Югославии,

¹ Термин «мусульманин» – до 1971 г. в СФРЮ обозначал исключительно религиозную принадлежность. В 1971 г. мусульмане были признаны в СФРЮ южнославянской нацией. Они проживали и проживают в основном в БиГ, где, согласно переписи 1991 г., составляли 43,65% населения. После распада СФРЮ и создания независимого государства БиГ они приняли официальный этнический термин Bošnjaci – босняки. – Прим. перев.

² Veladžić S. Kreatori bošnjačkog društva u Bosni i Hercegovini početkom 1990-ih // Prilozi. – Sarajevo : Institut za historiju, 2019. – Br. 48. – S. 251.

³ Lučić I. Uzroci rata. Bosna i Hercegovina od 1980 do 1992 godine. – Zagreb : Hrvatski institut za povijest, 2013. – S. 298.

⁴ Katz V. Pogled iz bosanskohercegovačke perspektive na prijedlog Platforme Izetbegović – Gligorov u kontekstu raspada Jugoslavije // Ideje o transformaciji Jugoslavije. Zbornik radova. – Sarajevo : Udruženje za modernu historiju, 2021. – S. 101–139.

⁵ О позициях, занятых различными сегментами интеллектуальных кругов по вопросу о сохранении и будущем БиГ и Югославии, см., напр.: Omerčić E. Bosna i Hercegovina u političkoj projekciji intelektualnih krugova 1991–1996. – Sarajevo : Udruženje za modernu historiju, 2022.

Босния в составе конфедеративной Югославии и, наконец, независимая Босния. Если сбудутся угрозы о выходе Словении и Хорватии из Югославии, Босния не останется в усеченной Югославии, не будет в составе великой Сербии. Если это произойдет, мы провозгласим абсолютную независимость». В сентябре 1991 г. Изетбегович все еще верил, что Югославия возможна¹ (22). На сессии Ассамблеи Боснии и Герцеговины 11 сентября 1991 г. Изетбегович заявил: «Я считаю, что Югославский союз народов и республик желателен и еще возможен. <...> Когда я сказал “еще”, я считаю, что время не работает на эту концепцию и что сегодня она еще возможна, а завтра, может быть, и нет, скорее, в этом месяце, чем в октябре или ноябре, и что следует [поспешить. – X.K.] всем тем, кто поддерживает идею югославского сообщества, а мы в БиГ обычно думаем, что нас [сторонников этой идеи. – X.K.] большинство. Другой вопрос – как будет выглядеть это сообщество, потому что мы сказали, что оно желательно. Мы считаем, что эти переговоры следует ускорить»².

Чтобы понять заявление Изетбеговича о том, что «время не работает на [югославскую] концепцию», следует иметь в виду, что в то время в Хорватии уже шла кровопролитная война, которая оставляла все меньше шансов для выживания Югославии. Однако даже Изетбегович в сентябре 1991 г. видел возможную сохранившуюся Югославию не как федеративное государство, а как союз суверенных государств. «Мы считаем, что это [югославское] сообщество возможно или более вероятно как Союз суверенных республик, то есть государство, чем как федеративное государство любого типа». Изетбегович указывал, что это его оценка и что он всегда имеет в виду «югославское пространство в целом, то есть от Целье до Гевгелии»³, чтобы те, кто хочет сохранить югославскую идею, могли «легче реализовать ее как Союз суверенных республик, чем как федеративное государство»⁴. Кроме того, Изетбегович предполагал, что «югославскому сообществу» следует как минимум передать компетенции в области прав человека, экономических отношений,

¹ Sjednica Skupštine BiH 11. septembar 1991. – Magnetofonski snimak, 2/5. – Личный архив автора.

² Там же.

³ Имеются в виду почти самая северная и самая южная точки Югославии – город в северо-восточной части Словении и город в Македонии (ныне – Северная Македония на границе с Грецией). – Прим. перев.

⁴ Sjednica Skupštine BiH 11. septembar 1991. – Magnetofonski snimak, 2/5. – Личный архив автора.

обороны и иностранных дел, а все остальные обязанности оставить республикам. Чтобы предотвратить любые нарративы о чьем-то доминировании в этой «югославской общине», Изетбегович предложил «вынести общие институты из нынешней столицы» и перенести столицу в новый город, «чтобы избежать обвинений в некоторой гегемонии и доминировании некоторых людей»¹.

Дальнейший ход событий, однако, показал, что это была иллюзия, и ПДД в конце концов сделала выбор в пользу БиГ вне границ Югославии.

Помимо такого отношения ПДД к Югославии, в начале 1990-х выкристаллизовались еще два предложения, имевшие точки соприкосновения: одно связано с так называемым мусульманско-сербским «историческим соглашением», а другое – с так называемой Белградской инициативой. Оба имели в виду сохранение Югославии, пусть и в уменьшенных границах.

«Историческое соглашение» между сербами и боснийскими мусульманами (соглашение Караджича – Филиповича), подписанное в июле того же года (впервые опубликовано в Белграде 2 августа 1991 г.), до сих пор вызывает споры, но несомненно, что его целью было сохранение Югославии, хотя участники переговоров впоследствии интерпретировали его по-разному. Один из участников этих переговоров, Адил Зульфикарпашич, первым попытался инициировать совместную акцию Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины в отношении Милошевича. Однако когда он понял, что Туджман готов к сепаратным переговорам с Милошевичем в ущерб БиГ, он решил упредить такие переговоры прямыми переговорами между сербами и боснийцами. Они начались в середине июля 1991 г., и Никола Колевич² на пресс-конференции, созванной СДС / СДП, публично рассказал о ходе подготовки исторического примирения сербов и боснийских мусульман, основанного на стремлении «уйти от повседневной политики и создать прочную и постоянную основу для взаимоотношений, предполагающих мирную и гармоничную жизнь между двумя нашими народами. Это соглашение остается открытым, разумеется, и для хорватского народа, который, если за-

¹ Sjednica Skupštine BiH 11. septembar 1991. – 1991. – Magnetofonski snimak, 3/1. – Личный архив автора.

² Никола Колевич (1936–1997) – шекспировед, писатель и политик. На первых многопартийных выборах в БиГ 1990 г. был избран сербским членом президентской власти Боснии и Герцеговины (20 декабря 1990 – 9 апреля 1992 г.). – Прим. перев.

хочет, безусловно, найдет в нем свое место». После Колевича Караджич чуть подробнее объяснил смысл задуманного соглашения: «Важная новость [в этих переговорах между сербами и мусульманами] заключается в том, что боснийцы и герцеговинцы не будут ставить свое пребывание в Югославии в зависимость от пребывания в Югославии Хорватии или Словении». Хотя они хотят сохранить Югославию со всеми шестью республиками, но «если это невозможно, то мусульмане и сербы готовы отказаться от нынешних условий»¹.

Это «соглашение» предполагало возможность создания так называемой «усеченной» Югославии, в которую входили бы Сербия, Черногория и БиГ, и только при этих условиях гарантировалась бы неприкосновенность существующих республиканских границ².

Переговоры возглавляли Адил-бей Зульфикарпашич³ с боснийской стороны и С. Милошевич и Радован Караджич⁴ с сербской стороны, с участием целого ряда их ближайших соратников. Алия Изетбегович не только был знаком со всеми деталями переговоров, но и дал свое согласие на их проведение. Один из тогдашних сотрудников Зульфикарпашича, Мухамед Филипович⁵, в своих воспоминаниях объясняет, как велись эти сначала тайные, а потом и публичные переговоры, как Изетбегович и SDA / ПДД с их видением Югославии, в которую вошли бы не только Сербия, Черногория и БиГ, но и обязательно Хорватия, покинули переговоры. Филипович описывает, как представители SDA / ПДД публично во время одной из телепередач, в которой Зульфикарпашич и Колевич объяснили, что содержится в соглашении, решили отвергнуть возможность

¹ Konferencija za štampu SDS. Najava istorijskog sporazuma // Oslobođenje. – 1991. – 26.07. – S. 5.

² Filandra S., Karić E. Bošnjačka ideja. – Zagreb : Globus, 2002. – S. 353.

³ Зульфикарпашич Адил (1921–2008) – вместе с А. Изетбеговичем создал 26 мая 1990 г. SDA / ПДД. В том же году, разойдясь с Изетбеговичем, вышел из партии. С 20 декабря 1990 по 14 марта 1996 г. – вице-президент БиГ. – Прим. перев.

⁴ Караджич Радован (р. 1945) – с июля 1989 г. лидер СДС / СДП. Президент Республики Сербской в 1992–1996 гг. МТБЮ признал Р. Караджича виновным в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности и приговорил его в 2019 г. к пожизненному заключению. – Прим. перев.

⁵ Мухамед Филипович (1929–2020) – идеолог и теоретик боснийского национализма. Возглавлял делегацию БиГ и вел переговоры с президентами республик Хорватии и Словении, которые предложили БиГ также отделиться от СФРЮ, а позднее, в июне 1991 г., встретились с руководством СДС / СДП. – Прим. перев.

такого соглашения, заявив, «что они не договорятся за спинами своих политических партнеров, имея в виду HDZ / ХДС». Филипович считает такое поведение SDA / ПДД циничным, особенно «после того, как SDA / ПДД не отреагировала на использование Сербией территории БиГ для нападений на Хорватию»¹.

Соглашение, однако, в действительности так никогда и не было заключено, хотя в течение августа прошли несколько манифестаций под названием «Братство – мир – соглашение», организованных SDS и МВО². На этих манифестациях была поддержана договоренность между боснийцами и сербами. На демонстрации в Требинье на футбольном стадионе перед 10 000 человек «от имени инициативного комитета по созданию общества сербско-мусульманской дружбы» Божидар Вучуревич³ произнес приветственную речь, а затем выступили Адил Зульфикарпашич и Радован Караджич. Перед этой встречей в Требинье «караван мира» прошел через Билечу, Гацко, Невесинье, Столац и Любинье. Позже аналогичная встреча прошла в Зворнике и некоторых других местах.

Это «историческое соглашение» интересно по нескольким важным причинам.

Во-первых, интересно то, что этого соглашения в действительности никогда не было. Проведение переговоров отождествляют с достижением соглашения.

Во-вторых, хотя участники переговоров подчеркивали, что это не было соглашение «двух без третьего», факт состоит в том, что ХДС воспринимала эти переговоры как нанесение ущерба хорватским интересам в Боснии, и партия не только дистанцировалась от них, но и решительно выступала против этих переговоров. Председатель ХДС БиГ (5 сентября 1990 – 2 февраля 1992 г.) Стјепан Клюич на пресс-конференции отметил, что ХДС не пойдет ни на какие секретные соглашения, а если такое отношение состоится, то «мы будем считать это оккупацией и

¹ Filipović M. Bio sam Alijin diplomata. – Bihać : Delta, 2000. – S. 106.

² Muslimanska bošnjačka organizacija (МВО, Организация мусульман-босняков – рус.) – политическая партия, созданная академиком М. Филиповичем и А. Зульфикарпашичем в 1990 г. после раскола с лидером SDA / ПДД А. Изетбеговичем. Партия предложила этоним «босняк» вместо «мусульманин», выступала с позиций секуляризма и либерализма. – Прим. перев.

³ Вучуревич Божидар (род. 1936) – один из основателей СДС / СДП, соратник Р. Караджича. – Прим. перев.

поднимем восстание»¹. В ходе переговоров обе стороны заявили о своей поддержке суверенитета БиГ, хотя одним из аргументов ХДС в пользу отказа от любого участия в этих переговорах было сопротивление СДС достижению в парламенте любого соглашения о суверенном статусе БиГ. Вице-президент Организации мусульман-босняков Мухамед Филипович, близкий соратник Адил-бека Зульфикарпашича, писал, что, заключая это соглашение, СДС «отказывалась от регионализации БиГ»².

В-третьих, даже в тех местах, где сербско-мусульманское соглашение было достигнуто на местном уровне, не удалось избежать военной катастрофы апреля 1992 г.

И, наконец, царившая среди участников переговоров обстановка сильного недоверия. Это недоверие является доказательством неискренности, и его следует учитывать при оценке возможности достижения «исторического соглашения». В более поздних интерпретациях этого «Соглашения» Адил Зульфикарпашич указывает, что он искренне верил в него, потому что считал его способом избежать войны, в то время как Радован Караджич в письме Десимири Тошичу³ от 17 июня 1998 г. раскрывает то, что об этом на самом деле думали в СДС / СДП⁴.

На замечание Тошича о том, что он недостаточно тесно сотрудничал с либеральным политиком Зульфикарпашичем, Караджич ответил: «Можно было не знать нюансов, которые были у нас перед глазами и о многом нам говорили. Зульфикарпашич был первым, кто публично заявил, что мусульмане в Боснии и Герцеговине являются «головной нацией». Он повторял это с большим убеждением и придавал большое значение этому „факту“. Для нас это был не признак либерализма, а вопиющий пример национальной исключительности и осуществления этнодемократии. Сербы и хорваты не могли заключить ничего другого, кроме того, что они будут «попутчиками» в этой БиГ, которые будут идти вслед за принадлежащими к «головной нации» и обладающими привилегиями людьми.

¹ Цит. по: *Avdić S. Tajni dogovor Muslimana i Srba // AS.* – 1991. – 02.08. – S. 5.

² *Filipović M. Odustajanje od regionalizacije // Oslobođenje.* – 1991. – 15.08.

³ Будучи до Второй мировой войны членом Сербской демократической партии, Д. Тошич (1920–2008) в 1945–1990 гг. находился в эмиграции. Вернулся в Сербию в сентябре 1990 г. и на первом предвыборном митинге Демократической партии Сербии 29–30 сентября 1990 г. был избран заместителем председателя партии. – Прим. перев.

⁴ *Pismo Radovana Karadžića priućeno Desimiru Tošiću. 17.06.1998 // Bošnjački institut; Fond Jugoslovenska politička emigracija (JPE).* 6/I–11. – Sarajevo, 1998.

Хотелось бы посмотреть, какие люди были бы счастливы уснуть в своей стране, где у них было хоть какое-то подобие федеральной защиты, а проснуться в чужой, где они в одночасье стали “сопутствующей” или ”второстепенной“ нацией, которая, очевидно, лишена прав»¹.

Далее Караджич писал, что он не доверял Адилю Зульфикарпашичу во время переговоров и что «ни один серб не верил, что Зульфикарпашич был либералом, но что он надел эту маску, потому что г-н Фикрет Абдич² вытеснил его из партии Изетбеговича». Также он говорил, что он и Зульфикарпашич организовали несколько митингов в Требинье и Зворнике, которые, однако, показали, что Адиль не имел достаточной поддержки со стороны боснийского народа³.

«А впоследствии я инициировал сам или одобрял его инициативы по улучшению отношений между сербами и мусульманами. Перед войной он приехал ко мне и моим ближайшим сотрудникам с г. М. Филиповичем, которого мы хорошо знали и которому мы не могли доверять. Когда он попросил о встрече, я все отменил и согласился на срочную встречу. Летом 1991 г. Зульфикарпашич и Филипович предложили заключить ”историческое соглашение“ между сербами и мусульманами, которое урегулировало бы отношения впервые после ухода турок и, вероятно, позволило бы избежать войны. Мы сразу же выразили поддержку такому соглашению. Однако зная, что партия гг. Зульфикарпашича и Филиповича на первых выборах набрала всего 0,8% голосов, то есть 2 из 240 депутатских мандатов, я без обиняков спросил, можем ли мы рассчитывать на успех и признание мусульманским большинством. Потом они сказали, что г. Изетбегович знает об этой инициативе и поддерживает ее. Мы сразу пошли в офис Изетбеговича, и он подтвердил это»⁴.

¹ Pismo Radovana Karadžića priućeno Desimiru Tošiću. 17.06.1998 // Bošnjački institut; Fond Jugoslovenska politička emigracija (JPE). 6/I-11. – Sarajevo, 1998.

² Фикрет Абдич (род. 1939) вместе с М. Филиповичем и А. Изетбеговичем в 1990 г. основал консервативную SDA / ПДД и на выборах 1990 г. был избран в Президиум БиГ. Во время войны в БиГ Абдич был основным противником и оппонентом режима А. Изетбеговича в мусульманской среде. Создал непризнанную Автономную область Западная Босния. В 2002 г. приговорен судом в Хорватии к 20-летнему заключению. В 2012 г. освобожден досрочно. В 2016 г. избран мэром г. Велика Кладуша (БиГ). – Прим. перев.

³ Pismo Radovana Karadžića... – Op.cit.

⁴ Ibid.

Караджич говорил, что он сразу же пришел к выводу, что Изетбегович подходит к делу несерьезно, но все же считал его именно тем человеком, с которым нужно вести переговоры.

«Когда я сказал вам это (т.е. то, что вы должны вести переговоры с Изетбеговичем), я имел в виду не оценочное суждение и не личную симпатию, а исходил из чистого прагматизма. Г-н Зульфикарпашич, при той поддержке, которую он имеет среди мусульман, не может быть главным партнером ведущей сербской партии, потому что он не может осуществить на практике ничего из того, против чего выступила бы партия г-на Изетбеговича.

Я надеюсь, вы понимаете, что я не всегда мог публично говорить о наших стратегических идеях и что нам приходилось работать с г. Зульфикарпашичем, надеясь, что он получит поддержку Изетбеговича, но также следить за тем, что делает и замышляет г-н Изетбегович. Мы не имели права обманывать наш народ и уводить его в сторону, пока основные мусульманские партии готовят реализацию своих стратегических идей об отделении любой ценой.

Г-н Зульфикарпашич не очень точен в своих воспоминаниях, но это его дело. Его демонстрация собственного превосходства и высокомерия в разговорах с сербами оскорбительна. Мы понимаем заносчивость [мусульман] времен турецкой оккупации и не согласимся с ней на переговорах. Его нездоровая потребность показать, как он доминирует над сербами на этих переговорах, была для нас унизительна и раздражала. В то же время это доказательство того, что даже при Зульфикарпашиче мы будем иметь статус граждан и наций второго сорта»¹.

Аналогично было и с так называемой Белградской инициативой, выдвинутой после провала «исторического соглашения». Она была запущена в Белграде в середине августа 1991 г. С. Милошевичем и Момиром Булатовичем в качестве президентов, соответственно, Сербии и Черногории и Александром Бакочевичем, Ристо Вукчевичем и Момчило Краишником в качестве председателей парламентов Сербии, Черногории и БиГ. Цель Белградской иИнициативы состояла в том, чтобы сохранить Югославию, состоящую из этих трех республик. Информация об этой инициативе была представлена С. Милошевичем на переговорах в Гааге в начале сентября, что привело к разногласиям между Милошевичем и Изетбеговичем.

¹ Pismo Radovana Karadžića... – Op.cit.

Изетбегович сообщил об этом Ассамблее Боснии и Герцеговины 11 сентября 1991 г. Именно Милошевич утверждал, что существует инициатива БиГ, Сербии и Черногории по созданию новой Югославии.

Изетбегович отрицал, что БиГ участвовала в этих переговорах, потому что Республику представляет Президиум или Председатель Президиума, а не Председатель Ассамблеи. Вот так и возник вопрос о той самой «белградской инициативе». Краишник извинился, объясняя, что он только что был на собрании, но что «не брал на себя никаких обязательств, выходящих за рамки своих полномочий, и у него не было такого желания»¹.

Тем не менее в Ассамблее Боснии и Герцеговины ключевое обсуждение отношения к Югославии состоялось на октябрьской сессии 1991 г., когда Ассамблея приняла Платформу о позиции Боснии и Герцеговины в будущей структуре югославского сообщества. Тогда Степан Клюич сказал: «Я глубоко убежден, что говорю от имени подавляющего большинства членов этой палаты, что мы были за Югославию, но нас изгнали из Югославии. И будьте уверены, я никогда в жизни не допущу, чтобы мою судьбу решали Бранко Костић² или какой-нибудь Сейдо Байрамович³. А сегодня Югославия отдается в их руки. Мы [имеется в виду HDZ / ХДС] выступаем прежде всего за суверенную Боснию и Герцеговину»⁴.

В ответ на это Радован Спремо, представитель Сербского движения обновления⁵, заявил, что они выступают не за Югославию, а

¹ Sjednica Skupštine BiH 11. septembar 1991. – Magnetofonski snimak, 4/3. – Личный архив автора.

² Костић Бранко (1939–2020) – югославский политик. С 17 марта 1989 по 23 декабря 1990 г. – Председатель Президиума СР Черногории. С 16 мая 1991 г. – член Президиума СФРЮ. С 6 декабря 1991 (а фактически с 3 октября) по 15 июня 1992 г. исполнял обязанности председателя Президиума. Приверженец сербско-хорватского унионизма. С 1990 г. был членом Демократической партии социалистов Черногории, возглавляемой президентом Мило Ђукановичем (ранее – СКЧ). – *Прим. перев.*

³ Байрамович Сейдо (1927–1993) – член Президиума СФРЮ, представитель автономного края Косово и Метохии, с весны 1991 до весны 1992 г. – член СПС, 16 мая 1991 – 30 июня 1991 г. – председательствующий Президиума СФРЮ, предшественник Степана Месича. – *Прим. перев.*

⁴ Sjednica Skupštine BiH 14. oktobra 1991. – Magnetofonski snimak, 69/3. – Личный архив автора.

⁵ Српски покрет однове – политическая партия в Сербии, основана 14 марта 1990 г. Руководитель – Вук Драшкович. – *Прим. перев.*

за «суверенную, независимую и демократическую Сербию в ее исторических и этнических границах»¹. Это был окончательный раскол, но дискуссии будут продолжаться до начала 1992 г., а тем временем позиция ПДД изменится – с поддержки сохранения Югославии на отказ от Югославии и сохранение целостности и суверенитета Боснии и Герцеговины как независимого государства. Отказ стал результатом референдума 28 февраля – 1 марта 1992 г.² Истинный смысл образования Хорватской республики Герцег-Босна (*Hrvatske zajednice Herceg-Bosna, HZHB; ХЗХБ* – рус.) стал совершенно ясен через несколько дней после этого, на встрече делегации HDZ BiH / ХДЗ БиГ с президентом Республики Хорватия Франьо Туджманом, состоявшейся 27 декабря 1991 г.³ Это был явный признак того, что хорватская политическая элита вокруг ХДС БиГ не только не поддерживала сохранение Югославии, но и не поддерживала выживание всей Боснии и Герцеговины. Мате Бобан, который вскоре пришел к руководству ХДС БиГ, заявил на этой встрече, что создание ХЗХБ определило «рамки для выражения политиче-

¹ *Sjednica Skupštine BiH 14. oktobra 1991. – Magnetofonski snimak, 70/3.* – Личный архив автора.

² *Ribičić C. Geneza jedne zablude. Ustavnopravna analiza nastanka i djelovanja Hrvatske zajednice Herceg-Bosne.* – Zagreb : Jesenski i Turk, 2001. – Р. 36. Хорватская республика Герцег-Босна – непризнанное государственное образование хорватов в БиГ в 1991–1994 гг., образовавшееся в результате распада СФРЮ и войны в БиГ. Столица – Западный Мостар. Герцег-Босна прекратила свое существование 18 марта 1994 г., присоединившись к Федерации БиГ после подписания Вашингтонского соглашения. Правящая партия в Республике Хорватия (HDZ / ХДС) организовала и контролировала филиал этой партии в БиГ – (HDZ BiH / ХДС БиГ). В конце 1991 г. руководящие посты в партии заняли наиболее радикальные силы под руководством Мате Бобана, Дарио Кордича и др. при поддержке президента РХ Франьо Туджмана и министра обороны РХ (18 сентября 1991 – 3 мая 1998 г.) Гойко Шушака. 18 ноября 1991 г. М. Бобан и Д. Кордич, позднее осужденные МТБЮ за военные преступления, объявили о создании Хорватского содружества (Хорватской республики) Герцег-Босна (HZHB) в качестве отдельной политической, культурной, экономической и территориальной единицы на территории Боснии и Герцеговины. От принятия Платформы на октябрьской сессии до референдума произошло несколько важных событий: в Груде 18 ноября 1991 г., в тот самый день, когда ЮНА заняла Вуковар в Хорватии, была провозглашена Хорватская община Герцег-Босна. С 1995 г., после подписания Дейтонских соглашений в Париже, территория Республики Герцег-Босна была разделена между кантонами одного из двух субъектов (энтитетов) БиГ – *Прим. перев.*

³ *Stenogrami o podjeli Bosne, knjiga prva / Lucić P. (priredio).* – Split ; Sarajevo : Kultura&Rasvjeta – Cvitas, 2005. – S. 75–128.

ской воли хорватского народа». Он имел в виду, что «территориальное, политическое, культурное, экономическое определение хорватского народа в БиГ и в том случае, если БиГ останется независимым государством, но без каких-либо связей с распавшейся прошлой или какой-либо будущей Югославией, или если бы она распалась, тогда бы та область, в которой проживает 650 тысяч хорватов <...>, объявила бы ее независимой хорватской территорией и присоединила бы ее к Хорватии, но в то время и в тот момент, когда хорватская верховная власть <...> решила бы это сделать»¹.

В то время как ХДС таким образом готовил почву для присоединения частей Боснии и Герцеговины к Хорватии после распада Югославии, депутаты от СДС и некоторых других более мелких сербских партий сформировали параллельную Ассамблею сербского народа в БиГ, которая организовала «плебисцит сербского народа» о сохранении в составе Югославии (состоялся 10 и 11 ноября 1991 г.). 20 декабря 1991 г. Президиум БиГ направил запрос в Европейское сообщество о международном признании БиГ. 21 декабря 1991 г. Ассамблея сербского народа Боснии и Герцеговины приняла решение о присоединении к образованию Сербской Республики Боснии и Герцеговины, которое было реализовано 9 января 1992 г.²

Эта сессия 9 января 1992 г. стала последней попыткой сербской политической элиты в БиГ, собравшейся вокруг СДС / СДП, помешать независимости Боснии и Герцеговины в момент, когда стало ясно, особенно после начала войны в Хорватии, что Югославия уже перестала существовать. Воислав Максимович³ разъяснил предложение о принятии Декларации о создании Республики сербского народа Боснии и Герцеговины. Он впервые подчеркнул большой вклад сербского народа в создание Югославии в начале XX в.: «Сегодня безответственные и эгоистичные сепаратисты с помощью недружественных Югославии иностранных сил пытаются

¹ Stenogrami o podjeli Bosne, knjiga prva / Lucić P. (priredio). – Split ; Sarajevo : Kultura&Rasvjeta – Cvitas, 2005. – S. 80.

² Bosna i Hercegovina u vreme raspada SFRJ 1990–1992. Tematska zbirka dokumenata / Nikolić K. (priredio); Institut za savremenu historiju. – Beograd : Fond za humanitarno pravo, 2011. – S. 84–86.

³ Максимович Воислав – прозаик, эссеист, историк литературы, член Академии наук и искусств Республики Сербской в БиГ. На заседании Скупщины сербского народа в БиГ 9 января 1992 г. зачитал решение о провозглашении Республики сербского народа в БиГ. – Прим. перев.

разрушить единое государство, нарушить его государственно-правовую идентичность и преемственность, убрать его с исторической сцены. <...> Распад и упразднение федеративной Югославии несет непоправимый ущерб всем югославским народам. <...> Принимая во внимание все эти факты <...>, чтобы внести свой вклад в восстановление Югославии, <...> Ассамблея сербского народа в Боснии и Герцеговине <...> принимает Декларацию о Провозглашении Республики сербского народа Боснии и Герцеговины. <...> Республика является частью федеративного государства Югославия как его федеральная единица¹. В конце декларации было указано, что она «вступит в силу в день окончательного признания независимости Боснии и Герцеговины».

Процесс признания независимости БиГ, несмотря на такое отношение сербской политической элиты, собравшейся вокруг СДС / СДП БиГ, проходил ускоренными темпами. На запрос Президиума БиГ от 20 декабря 1991 г. о международном признании, адресованный так называемой Комиссии Бадинтера², пришел ответ. В нем говорилось, что необходимо узнать на референдуме настроения людей в Боснии и Герцеговине – за независимость или за сохранение в составе Югославии.

Остальное время было потрачено на обсуждение того, как определить вопрос референдума. 19 января 1992 г. солдаты и старейшины корпуса ЮНА в Бане-Лука обратились к Изетбеговичу с письмом, в котором они предложили, чтобы вопрос референдума звучал так: «Вы за суверенную БиГ как часть новой Югославии?» Были и другие предложения. ХДЗ выступила с так называемым вопросом о городе Ливно³, который формулировался следующим образом: «Вы за суверенную и независимую Боснию и Герцеговину, государственный союз составных и суверенных народов Хорватии,

¹ Stenografske bilješke 5. sjednice Skupštine srpskog naroda u Bosni i Hercegovini održane u hotelu «Holliday Inn» u Sarajevu 09.01.1992. – *Личный архив автора.*

² Арбитражная комиссия Мирной конференции по Югославии (Арбитражная комиссия Бадинтера) – арбитражный институт, созданный при содействии совета министров ЕЭС 27 августа 1991 г. для разрешения спорных юридических вопросов в связи с распадом СФРЮ и для выдачи консультативных заключений в рамках международной мирной конференции по урегулированию ситуации в Югославии. Функционировала до 1994 г. – *Прим. перев.*

³ Ливно – город в БиГ. Во время войны в БиГ находился под контролем Хорватской республики Герцег-Босна. – *Прим. ред.*

мусульман и Сербии в их национальных районах (кантонах)?» Эти дискуссии о содержании вопроса референдума разрешились на сессии Ассамблеи Боснии и Герцеговины 24 и 25 января 1992 г. На сессии также присутствовали представители SDS / СДП. В. Максимович от имени Клуба (фракции) сербских депутатов вновь заявил, что они не примут никакой независимой Боснии и Герцеговины, а хотят остаться в составе Югославии, которая, «хотя и переживает трудные дни <...>, все еще существует не только в наших желаниях, но и в действительности»¹.

По итогам этого бурного заседания было принято решение о проведении референдума 29 февраля и 1 марта 1992 г. с вынесением следующего вопроса: «Выступаете ли Вы за суверенное и независимое государство Босния и Герцеговина, государство равноправных граждан – народ Боснии и Герцеговины, мусульман, сербов и хорватов и представителей других народов, которые там проживают?» Различные антивоенные выступления, среди инициаторов которых были и проюгославские течения, не увенчались успехом².

¹ Magnetofonski snimak 9. zajedničke sjednice vijeća Skupštine SRBiH, održane 24. januara 1992. godine, 4/1. – Личный архив автора.

² В российской литературе о событиях в БиГ в 1989–1990-х годах см., напр.: Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Разделение власти и формирование национального сообщества: осмысление боснийского опыта // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 127–153; Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. – Москва : Весь Мир, 2007. – С. 47–88; Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. – Москва, 2002. – С. 432–439; Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-история, 2015. – С. 76–105; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века : в 3 т. Том третий. Трансформации 90-х годов. Часть 2. – Москва : Наука, 2002. – С. 73–107; Центральноевропейские страны на рубеже ХХ–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – Москва : Новый хронограф, 2003; Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. – Москва : Весь Мир, 2007. – С. 66–72.

Литература

Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Разделение власти и формирование национального сообщества: осмысление боснийского опыта // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 127–153. DOI: 10.31249/ape/2021.02.06

Романенко С.А. Распад СФРЮ, государства-наследники и вооруженные конфликты 90-х годов // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. – Москва : Весь Мир, 2007. – С. 47–88.

Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. – Москва : 2002. – 624 с.

Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-история, 2015. – 480 с.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века : в 3-х т. Том третий. Трансформации 90-х годов. Часть 2. – Москва : Наука, 2002. – 464 с.

Центральноевропейские страны на рубеже ХХ–ХХI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – Москва : Новый хронограф, 2003. – 272 с.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. – Москва : Весь Мир, 2007. – 352 с.

Barić N. Srpska pobuna u Hrvatskoj 1990–1995. – Zagreb : Golden marketing – Tehnička knjiga, 2005. – 632 str.

Bosna i Hercegovina u vreme raspada SFRJ 1990–1992. Tematska zbirka dokumenata / Nikolić K. (priredio); Institut za savremenu historiju. – Beograd : Fond za humanitarno pravo, 2011. – 309 s.

Bougarel X. Nadživjeti carstva. Islam, nacionalni identitet i politička lojalnost u Bosnii Hercegovini. – Sarajevo : Udrženje za modernu historiju, 2021. – 408 str.

Filandra Š., Karić E. Bošnjačka ideja. – Zagreb : Globus, 2002. – 395 str.

Filipović M. Bio sam Alijin diplomat. – Bihać : Delta, 2000. – 339 str.

Katz V. Pogled iz bosanskohercegovačke perspektive na prijedlog Platforme Izetbegović – Gligorov u kontekstu raspada Jugoslavije // Ideje o transformaciji Jugoslavije. Zbornik radova. – Sarajevo : Udrženje za modernu historiju, 2021. – S. 101–139.

Lučić I. Uzroci rata. Bosna i Hercegovina od 1980 do 1992. godine. – Zagreb : Hrvatski institut za povijest, 2013. – 518 str.

Nikolić K. Jugoslavija. Poslednji dani (1989–1992). Knjiga 1. – Beograd : Službeni glasnik, 2018. – 532 str.

Omerčić E. Bosna i Hercegovina u političkoj projekciji intelektualnih krugova 1991–1996. – Sarajevo : Udrženje za modernu historiju, 2022. – 126 str.

Repe B. Milan Kučan. Prvi predsjednik Slovenije. – Sarajevo : Udrženje za modernu historiju, 2019. – 224 str.

Repe B. Raspad Saveza komunista Jugoslavije // Ideje o transformaciji Jugoslavije 1990-ih godina. Zbornik radova. – Sarajevo : Udruženje za modernu historiju, 2022. – S. 21–49.

Ribičić C. Geneza jedne zablude. Ustavnopravna analiza nastanka i djelovanja Hrvatske zajednice Herceg-Bosne. – Zagreb : Jesenski i Turk, 2001. – 189 str.

Sasso A. «Just a few years left for us». Non-nationalist political actors in Bosnia-Herzegovina (1989–1991). Tesi doctoral. – Barcelona, 2015. – 420 p.

Veladžić S. Kreatori bošnjačkog društva u Bosni i Hercegovini početkom 1990-ih // Prilozi. – Sarajevo : Institut za historiju, 2019. – Br. 48. – S. 245–275.

Jugoslavija : pogavlje 1980–1991 / Bešlin M., R. Miletić R.A., Prekic A., Kamberovic H. – Beograd, 2022. – 960 str.

Перевод с боснийского С.А. Романенко

РАЗДЕЛ III. РАСПАД ЮГОСЛАВИИ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Глава 10. ВЗГЛЯД ИЗ ПРАГИ: РАСПАД ЮГОСЛАВИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧЕШСКИХ АВТОРОВ¹

События тридцатилетней давности привели Югославию к трагическим последствиям. Страна распалась, причем распалась, «пылая в огне». На месте единой страны, занимавшей значительную часть Балканского полуострова, возникло семь государств и государственных образований, включая частично признанное Косово².

Тридцать лет тому назад стартовал многосторонний процесс, охвативший Балканский полуостров: начала распадаться страна – Югославия. Причины военных действий, разыгравшихся на ее территории, чешский балканист Филип Тесарж видит в дефектах и принципах системы³. Большую роль, по его мнению, сыграли случайные факторы и отдельные личности. Он не исключает, что при ином сочетании этих факторов и личностей конфликты не были бы такими тяжелыми и продолжительными или их не было бы вовсе, а бывшая Югославия была бы похожа на Чехию и Словакию сегодня.

В некоторых случаях вместе с руководящей ролью партии начинало «тонуть» и государство.

¹ Щербакова Юлия Александровна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; juli.bak@mail.

² О судьбе Югославии и причинах ее распада подробнее см., напр.: Dějiny Jihoslovanských Zemí / Šesták M., Tejchman M., Havlíková L., Hladký L., Pelikán J. – Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 1998.

³ Tesar F. Před 30 lety se začala rozpadat Jugoslávie. Příčiny válek nebyly v lidech, ale v systému // Lidovsky.cz. – 2021. – 09.06. – URL: https://www.lidovsky.cz/nazory/tesar-pred-30-lety-se-zacala-rozpadat-jugoslavie-principy-valek-nebyly-v-lidech-ale-v-systemu.A210609_173643_ln_nazory_lros (date of access: 19.01.2023).

В югославском обществе преобладала не ненависть, а страх. Ощущая нестабильность и страх за будущее, люди искали защиты в толпе, и проще всего им было сгруппироваться по принципу национальности¹.

Государству Югославии с момента его возникновения был изначально присущ ряд системных дефектов. «Помимо проживания многих народов и религий, которые не всегда мирно сосуществовали, в стране имели место неравные экономический и культурный уровни его отдельных частей», – отмечает чешский исследователь Микулаш Скала². В реальности эти различия никогда не были полностью устранены. Уже в начале своего существования Югославия была внутренне нестабильной страной. Частая смена правительств и различные волнения привели к тому, что тогдашний король Александр I Карагеоргиевич установил диктатуру 6 января 1929 г. Сразу же были запрещены все политические партии, основанные на национальном, религиозном или территориальном принципах. Государство стало называться Югославия. Но в его глубине, под поверхностью, тлел будущий пожар³.

Чешские балканисты отмечают, что «восьмидесятые годы XX в. в Югославии отмечены экономическим кризисом и новым всплеском националистических страстей»⁴. В секретном докладе, подготовленном в то время ЦРУ, говорилось, что Югославия распадется в течение десяти лет и что это произойдет в ходе военных действий.

Как указывают чешские авторы, «первые проблемы возникли в сербском автономном районе Косово, где проживает многочисленное албанское меньшинство». В декабре 1990 г. в Словении был проведен плебисцит о независимости. Результат был очевиден: 88% избирателей проголосовали за независимость⁵.

В Боснии и Герцеговине проживали представители различных национальностей, религий и конфессий. Проблема отдельных

¹ Об этом см.: Калоева Е.Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан. (Аналитический обзор) // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2019. – № 3. – С. 235–264.

² Skála M. Krvavý rozpad jugoslávského státu : kde docházelo k nejhorším zvrstvům? // Epochaplus. – 2016. – 13.12. – URL: <https://epochaplus.cz/krvavy-rozpad-jugoslavskeho-statu-kde-dochazelo-k-nejhorsim-zverstvum> (date of access: 19.01.2023).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

югославских республик состояла в том, что этнические границы между ними не могли быть проведены. Например, в Хорватии проживало большое (приблизительно четверть) сербское меньшинство, в Боснии и Герцеговине с христианами – православными сербами и католиками-хорватами – соседствовали мусульмане, позднее превратившиеся в мусульман как национальность.

По мнению М. Скалы, в распаде Югославии были заинтересованы «не только проживавшие в ней этнические националисты, но и многие другие. Возможно, СССР в тот момент и находился на грани распада, но его спецслужбы были заинтересованы в проникновении российского влияния на Балканы. Когда местные государственные образования были ослаблены, России, как показывает пример современной Сербии, было легче завоевать влияние. Определенную роль также сыграл Ватикан, пообещав кредит в размере 4 млрд долл. традиционно католической Хорватии¹. Можно также рассуждать о вмешательстве мусульманского мира, так как в Боснии и Косово ряд людей исповедовали и исповедуют ислам.

«1991 год – это год, когда разрушение Югославии достигает своего пика. 23 мая впервые заговорило оружие»²: в словенском городке Пекре армия окружила учебный центр словенской организации территориальной обороны. Чувствуя поддержку словенской общественности и местного населения, «террориалы» не сдались. К концу следующего дня ЮНА сняло блокаду, и подразделения ЮНА возвратились в казармы³. Слишком быстрое признание Германией независимости Словении и Хорватии 23 декабря 1991 г. вызвало споры среди дипломатов, аналитиков и ученых.

В чешских исследованиях, посвященных Югославии, преобладает мнение, что «кровавый распад Югославии стал горькой точкой в крахе биполярного мира, социализма и падения Восточного блока. Войны между отдельными республиками Союзной Республики Югославии (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония) сопровождались жестокими этническими чистками, когда отдельные народы не только изгонялись, но и уничтожались»⁴. Так, война в Боснии была самым смертоносным конфликтом в Ев-

¹ Skála M. Op. cit.

² Ibid.

³ Коханкин В. Словения – 1991 // Журнал «Коллекция». – 2021. – 11.04. – URL: <https://sammlung.ru/?p=35760> (дата обращения: 19.01.2023).

⁴ Rozpad Jugoslávie // Specialy novinky. – 2017. – URL: <https://specialynovinky.cz/jugoslavie/index.html> (date of access: 19.01.2023).

ропе со времен окончания Второй мировой войны. Боевые действия унесли более 100 тыс. жертв. Общее число перемещенных во всех конфликтах на территории бывшей Югославии достигает около 800 тыс. человек¹.

Распад Югославии показал, насколько сильным и опасным может быть национализм даже на рубеже XX и XXI вв. Идея национально однородных государств, идущая вразрез с идеей глобализации, получила распространение на части Балкан. События в Югославии также продемонстрировали неготовность мирового сообщества к вмешательству в конфликты на этнической и религиозной почве. Реакция на конфликт переходила от крайности к крайности – беспомощное наблюдение миротворцев в июле 1995 г. в Сребренице (Босния) сменилось 78 днями бомбардировок Сербии и Черногории².

В статьях чешских ученых можно обнаружить идеи о некотором подобии процессов, приведших к распаду трех государств – Югославии, Советского Союза и Чехословакии³. Чешский автор М. Хонсу писал: «Тридцать лет назад на месте распавшейся Югославии возникло шесть государств. В том же 1991 г., когда началась война на Балканах, распался Советский Союз». Годом позже изменилась карта Центральной и Восточной Европы: ранее в ней доминировали социалистические страны, в том числе «причудливая немецкая ГДР. Советский Союз представлял собой монолитную гигантскую массу, льющуюся из верхней части карты, и изучить все республики Союза было сложно... На Балканском полуострове располагалась

¹ Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. – Москва : Индрик, 2012. – С. 137. Также см.: Щербакова Ю.А. Балканское направление современной внешней политики Чешской Республики // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 217–232; Скриба А.С., Тихонов С.В. Поствестфальский мир и российско-европейские отношения : в поисках нового баланса сил // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2017. – № 1. – С. 83–103.

² Самсонов А. Почему блок НАТО разгромил Югославию // topwar.ru. – 2022. – 24.03. – URL: <https://topwar.ru/193836-pochemu-blok-nato-razgromil-jugoslaviju.html> (дата обращения: 19.01.2023).

³ Honsů M. Zánik umělých států : Sovětský svaz, Jugoslávie a Československo se rozpadly během několika měsíců // Prima Zoom. – 2019. – 10.11. – URL: <https://zoom.iprima.cz/pad-totality-30-let-svobody/zanik-umelych-statu-sovetsky-svaz-jugoslavie-a-ceskoslovensko-se> (date of access: 19.01.2023).

дружественная Югославия, а сами мы [чехи. – Ю. Щ.] жили в государстве, составленном из разных стран»¹.

События 17 ноября 1989 г. в Чехословакии положили начало процессу неизбежного распада искусственных государственных образований, созданных на руинах империй, опустошенных Первой мировой войной, которая закончилась в 1918 г. В то время атлас Австро-Венгерской империи, пожалуй, был пригоден лишь для сжигания в печи. Новые карты не вступали в игру до начала Второй мировой войны, когда Гитлер завоевал большую часть Центральной и Западной Европы. Третья великая картографическая революция XX в. была связана с падением железного занавеса в 1989 г., окончанием холодной войны и событиями последующих месяцев и лет².

Во времена коммунистической Чехословакии Югославия существовала под названием Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Страна с территорией в 255 804 км², население которой в 1989 г. составляло 3,7 млн человек, распалась 25 июня 1991 г., когда Словения и Хорватия стали независимыми. 25 сентября 1991 г. за ними последовала Республика Македония (с 12 февраля 2019 г. – Республика Северная Македония), а 1 марта 1992 г. Босния и Герцеговина покинула Югославию. Но на этом дело не закончилось. Другие обломки Югославии разлетелись в разные стороны 3 и 5 июня 2006 г., когда были образованы независимые Черногория и Сербия, и, наконец, Косово стало независимым 17 февраля 2008 г. За все пришлось платить. В этнически мотивированной войне, которая сопровождала распад государства, в 1990-х годах погибло около 140 тыс. человек. В 1999 г. в конфликт вмешалось НАТО в рамках операции «Operation Allied Force – Союзная сила»³.

¹ Honsů M. Zánik umělých států : Sovětský svaz, Jugoslávie a Československo se rozpadly během několika měsíců // Prima Zoom. – 2019. – 10.11. – URL: <https://zoom.iprima.cz/pad-totality-30-let-svobody/zanik-umelych-statu-sovetsky-svaz-jugoslavie-a-ceskoslovensko-se> (date of access: 19.01.2023). См. также: Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2018. – № 1. – С. 192–208.

² Окунев Д. США и Россия открывают новую эру : 30 лет назад Ельцин и Буш закончили холодную войну. Почему настоящий мир не настал // lenta.ru. – 2022. – 01.02. – URL: <https://lenta.ru/articles/2022/02/01/deklaracija/> (дата обращения: 22.01.2023).

³ Операция НАТО против Союзной Республики Югославии 1999 года // РИА Новости. – 2014. – 24.03. – URL: <https://ria.ru/20140324/1000550703.html> (дата обращения: 22.01.2023).

Неоднократно занимавший пост премьер-министра Словении в 2004–2022 гг. известный словенский политик Я. Янша 5 июля 2021 г. предостерег Европейский союз от судьбы, которая постигла распавшуюся Югославию: «Не судите человека в соответствии с придуманными европейскими ценностями. На мой взгляд, двойные стандарты – это самый быстрый путь к краху. 30 лет назад Словения жила в бывшей Югославии, которая якобы была федеративной. Было пять или шесть наций, три религии, шесть республик, две автономии, и страна распалась по разным причинам. Однако последний гвоздь в гроб страны был забит тогда, когда некоторые люди начали применять к себе особые критерии и использовать двойные стандарты», – пояснил он журналистам угрозы в адрес ЕС¹.

Чешские историки Ян Пеликан (Философский факультет Карлова Университета), Ян Рыхлик (Институт чешской истории Академии наук) и Матьяш Зрно (Гражданский институт) встречались на просторах Интернета, чтобы в очередной раз обсудить причины югославского кризиса². Отвечая на вопрос о том, почему насилие, религиозные и этнические войны связаны в нашем восприятии с Балканами, Ян Рыхлик отмечает, что «Балканы являются бывшей территорией Османской империи. Османская империя была теократическим государством, а не государством, построенным на национальных принципах. Происходило масштабное смешение этнических групп. Поэтому, когда эти этносы сформировались как современные нации в XIX веке и создали свои собственные государства, им, естественно, пришлось решать вопрос о том, где будут границы этих государств. Невозможно было установить какие-либо определенные границы именно потому, что нации проживали смешанно, и никто не был заинтересован в том, чтобы быть меньшинством в ином национальном государстве. Эти обстоятельства углубляли межэтнические конфликты... На Балканах Первая и Вторая мировые войны также имели в своей основе этнические конфликты»³.

¹ Slovinský premiér předpovídá : EU se může rozpadnout jako Jugoslávie // cz24.news. – 2021. – 05.07. – URL: <https://cz24.news/slovinsky-premier-predpovida-eu-se-muze-rozpadnout-jako-jugoslavie/> (date of access: 22.01.2023).

² Rozpad Jugoslávie // Specialy novinky. – 2008. – 29.02. – URL: <https://specialynovinky.cz/jugoslavie/ostatni.html> (date of access: 22.01.2023).

³ Rozpad Jugoslávie. – Op. cit. Также см.: Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа: Регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 2. – С. 22–58; Тодорова М. Воображая Балканы. (Реферат) //

1 декабря 1918 г. Югославия была создана как государство Сербии, Черногории, Хорватии, Словении и Боснии. В то время существовало мнение, основанное на чехословацком опыте, что если бы люди говорили на одном том же языке, они могли бы общаться друг с другом. Игнорировался тот факт, что этот языковой опыт имеет совершенно разные исторические традиции и что в прошлом эти народы принадлежали к разным государственным образованием или имели свои собственные государства и отличались в религиозном плане¹.

Далее Я. Рыхлик подчеркивает, что «после Второй мировой войны именно Йосип Броз Тито смог преодолеть центробежные тенденции, усилив личное влияние, а также – не будем питать иллюзий – часто жестокими методами. Конечно, страх перед Советским Союзом и холодной войной также сыграл важную роль. Как только Тито умер и холодная война закончилась, эти страны обнаружили, что ничто на самом деле не удерживает их вместе. Постепенно их союз ослабевал, отдельные нации хотели идти своим путем. Но возникла старая проблема: где должны быть границы этих новых государств в случае их совместного проживания»².

Как отмечает чешский ученый Я. Пеликан, в чешском общественном сознании Югославия в 1960-е и 1980-е годы ассоциировалась с мирной, относительно дружественной атмосферой, с особым типом общественного управления. Как подчеркивает другой чешский ученый, М. Зрно, «у Югославии была хорошая репутация не только в Чехословакии, но и на Западе. После Второй мировой войны пропаганда союзников превозносила борьбу за освобождение Югославии до небес. Благодаря позиции Тито сопротивление Сталину не ослабевало»³.

Я. Пеликан также считает, что «в целом имидж Югославии был позитивным. И то, как он стал восприниматься из-за войны, было больше похоже на возрождение старых идей»⁴. По мнению Я. Рыхлика, «пресловутое насилие и жестокость не были присущи

Политическая наука. Регионализация посткоммунистической Европы. – 2001. – № 4. – С. 177–187.

¹ Романенко С.А. Балканы / Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 22–58.

² Rozpad Jugoslávie. – Op. cit.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

всему Балканскому полуострову». Так, он отмечает мирное развитие Болгарии, которая также находилась под турецким владычеством и не являлась даже автономией. С европейской (XIX века) точки зрения Османская империя была отсталой, но не была варварским государством. Напротив, в XVI и XVII вв., когда религиозные страсти прокатились по Европе, Османская империя была религиозно толерантным государством. «Поэтому мы не можем рассматривать османскую оккупацию как черную дыру, в которой ничего не видно»¹.

По мнению чешского публициста Я. Урбана, «Балканы объединяет миф о 500-летних страданиях под турецким владычеством. Это миф, придуманный боснийскими мусульманами. В противном случае на Балканах не смогли бы объяснить, как функционировали государственные институты, платились налоги и откуда появились боснийские мусульмане. (Народность боснийских мусульман возникла из католиков и православных, которые выяснили, что это выгоднее для них как для городских жителей.) У христианской Европы таких проблем нет. У нее свои мифы: “Мы дошли до Вены, и на этом для нас всё закончилось”. Известно, что, хотя об этом и не упоминается, когда мусульман вытеснили на Балканы, с ними территорию Венгрии покинула половина всех мусульман»².

Как считает Я. Пеликан, на Балканах помимо этнических существуют достаточно глубокие социальные и религиозные различия. Он отмечает, что появление современных наций на Балканах происходило иначе, чем в Центральной и Западной Европе. Там основным национальным идентификационным элементом являлся язык. Однако у южных славян, и это также относится к грекам, существует религиозно-культурный или исторический фактор. Представляется банальным, но является фактом: хорваты – это преимущественно католики, сербы – преимущественно православные. А еще есть нация, которая возникла в течение XX в. и называется мусульмане, или боснийцы. Большинство боснийцев-мусульман живут в Боснии, частично в Сербии, и для них, как это следует из названия, преобладающим элементом самоидентификации является ислам.

¹ Rozpad Jugoslávie. – Op. cit.

² Цит. по: Пилипчук Я.В. Обретение венграми родины и их походы на Балканы // Финно-угорский мир. – 2017. – № 1. – С. 86–96. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obretenie-vengrami-rodiny-i-ih-pohody-na-balkany/viewer> (дата обращения: 22.01.2023).

Как отмечает М. Зрно, война стала национально-религиозным мобилизующим фактором. «Даже сербские солдаты, воевавшие на стороне боснийцев, кричали “Аллах Акбар”. И, если этот возглас придаст вам силу в нападении, то это не значит, что вы не мусульманин»¹.

По мнению чешского ученого, национальное возрождение ведет к усилению религиозности. Он замечает, что «если вы приедете в боснийские города, подавляющее большинство людей, которых вы видите, особенно молодежь, будут выглядеть точно так же, как и вы. Если они мусульмане, они могут не есть свинину, например, но у них больше не будет проблем с пивом или ракией. Религия – это, прежде всего, национальный институт, и люди больше развлекаются на больших праздниках. Многие православные не ходят в церковь по воскресеньям. Только когда наступает важный праздник, храмы переполнены, все крестятся, падают на землю». М. Зрно со- жалеет, что эти особенности у чешского общества утрачены².

Я. Рыхлик полагает, что исключение составляют албанцы. Это, пожалуй, единственная нация среди народов Югославии, которая не имеет национальной религии. Чехи считают албанцев мусульманами, но среди них есть православные и католики. Их национальная идентичность была сформулирована на языковой, а не на религиозной основе. Это настроило их против турок и других мусульман. Они говорили: «Не важно, что мы мусульмане, некоторые из нас “да”, некоторые из нас “нет”, но мы не турки»³.

Когда вы путешествуете по Балканам, бросается в глаза, отмечает Я. Урбан, что большая часть живет в иллюзии, оторвана от реальности. Чехи и словаки пережили это в иррациональном чешско-словацком диалоге, который закончился мирным разделом. Однако на Балканах взаимозависимость была значительно глубже. Национальная, языковая взаимосвязанность были почти абсолютными. «Жизнь в мифах и стремлении к национальному очищению по-прежнему является самым важным политическим вопросом через пятнадцать лет после окончания войны в Боснии или через десять лет после окончания войны в Косово»⁴.

¹ Rozpad Jugoslávie. – Op. cit.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Трифонов Е. Косовский конфликт не имел ни справедливого, ни законного решения // dzen.ru. – 2019. – 25.03. – URL: <https://dzen.ru/a/XJkqq7wF-AC0tQVs> (дата обращения: 22.01.2023).

Литература

Калоева Е.Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан. (Аналитический обзор) // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2019. – № 3. – С. 235–264. DOI: 10.31249/ape/2019.03.11

Никифоров К.В. Сербия на Балканах. ХХ век. – Москва : Индрик, 2012. – 176 с.

Пилипчук Я.В. Обретение венграми родины и их походы на Балканы // Финно-угорский мир. – 2017. – № 1. – С. 86–96. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obretenie-vengrami-rodiny-i-ih-pohody-na-balkany/viewer> (дата обращения: 22.01.2023).

Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 22–58. DOI: 10.31249/ape/2021.02.02

Скриба А.С., Тихонов С.В. Поствестфальский мир и российско-европейские отношения: в поисках нового баланса сил // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2017. – № 1. – С. 83–103.

Тодорова М. Воображая Балканы. (Реферат) // Политическая наука. Регионализация посткоммунистической Европы. – 2001. – № 4. – С. 177–187.

Шахин Ю.В. Зарождение «самоуправленческого социализма» в Югославии и его идеология // Альтернативы. – 2015. – № 3 (88). – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/al3-2015/28689-zarozhdenie-samoupravlencheskogo-socializma-v-yugoslavii-i-ego-ideologiya.html> (дата обращения: 19.01.2023).

Щербакова Ю.А. Балканское направление современной внешней политики Чешской Республики // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 217–232. DOI: 10.31249/ape/2021.02.10

Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2018. – № 1. – С. 192–208.

Dějiny Jihoslovanských Zemí / Šesták M., Tejchman M., Havlíková L., Hladký L., Pelikán J. – Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 1998. – 756 s.

Honsů M. Zánik umělých států : Sovětský svaz, Jugoslavia a Československo se rozpadly během několika měsíců // Prima Zoom. – 2019. – 10.11. – URL: <https://zoom.iprima.cz/pad-totality-30-let-svobody/zanik-umelych-statu-sovetsky-svaz-jugoslavie-a-ceskoslovensko-se> (date of access: 19.01.2023).

Rozpad Jugoslávie // Specialy novinky. – 2017. – URL: <https://specialynovinky.cz/jugoslavie/index.html> (date of access: 19.01.2023).

Skála M. Krvavý rozpad jugoslávského státu : kde docházelo knejhorším zvrstvům? // Epochaplus. – 2016. – 13.12. – URL: <https://epochaplus.cz/krvavy-rozpad-jugoslavskeho-statu-kde-dochazelo-k-nejhorsim-zverstvu> (date of access: 19.01.2023).

Tesar F. Před 30 lety se začala rozpadat Jugoslávie. Příčiny válek nebyly v lidech, ale v systému // Lidovsky.cz. – 2021. – 09.06. – URL: https://www.lidovsky.cz/nazory/tesar-pred-30-lety-se-zacala-rozpadat-jugoslavie-principy-valek-nebyly-v-lidech-ale-v-systemu.A210609_173643_ln_nazory_lros (date of access: 19.01.2023).

Глава 11. ВЗГЛЯД ИЗ БУХАРЕСТА: ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ В ХОДЕ КРИЗИСА 1990-х ГОДОВ¹

События, сопровождавшие процесс распада социалистической Югославии, постоянно находились в центре внимания румынского общества. Позже их называли «дорогой в ад». Бесспокоил вопрос о том, каким образом демонтаж югославского государства, политически и экономически демонстрировавшего жизнеспособность идеи «двух систем в одной», процветание общества и политический престиж, привел к проблемам, которые пришлось решать мировым державам².

На протяжении трех десятилетий, прошедших после распада социалистического государства, страны, возникшие на его территории, сталкивались с чередой разнообразных кризисов. И сегодня у большинства из них непростые экономические проблемы, а в публичном и политическом пространстве нельзя не видеть националистических и авторитарных тенденций³. На все это обращают внимание румынские авторы, склонные полагать, что разрушение Югославии породило не только кровавые схватки, смерть и потоки беженцев, но также политический, экономический и социальный хаос, отзвуки которого заметны и сегодня. «Не было ни одного победителя в результате распада Югославии», – отмечала в интервью для издания *Libertatea* Мирона Тронкотэ, специалист по проблемам Балканского региона⁴.

¹ **Биткова Татьяна Георгиевна** – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; tgbitkova@mail.ru.

² Distrugerea Iugoslaviei – programarea lucida a unui infern ! Partea I-a // Romania military. – 2013. – 19.04. – URL: <https://www.rumaniamilitary.ro/distrugerea-iugoslaviei-programarea-lucida-a-unui-infern-partea-i-a> (date of access: 12.12.2022).

³ См.: Калоева Е.Б. Власть и гражданское общество на Западных Балканах, их роль во внешней политике глазами балканских и зарубежных исследователей // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2022. – № 2. – С. 68–86.

⁴ *Ungureanu L., Ţerban A.* Cât de mare este riscul reîzbucnirii unui război în Balcani. Expert : Serbia joacă la două capete, iar Rusia se folosește de Kosovo și Bosnia pentru a diviza UE : interviu cu Miruna Troncotă // *Libertatea*. – 2022. – 08.09. – URL: <https://www.libertatea.ro/stiri/interviu-cat-de-mare-este-riscul-reizbucnirii-unui-razboi-in-balcani-expert-serbia-joaca-la-doua-capete-iar-rusia-se-foloseste-de-kosovo-si-bosnia-a-pentru-a-diviza-ue-4234933> (date of access: 12.12.2022).

Сегодня в румынском публичном пространстве уделяется достаточно большое внимание как общим проблемам Западных Балкан, так и основным событиям, происходящим в отдельных странах.

Словения сумела избежать бойни, произошедшей в Хорватии и Боснии. Сегодня она – член НАТО, Евросоюза и Шенгенской зоны. Это индустриально развитая страна, относительно безболезненно преодолевшая пандемию и предыдущие кризисы. В ней низкий уровень безработицы, а доход на душу населения выше, чем в Чехии и Португалии. Словению иногда называют балканской Австрией. Однако и здесь не обходится без проблем, на которые обращают внимание румынские авторы.

Словения могла бы стать образцом успеха, писала Кристина Эне, если бы не антиевропейская кампания, которую вел ее премьер-министр Янез Янша, растущее давление на гражданское общество и свободную прессу, резкий раскол оппозиции. В молодости Янша был ярым коммунистом, позже стал противником режима, а потом «стал вести себя как правый популист»¹.

Теперь, как ожидают в Румынии, в политической жизни Словении возможны перемены. По результатам парламентских выборов 24 апреля 2022 г. победила левоцентристская партия «Движение “Свобода”». Парламент страны утвердил кандидатуру от этой партии – бизнесмена Роберта Голоба, которого в румынских СМИ называют «проевропейским либералом»².

Серьезные проблемы осложняют экономическую и социально-политическую жизнь **Хорватии**, подчеркивают румынские аналитики. Хотя Хорватия является членом НАТО и Евросоюза, в последние годы ее преследует череда кризисов – экономический, миграционный, связанный с пандемией. В Хорватии есть прекрасные пляжи на Адриатическом море и развита туристическая инфраструктура, но есть и обширные, почти безлюдные районы, такие как Славония или Баранья, а также промышленные руины недалеко от Загреба.

¹ Ene C. Ce s-a ales de statele iugoslave după 30 de ani de la destrămarea fostei Republici Federale. Supraviețuitor al masacrelui de la Srebrenița : «Nu vor înceta niciodată să ne urască» // Adevarul. – 2021. – 25.07. – URL: <https://adevarul.ro/stiri-externe/europa/ce-s-a-ales-de-statele-iugoslave-dupa-30-de-ani-de-2109231.html> (date of access: 12.12.2022).

² Gherghijă A.M. Slovenia susține intrarea în Schengen a României, Bulgariei și Croației, însă nu crede că se va întâmpla curând // Adevarul. – 2022. – 30.05. – URL: <https://adevarul.ro/stiri-externe/europa/slovenia-sustine-intrarea-in-schengen-a-romaniei-2170480.html> (date of access: 12.12.2022).

События на политическом ландшафте страны также не радуют наблюдателей – за время пребывания на посту премьера Андрея Пленковича¹ из правящей консервативной партии Хорватское демократическое содружество, которую представляет премьер, из-за обвинений в коррупции вышли девять министров. ВВП страны падает, и ей грозит массовая эмиграция.

Серьезной проблемой для общества, пишет К. Эне, ссылаясь на хорватского историка, писателя и дипломата Иво Гольдштейна, является забвение событий новейшей истории страны. Речь, в частности, идет о концентрационном лагере Ясеновац, где усташские фашисты убили около 100 тыс. человек, в основном сербов, евреев и цыган. Эти ужасы Второй мировой войны были одним из определяющих факторов войн 1990-х годов.

По мнению некоторых хорватских историков, Хорватия начала деградировать после вступления в ЕС в 2013 г. Началась консервативная революция – ревизионисты оказываются на подъеме, и даже молодые люди становятся националистами. В консервативном лагере крепнет убеждение, что «хорватский фашизм и югославский коммунизм составляли своего рода баланс террора»².

На референдуме 2012 г. только 29% хорватов проголосовали за вступление в ЕС. Надежды на то, что страну ждет процветание сразу после принятия в европейскую семью, не оправдались. В стране нарастают антиевропейские настроения, особенно в лагере правых.

В августе 2020 г. левопопулистский президент Зоран Миланович³ вручил награду бывшему генералу Златану Мийо Еличу за деятельность и роль, которую тот сыграл во время «войны за независимость Хорватии» в 1995 г., хотя известно об участии генерала в боснийском геноциде и Международный уголовный суд в 2016 г. обвинил его в военных преступлениях против боснийских мусульман, отмечает портал Digi24⁴.

В румынских СМИ отражаются все внешнеполитические дискурсы Зорана Милановича, которые не соотносятся ни с курсом Евросоюза и НАТО, ни с позицией Румынии: 25 января 2022 г.

¹ Андрей Пленкович занимает пост премьер-министра с 2016 г.

² Ene C. Op.cit.

³ Зоран Миланович занимает президентский пост с февраля 2020 г.

⁴ Președintele Croației a decorat un general acuzat de crime de război împotriva bosniacilor // Digi24. – 2020. – 08.08. – URL: <https://www.digi24.ro/stiri/externe/presedintele-croatiei-a-decorat-un-general-acuzat-de-crime-de-razboi-impotriva-bosniacilor-1350008> (date of access: 12.12.2022).

Миланович заявил, что Хорватия отзовет своих солдат из натовского контингента в случае начала российско-украинского конфликта, в феврале 2022 г. он выступил против расширения НАТО в восточном направлении, в том числе за счет Украины, считая, что Запад таким образом провоцирует Россию и поэтому «несет ответственность за кризис в Украине»¹. В мае того же года он заявлял, что будет голосовать против вступления Финляндии и Швеции в НАТО, так как Запад не интересуется неудовлетворительным положением хорватского меньшинства в Боснии и Герцеговине, в октябре 2022 г. он был против обучения украинских солдат на территории Хорватии.

Позиция хорватского президента подвергается критике со стороны премьера Андрея Пленковича (ХДС), о чем также информируют румынские издания. Продолжая развивать с Хорватией экономические связи и дипломатические отношения, официально Румыния не выступает с осуждением подхода Милановича к внешнеполитическим проблемам.

Босния и Герцеговина, как и большинство западно-балканских стран, находятся на одной из стадий приема в Евросоюз, не имея доступа к европейским фондам реконструкции, что подпитывает эмиграцию образованного населения и привлекательность популистской пропаганды для тех, кто остается в стране. Это – «факт со взрывоопасным потенциалом»².

Частью Боснии и Герцеговины является Республика Сербская, в основном населенная этническими сербами³. После Дейтонского мирного соглашения (1995), пишет К. Эне, государство Босния и Герцеговина стало сверхбюрократической республикой, где бывшие враги – сербы, хорваты и боснийцы-мусульмане – продолжают враждовать друг с другом. Память о бойне 1990-х до сих пор лежит тяжелым бременем на населении и отзывается в политической жизни. Кризис закончится только с исчезновением этого хрупкого государства, полагают и некоторые из его руководителей.

В то же время румынские аналитики подчеркивают, что ситуация в Боснии и Герцеговине, как и в Косово, является наиболее

¹ Președintele Croației acuză din nou Occidentul că incită la război în Ucraina și cere să fie luate în considerare interesele Rusiei // Digi24. – 2022. – 05.02. – URL: <https://www.digi24.ro/stiri/externe/presedintele-croatiei-acuza-din-nou-occidental-ca-incita-la-razboi-in-ucraina-si-cere-sa-fie-luate-in-considerare-interesele-rusiei-1827609> (date of access: 12.07.2022).

² Ene C. Op. cit.

³ По данным на 30 июня 2017 г., 82,95% населения – этнические сербы.

очевидным доказательством того, что война в бывшей Югославии не окончена. Оба этих государства являются «двумя крупными целями Сербии», полагает М. Тронкотэ. Она также отмечает, что такая неопределенность весьма на руку России. Это наиболее уязвимые территории: у них оспариваемые границы, в них идет этническая вражда, это «хрупкие государства, без сильных институтов, с контролируемым суверенитетом». Однако, по мнению М. Тронкотэ, ожидать вооруженного конфликта не стоит – у государств мало экономических ресурсов, чтобы покрыть свои повседневные расходы, не говоря уже о том, чтобы вооружиться¹.

Как в экономическом, так и геостратегическом плане в Боснии и Герцеговине очень активна Турция, ориентирующаяся на мусульманские общины. Правительство Турции и международная религиозно-политическая организация «Братья-мусульмане» входят в число крупных инвесторов. Сараево наполовину отстроено турками, а основные мечети в городе финансируются либо Саудовской Аравией, либо Турцией. Причины очевидны: эти провинции входили в состав Османской империи, у них есть «дружеские отношения и экономические интересы»².

Постоянный интерес у румынского экспертного сообщества вызывает ситуация в **Северной Македонии**. СМИ подробно информировали о сложных перипетиях продвижения страны в НАТО и ЕС, о том, как наконец удалось удовлетворить требования Греции и Болгарии, ставивших препоны на этом пути. Греция инициировала Преспанское соглашение, утвердившее новое название страны, в значительной мере были удовлетворены претензии Болгарии, считающей македонцев протоболгарским этносом и недовольной положением болгар в Северной Македонии.

Сегодняшние проблемы Северной Македонии, отмечал С. Теодореску, обусловлены неблагоприятным прошлым этой территории. На протяжении своей истории она представляла особый интерес для других государств. В связи с этим автор подчеркивал негативную роль России для евроатлантического выбора Северной Македонии. Отношение России к Преспанскому соглашению, по мнению С. Теодореску, можно охарактеризовать как противоречивое. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров приветствовал компромисс, но Россия продолжает выражать свое несогласие с

¹ *Ungureanu L., Ţerban A.* Op. cit.

² Ibid.

интеграцией Северной Македонии в НАТО. Истинные интересы России выражаются в кампаниях «по дезинформации и принятию активных мер по поощрению национализма как в Северной Македонии, так и в Греции»¹.

Фактором, влияющим на политические процессы в Черногории, стала в последние годы Сербская православная церковь, о чем в деталях сообщали румынские СМИ. В 2019 г. правящей проевропейской Демократической партии социалистов (ДПС) президента Мило Джукановича удалось провести через парламент закон, который рассматривался его противниками как посягательство на собственность Сербской православной церкви, окормляющей в Черногории всех православных. Румынские СМИ живописали драматические коллизии, возникшие в парламенте в ходе принятия этого закона. Когда марафон восьмичасовых дебатов подходил к концу, просербские оппозиционные депутаты «физически пытались помешать голосованию, нападая на депутатов большинства, выхватывая микрофоны, пуская дым и слезоточивый газ, разрушая мебель»². Недовольство же сербской патриархии и ее черногорских служителей вылилось в массовые уличные выступления антиправительственного характера, которые были ими же и инициированы.

Джуканович давно не в ладах с Сербской православной церковью, остающейся очень влиятельной, отмечал портал Digi24³. Однако попытка национализировать имущество этой церкви способствовала в результате успеху просербской оппозиции на выборах в законодательные органы, проигранных партией Джукановича.

2 августа 2022 г. правительство Черногории в лице премьера Дритана Абазовича подписало с Сербской православной церковью

¹ Teodorescu S. Macedonia de Nord – stat mic cu mari ambiții pro vest-europene // Monitorul Apărării și Securității. – 2020. – 31.03. – URL: <https://monitorulapararii.ro/macedonia-de-nord-stat-mic-cu-mari-ambitii-pro-vest-europene-1-30224> (date of access: 12.12.2022).

² Violențe în Parlamentul din Muntenegru după adoptarea unei legi controversate. Politicienii au distrus mobilierul // Digi24. – 2019. – 27.12. – URL: <https://www.digi24.ro/stiri/externe/mapamond/violente-in-parlamentul-din-muntenegru-dupa-adoptarea-unei-legi-controversate-politicienii-au-distrus-mobilierul-1237498> (date of access: 12.12.2022).

³ Noi tensiuni politice în Muntenegru, după ce guvernul a semnat un acord cu Biserica Ortodoxă sârbă // Digi24. – 2022. – 03.08. – URL: <https://www.digi24.ro/stiri/externe/ue/noi-tensiuni-politice-in-muntenegru-dupa-ce-guvernul-a-semnat-un-acord-cu-biserica-ortodoxa-sarba-2035843> (date of access: 12.12.2022).

соглашение, регулирующее ее права собственности. Премьер тогда заявил, что такое соглашение может ослабить разногласия между сторонниками более тесных отношений с Сербией и сторонниками проевропейских партий. Но и это соглашение также вызвало уличные протесты, уже со стороны проевропейски настроенных граждан. Демократическая партия социалистов опротестовала соглашение и угрожала правительству меньшинства вотумом недоверия. Но 30 августа 2020 г. ДПС вынуждена была уйти в оппозицию.

Сербская православная церковь всегда воспринимала Черногорию как неотъемлемую часть Сербии, а независимость Черногории – как состояние временное, полагают некоторые аналитики. Подобные взгляды имеют и многие сербские политики в Белграде. Джуканович неоднократно обвинял белградское руководство в стремлении создать «Великую Сербию».

Политика в Черногории, отмечал портал Digi24, характеризуется резким разрывом «между гражданами, идентифициирующими себя как черногорцы, и пророссийскими сербами, которые выступали против независимости страны и поддерживали предыдущую договоренность о союзе с Сербией»¹.

Приоритетное место в интересах Румынии на Западных Балканах занимает самая значимая страна региона – **Сербия**. Несмотря на тяжелые политические и военные коллизии в недавнем прошлом (Румыния, как известно, поддержала натовские бомбардировки Югославии в 1999 г.), сегодня румынское руководство заявляет об особо доверительных отношениях с Сербией. Причина в том, что обе страны объединены отрицательным отношением к самопровозглашенной в 2008 г. независимости Косово. Причина не только в том, что прецедент Косово вызывает у румын опасения, связанные с тем, что трансильванские венгры на территории Румынии добиваются автономии. В контексте политики, направленной на объединение с Республикой Молдова, особо остро воспринимается проблема Приднестровья. Дипломат Богдан Ауреску² говорил в 2010 и 2011 гг., что Румыния будет уважать мнение сербского

¹ Guvernul din Muntenegru a picat la moțiune de cenzură după ce a semnat un acord criticat că dă multă putere Bisericii Ortodoxe Sârbe // Digi24. – 2022. – 20.08. – URL: <https://www.digi24.ro/stiri/externe/guvernul-din-muntenegru-a-picat-la-motiune-de-cenzura-dupa-ce-a-semnat-un-acord-criticat-ca-da-multa-putere-bisericii-ortodoxe-sarbe-2054319> (date of access: 12.12.2022).

² Богдан Ауреску – министр иностранных дел Румынии с 4 ноября 2019 по 15 июня 2023 г.

руководства, пока у того будет четко сформулированная позиция. «Я бы сказал, что нашей большой заботой является Приднестровье: в тот момент, когда Румыния признала бы независимость Косова без Сербии, можно предположить, что мы также согласны с другими подобными сепаратистскими регионами»¹.

Однако в румыно-сербских отношениях не все однозначно. В разделе Государственной программы на 2021–2024 гг., посвященном внешней политике, указано лишь то, что в отношениях Румынии с Сербией особое внимание по-прежнему будет уделяться обеспечению прав и поддержке идентичности румын Сербии «независимо от региона, в котором они проживают на территории этого государства»². Никаких других интересов и позиций не обозначено.

Речь идет о сербских влахах. В Румынии их отождествляют с румынами. Как считают румынские историки, балканские румыны являются потомками восточных румын – латиноговорящего населения в восточной части Римской империи. Славяне, поселившиеся на Балканах в VI–VII вв., «нарушили единство восточных румын»³.

Согласно переписи населения Сербии в 2011 г., 35 330 человек указали национальность «влахи», а 29 332 человек – национальность «румын». Влахи являются признанным национальным меньшинством в Сербии. Румыния же добивается признания влахов румынским меньшинством Сербии. Большинство называющих себя влахами проживает в восточной Сербии, большинство называющих себя румынами – в Воеводине (южный и центральный Банат, примыкающий к северному Банату, принадлежащему Румынии). Отсюда и упоминание в документе независимости от региона, в котором они проживают.

Неприятный инцидент произошел на уровне Евросоюза в связи с упомянутой проблемой. 28 февраля 2012 г. на встрече министров иностранных дел стран ЕС Бухарест заблокировал принятие решения о кандидатском статусе Сербии, требуя, чтобы Белград

¹ Цит. по: *Ungureanu L., Ţerban A.* Op. cit.

² Program de guvernare 2021-2024. Coaliția pentru reziliență, dezvoltare și prosperitate. Partidul Național Liberal, Partidul Social Democrat, Uniunea Democrată Maghiară din România. – URL: https://gov.ro/fisiere/programe_fisiere/Program_de_Guvernare_2021E2%80%942024.pdf (date of access: 12.12.2022).

³ Diaconescu M. Scandalul care a «încăierat» România cu Serbia și Germania : Vlahii din Timoc sunt români autentici! De ce neagă Serbia? // Historia.ro. – 2019. – URL: <https://historia.ro/sectiune/general/scandalul-care-a-incaierat-romania-cu-serbia-si-579147.html> (date of access: 15.08.2022).

предоставил гарантии правовой защиты румынского меньшинства в Сербии. В ответ на это, как сообщали румынские СМИ, председатель Национального совета влахов Сербии Радиша Драгоевич отметил, что Румыния «не может предъявить Сербии ультиматумы такого рода» по двум причинам: потому что влахи не лишены прав гражданства в Сербии и потому что страна признает как влахов, так и румын в качестве этнических меньшинств¹.

Такое требование Румынии возмутило президента Сербии Бориса Тадича. Оно, по его заявлению, противоречило европейским стандартам. Каждый гражданин Сербии может определить принадлежность к какой-либо национальности «в соответствии со своими чувствами, и в этом случае сложно найти решение»². 1 марта 2012 г. Сербия, как известно, все же получила статус кандидата на вступление в ЕС. Накануне представители Румынии и Сербии согласовали текст документа о защите прав румынского меньшинства. При этом Румыния оказалась единственным государством Евросоюза, выступившим против предоставления Сербии кандидатского статуса в ЕС.

Сегодня румынские политики поддерживают вступление Сербии в Европейский союз. Президенты обеих стран – Клаус Йоханнис и Александр Вучич – демонстративно подчеркивали единство своих позиций, но в румынском экспертном сообществе формулируется и критика в отношении политической линии, проводимой Вучичем. Это противоречивая фигура, писала, в частности, К. Эне. После глубокой политической трансформации из внушающего страх националистического агитатора в союзника Европейской народной партии и якоря стабильности на Западных Балканах он начал править «во все более авторитарной манере»³.

В высказываниях Вучича звучат ноты национализма и стремление возродить «Великую Сербию», отмечала М. Тронкотэ. И это не искусственная, надуманная проблема. «Общества на Балканах

¹ «Nimeni nu are dreptul să le ceară vlahilor să se declare români». Afirmația aparține președintelui Consiliului Național al Vlahilor din Serbia Radiša Dragojevic, citat marți seară în ediția online a postului sărb B92, citată de Agerpres // Agerpres. – 2012. – 29.02. – URL: <https://evz.ro/nimeni-nu-are-dreptul-sa-le-ceara-vlahilor-sa-se-declare-romani-968908.html> (date of access: 12.12.2022).

² Președintele Serbiei : Cerințele României încalcă standardele europene // Adevărul. – 2012. – 29.02. – URL: <https://adevarul.ro/stiri-externe/europa/presedintele-serbiei-cerintele-romaniei-incalca-1099322.html> (date of access: 12.12.2022).

³ Ene C. Op. cit.

вовлечены в эту националистическую игру. Граждане Сербии голосовали и голосуют за этих политиков»¹.

Критика правления Вучича, а также тесных связей Сербии с Россией не присутствует, однако, в официальных декларациях и в СМИ, ориентированных на линию властных структур. Обычной является трансляция западных источников. «Эта традиционно русофильская балканская страна, которая демонстрирует своего рода нейтралитет в украинском конфликте, заявляя при этом, что хочет вступить в Европейский союз, находится под беспрецедентным давлением со стороны Брюсселя», – отмечал румынский портал HotNews. Портал также ссылался на ежегодный отчет Европейской комиссии, опубликованный 12 октября 2022 г., где содержатся резкие обвинения в адрес внешней политики Белграда с начала войны в Украине, обвинения в том, что Сербия продолжает поддерживать «интенсивные связи» с Россией².

Ответ на вопрос о том, зачем Сербии нужна Российская Федерация, заключается, главным образом, в том, что Россия выступает против независимости Косово. России же Сербия нужна, чтобы остаться на Балканах для предотвращения угрозы присутствия НАТО. Ведь НАТО имеет военную базу в Косово и ведет переговоры с Боснией и Герцеговиной. Очень большие опасения ЕС и НАТО заключаются в том, что они могут потерять Сербию как партнера по диалогу. Это может иметь «тревожные последствия для безопасности»³.

В ноябре 2022 г. портал Profit.ro разместил статью «Сербия спешит сократить энергетическую зависимость от России», где говорилось, со ссылкой на британскую прессу, что Сербия совместно с Венгрией рассматривает возможность приобретения контрольного пакета акций компании «НИС»⁴ у российской компании «Газпромнефть», так как спешит защититься от введенных против Москвы

¹ *Ungureanu L., Ţerban A.* Op. cit.

² Uniunea Europeană vrea să forțeze Serbia să se rupă de Rusia // HotNews. – 2022. – 14.10. – URL: <https://www.hotnews.ro/stiri-international-25844838-uniunea-europeana-vrea-forțeze-serbia-rupa-rusia.htm> (date of access: 12.12.2022).

³ *Ungureanu L., Ţerban A.* Op. cit.

⁴ НИС (Нефтяная индустрия Сербии) – одна из самых прибыльных компаний в Сербии, которой принадлежит 29,87% акционерного капитала. Мажоритарным акционером является «Газпромнефть», которая 6 мая 2022 г. снизила свою долю в НИС с 56,15% до 50%. Владельцем 6,15% НИС стала головная компания ПАО «Газпром».

санкций, а также готовит другие проекты по диверсификации источников энергии, включая более тесное сотрудничество с Венгрией. Из-за санкций, наложенных на Россию, с декабря 2022 г. трубопровод из Хорватии не должен транспортировать нефть из России в Сербию, а НИС рискует потерять экономические связи с государствами и компаниями Евросоюза¹.

* * *

Анализируя сегодняшнее положение дел на постъюгославском пространстве, румынские аналитики вместе с тем ностальгически вспоминают о румыно-югославской дружбе социалистических времен и с горечью – о трагедии, завершившейся натовскими бомбардировками. Ведь у Югославии и Румынии когда-то было много общего. Румыния была основным политическим и экономическим партнером Югославии в Восточном блоке. «СФРЮ считалась нежелательной для остальной части СЭВ и бойкотировалась ею». Румыния также стала диссидентом в коммунистическом блоке, и путь, по которому она начала идти, «больше не устраивал ни Восток, ни Запад»².

Рядом с белградским аэропортом имени Николы Теслы находится Музей авиации, куда, как пишет И. Команеску, сербы с гордостью отправят вас посмотреть на фрагменты F-117 Stealth и американского F-16, сбитых войсками Милошевича в 1999 г. во время натовских бомбардировок Белграда³. В городе есть несколько разрушенных натовскими бомбардировками зданий, например здание Минобороны. Частично они остаются в руинах, хотя в последнее время за счет сносов и реконструкции они начинают приходить в более нормальный вид⁴.

В упомянутом Музее авиации также можно увидеть штурмовик Orao, который был гордостью Югославии в 1970-е годы.

¹ Serbia se grăbește să reducă dependența energetică de Rusia // Profit.ro. – 2022. – 08.11. – URL: <https://www.profit.ro/povesti-cu-profit/vecini-serbia-se-grabeste-sa-reduca-dependenta-energetica-de-rusia-20913255> (date of access: 12.12.2022).

² Distrugerea Iugoslaviei – programarea lucida a unui infern ! Partea I-a. Op. cit.

³ НАТО действовала без одобрения Совета Безопасности ООН.

⁴ Comanescu I. Iugoslavia și diplomația românească sub bombe // Contributors. ro. – 2019. – 17.12. – URL: <https://www.contributors.ro/iugoslavia-%C8%99diploma%C8%9Bia-romaneasca-sub-bombe/> (date of access: 12.12.2022).

Но Orao — это то же, что и румынский истребитель-бомбардировщик и штурмовик IAR-93 Vultur, результат стремления Чаушеску иметь как можно более современный военный самолет. Orao был результатом тесного сотрудничества Румынии и Югославии — один из румыно-югославских проектов, завершившихся в 1992 г. с первыми санкциями против бывшей Югославии.

Румынские историки подчеркивают, что хорошие отношения между странами восходят еще к временам Мирчи Старого¹, предложившего Сербии вооруженную поддержку в битве на Косовом поле (1389). В Первую мировую войну Румыния, напоминают они, вступила в конфликт на стороне Сербии против Австро-Венгрии и Германии², чтобы затем участвовать в Малой Антанте³, наряду с только что родившимися Югославией и Чехословакией.

Натовские бомбардировки Югославии остаются болевой точкой сербского общественного сознания, что отражается и в румынском публичном пространстве. «Хочешь, я расскажу тебе, как американцы нас бомбили? — спросил сербский собеседник румынского журналиста. — Бомбили наши электростанции, источники энергии... У многих из нас были морозильники, заполненные мясом, потому что была война. Американцы вскоре оставили нас без электричества. Мы тогда начали делать барбекю, устраивали на улице вечеринки, как и весь Белград. Когда закончилось мясо для грилей, делать было нечего. И вот мы сдались»⁴.

Сегодня у сербов есть причины не любить США и НАТО, отмечал И. Команеску. И это не только из-за 78 дней бомбежек, хотя бомбардировка была «революционной в стратегическом отношении», поскольку доказала, что в таком конфликте можно выиграть только с помощью авиации. В конце концов сербы «избавились от Милошевича» в результате свободных выборов. Югославско-натовская война 1999 г. началась по причине зверств, совершенных в Косово, и тем не менее она стала своего рода одной из завершающих стадий череды одного из самых ужасных вооруженных конфликтов

¹ Мирча I Старый (1355–1418) — господарь Валахии (1386–1395, 1396–1418).

² Румыния оставалась нейтральной в течение первых двух лет войны, присоединившись к Антанте только в августе 1916 г.

³ Политический блок Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920–1921 гг. для сохранения статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе, просуществовал до 1938 г.

⁴ Comanescu I. Op. cit.

со времен Второй мировой войны, отягощенного геноцидом, этническими чистками и другими бедствиями¹.

Что касается оценки деятельности Милошевича, сегодня в румынских источниках наряду с определениями «последний авторитарный правитель в Европе» и «националист» можно встретить иные интерпретации, в том числе указания на то, что Гаагский трибунал был пристрастным. Хотя, как полагал И. Команеску, большинство сербов согласны с тем, что Милошевич был катастрофой, но они помнят и тот факт, что другие воинственные лидеры бывших югославских республик, такие какbosнийский мусульманин Алия Изетбегович или хорват Франьо Туджман, закончили жизнь в своих постелях, и сербы воспринимают это как несправедливость со стороны международного сообщества².

Весьма болезненным историческим и политическим событием для румынского общественного сознания остается поддержка Румынией натовских бомбардировок Югославии в 1999 г., хотя страна вступила в Альянс лишь в 2004 г. Согласно решению, поддержанному парламентом, Румыния открыла авиации Альянса доступ в свое воздушное пространство. Это было истолковано большой частью общества как акт агрессии против независимого и суверенного государства, как нарушение международного права, тем более что Румыния была традиционным другом и Сербии, и Югославии.

Бухарестские студенты организовали несколько пацифистских митингов. Студенческая лига факультета теологии Бухарестского университета организовала 28 марта 1999 г. демонстрацию поддержки и сочувствия сербскому народу перед посольством Союзной республики Югославия. Студенты факультета социологии Бухарестского университета 2 апреля 1999 г. провели митинг с плакатами на английском языке: «Мир на Балканах», «Остановить войну», «НАТО, уходи с Балкан». Они скандировали: «Мы приходим с цветами, а не с бомбами и топорами», «Мы против натовских бомбардировок Югославии – независимой страны, которая должна сохранить суверенитет».

Согласно опросу социологической службы INSOMAR, когда в соседней стране вспыхнул конфликт, 71% румын не одобряли его, а 41% считали, что война плохо повлияет на отношения Румынии с Сербией³.

¹ Comanescu I. Op. cit.

² Ibid.

³ Schiopu M. Iliescu si Nastase joaca alba-neagra cu NATO // Curentul. – 2001. – 16.09. – URL: <https://www.curentul.info/politic/iliescu-si-nastase-joaca-alba-neagra-cu-nato/> (date of access: 12.12.2022).

Югославский кризис обострил и без того непростые отношения внутри политического класса Румынии. В то время как правящая либеральная коалиция поддержала военные действия США и НАТО, инициативная группа румынской интеллигенции и Союз сербов Румынии обратились в парламент с призывом принять все возможные меры для поиска мирного решения косовской проблемы.

Однозначно отрицательную позицию в отношении участия страны в военном вмешательстве НАТО в югославский кризис заняли экс-президент Илиеску и возглавляемая им ведущая оппозиционная Партия социальной демократии Румынии (ПСДР). Ограничивающаяся только безоговорочной и безусловной поддержкой позиции НАТО непродуктивно и прискорбно, говорил экс-президент. Он напоминал, что поддержка возможной независимости Косово должна с настороженностью восприниматься в Румынии в связи с проблемой трансильванского Секулского края, венгерское население которого требует автономии. «Речь идет о несоблюдении международного законодательства... Статус НАТО не позволяет ей совершать подобные действия... Вмешательство НАТО будет означать превращение этой организации в нечто иное... Мы живем в мире, где дипломатия должна преобладать над военными действиями»¹.

Илиеску напоминал в связи с этим об американских грехах на протяжении всей истории, утверждая, что интервенция в Югославию – типичная воинственная выходка сверхдержавы. Весь опыт доказывает, заявлял Илиеску, что оружием проблемы не решаются, а у США большой опыт ведения войны во Вьетнаме, а также в других местах, так что видна преемственность. Экс-президент подчеркивал, что он и его партия выступают против воинственных искушений прибегнуть к насилию. В апреле 1999 г. глава ПСДР констатировал отсутствие устойчивой вертикали власти².

Раду Тимофте, впоследствии глава Службы внешней разведки, а в то время сенатор от ПСДР и председатель Комиссии по обороне в верхней палате, в свою очередь заявлял: «То, что сейчас происходит в Косове, может быть только репетицией того, что может произойти рано или поздно с нами»³.

¹ Conflictul din Kosovo. Romania deschide spatiul aerian pentru NATO // YouTube. – 1998. – 12.10. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rS0iU42SUGc> (date of access: 12.12.2022).

² Schiopru M. Op. cit.

³ Цит. по: Comanescu I. Op. cit.

Оправдывая поддержку натовских бомбардировок, аналитики писали, что иначе Румынии не удалось бы вступить в НАТО в 2004 г. Американская администрация не доверяла Румынии, полагая, что при президенте Илиеску между Москвой и Бухарестом существовала некая негласная связь – «красная нить». Известный историк и публицист М. Опрая писал, что действовавший президент Константинеску пожертвовал своей политической карьерой, «проявил смелость», согласившись предоставить воздушное пространство страны для авиации НАТО¹.

В 2019 г. Константинеску в беседах с журналистами вспоминал, как трудно было Румынии выйти из «серой зоны» и завоевать благосклонность американцев. Он напомнил, что в 1997 г. на саммите НАТО в Мадриде США и Великобритания однозначно выступили против присоединения Румынии. Поэтому в 1999 г., когда НАТО решила вмешаться в дела Югославии, Румыния предоставила свое воздушное пространство для пролета самолетов Альянса и одновременно закрыла доступ российской авиации².

Адриан Нэстасе³ называл заявления президента Константинеску о поддержке Североатлантического союза безосновательными, полностью противоречащими практике Организации объединенных наций, серьезной дипломатической ошибкой, которая послужила не интересам Румынии, а кампании по улучшению личного имиджа главы государства. Нэстасе считал, что Константинеску мог понять: НАТО может изменить свою стратегию в любой момент, но Югославия «не забудет заявления президента дружественной страны»⁴.

¹ Oprea M. 25 de ani de vizita de consolare // Mediafax.ro. – 2022. – 28.06. – URL: <https://www.mediafax.ro/editorialistii/istoria-fara-perdea-marius-oprea-25-de-ani-de-la-o-vizita-de-consolare-americanii-nu-aveau-incredere-in-romania-care-incercase-sa-spioneze-nato-prin-firul-rosu-instalat-intre-bucuresti-si-moscova-20957993> (date of access: 12.12.2022).

² Цит. по: Fati S. Cum a intrat România în NATO : Ce sacrificiu a făcut Constanținescu în favoarea lui Iliescu // Europa liberă. România. – 2019. – 02.04. – URL: <https://romania.europalibera.org/a/cum-a-intrat-rom%C3%A2nia-nato-ce-sacrificiu-f%C4%83cut-constantinescu-%C3%AEn-favoarea-lui-iliescu/29857197.html> (date of access: 12.12.2022).

³ В 1990–1992 гг. – министр иностранных дел, в 1993–1997 – лидер Партии социальной демократии Румынии, в 2000–2004 – премьер-министр, 2004–2006 гг. – председатель палаты депутатов Румынии.

⁴ Цит. по: Schiopu M. Op. cit.

Решение в парламенте далось с большим трудом. В преддверии решающего голосования глава румынской дипломатии Андрей Плешу провел пресс-конференцию, на которой попытался опровергнуть мнение прессы о том, что власти не проводят в отношении югославской проблемы политику, желаемую румынским народом.

Смысль заявлений Плешу сводился, по сути, к оправданию действий НАТО. Принимаемые альянсом меры соответствуют, как отмечал Плешу, если не букве, то, по крайней мере, духу резолюций Совета Безопасности по Косово. Пытаясь объяснить, почему Румыния поддерживает НАТО, министр прямо заявил, что она сделала выбор в пользу интеграции в Североатлантический альянс и что любые действия требуют жертв. Вступление в НАТО, по его словам, больше отвечает национальным интересам страны, чем сохранение хороших отношений с соседней Югославией. Не исключено, что переговоры, проведенные в Белграде премьер-министром России с югославским руководством в день, когда проходили дебаты в румынском парламенте, в какой-то мере способствовали консенсусу парламентариев¹.

Константинеску позже утверждал, что в частной беседе пообещал экс-президенту Илиеску больше не баллотироваться на пост президента в обмен на то, что ПСДР воздержится от голосования о предоставлении натовским силам румынского воздушного пространства². Илиеску стремился к новому мандату, который он выиграл на выборах 2000 г., а Константинеску действительно больше не баллотировался на пост президента³.

¹ Rusia depline poziția României // Ziarul de Iasi. – 1999. – 06.04. – URL: <https://www.ziaruldeiasi.ro/national-extern/rusia-depline-pozitia-romaniei~nipvj> (date of access: 12.12.2022).

² Цит. по: *Fati S.* Op. cit.

³ Э. Константинеску представлял либеральную коалицию «Демократическая конвенция Румынии». Радикализация методов проведения структурных реформ, предпринятая командой либералов, весьма скоро стала причиной резкого падения уровня жизни, что также грозило макроэкономическим разрушением.

На выборах 2000 г. избиратели в массе своей отказались от поддержки праволиберального курса. Потерпев полное поражение, «Демократическая конвенция Румынии» распалась. За четыре месяца до президентских выборов 2000 г. Константинеску выступил перед согражданами с почти покаянной речью. Поэтому, если бы он и не давал обещание Илиеску не участвовать в президентской гонке, это не повлияло бы на исход выборов.

В конце мая 1999 г. в «Вашингтон пост» была опубликована статья «Держите Россию подальше от Дуная», подписанная Ионом Илиеску, которого в Румынии всегда считали скрытым русофилом. Статья появилась в контексте того, что Россию в составе группы G8 пригласили на переговоры по обеспечению мира в Югославии. «Завтрашняя Россия будет настроена к нам враждебно, поскольку мы продолжаем проявлять интерес к очередному раунду расширения НАТО и Евросоюза. Будучи крупнейшей страной Юго-Восточной Европы, мы предпочли бы, чтобы НАТО заключил мир с Югославией через нас, а не минуя нас. Вместо того чтобы навязывать нашему хрупкому региону враждебного соседа, почему бы не дать нам шанс и удержать российские войска подальше от Дуная?», – заключал автор¹.

В России эта статья вызвала всплеск критики и предположение, что публикация – плод измышлений американских политтехнологов, лишь подписанная Ионом Илиеску. В интервью телепрограмме Marius Tucă Show через четыре дня после публикации этой статьи Илиеску прокомментировал шум, поднявшийся вокруг статьи, замечанием, что он лишь критиковал НАТО. Политик говорил: «Война, которую ведет НАТО против Югославии, несравненно серьезнее, чем вторжение Советов в Чехословакию... Вмешательство НАТО идет вразрез с принципами уважения между государствами... Злоупотребление властью и высокомерие Америки ведет к безрассудным поступкам»².

В румынском общественном пространстве многие годы циркулировали слухи и конспирологические предположения относительно тогдашней позиции Илиеску. Он якобы все же согласился с прозападным курсом Румынии (в том числе подписал статью, опубликованную в «Вашингтон пост»), потому что в тот момент оказался в безвыходном положении из-за своих собственных действий. И не только потому, что осудил атаки НАТО на режим Милошевича, хотя

¹ Iliescu I. Keep Russia away from the Danube // Washington Post. – 1999. – 23.05. – URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1999/05/23/keep-russia-away-from-the-danube/5b07af59-8183-4a3b-b284-a22b3626a604/> (date of access: 12.12.2022).

² Despre articolul publicat în «Washington Post» // Youtobe. – 1999. – 27.05. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GQ4IBQZ1rtY> (date of access: 12.12.2022).

Румыния была кандидатом на вступление в НАТО. Скорее из-за его роли в Минериаде в 1999 г.¹

Когда на Западе поняли, что январский марш шахтеров 1999 г., как и серия шахтерских рейдов 1990 и 1991 гг., были «делом рук» Илиеску, у него якобы не осталось выбора. Столкнувшись с абсолютной убежденностью в том, что Илиеску никогда не откажется от попыток подрыва демократии, чтобы остаться у власти, Запад, согласно таким предположениям, поставил ему ультиматум². Илиеску согласился на евро-атлантический выбор Румынии, поскольку страна жизненно зависела от средств международных финансовых институтов. Но в основном потому, что Россия была не так сильна и не так охотно вкладывала деньги в восстановление страны. Он принял это еще и потому, что «в тот момент бывшие охранники из секуризате оказались более влиятельными. Им тоже не оставили выбора»³.

«Перемена лица» бывшего президента была тем более странной, отмечали комментаторы, что он, по крайней мере на декларативном уровне, был против пролета через румынское воздушное пространство авиации НАТО⁴. Однако, возможно, Илиеску хотел накануне президентских выборов избавиться от приписываемого ему образа русофila.

Отрицательная эмоциональная реакция населения в связи с военным конфликтом в Югославии, должно быть, имела также большое значение для команды Илиеску в преддверии ожидавшихся в 2000 г. президентских и парламентских выборов. Эксперты полагали, что лидеры ПСДР учитывали это обстоятельство больше, нежели просто руководствовались гуманитарными соображениями.

В конце марта ПСДР разослали коммюнике, где среди прочего указывалось, что она не на стороне Милошевича, но в эти дни «Милошевич и сербский народ едины». ПСДР охарактеризовала

¹ Минериада (от рум. «miner» – шахтер) – выступления рабочих, прежде всего шахтеров, в 1990-х годах. Есть предположение, что Илиеску имел отношение к организации этих манифестаций, используя их в своих политических целях и дестабилизируя таким образом обстановку в стране.

² Turturică D. Ultimatumul primit de Iliescu după ultima sa mineriadă, din 1999 // Turturica.ro. – 2014. – 08.05. – URL: <http://turturica.ro/ultimatumul-primit-de-iliescu-dupa-ultima-sa-mineriada-din-1999/> (date of access: 12.12.2022).

³ Ibid.

⁴ Voinea M., Delcea C. Cum i-a alungat Iliescu pe ruși de la Dunăre // Adevarul. – 2014. – 08.05. – URL: <https://adevarul.ro/stiri-externe/rusia/cum-i-a-alungat-iliescu-pe-rusi-de-la-dunare-1534407.html> (date of access: 12.12.2022).

позицию румынских сановников как «колеблющуюся, раболепную и лишенную достоинства». Илиеску добавил тогда, что «Румыния отказалась от своих принципов», таких, в частности, как равнодалленность, которая «была сильным аргументом и для вступления в Альянс». Опрос же службы Metromedia, проведенный в конце апреля 1999 г., показал, что недоверие населения к президенту Константинеску удвоилось по сравнению с месяцами, предшествовавшими югославскому конфликту (примерно с 20% до 45%)¹.

Историк и политический обозреватель М.-Д. Кирияк представил подборку комментариев на события того времени со стороны ряда видных политиков и экспертов. Так, Адриан Северин² подчеркивал, что румынам придется определить свое отношение к войне в Югославии в зависимости от того, что им кажется более важным: принадлежность к западной цивилизации как положительный эффект «евроатлантического империализма» или возможность «остаться на Востоке» в качестве цены за порядок, который обеспечивал им выживание вне имперских конфронтаций, но «на краю истории». Северин также отмечал, что такая страна, как Румыния, не может позволить себе нейтралитет, потому что это будет означать изоляцию³.

Политический обозреватель журнала Lumea Корнелиу Влад обращал внимание на возможные последствия косовского феномена, который он определил как «вредный для непосредственного соседства». Дух автономизации в качестве предлога для новых силовых действий по изменению границ «двигается в сторону другой провинции Югославии, Воеводины, и отсюда никто не может гарантировать, что он не перекинется в Трансильванию... Вот почему косовская вспышка должна быть не интернационализирована, а локализована и изолирована»⁴.

Ион Дъяконеску, председатель Национал-цэрэнистской социал-демократической партии, входившей тогда в правящую коалицию, отмечал, что страны Юго-Восточной Европы в процессе демократизации сталкиваются с проблемами, влияющими

¹ Schiopu M. Op. cit.

² Адриан Северин – один из видных представителей политической элиты. В 1996–1997 гг. был министром иностранных дел, в 1992–1996, 2000–2004 – депутатом парламента, в 2009–2014 гг. – депутатом Европарламента.

³ Цит. по: Chiriac M.-D. Percepții româneni asupra crizei din Kosovo // Buletinul Universității Naționale de Apărare «Carol I». – București, 2016. – N 4. – P. 56–62.

⁴ Цит. по: Ibid. – P. 59.

на стабильность региона, на безопасность гражданского населения, и даже с нарушением прав человека. В этом контексте вмешательство в дела других государств для защиты гуманитарных принципов и ценностей «находит свое оправдание»¹.

В связи с такими заключениями М.-Д. Кирияк писал, что ряд представителей власти пытались убедить общественное мнение в «законности» интервенции. Через средства массовой информации они настойчиво добивались утверждения идеи о том, что это не война, а всего лишь «гуманитарная интервенция»².

При наличии румынско-югославского договора, где было прописано, что договаривающиеся стороны в случае агрессии сделают недоступными для агрессора воздушное пространство или элементы инфраструктуры, признать, что это война, в которой НАТО нападает на Югославию, означало признать нарушение положений договора со стороны Румынии. Именно этого пытались избежать лица, принимающие политические решения, справедливо отмечал М.-Д. Кирияк.

И все же в целом румынское общество воспринимало бомбардировки как вмешательство НАТО в Югославию, как акт агрессии против независимого и суверенного государства, как нарушение международного права.

Сегодняшние румынские комментаторы стараются выделить положительную роль Румынии в тех событиях, указывая на ее стремление урегулировать ситуацию всеми доступными тогда способами.

Румынское посольство, имея очень хорошие связи в Белграде, отмечал И. Команеску, поддерживало отношения с лидерами оппозиции, такими как Воислав Коштуница (последний президент Югославии в 2000–2003 гг., премьер-министр Сербии в 2004–2008 гг.) и Зоран Джиндич (премьер-министр Сербии в 2001–2003 гг.), или с легендарным оппозиционным радио B92³.

¹ Цит. по: *Chiriac M.-D. Percepții românesti asupra crizei din Kosovo // Buletinul Universității Naționale de Apărare «Carol I».* – București, 2016. – N 4. – P. 59.

² Ibid. – P. 60.

³ B92 – сербская телерадиокомпания с штаб-квартирой в Белграде. Была основана в 1989 г. как небольшая радиостанция, в 2000 г. запустила радио- и телевещание по всей стране. Третье по популярности СМИ среди молодого городского населения. В 1990-е годы много раз награждалась премиями MTV за журналистику и борьбу за права человека во время войны в Югославии.

Милошевич несколько раз запрещал радио B92, но каждый раз оно возвращалось в эфир с помощью различных внутренних или внешних партнеров. Помимо прочего, B92 также стало пионером онлайн-вещания, которое ему пришлось внедрить в 1996 г. из-за цензуры. Милошевич, вероятно, не проиграл бы выборы 2000 г., если бы B92 не организовало рок-концерты, призывающие молодежь голосовать против него, предполагал И. Команеску¹.

То, как вмешивалась Румыния в дела Югославии через Министерство иностранных дел, возглавлявшееся Андреем Плешу (с участием директора департамента Михни Константинеску), «находится в рамках государственной тайны и может быть реконструировано лишь частично и приблизительно. Но это выглядит совсем не подобострастным, пассивным размещением в трейлере НАТО»².

Среди прочего была распространена неофициальная информация о радиовещательной антенне, установленной в горах ущелья Семеник (Карпаты, Банат) и предложенной для радио B92 Румынией в последние годы режима Милошевича. Кармен Подгорян, в то время близкая сотрудница Михни Константинеску в Министерстве иностранных дел, поясняла в связи с этой акцией, что нашла неправительственную организацию, готовую взяться за доставку передатчика в Румынию. Она искала разные, более легальные, более официальные способы и не нашла их. Оказалось, что кто-то должен был импортировать этот передатчик, и ей удалось это организовать. «Здесь было много компонентов конфиденциальной или дажетайной дипломатии. Не в том смысле, как в шпионских книгах, ибо обо всем говорилось по телефону»³.

Подгорян рассказывала также о круглом столе, организованном на территории Румынии при поддержке Фонда Сороса и некоторых известных неправительственных медиа. «В зале, вероятно, предназначенном для свадеб, расположенным между городом и аэропортом», свободно обсуждались различные вопросы собравшимися там сербскими оппозиционными политиками. Среди присутствовавших были Миролюб Лабус, ставший вице-премьером в правительстве В. Коштуницы (2004–2006), и «дама с высоким положением» в иерархии Госдепартамента США. «Создав при американской поддержке платформу для свободы слова и прав человека в целом,

¹ Comanescu L. Op. cit.

² Ibid.

³ Ibid.

Румыния способствовала сплочению антимилошевичевской оппозиции», делает вывод И. Команеску¹.

О неоднозначной роли Румынии в период натовских бомбардировок свидетельствует также акция, которая помогла спасти гражданские самолеты Югославии. В ночь с 24 на 25 марта 1999 г. в результате первой из натовских бомбардировок поврежденный югославский истребитель МиГ-29 приземлился на гражданском аэродроме в Сурчине, недалеко от Белграда, где дислоцировался гражданский флот. Истребитель был спрятан под гражданскими судами JAT (*Jugoslovenski Aerotransport*) и прикрыт большими и высокими крыльями авиалайнеров.

Несколько сотрудников JAT начали отчаянно искать аэропорт в нейтральной стране, куда можно было бы отправить гражданский флот. В конце концов через канадского посредника они связались с румынским министром, имя которого не разглашается. Горан Крльен, директор JAT в 2003 г., сообщал, что получил электронное письмо, «заговорщически отправленное из Бухареста», в котором говорилось, что JAT может рассчитывать на аэропорт Бухареста. 10 апреля НАТО распространяет в СМИ спутниковую запись, на которой под авиалайнерами отчетливо видно крыло МиГа. Таким образом, обнаружение этого объекта превращало аэропорт Сурчин в «законную военную цель».

Тем временем JAT координировал свои действия с противовоздушной обороной Югославии, и наконец 24 апреля гражданские лайнеры взлетели, направившись в Румынию. Конвой без проблем покинул Сербию, вошел в Банат, а затем приземлился в Бухаресте. Румынская сторона, безусловно, дала удовлетворительные объяснения руководству НАТО, потому что на следующий день последовала вторая колонна авиалайнеров, в результате чего общее количество самолетов JAT в Бухаресте достигло 17-ти.

Все это происходило при молчаливом согласии Министерства обороны. НАТО, частью которого Румыния не была, согласился (или, по крайней мере, устранился от ситуации), о чем свидетельствовала вторая колонна «Боингов». И. Команеску, пересказывая этот эпизод, позже ставший достоянием общественности, делал вывод, что позицию Румынии в период бомбардировок «можно охарактеризовать как угодно, только не как безоговорочную поддержку НАТО»².

¹ Comanescu L. Op. cit.

² Ibid.

Накануне бомбардировок, 24 марта, М.Р. Унгуряну (в тот момент статс-секретарь МИД Румынии) и А. Папандреу (тогда министр иностранных дел Греции) встречались с Милошевичем и министром иностранных дел Югославии Ж. Йовановичем, пытаясь убедить их вывести войска из Косово. Встречу курировали США и НАТО, и это была последняя попытка принудить Милошевича отказаться от своих планов в Косово.

Через день после начала бомбардировок министр иностранных дел Румынии Плешу организовал пресс-конференцию, на которой заявил, что поддержка бомбардировок была оптимальным политическим решением, румынские представители пытались доступными средствами внести свой вклад в разрешение ситуации: состоялись встречи с министром иностранных дел Югославии, телефонные разговоры, обмен письмами. «Мы сожалеем вместе со всеми о военном эпизоде, хотя признаем, что он стал неизбежным из-за неэффективности переговоров»¹.

* * *

Румынскому политическому классу и обществу в целом, как следует из опубликованных материалов, ни в 1990-е годы, ни сегодня не безразлична ситуация в регионе Западных Балкан, тем более что многие внутренние проблемы новых государств близки самой Румынии. В первую очередь речь идет о проблемах национальных меньшинств. Румыния также всегда была озабочена столкновением интересов сверхдержав на Балканах и, соответственно, внешнеполитическими позициями расположенных там стран. В особенности это касается российского влияния. Незавершенность конфликта, полагают в Румынии, дает много преимуществ России, у которой есть аргументы, чтобы объяснить, почему она всегда бдительно следит за ситуацией и поддерживает своих сербских братьев: она ощущает угрозу и чувствует, что существует асимметрия влияния. Тем временем США и НАТО получают выгоду от военной базы в Косово. «Пока все больше акторов получают выгоду от этой нестабильности, поэтому она будет сохраняться»².

¹ Comanescu L. Op. cit.

² Ungureanu L., Ţerban A. Op. cit.

Хотя все, что происходит на постъюгославском пространстве, является в Румынии предметом общего информационного поля, далеко не все позиции и события анализируются в публичном пространстве и отражаются в официальных политических документах. СМИ зачастую выбирают нейтральное повествование со ссылками на западные источники. Следуя традиционной осторожности в сфере внешней политики, румынские источники пытаются донести, таким образом, свое отношение через передачу оценок со стороны «третьих лиц», в качестве которых сегодня выступают Вашингтон и Брюссель.

Литература

Калоева Е.Б. Власть и гражданское общество на Западных Балканах, их роль во внешней политике глазами балканских и зарубежных исследователей // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 2. – С. 68–86. DOI: 10.31249/ape/2022.02.04

Chiriac M.-D. Percepții românesti asupra crizei din Kosovo // Buletinul Universității Naționale de Apărare «Carol I». – București, 2016. – N 4. – P. 56–62.

Comanescu I. Iugoslavia și diplomația românească sub bombe // Contributors.ro. – 2019. – 17.12. – URL: <https://www.contributors.ro/iugoslavia-%C8%99i-diploma%C8%9Bia-romaneasca-sub-bombe/> (date of access: 16.12.2022).

Diaconescu M. Scandalul care a «încăierat» România cu Serbia și Germania : Vlahii din Timoc sunt români autentici! De ce neagă Serbia? // Historia. – 2019. – URL: <https://historia.ro/sectiune/general/scandalul-care-a-incaierat-romania-cu-serbia-si-579147.html> (date of access: 12.12.2022).

Fati S. Cum a intrat România în NATO : Ce sacrificiu a făcut Constantinescu în favoarea lui Iliescu // Europa liberă. România. – 2019. – 02.04. – URL: <https://romania.europalibera.org/a/cum-a-intrat-rom%C3%A2nia-nato-ce-sacrificiu-f%C4%83cut-constantinescu-%C3%AEn-favoarea-lui-iliescu/29857197.html> (date of access: 12.12.2022).

Iliescu I. Keep Russia away from the Danube // Washington Post. – 1999. – 23.04. – URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1999/05/23/keep-russia-away-from-the-danube/5b07af59-8183-4a3b-b284-a22b3626a604/> (date of access: 12.12.2022).

Program de guvernare 2021–2024. Coaliția pentru reziliență, dezvoltare și prosperitate. Partidul Național Liberal, Partidul Social Democrat, Uniunea Democrată Maghiară din România. – URL: https://gov.ro/fisiere/programe_fisiere/Program_de_Guvernare_2021%E2%80%942024.pdf (date of access: 12.12.2022).

Teodorescu S. Macedonia de Nord – stat mic cu mari ambiții pro vest-europene // Monitorul Apărării și Securității. – 2020. – 31.03. – URL: <https://monitorulapararii.ro/macedonia-de-nord-stat-mic-cu-mari-ambitii-pro-vest-europene-1-30224> (date of access: 12.12.2022).

Ungureanu L., Șerban A. Cât de mare este riscul reizbucnirii unui război în Balcani. Expert : Serbia joacă la două capete, iar Rusia se folosește de Kosovo și Bosnia pentru a diviza UE : interviu cu Miruna Troncotă // Libertatea. – 2022. – 08.09. – URL: <https://www.libertatea.ro/stiri/interviu-cat-de-mare-este-riscul-reizbucnirii-unui-razboi-in-balcani-expert-serbia-joaca-la-doua-capete-iar-rusia-se-foloseste-de-kosovo-si-bosnia-a-pentru-a-diviza-ue-4234933> (date of access: 12.12.2022).

Глава 12. ВЗГЛЯД ИЗ МИНСКА: БЕЛОРУССКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД РАСПАДА СФРЮ И КОСОВСКОГО КОНФЛИКТА¹

В отечественной и зарубежной литературе практически отсутствуют сюжеты, связанные с белорусско-югославскими или белорусско-сербскими отношениями. Это связано с тем, что отношения между Минском и Белградом были установлены только в 1994 г. Таким образом, начальная фаза распада СФРЮ и начало войны на постюгославском пространстве остались практически незамеченными белорусским обществом и государством. Между тем интерес вызывает процесс посткоммунистического развития обоих славянских государств, ранее входивших в крупные федеративные многонациональные социалистические государства. Важным элементом трансформационного развития является и формирование внешней политики, которая включала в себя оформление двусторонних отношений, типологию определения их места на, соответственно, постсоветском и постюгославском пространстве, а также выстраивание отношений с соседями по Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе и отношений с европейскими и евроатлантическими структурами.

В первой половине 1990-х годов экономика Беларуси переживала кризис, импорт превышал экспорт, снижение внутреннего валового продукта в 1991 г. составило 1,2%, в 1992 – 9,6, в 1993 г. – 10,6%, инфляция в 1992 г. составила 969%². После распада Югославии большинство промышленных предприятий оказались в Словении и Хорватии. С 1992 до 1995 г. ООН были введены санкции в отношении СРЮ, которые нанесли серьезный урон экономике страны, исключив ее из мировых интеграционных процессов. Белорусско-югославские экономические отношения активизировались во второй половине 1990-х годов. Дипломатические отношения между РБ и СРЮ были установлены в 1994 г.

¹ Дырина Анна Федоровна – научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; annad0904@yandex.ru.

² Малашук П.В. Белорусско-югославские экономические взаимосвязи в 1990-е гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2004. – № 4. – С. 44.

Как писал в 2015 г. российский историк С.А. Романенко, первый этап распада Югославии, начавшийся в 1991–1992 гг., связан с войнами в Словении (1991), Хорватии (1991–1995) и Боснии и Герцеговине – БиГ (1992–1995). Он завершился обретением независимости этими государствами, к этому же периоду относится мирный выход из состава СФРЮ Македонии в 1991 г. Следующий период распада – выход Черногории из Югославии в 2006 г. через референдум. Рубеж 1980–1990-х годов – время распада Ялтинско-Потсдамской системы и трех многонациональных социалистических федераций – СССР, СФРЮ и ЧССР. Период развития постъюгославского пространства с 1995 до 2014 г. исследователь разделил на три этапа. Первый (1995–1999) – примирение в результате Эрдутского и Дейтонско-Парижского соглашений (ноябрь–декабрь 1995 г.), положивших конец войне в Хорватии и в Боснии и Герцеговине, к этому периоду также относятся завершение кризиса в Косово, операция НАТО, резолюция СБ ООН № 1244, саммит в Сараево. Второй этап – период стабилизации 2000–2008 гг., начавшийся со смены власти в Хорватии и Сербии. Третий период – с 2008 г. по настоящее время – нормализация межгосударственных и межэтнических отношений, преодоление последствий конфликтов 1990-х годов, стремление государств Западных Балкан в европейские и евро-атлантические структуры (ЕС и НАТО)¹.

По мнению белорусского автора Ю.Э. Демьянович, на рубеже 1980–1990-х годов, Югославия представляла собой слабое государство, которому было сложно противостоять как внутренним, так и внешним угрозам по следующим причинам: ослабление централизации власти и расширение полномочий субъектов федерации вследствие изменения конституции; этнорелигиозные противоречия; экономический кризис, неравномерное экономическое развитие республик. Распад СССР изменил роль Югославии на мировой арене, подтолкнув страну к распаду. Страна являлась буферной зоной между двумя полюсами силы, и когда мир стал однополярным, Югославия потеряла свою geopolитическую значимость².

¹ Романенко С.А. Постъюгославское пространство 1992–2014 гг.: проблемы национального самоопределения и непризнанных государств // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2015. – № 1. – С. 154–156.

² Демьянович Ю.Э. Этнорелигиозные противоречия в Югославии: исторический и современный контекст // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. – Минск, 2018. – Вып. 6. – С. 64–66.

Намерения двух стран развивать взаимодействие в культурной сфере были отмечены в Договоре о дружбе и сотрудничестве, а также в Соглашении о сотрудничестве в области образования, культуры, спорта и туризма. В Югославии была издана «Антология белорусской поэзии», составленная белорусским славистом И. Чаротой (1993). Союз писателей Беларуси заключил договор и протокол о сотрудничестве с писательской организацией Сербии (1995). Следует отметить постоянное участие югославских артистов в международном фестивале «Славянский базар», который проходил в Витебске с 1992 г.¹

Как отмечает белорусский исследователь П.В. Малащук, до избрания первого Президента РБ официальный Минск не формулировал четкую позицию в отношении Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ), которая координировала действия по выходу из югославского кризиса. Белорусский исследователь выделяет два этапа в политике Беларуси в югославском кризисе: 1) отсутствие четкой позиции (1991–1994); 2) конструктивная позиция белорусского руководства на международной арене за мирное урегулирование ситуации на территории бывшей СФРЮ (1994–1998)².

После прихода к власти в 1994 г. А. Лукашенко взял курс на развитие сотрудничества с СРЮ и другими балканскими государствами. Важным событием для двух стран стал визит президента РБ в Белград в 1999 г. во время бомбардировок Альянса (А. Лукашенко был единственным главой государства, посетившим СРЮ в этот тяжелый период). РБ предоставляла сербам гуманитарную помощь. Также до начала бомбардировок НАТО тогдашнему президенту СРЮ С. Милошевичу была предложена помочь в виде поставок зенитно-ракетных систем С-300 и боевых самолетов, от которой сербская сторона отказалась³.

¹ Малащук П.В. Ценностные доминанты белорусско-югославских (сербско-черногорских) культурных взаимосвязей в 1991–2006 годах // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. – Новополоцк : ПГУ, 2014. – № 1. – С. 120.

² Малащук П.В. Белорусско-югославское сотрудничество на международной арене // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 103–104.

³ Шанишева Л.Н. Балканский вектор внешней политики Республики Беларусь (конец XX – начало XXI в.) // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 256–257.

В январе 1995 г. группа депутатов Верховного Совета РБ (Е. Бочаров, В. Павлов) и Федерального собрания России посетила СРЮ по приглашению президента Республики Сербской Р. Караджича. По окончании визита белорусские депутаты направили президенту РБ свое заключение и выводы относительно ситуации на Балканах: по их мнению, все санкции ООН должны быть сняты с СРЮ; они предлагали активизировать усилия РБ в Совете Безопасности ООН по их отмене; также они пришли к выводу о преждевременности признания со стороны международного сообщества независимости Боснии и Герцеговины. Оценивая деятельность белорусского внешнеполитического ведомства, депутаты Верховного Совета Беларуси считали, что «белорусская дипломатия не смогла себя проявить в урегулировании кризиса на Балканах»¹.

В итоге Дейтонский процесс был завершен (совсем не так, как виделось белорусским депутатам), подписаны соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, карты территориального размежевания. 14 декабря 1995 г. в Париже был подписан мирный договор. Белорусский историк М. Довгялло считает, что «для сербов Дейтонские соглашения означают то же самое, что Брестский мир для русских и Версаль – для немцев. Ситуация эта осознается как геополитическое и национальное поражение. Лишения, которые Югославия терпела все четыре года экономических санкций, оказались напрасными»². Одним из главных аргументов С. Милошевича в подписании этого договора было снятие экономических санкций с СРЮ. Босния и Герцеговина стала независимым государством.

Беларусь выступала против введения санкций в отношении Югославии и против натовских бомбардировок. Заявление президента РБ А. Лукашенко от 24 марта 1999 г. в связи с натовскими бомбардировками было размещено на первых страницах всех центральных югославских газет и передавалось по всем каналам национального телевидения СРЮ. Белорусский президент назвал актом агрессии применение военной силы против СРЮ и ввод на ее территорию иностранных вооруженных формирований, настаивая на соблюдении суверенитета и территориальной целостности Югославии, призывая к созыву экстренного заседания СБ ООН и

¹ Малащук П.В. Белорусско-югославское сотрудничество на международной арене. – С. 104.

² Там же. – С. 104. Также см.: Петрович-Белкин О.К. Беларусь и НАТО в 1990-х гг.: история отношений, основные проблемы и тенденции развития // Вестник РУДН, серия Международные отношения. – 2011. – № 1. – С. 65–66.

осуждению применения военной силы в отношении суверенного государства¹.

В 1999 г. в газете «Советская Белоруссия» вышла статья с громким названием «Политическая инициатива А. Лукашенко дает шанс миру», где говорилось о возможной угрозе третьей мировой войны; в такой непростой ситуации «кто-то должен был взять на себя бремя ответственности, а самое главное – предложить противоборствующим сторонам нечто по-настоящему реалистичное и серьезное. Этим политиком стал Президент Александр Лукашенко»². Во время этого визита С. Милошевичу поступило предложение (от белорусского президента) о присоединении Югославии к Союзу России и Беларуси, которое президент СРЮ ждал и ответил положительно. При этом А. Лукашенко подчеркнул, что «переговоры с Милошевичем позволяют ему сделать вывод, что югославское руководство не пытается втянуть в войну Беларусь и Россию»³. В 2019 г. в этой же газете (с 2018 г. называется «СБ. Беларусь сегодня») вышла статья с воспоминаниями об этих событиях 20-летней давности, в заключении которой говорилось о неизменности белорусско-сербской дружбы: «Тот визит белорусского Президента навсегда остался в умах и сердцах сербов как пример настоящей дружбы»⁴.

Также в 2019 г. на белорусском телеканале «Столичное телевидение» (СТВ) вышел документальный фильм «Мирные люди» Игоря Позняка, где отдельный сюжет посвящен югославскому кризису и визиту А. Лукашенко в Белград в апреле 1999 г. Белорусский президент в интервью журналистам сразу обозначил цель своего визита – «это обязательное мирное урегулирование этой проблемы». Никола Шаинович, вице-президент Социалистической партии Сербии, так вспоминает эти события: «Я в этот день был рядом с вашим Президентом. Это невероятно, но он не побоялся даже пойти в те места, которые бомбили несколько раз. И никто не мог гарантировать, что это не повторится вновь. Мы сказали об этом Президенту Лукашенко, но он ответил, что приехал сюда не для того, чтобы сидеть в бомбоубежище. После встречи с Милошевичем он

¹ Малащук П.В. Белорусско-югославское сотрудничество на международной арене. – С. 107.

² Политическая инициатива А. Лукашенко дает шанс миру // Советская Белоруссия. – 1999. – 15.04.

³ Там же.

⁴ Романова Н. В апреле 1999 года Александр Лукашенко посетил Белград в разгар натовских бомбардировок // СБ. Беларусь сегодня. – 2019. – 26.03.

отправился в город, чтобы пообщаться с простыми людьми, узнать все из первых уст»¹.

Югославская трагедия послужила толчком для возрождения панславистских идей в патриотически настроенных кругах государств Восточной Европы, где титульными нациями выступают славяне, непосредственную роль в этом сыграла Беларусь. По результатам VII Всеславянского съезда (июнь 1998 г.) был создан Международный славянский комитет (МСК), оргкомитет по созданию Славянского парламентского союза, белорусской газете «Славянский набат» был присвоен статус печатного органа МСК, А. Лукашенко был избран почетным председателем МСК. В этот период начинает активно обсуждаться идея о троичном союзе Беларуси, России и Югославии. 12 апреля 1999 г. югославским парламентом было одобрено присоединение СФЮ к РБ и РФ. 16 апреля 1999 г. Государственная дума РФ приняла Постановление «О присоединении СРЮ к Союзу Беларуси и России», аналогичное постановление было принято 5 мая 1999 г. Палатой представителей Национального собрания РБ².

Первый президент России Б.Н. Ельцин дал следующую характеристику президенту СРЮ: «В отношениях с Россией его главной ставкой были взрыв недовольства россиян моей внешней политикой, раскол в обществе, подталкивание нас к политической и военной конфронтации с Западом», а также подчеркнул, что «если же война продлится дольше чем месяц-два, Россия неминуемо будет втянута в конфликт. Грядет новая холодная война. Внутриполитическая стабильность у нас в стране после начала бомбардировок стала серьезнейшим образом зависеть от ситуации на Балканах. Коммунисты и националисты пытались использовать балканскую карту, чтобы разрушить баланс политических сил в нашем обществе»³.

Посол Беларуси в Сербии Валерий Брылев в 2019 г. отметил, что до 1999 г. белорусско-сербские отношения переживали подъем

¹ Документальный фильм «Мирные люди» Игоря Позняка // СТВ. – 2019. – URL: <https://ctv.by/mirnye-lyudi-film-igorya-poznyaka-0> (дата обращения: 14.01.2023).

² Малащук П.В. Белорусско-югославское сотрудничество на международной арене. – С. 108–109.

³ Цит. по: Романенко С.А. «Сэр, ради вас я не собираюсь начинать третью мировую войну» : политики и генералы в «Косовской битве» 1999 г. // Европейские сравнительно-исторические исследования. – Москва : Наука, 2006. – Вып. 2 : География и политика. – С. 267–268.

(совместные проекты, налаживание связей между предпринимателями, развитие торговли и т.д.). Визит А. Лукашенко в Сербию в апреле 1999 г. стал «важнейшим политическим событием и моральной поддержкой для сербов», при этом Альянс не гарантировал президенту РБ безопасность. Данный поступок остался в памяти сербов, благодарных за такую поддержку. 2001–2012 гг. посол характеризовал спадом сотрудничества в белорусско-сербских отношениях, далее последовал период наращивания взаимосвязей, визитов на высшем уровне, что В. Брылев связывает со сменой власти в Сербии, изменением внешнеполитического курса, который стал направлен на сотрудничество не только с Западом, но и с восточными партнерами¹. Посол Сербии в Беларусь Велько Ковачевич 25 февраля 2020 г. подтвердил разнонаправленность внешней политики сербского государства: «...Сербия является кандидатом на вступление в Европейский союз и наряду с этим успешно сотрудничает с такими традиционными партнерами, как Беларусь, Россия и Китай»².

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что политика Беларуси в отношении СРЮ была достаточно последовательной. Первый этап распада СФРЮ прошел вне белорусской политики. Именно А. Лукашенко, прия к власти в 1994 г., в своем внешнеполитическом курсе стал развивать сотрудничество с СРЮ и другими балканскими странами. Белорусская сторона всегда поддерживала идею сохранения Югославии в прежних границах, насколько это возможно.

Во время Дейтонского процесса делегация белорусских депутатов, посетив в 1995 г. Республику Сербскую, пришла к выводу о преждевременности признания независимости БиГ. Далее следует отметить, что белорусское руководство не признало

¹ Цит. по: Матиевский М. Беларусь и Сербия. Почему развитие политических отношений опережает экономическое сотрудничество // БЕЛТА. – 2019. – 02.12. – URL: <https://www.belita.by/politics/view/mezhdu-belarusjju-i-serbiej-rastet-interes-k-razvitiyu-sotrudnichestva-brylev-371309-2019/> (дата обращения: 14.01.2023).

² Цит. по: Отношения Беларуси и Сербии характеризуются взаимным уважением и доверием – Ковачевич // БЕЛТА. – 2020. – 26.02. – URL: <https://www.belita.by/politics/view/otnoshenija-belarusi-i-serbii-harakterizujutsja-vzaimnym-uvazheniem-i-doveriem-kovachevich-381040-2020/> (дата обращения: 14.01.2023).

независимость Косово (Косовы) (позиция до сих пор не изменилась). Визит А. Лукашенко в Белград в апреле 1999 г. стал знаковым и обсуждаемым событием. Белорусский президент был единственным политиком такого уровня, т.е. единственным главой государства, который приехал в Белград во время войны и бомбардировок. Нельзя назвать данный визит просто красивым жестом, для сербов это была огромная моральная и реальная поддержка. А. Лукашенко также предлагал С. Милошевичу военную помощь, от которой президент СРЮ отказался. Беларусь выступала против экономических санкций в отношении Югославии (действовали с 1992 до 1995 г.) и против бомбардировок НАТО, за сохранение территориальной целостности Югославии.

Состояние белорусско-югославских отношений во многом зависело от политических сил, находящихся у власти в этих двух государствах. А. Лукашенко всегда был открыт к диалогу и сотрудничеству с СРЮ, это соответствовало политике многовекторности Беларуси, однако политика многовекторности формируется во внешнеполитическом курсе Беларуси в начале 2000-х годов. Но и до этого периода белорусский президент также испытывал особую симпатию к СРЮ и всячески старался поддержать страну и ее руководство. До 2000-х годов политика Беларуси во многом ориентировалась на Россию, в Югославии белорусский президент видел такую же братскую страну, как Россия, близкую ей по духу. В СРЮ в 1990-е годы власть положительно воспринимала сотрудничество с Беларусью, затем последовал период спада в отношениях, восточное направление стало неактуальным в политике СРЮ. В 2006 г. Государственный союз Сербии и Черногории, в 2003 г. сменивший СРЮ, прекратила свое существование, Сербия и Черногория стали отдельными независимыми государствами. В 2012 г. в Сербии сменился внешнеполитический курс, с этого времени страна стала активно развивать сотрудничество как с западными, так и с восточными партнерами.

Литература

Демьянович Ю.Э. Этнорелигиозные противоречия в Югославии: исторический и современный контекст // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. – Минск, 2018. – Вып. 6. – С. 55–71.

Малащук П.В. Белорусско-югославские экономические взаимосвязи в 1990-е гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2004. – № 4. – С. 43–47.

Малашук П.В. Белорусско-югославское сотрудничество на международной арене // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки. – Новополоцк : ПГУ, 2012. – № 1. – С. 102–111.

Малашук П.В. Ценостные доминанты белорусско-югославских (сербско-черногорских) культурных взаимосвязей в 1991–2006 годах // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. – Новополоцк : ПГУ, 2014. – № 1. – С. 119–124.

Петрович-Белкин О.К. Беларусь и НАТО в 1990-х гг.: история отношений, основные проблемы и тенденции развития // Вестник РУДН, серия Международные отношения. – 2011. – № 1. – С. 60–67.

Романенко С.А. «Сэр, ради вас я не собираюсь начинать третью мировую войну» : политики и генералы в «Косовской битве» 1999 г. // Европейские сравнительно-исторические исследования. – Москва : Наука, 2006. – Вып. 2 : География и политика. – С. 263–289.

Романенко С.А. Постъюгославское пространство 1992–2014 гг. : проблемы национального самоопределения и непризнанных государств // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2015. – № 1. – С. 154–171.

Шаничева Л.Н. Балканский вектор внешней политики Республики Беларусь (конец XX – начало XXI в.) // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 253–268.

РАЗДЕЛ IV. СОБЫТИЯ В СФРЮ И ЗАПАДНЫЙ МИР

Глава 13. ВЗГЛЯД ИЗ ВЕНЫ: «ЗАБЫТЫЙ» ИГРОК. ПОЛИТИКА АВСТРИИ НА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ в 1990–2022 гг.¹

Балканы начинаются в Реннвеге².
К. фон Меттерних, канцлер Австрии

Уроки географии для Вены

«Появление Китая в качестве крупного игрока на Западных Балканах является одним из наиболее значительных геополитических событий в Европе за последнее десятилетие»³. «Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган во вторник прибыл в Боснию и Герцеговину в рамках своего трехдневного балканского турне с целью укрепления региональных связей»⁴. «Шольц призвал включить все

¹ *Белинский Андрей Викторович* – канд. полит. наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; belinskii_andrei@mail.ru.

² Одна из центральных улиц Вены, расположенная в третьем районе австрийской столицы.

³ Shopov V. Mapping China's rise in the Western Balkans // European Council on Foreign Relations. – 2022. – March. – URL: <https://ecfr.eu/special/china-balkans/> (date of access: 20.12.2022).

⁴ Guldogan D. Turkish President Erdogan arrives in Bosnia and Herzegovina for talks // Anadolu Agency. – 2022. – 06.09. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkish-president-erdogan-arrives-in-bosnia-and-herzegovina-for-talks/2678006> (date of access: 20.12.2022).

страны Западных Балкан в Евросоюз»¹. Именно такими заголовками пестрели страницы ведущих зарубежных и отечественных таблоидов в последнее время.

Кажется, колесо истории, плавно совершив полный оборот, вернулось в XIX столетие, когда великие державы вели ожесточенную борьбу на Балканском полуострове. Одни (Османская империя) – за сохранение статус-кво, добытого в результате кровопролитных войн и походов, другие (Австрия, Россия) – за расширение своих сфер влияния. Но и сегодня регион, в котором до сих пор тлеют угли межнациональных конфликтов (Косово, Босния и Герцеговина), вновь становится ареной противостояния ведущих игроков мировой политики – ЕС, Китая, Соединенных Штатов, ФРГ, Турции, России.

В последнее время нет недостатка в научных изысканиях, посвященных теме взаимоотношений между великими державами на постъюгославском пространстве. Ежегодно издаются десятки монографий, сотни статей и проводится множество конференций. Вместе с тем приходится констатировать, что на виртуальной карте балканских исследований есть немало «белых пятен», еще ждущих своих первооткрывателей. Одной из таких малоизученных тем является роль малых стран – соседей, которые, оставаясь в тени «голиафов» мировой политики, тем не менее оказывают существенное влияние на внутри- и внешнеполитические процессы в регионе.

В первую очередь речь идет об Австрии, которая, несмотря на утрату после Первой мировой войны статуса великой державы, по-прежнему является важным, пусть и несколько «забытым» игроком в балканском политическом «покере». Какими же факторами определяется влияние в этом регионе небольшой страны, казалось бы, давно распрошавшейся со своими обширными территориями, дредноутами, крепостями и отдавшей право вершить Историю другим?

Фундамент этого влияния, как бы парадоксально на первый взгляд это ни звучало, составляют отнюдь не политика и экономика, а история, которая досталась по наследству современной Австрии от двуединой монархии. Балканский вектор внешней политики Габсбургов стал формироваться во второй половине XVI в., когда занятые перекраиванием карты Старого Света европейские державы столкнулись с новым грозным противником – стремительно

¹ Шольц призвал включить все страны Западных Балкан в Евросоюз / РИА Новости. – 2022. – 04.05. – URL: <https://ria.ru/20220504/evrosoyuz-1786846341.html> (дата обращения: 20.12.2022).

набирающей силу Османской империей. В этот период основной целью Вены стало отодвинуть свои границы на юго-восток, активно используя население Балканского полуострова в борьбе против могущественной Османской империи¹. Позже, уже в XIX столетии, внешняя политика Австрии на Балканах была подчинена цели не допустить возникновения сильного югославянского государства, которое могло стать «дурным» примером для славянских подданных монархии Габсбургов. Именно противостояние с Сербией на Балканах стало одной из причин начала Первой мировой войны. Впоследствии, будучи включенной в ходе аншлюса 1938 г. в состав Германии, Австрия принимала участие в агрессии против Югославии весной 1941 г. После окончания Второй мировой войны отношения между Австрией и Югославией стали налаживаться, чему способствовали политика нейтралитета², а также тесные, взаимовыгодные торговые связи между двумя государствами.

Таким образом, близкие взаимоотношения между Австрией и народами Балканского полуострова, складывавшиеся на протяжении нескольких веков, впоследствии привели, с одной стороны, к установлению венской дипломатией достаточно доверительных отношений с рядом государств региона³, а с другой – к тому, что альпийская республика превратилась в главного специалиста по Балканам в ЕС⁴.

Этот неофициальный статус подкреплялся наличием у Вены целой когорты опытных дипломатов, каждый из которых внес большой вклад в политическую стабилизацию региона, считавшегося «пороховым погребом» Европы.

¹ Именно в XVI–XVII вв. появляются граничары – набранные из сербов и хорватов пограничники, охранявшие границу Австрийской империи.

² В 1955 г. Австрия официально объявила о своем нейтралитете, в то время как Югославия стала одним из лидеров движения неприсоединения.

³ Безусловно, отношения между Австрией и западнобалканскими государствами носят подчас неоднозначный характер, что во многом определяется как историческим опытом, так и политической конъюнктурой. Если политика Вены позитивно воспринимается в Албании, Хорватии, отчасти Боснии и Герцеговине (в первую очередь боснийскими мусульманами), то гораздо сложнее складывается диалог между Веной и Белградом, в чем мы еще успеем убедиться.

⁴ К этому надо присовокупить наличие в Австрии большой югославянской общины (сербы, хорваты, боснийцы), которая по приблизительным оценкам насчитывает около 650 тыс. человек.

Таблица 1

Известные австрийские дипломаты и государственные деятели, принимавшие активное участие в урегулировании политической ситуации на Западных Балканах¹

Представители МИД Австрии, принимавшие участие в урегулировании ситуации на территории бывшей Югославии	Должность	Вклад
Алоиз Мок (1934–2017)	Министр иностранных дел Австрии (1987–1995)	Признание независимости Хорватии и Словении в 1992 г.
Альберт Роган (1936–2019)	Генеральный секретарь МИД Австрии (1996–2001), заместитель Специального посланника Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по Процессу определения будущего статуса Косово (2005)	Участие в разработке плана Ахтисаари, признание независимости Косово в 2008 г.
Эрхард Бузек (1941–2022)	Вице-канцлер Австрии (1991–1995)	Проект вступления западнобалканских государств в ЕС (2000-е годы)
Валентин Инцко	Верховный представитель ЕС по Боснии и Герцеговине (2009–2021)	Нормализация ситуации внутри Боснии и Герцеговины. Налаживание отношений между ЕС и БиГ

¹ Этот список является далеко не полным и охватывает только наиболее известных представителей МИД и политического истеблишмента.

Вольфганг Петрич	Посол Австрии в Сербии, Верховный представитель ЕС по Боснии и Герцеговине (1999–2002)	В 1999 г. являлся представителем ЕС в Рамбуйе на переговорах по вопросу о статусе Косово
Герхард Яндль	Посол Австрии в Боснии и Герцеговине (2000–2005), Сербии (2005–2008)	Выстраивание отношений с новыми государствами на постюгославском пространстве (2000–2008)
Себастиан Курц	Министр иностранных дел Австрии (2013–2017). Канцлер Австрии (2017–2021)	Один из авторов концепции Берлинского процесса, направленного на интеграцию западнобалканских государств в ЕС (2014–2021)

Дополнительным дипломатическим козырем Австрии на Балканах стало совпадение ее членства в Совбезе ООН (1991–1992) и председательства в ЕС (1998, 2006, 2018) с происходящими на постюгославском пространстве тектоническими изменениями. Это обстоятельство во многом компенсировало скромные размеры Австрии, отсутствие мощной армии и статуса великой державы. Нельзя не отметить и экономическое влияние Вены на постюгославском пространстве, которое немногим уступало присутствию крупных игроков – ЕС, Турции, КНР. По свидетельству австрийского дипломата Г. Яндля, бывшего посла в балканских странах, «Австрия с прямыми зарубежными инвестициями в 1,2 млрд евро и 200 фирмами является крупнейшим инвестором в Боснии и Герцеговине. В Сербии объем инвестиций составляет 2,6 млрд евро (и 400 фирм), а в Северной Македонии Австрия с 750 млн инвестиций занимает второе место»¹.

Как мы видим, в политическом арсенале Бальхаузплац есть немало самых разнообразных инструментов как для реализации своих замыслов в регионе, так и для оказания серьезного влияния на сформировавшиеся после распада Югославии государства.

¹ Jandl G. Die Außenpolitik gegenüber den Staaten des Balkans // Handbuch Außenpolitik Österreichs / M. Senn, F. Eder, M. Kornprobst (Hrsg.). – Wiesbaden : Springer VS, 2023. – S. 525. Данные приводятся на 2021–2022 гг.

Отнюдь не случайно многие австрийские дипломаты так часто повторяют сказанные в XIX в. слова канцлера Меттерниха о том, что «Балканы начинаются в Реннвеге», одновременно подчеркивая роль Австрии в этом всегда нестабильном регионе, а также преемственность внешней политики в отношении Балкан. К этому добавляется осознание политическим истеблишментом страны стратегического значения Западных Балкан для Вены, что превратило Австрию с начала 1990-х годов в одного из ключевых, пусть не ведущих и медийно заметных, игроков в регионе.

Несмотря на некоторую спонтанность (особенно на начальных этапах) политика Австрии в Западных Балканах отличалась завидной последовательностью, которая во многом была обусловлена царящим внутри политического класса страны консенсусом относительно целей и задач страны. Свою первостепенную задачу официальная Вена видит в обеспечении политической стабильности в регионе, которая рассматривается как неотъемлемая часть безопасности страны. «Безопасность Австрии <...> начинается на Балканах»¹, – заявил осенью 2021 г. видный австрийский дипломат В. Инцко, седьмой по счету верховный представитель в Боснии и Герцеговине. Помимо этого, влияние в регионе повышает внешне-политический вес Австрии, которая активно позиционирует себя в качестве посредника в международных делах. И, наконец, Балканы являются зоной экономических интересов Австрийской республики, являющейся одним из крупных инвесторов в регионе.

«Дом, разделившийся в себе». Австрия и распад Югославии

Глубокий политический кризис, распад СФРЮ в 1991–1992 гг. и последующая гражданская война на постюгославском пространстве (Словения – 1991 г., Хорватия 1991–1995, Босния и Герцеговина 1992–1995 гг.) стали серьезным вызовом для большинства европейских стран, в том числе для граничившей с Югославией Австрии. Для последней ситуация усугублялась тем, что искры уже разгоравшегося на территории некогда единого югославского

¹ Wie steht es um Bosnien und Herzegowina? | Im Gespräch mit Dr. Valentin Inzko. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OZXbxNZBPrI&t=1025s> (date of access: 14.12.2022).

государства пламени межэтнического конфликта грозили перекинуться через границу. Начавшиеся в конце июня 1991 г. столкновения в Словении между местными силами Территориальной обороны и частями ЮНА вынудили Вену направить регулярную армию к границе. «Вскоре после этого [начала столкновений. – А. Б.] на границе со Штирией и Каринтией разыгрались драматические сцены. Воздушный налет на колонну грузовиков на пограничном переходе “Шпильфельд”, разрушенная церковная башня в Оберрадкерсбурге (Горня Радгона) и ожесточенные бои на пограничном переходе Бляйтбург, повлекшие за собой гибель двух людей, вызвали беспокойство в Вене»¹.

Апеллируя к положениям Заключительного акта Совещания о сотрудничестве и безопасности, Австрия потребовала от политического руководства Югославии в течение 48 часов дать объяснение применению военной силы. Расплывчатый ответ Белграда явно не удовлетворил Бальхаузплац, всерьез опасавшийся, что дальнейшая эскалация конфликта может привести к наплыву беженцев и создать очаг напряженности на юго-восточных границах страны. Так, еще в мае 1991 г. Вена высказалась за ввод миротворческих войск и создание специальной комиссии («Совет мудрецов»), состоящей из трех-пяти человек, не являющихся действующими членами правительства, «но имеющих большой политический опыт и пользующихся высоким международным авторитетом»².

При этом нужно подчеркнуть, что в первые месяцы политического кризиса в Югославии внутри кабинета канцлера Ф. Враницкого не было полного единства относительно линии в отношении соседней страны. В то время как сам глава правительства поначалу проявлял определеннуюдержанность, продиктованную желанием сохранить добрососедские отношения с Белградом, совсем иную позицию занимал глава австрийского МИД и по совместительству Австрийской народной партии (далее – АНП) А. Мок. В своих воспоминаниях Ф. Враницкий впоследствии писал, что на тот момент у Австрии были «две совершенно разные внешние политики. Одна – внешняя политика федерального канцлера, другая – министра

¹ Prantner P. Als Jugoslawiens Zerfall zum Krieg wurde // ORF.at. – 2021. – 25.06. – URL: <https://orf.at/stories/3218326/> (date of access: 23.12.2022).

² Ajeti F. 30 Jahre Unabhängigkeit Slowenien und Kroatien // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2021 / Khol A., Karner S., Sobotka W., Rausch B., Ofner G. (Hg.). – Wien, 2021. – S. 539.

иностранных дел»¹. Эти различия были обусловлены, с одной стороны, разным видением ситуации обоими политиками, а с другой – партийными различиями. В то время как Социалистическая партия Австрии традиционно поддерживала хорошие отношения с Югославией, австрийские консерваторы симпатизировали католическим Хорватии и Словении.

И хотя в этот период канцлерами Австрии были социал-демократы (Ф. Враницкий – 1986–1997 и В. Клима – 1997–2000), внешняя политика прочно находилась в руках «Австрийской народной партии», которая обладала достаточным весом для того, чтобы определять курс страны в «океане» мировой политики.

Влияние консерваторов на внешнюю политику Австрии складывалось из трех составляющих. Во-первых, конституция страны предоставляла министрам в правительстве относительно широкую автономию в рамках их компетенции. «В отличие от канцлера Германии федеральный канцлер Австрии не обладает директивными полномочиями (нем. – *Richtlinienkompetenz*), т.е. правом давать указания. Именно поэтому члены правительства располагают свободой действия. Министерству иностранных дел отведена ведущая роль во внешней политике, и в отличие от других министерств, администрации президента и парламента оно располагает большим и специализированным чиновным аппаратом в области внешней политики»², – отмечают австрийские исследователи Р. Хайниш и К. Конрат.

Во-вторых, негласное разграничение полномочий между обеими «народными партиями» закрепляло за АНП такие сферы, как оборона, безопасность, внешняя политика³, в то время как социал-демократы курировали социальные вопросы и т.д.

¹ Vranitzky F. Politische Erinnerungen. – Wien : Paul Zsolnay Verlag, 2004. – S. 360.

² Heinisch R., Konrath C. Bundespräsident, Bundesregierung und Parlament // Handbuch Außenpolitik Österreichs / M. Senn, F. Eder, M. Kornprobst (Hrsg.). – Wiesbaden : Springer VS, 2023. – S. 52.

³ С 1986 г. и по сей день практически все министры иностранных дел Австрии представляли «Австрийскую народную партию». Исключением стала беспартийная Карин Кнайсл (2017–2019), которая вошла в правительство по квоте «Австрийской партии свободы».

И, наконец, в-третьих, за долгие годы существования в рамках «большой коалиции»¹ АНП и СДПА научились находить компромисс, который в области внешней политики, возглавляемой такими энергичными и честолюбивыми деятелями, как А. Мок, В. Шюссель и С. Курц, нередко выражался в победе линии консерваторов².

Вступив в должность министра иностранных дел в 1987 г., А. Мок уже тогда отчетливо понимал, что раздираемая межэтническими противоречиями Югославия вряд ли имеет шансы сохраниться как единое государство, особенно в условиях охватившего все социалистические страны Европы глубокого социально-экономического и политического кризиса. И хотя между канцлером Ф. Вранецким и министром иностранных дел на протяжении 1991 г. существовали определенные разногласия по позиции в отношении постепенно распадающегося соседнего государства, однако стремительное развитие событий фактически не оставило Вене возможностей для маневра. «Необходимость новой австрийской политики в отношении Балкан появилась лишь вследствие распада Югославии»³, – отмечал знаток региона и видный дипломат Э. Бузек. Именно поэтому со второй половины 1991 – начала 1992 г. Австрия постепенно берет курс на официальное признание образовавшихся на руинах югославского государства новых образований – Словении и Хорватии, а также стабилизацию политической ситуации в регионе путем ввода миротворцев и оказания давления на Белград.

Летом 1991 г. Австрия, используя свое положение непостоянного члена Совбеза ООН, неоднократно поднимала вопрос о

¹ «Большая коалиция» – правительенная коалиция двух крупнейших политических партий страны – АНП и СПА.

² Наряду с дипломатическим признанием Хорватии и Словении, в истории внешней политики Австрии есть немало примеров того, как АНП удавалось реализовывать свои планы. Так, в начале миграционного кризиса 2015 г. большинство членов кабинета В. Файмана за исключением возглавлявшего МИД С. Курца выступали за принятие беженцев из стран Ближнего Востока. Однако молодой министр иностранных дел, умело используя кризисную ситуацию в приграничных регионах, сумел убедить канцлера закрыть так называемый «балканский маршрут» весной 2016 г.

³ Busek E. Der Balkan – ein traditionelles Feld österreichische Politik // Europapolitische Koordination in Österreich Inter- und intrainstitutionelle Regelwerke, Funktionen und Dynamiken / A. Eppler, A. Maurer (Hrsg.). – Baden-Baden : Nomos, 2018. – S. 474.

ситуации в Югославии, что принесло свои плоды в виде резолюции 713 от 25 сентября 1991 г. «Совет безопасности постановляет, что в соответствии с седьмой главой Хартии ООН все страны ради восстановления мира и стабильности в Югославии должны наложить эмбарго на все поставки оружия и военной амуниции до тех пор, пока Совет безопасности после консультаций между генеральным секретарем и правительством Югославии не примет другое решение»¹.

Кровопролитные столкновения между ЮНА и хорватскими вооруженными формированиями, а также сопровождавшаяся резней гражданского населения «bellum omnium contra omnes»² в Боснии вынудили Австрию (как, впрочем, и ряд других стран Запада) ужесточить свою позицию в отношении Белграда. За признанием независимости Хорватии и Словении 15 января 1992 г. и принятием первых волн беженцев последовало присоединение Австрии к введенным против сербского лидера С. Милошевича санкциям. Вена приветствовала заключение Дейтонских соглашений 21 ноября 1995 г. (подписаны в Париже 14 декабря 1995 г.), которые положили конец гражданской войне в Боснии и Герцеговине, унесшей несколько сот тысяч жизней, а также Эрдутское соглашение, завершившее войну в Хорватии (12 ноября 1995 г.).

Таким образом, на первом этапе своей новой балканской политики основные усилия австрийской дипломатии были направлены на поддержку стремившихся к независимости народов, ранее входивших в состав Югославии. Эта позиция была продиктована целым рядом обстоятельств, начиная от признания права наций на самоопределение и традиционных симпатий к бывшим подданным короны Габсбургов (хорватам, словенцам и боснийским мусульманам) и заканчивая стремлением избежать возникновения на своих границах постоянного очага напряженности.

Хотя Австрия и не входила в число великих держав, вершивших судьбы народов региона, в то же время не следует преуменьшать

¹ Bundesrecht konsolidiert : Gesamte Rechtsvorschrift für Sicherheitsrat der Vereinten Nationen – Resolution 713 (1991). – 1991. – 25.09. – URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10001134> (date of access: 23.12.2022).

² «Война всех против всех» – термин, веденный в оборот английским мыслителем Т. Гоббсом. Применительно к ситуации в Боснии и Герцеговине это выражение приобрело буквальный смысл, поскольку борьба шла сразу между тремя национальными общинами.

ее роль во время гражданской и межэтнической войны в Югославии и после ее окончания. Вена стала (пусть сначала исключительно в лице главы МИД А. Мока) одной из первых европейских столиц, где заговорили о надвигающейся гуманитарной катастрофе в Югославии, необходимости вмешательства со стороны мирового сообщества и признания независимости Хорватии и Словении. Наряду с дипломатическими усилиями альпийская республика внесла немалый вклад в стабилизацию в регионе, приняв несколько сотен тысяч беженцев. Так, например, семья будущего канцлера Австрии С. Курца в 1990-х годах приняла нескольких беженцев из Боснии. «И поскольку у нас на крестьянском дворе в Цогельсдорфе имелось свободное место, одна семья проживала у нас», – вспоминал впоследствии отец будущего канцлера¹.

«Врачевание ран». Вена и стабилизация ситуации в кризисных регионах постъюгославского пространства

Основные усилия австрийских дипломатов и политиков на втором этапе были направлены на стабилизацию положения в наиболее кризисных регионах Западных Балкан – Боснии и Герцеговине, а затем в Косово, ситуация в которых внушала серьезные опасения внешним наблюдателям. Бывшая провинция Австро-Венгрии в силу своего пестрого этнического и конфессионального состава (около 50% населения БиГ составляют боснийские мусульмане, 30% – сербы, 14% – хорваты), запутанной истории, неясного политического устройства представляла собой «гордиев узел» политических, религиозных и этнических противоречий, который европейскому сообществу еще предстояло распутать.

Для стабилизации все еще напряженной ситуации в Боснию и Герцеговину были введены миротворческие войска, в составе которых были и австрийские военнослужащие. В настоящее время в БиГ несут службу порядка 300 миротворцев из Австрийской республики. Однако гораздо важнее военного присутствия в регионе, который был одновременно свидетелем и величия Австрийской

¹ Ronzheimer P. Sebastian Kurz. Die Biografie. – Freiburg im Breisgau : Verlag Herder GmbH, 2018. – S. 9.

империи, и ее трагедии¹, для венской дипломатии была возможность оказывать влияние на политические процессы.

Созданный для выполнения Дейтонских соглашений институт Верховных представителей в Боснии и Герцеговине, которые были наделены самыми широкими полномочиями², со временем превратился для Австрии в важный инструмент реализации своих целей. «Первой ласточкой» стало назначение на этот пост в 1999 г. австрийского дипломата Вольфганга Петрича, занимавшего с 1997 по 1999 г. должность посла в Белграде. Основными задачами Петрича, по его признанию, стали возвращение беженцев и борьба с коррупцией, пустившей глубокие корни во всех сферах общественной жизни. «Это можно обсуждать часами. Я уже говорил о том, что существует очень много источников коррупции. С моей точки зрения, очень важно понять, что мы нуждаемся в институтах, системе, которая будет предотвращать возникновение коррупции»,³ – признавал впоследствии сам дипломат.

Спустя десять лет список Верховных представителей ЕС пополнился еще одним представителем Австрии, которому было суждено в последующие 12 лет⁴ распутывать клубок балканских противоречий, где самым причудливым образом сплелись застарелые этноконфессиональные трения и разногласия, борьба за власть и надежды на место в европейском доме.

Если в задачу первых «апостолов» ЕС входило налаживание вместе с местными властями мирной жизни (расселение беженцев, восстановление разрушенных зданий и т.п.) в небольшом горном балканском регионе, еще не забывшем осаду Сараево и этнические

¹ Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. стала последним крупным территориальным приобретением Австро-Венгрии. И именно здесь, в Сараево, 28 июня 1914 г. прозвучали роковые выстрелы, оборвавшие жизнь эрцгерцога Франца Фердинанда и ставшие поводом для Первой мировой войны.

² Верховные представители обладали правом издавать указы, назначать и увольнять чиновников, что дало ряду исследователей обоснованный повод рассматривать Боснию и Герцеговину в качестве протектората ЕС.

³ Gajic I. Wolfgang Petritsch, the High Representative for BiH : «Good Faith for Peaceful Balkans» : Interview / Office of the High Representative. – 2002. – 21.02. – URL: <http://www.ohr.int/interview-wolfgang-petritsch-the-high-representative-for-bihgood-faith-for-peaceful-balkans-2/> (date of access: 23.12.2022).

⁴ Среднем срок пребывания на посту Верховного представителя составлял 2,5–3 года. Инцко, пробывший на этом посту 12 лет, поставил своеобразный рекорд.

чистки, то усилия вступившего в 2009 г. в должность Верховного представителя В. Инцко¹ были направлены на налаживание диалога между проживающими в БиГ тремя общинами, выстраивание демократических институтов². Усилия европейской дипломатии, местных властей и религиозных деятелей стали приносить свои первые плоды в виде постепенного «заживления старых ран» и налаживания диалога между бывшими заклятыми противниками³. Вместе с тем ситуация в Боснии с политической точки зрения пока остается достаточно напряженной, что во многом обусловлено действиями националистических сил. В частности, президент Республики Сербской Милорад Додик (с 15 ноября 2010 по 19 ноября 2018 г.), прозванный «бульдозером сербской политики», не раз «скрещивал шпаги» с посланником ЕС.

Другим объектом дипломатических усилий Австрии, действовавшей в тесной связке с общеевропейской дипломатией, стало Косово. Этот расположенный на юге Сербии край стал в конце 1990-х годов объектом внимания ведущих мировых держав из-за начавшихся столкновений между Армией освобождения Косово (Косовы) и сербской армией.

Нужно отметить, что политическую активность в регионе Вена стала проявлять еще в конце 1980-х годов. «Когда в феврале 1987 г. федеральный канцлер Вранцицкий посетил Югославию, он в разговоре с югославским премьер-министром Бранко Микуличем впервые поднял вопрос о беспорядках в Косово и назвал их серьезной проблемой»⁴. И впоследствии австрийское руководство не раз поднимало вопрос о ситуации в крае.

¹ Примечательно, что и В. Петрич, и В. Инцко были представителями словенского меньшинства, проживавшего компактно в Каринтии. Этот факт наглядно свидетельствует о том, что ограниченная в своих ресурсах австрийская дипломатия максимально эффективно использовала свои козыри.

² Здесь вполне уместным будет вопрос о том, в какой степени В. Петрич и В. Инцко рассматривали себя в качестве австрийских дипломатов, а в какой – в качестве представителей Евросоюза. Думается, что совпадение интересов ЕС и Австрии в отношении Боснии и Герцеговины, которые в равной степени стремились к политической стабилизации в регионе, способствовало решению этой дилеммы.

³ Уже покинув свой пост, В. Инцко в одном из интервью рассказал о том, как мусульманская община за свой счет отремонтировала старую католическую церковь.

⁴ Ajeti F. Die Kosovo-Politik als Konstante der österreichischen Außenpolitik // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2020 / Khol A., Ofner G., Rausch B., Karner S., Sobotka W. (Hg.). – Wien, 2020. – S. 457.

Переход сербско-албанского противостояния в Косово в острую фазу заставил Австрию, которая в 1998 г. стала председателем в ЕС, предпринять более решительные действия. Так, в марте того года тогдашний министр иностранных дел В. Шюссель выдвинул план из 10 пунктов, направленный на политическое урегулирование кризиса. А «челночная дипломатия» главы МИД, курсировавшего между Белградом и Приштиной, должна была придать его словам дополнительный вес. Нужно отметить, что на балканском «фронте» Вена задействовала все наличные силы. В частности, австрийский посол в Белграде В. Петрич стал особым представителем ЕС в Косово, что, правда, отнюдь не привело к налаживанию политического диалога. «Я должен заявить, что старая администрация в Белграде считала меня проалбански настроенным»,¹ – вспоминал спустя годы сам В. Петрич.

Однако продолжающиеся столкновения в крае между сербскими силами безопасности и «Армией освобождения Косово» и жесткая позиция Белграда, рассматривавшего действия ЕС как вмешательство во внутренние дела суверенного государства, нивелировали дипломатические усилия Вены, пытавшейся играть роль «честного маклера». Удары авиации НАТО в 1999 г. по военным и гражданским объектам на территории Югославии получили, пусть и с некоторыми оговорками, поддержку Бальхаузплац. Но и впоследствии, уже после ввода войск миротворцев из нескольких десятков стран, среди которых были и военнослужащие вооруженных сил Австрии, страна продолжала играть активную роль в судьбе Косово. Австрийский дипломат Альберт Роган принимал активное участие в разработке известного плана Ахтисаари, который должен был стать основой политического урегулирования вопроса о статусе Косово².

¹ Gajic I. Wolfgang Petritsch, the High Representative for BiH : «Good Faith for Peaceful Balkans» : Interview / Office of the High Representative. – 2002. – 21.02. – URL: <http://www.ohr.int/interview-wolfgang-petritsch-the-high-representative-for-bihgood-faith-for-peaceful-balkans-2/> (date of access: 23.12.2022).

² Примечательно, что консультации между М. Ахтисаари и сербской и албанской делегациями происходили именно в Вене.

Долгий путь на Запад. Берлинский процесс и интеграция Западных Балкан

Занимаясь стабилизацией ситуации в Боснии и Герцеговине, Косово и Черногории, Вена никогда не упускала из вида возможность интеграции этих государств в ЕС. Еще весной 2002 г. канцлер Австрии В. Шюссель выразил надежду на их вступление в отдаленной перспективе в Евросоюз, не назвав, правда, сроки завершения этого пути. С точки зрения обеспечения внешне- и внутриполитической стабильности Австрии интеграция этих стран была вполне логичным и естественным шагом, который увенчал бы предпринимаемые в предыдущие годы усилия венской дипломатии.

Однако процесс присоединения образовавшихся на обломках Югославии государств к европейской семье затянулся по целому ряду причин и под влиянием многих факторов. В- первую очередь политические, экономические и правовые реалии региона явно не дотягивали до состояния, соответствующего разработанным Брюсселем высоким нормам и требованиям¹. Во-вторых, ФРГ, являвшаяся политическим и экономическим флагманом Старого Света, в отличие от Австрии открыто демонстрировала сдержанность в вопросе расширения ЕС в восточном и юго-восточном направлениях. И, наконец, внешнеполитическая активность Вены, активно участвовавшей в балканских делах с момента начала гражданской войны в Югославии, к середине 2000-х годов пошла на спад, что во многом было обусловлено отсутствием ярких личностей на политическом Олимпе и поглощенностью австрийских государственных мужей внутриполитическими делами. Единственным крупным достижением в этот период стало вступление Хорватии в Евросоюз в 2013 г.²

Пробуждение внешней политики Австрии от «летаргического сна» началось в декабре 2013 г., когда после очередных парламент-

¹ Условия вступления страны в ЕС определяются принятыми в 1993 г. «ко-пензагенскими критериями», которые среди прочего предполагают демократическое устройство общества, верховенство права, приверженность рыночной экономике и т.п.

² Принятие Загреба в ЕС было продиктовано, на наш взгляд, тремя обстоятельствами. Во-первых, политическая и экономическая ситуация в Хорватии была несколько лучше, чем в других государствах региона. Во-вторых, и элита, и общество практически единодушно выступали за присоединение к Евросоюзу. И, в-третьих, с культурной и религиозной точек зрения Хорватия была гораздо ближе к Европе, чем Босния или Косово.

ских выборов вице-канцлер М. Шпинделеггер, к удивлению многих, предложил кандидатуру 27-летнего С. Курца на пост министра иностранных дел страны. В своем первом интервью новоиспеченный глава австрийской дипломатии, уже успевший обратить на себя внимание общественности и СМИ, решительно заявил о необходимости активизации усилий страны на международной арене, в том числе и юго-востоке континента. «Цель заключается в том, чтобы на международной арене ЕС стал конкурентоспособным. Западные Балканы являются приоритетным направлением»¹.

Уже первые шаги «австрийского вундеркинда» на паркете мировой политики свидетельствовали о том, какое значение он придавал Балканам. Свой первый визит С. Курц совершил именно в Хорватию в начале 2014 г., где он встретился с руководством страны. А в августе 2014 г. Австрия вместе с Францией и ФРГ выступила инициатором Берлинского процесса, межправительственного диалога, призванного ускорить процесс интеграции западнобалканских государств в ЕС. Спустя год Вена принимала второй саммит глав государств и правительств Западных Балкан. Сам молодой политик, триумфально выигравший осенью 2017 г. парламентские выборы и ставший канцлером, неоднократно подчеркивал, что конечной целью его внешней политики является вступление государств региона в Евросоюз. 27 мая 2017 г. парламент вынес Курцу вотум недоверия. 28 мая канцлер ушел в отставку.

Значение Балкан во внешнеполитической стратегии Австрии в последние годы выросло благодаря еще двум обстоятельствам. Миграционный кризис 2015–2016 гг., приведший к наплыву беженцев в Центральную и Южную Европу, стал серьезным вызовом для Вены, вынужденной пойти на ужесточение своей миграционной политики. Закрытие в начале 2016 г. так называемого «балканского маршрута» совместными усилиями Австрии, Венгрии и ряда государств региона² еще раз наглядно продемонстрировало Вене, что внутри- и внешнеполитическая стабильность страны невозможна без обеспечения безопасности на Балканах³. А возросшая активность других

¹ Kopeinig von M., Schwaqrz A. Kurz : «Strategie für neue Außenpolitik» : Interview // Kurier. – 2013. – 17.12. – URL: <https://kurier.at/politik/ausland/neuer-chefdiplomat-kurz-strategie-fuer-neue-aussenpolitik/41.442.490> (date of access: 23.12.2022).

² Siebenhaar H.-P. Österreich. Die zerrissene Republik. – Zürich : Orell Füssli Verlag, 2017. – S. 49.

³ В этом отношении показательно выступление канцлера Австрии К. Нехаммера на прошедшем 6 декабря 2022 г. в Тиране саммите ЕС – Западные Балканы.

игроков мировой политики в регионе – КНР, России и Турции – дополнительно стимулирует активность австрийской дипломатии.

Фактически в последние десять лет Австрия постепенно превратилась в присяжного поверенного Западных Балкан, отстаивающего интересы региона в высоких кабинетах Парижа и Берлина. Вместе с тем напряженность в ряде областей (Босния и Герцеговина, Косово), клубок социально-экономических проблем и скептицизм в отношении расширения ЕС со стороны Франции и стран Бенилюкса ограничивают для Бальхаузплац пространство для маневра на балканском театре все еще дипломатических действий.

Литература

Ajeti F. Die Kosovo-Politik als Konstante der österreichischen Außenpolitik // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2020 / A. Khol, G. Ofner, B. Rausch, S. Karner, W. Sobotka (Hrsg.). – Wien, 2020. – S. 455–467.

Ajeti F. 30 Jahre Unabhängigkeit Slowenien und Kroatien // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2021 / A. Khol, S. Karner, W. Sobotka, B. Rausch, G. Ofner (Hrsg.). – Wien, 2021. – S. 535–546.

Busek E. Der Balkan – ein traditionelles Feld österreichische Politik // Europapolitische Koordination in Österreich Inter- und intrainstitutionelle Regelwerke, Funktionen und Dynamiken / A. Eppler, A. Maurer (Hrsg.). – Baden-Baden : Nomos, 2018. – S. 473–494.

Heinisch R., Konrath C. Bundespräsident, Bundesregierung und Parlament // Handbuch Außenpolitik Österreichs / M. Senn, F. Eder, M. Kornprobst (Hrsg.). – Wiesbaden : Springer VS, 2023. – S. 51–75.

Jandl G. Die Außenpolitik gegenüber den Staaten des Balkans // Handbuch Außenpolitik Österreichs / M. Senn, F. Eder, M. Kornprobst (Hrsg.). – Wiesbaden : Springer VS, 2023. – S. 523–553.

Siebenhaar H.-P. Österreich. Die zerrissene Republik. – Zürich : Orell Füssli Verlag, 2017. – 256 S.

Vranitzky F. Politische Erinnerungen. – Wien : Paul Zsolnay Verlag, 2004. – 464 S.

В частности, он заявил, что «Балканы являются важным геостратегическим партнером, когда речь заходит о нелегальной миграции». См. подробнее: Bundeskanzler Nehammer : Westbalkan ist wichtiger geostrategischer Partner, wenn es um illegale Migration geht / Bundeskanzleramt. – 2022. – 06.12. – URL: <https://www.bundeskanzleramt.gv.at/bundeskanzleramt/nachrichten-der-bundesregierung/2022/12/westbalkan-ist-wichtiger-geostrategischer-partner.html> (date of access: 23.12.2022).

Глава 14. ВЗГЛЯД ИЗ АМСТЕРДАМА: НАЧАЛО «ГОРЯЧЕЙ ФАЗЫ» ЮГОСЛАВСКОГО КРИЗИСА ПО МАТЕРИАЛАМ НИДЕРЛАНДСКОЙ ПЕЧАТИ 1991 г.¹

Среди европейских государств, которые были прямо или косвенно вовлечены в разрешение кризиса в Югославии, переросшего в гражданскую войну этнополитического характера, Королевство Нидерланды занимало особое место в силу его как политики-дипломатического, так и военно-миротворческого участия в югославских событиях с момента начала так называемой «горячей фазы», то есть боевых столкновений противоборствующих сторон. Несмотря на свою удаленность от начинавших превращаться в театр военных действий Балкан, а также небольшие даже по европейским меркам размеры, это государство ввиду сложившейся на протяжении периода холодной войны традиции достигло серьезного влияния в Европейском союзе, НАТО, а также во взаимоотношениях США со своими европейскими союзниками. Поэтому югославский кризис оказался серьезным испытанием для нидерландской внешней и оборонной политики. Особое значение позиции Нидерландов в «югокризисе» придавало их членство в НАТО и Европейском сообществе. При этом как размеры страны, так и ее военно-экономический потенциал были несопоставимы с ее влиянием в евро-атлантических структурах в силу сложившихся исторически связей как с европейскими странами, так и с США. Именно поэтому нидерландская сторона могла играть важную роль при принятии консолидированных решений в НАТО и европейских структурах и при этом руководствоваться общим контекстом европейской политики.

События в Югославии, широко освещавшиеся мировой прессой, были в центре внимания нидерландских СМИ, в частности газет различной общественно-политической направленности, как использовавших собственных корреспондентов в регионе, так и прибегавших к помощи иностранных (большей частью американских и британских) крупных информационных агентств. Нидерландская пресса была источником информации о югославском кризисе для общественности и политических кругов. Одновременно

¹ Улунян Артем Акопович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра балканских, южно-кавказских и центрально-азиатских исторических исследований; mirditahavlar21@gmail.com.

она публиковала комментарии и анализ происходившего в самой Югославии, реакцию в мире на события в ней, действия Европейского союза и НАТО на югославском направлении, всего, что относилось к политике Нидерландов на югославском направлении. Учитывая динамику развития событий на протяжении всего 1991 г. и их важность с военно-политической точки зрения для Европы, вполне закономерным становилось усиление внимания к происходившему в большинстве европейских стран, и роль прессы таким образом заключалась не только в информировании общественности, а также политических кругов, но и в отражении эволюционировавших взглядов на происходящее.

В связи с участием Нидерландов в разрешении югославского кризиса и учитывая информационную и аналитико-прогностическую значимость материалов СМИ, следует сослаться на мнение нидерландских исследователей, которые приходили к двум важным выводам. Во-первых, чиновники высокого ранга намного чаще, чем сотрудники среднего и нижнего звена, активно знакомятся с публикациями в общенациональных бумажных СМИ и зарубежных новостных изданиях, а также телевизионными программами. При этом исследователи склонялись к мысли о том, что «трудно оценить влияние средств массовой информации на внешнеполитические действия Нидерландов. В частности, ясно, что отечественной прессе часто удается влиять на внешнюю политику, прежде всего, провоцируя парламентариев на реакцию»¹. Во-вторых, как отмечали нидерландские авторы, после проведенной в 1969 г. в Министерстве обороны страны реформы и появления в его структуре Бюро по вопросам общей политики, которое в 1976 г. приобрело законченную структуру, став Департаментом по вопросам общей политики (Directie Algemene Beleidszaken; DAB), военное ведомство усилило свои институциональные позиции с точки зрения возможностей оказания влияния на правительство при принятии решений по вопросам внешней политики, так как глава этого подразделения – генеральный директор по политическим вопросам – и его заместитель занимались «классическими вопросами “высокой политики”»², а на момент возникновения и развития югославского кризиса также и этой проблемой. Формулирование внешнеполитических подходов к

¹ Both N. From indifference to entrapment: the Netherlands and the Yugoslav crisis, 1990–1995. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2000. – P. 59.

² Ibid. – P. 53, 55.

ней в правительственные кругах Нидерландов проходило в контексте общих особенностей нидерландского политикума и под влиянием конкретной ситуации, сложившейся в политических кругах страны, когда на протяжении 1982–1993 гг. во главе внешнеполитического ведомства стоял Х. Ван ден Брук – сторонник так называемого «атлантизма»¹. Соперничество в общественно-политической жизни Нидерландов между сторонниками двух подходов к месту и роли страны в системе международных отношений – «атлантистами» и «европеистами»² – имело принципиальное значение для выработки внешнеполитического курса страны в отношении как самого югокризиса, так и путей его разрешения.

На протяжении всего периода перехода югославского кризиса в «горячую», то есть в военную фазу, в 1991 г., в системе международных отношений существовала гипотетическая возможность участия в его разрешении нескольких международных и региональных организаций – ООН, НАТО, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Европейского союза. Именно две последние структуры могли, как показывала складывавшаяся обстановка, сыграть значительную роль. Примечательной особенностью момента было выраженное председателем Еврокомиссии Жаком Делором мнение о том, что «мы [европейцы] не вмешиваемся в американские дела. Мы надеемся, что у них [американцев] будет достаточно уважения, чтобы не вмешиваться в наши»³. Таким образом, вопрос о превалирующей роли именно европейских структур становился при разрешении югокризиса одним из главных, что должно было учитываться и главой нидерландского МИД.

Тем временем в нидерландской прессе уже в начале 1991 г. обращалось внимание на угрозу перспективы перерастания регионального кризиса, имея в виду ситуацию в СФРЮ, в более масштаб-

¹ Both N. From indifference to entrapment: the Netherlands and the Yugoslav crisis, 1990–1995. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2000. – P. 52.

² Подробнее об этом явлении и его значении для общественно-политической ситуации в Нидерландах, а также их внешней политике и дискуссиях по данному вопросу в экспертных кругах см. в: *Bezinning op het buitenland. Het Nederlands buitenlands beleid in een onzekere wereld / Hellema D., Segers M., Rood J. (eds.)*. – Maastricht : Instituut Clingendael, 2011; *Schoneveld J.A. Tussen Atlantica en Europa. Over opkomst en ondergang van de spagaat in de Nederlandse buitenlandse politiek*. – Leiden : Proefschrift Universiteit, 2000.

³ Juncos A.E. EU foreign and security policy in Bosnia : the politics of coherence and effectiveness. – Manchester : Manchester University Press, 2013. – P. 64.

ный. Это нашло отражение в одной из газетных публикаций под характерным названием «Есть ли еще работа для Яна Солдата?»¹, в которой содержалось своеобразное предупреждение: «Ввиду отсутствия реального врага в военных кругах теперь регулярно упоминается “сараевский синдром” со ссылками на убийство австро-венгерского наследника престола Франца-Фердинанда в 1914 г. в Сараево. Это было непосредственной причиной Первой мировой войны. По существу, региональный конфликт на Балканах настолько вышел из-под контроля, что все крупные державы того времени были втянуты в войну. Текущие события в Юго-Восточной Европе затрагиваются сторонниками этой теории, чтобы показать, что снова подобное может произойти в Европе. Война между Венгрией и Румынией в бывшей Трансильвании или гражданская война в разлагающемся государстве Югославии считаются серьезной угрозой миру в Европе»². В связи с этим прессы обращала внимание на действия ряда югославских республик, в частности Словении, взявших курс на суверенизацию³. Вполне закономерным становился интерес к роли и месту тех из государственных институтов СФРЮ, которые могли оказать влияние на происходившее, и прежде всего армии. Именно с учетом значимости данного обстоятельства в нидерландских СМИ отмечалось «успокаивающее» заявление югославского премьера А. Марковича о том, что Югославская народная армия (ЮНА) не играет никакой роли в политике. Однако одновременно в публикации уточнялось: заявление главы правительства СФРЮ было ответом на вопрос о событиях в стране, «которые вызвали опасения военной интервенции в северо-западной республике Хорватии, отменившей коммунистическую систему», а также того, что «вмешательство федеральной армии может привести к гражданской войне в многонациональном государстве на Балканах»⁴. Одновременно в прессе отмечалось усиление конфронтации между Белградом, Загребом и Любляной по вопросу дальнейшего развития ситуации, в связи с чем констатировался провал «долгожданной встречи всех основных югославских политиков, посвященной

¹ В нидерландской народной традиции выражение «Jan Soldaat» используется как синоним слов «солдат», «военный» или «армия».

² Dijkstra G. Is er nog werk voor Jan Soldaat? // Limburgsch dagblad. – 1991. – 05.01. – P. 31.

³ Slovenië wil eigen munt en eigen paspoort // Het Parool. – 1991. – 12.01. – P. 5.

⁴ Joegoslavische premier: «Geen rol voor leger» // Limburgsch dagblad. – 1991. – 02.02. – P. 3.

кризису и будущему Балканской [югославской] федерации». При этом автор обращал внимание на то, что, «в отличие от Хорватии, остальные семь республик направили своих представителей в столицу», а «Сербия и ее сторонники также хотели, чтобы кризисная встреча продолжилась без представителей Хорватии», но «главный союзник Хорватии, Словения, решительно протестовала»¹. Таким образом, уже в начале января 1991 г. на первом этапе разраставшегося конфликта в нидерландской прессе были четко определены как его стороны, так и их позиции. Более того, нидерландские журналисты, находившиеся в Белграде, детально обрисовывали характер усилившимся противоречий между сторонами, когда приводили слова главы правительства Словении Л. Петерле о том, что «его республика больше не видит никаких возможностей для существования югославских народов и заинтересована только в “разумном соглашении об отделении”». А основания для отделения Словении были «не столько политические, сколько экономические», так как премьер опасался, что «догматические силы в Сербии с их “классической большевистской экономической политикой” толкнут Словению в пропасть»².

Примечательным в данном контексте было появление 12 февраля, в первый день двухдневного визита в Гаагу премьер-министра Словении Л. Петерле и главы МИД этой страны Д. Рупеля, в одной из центральных нидерландских газет NRC Handelsblad корреспонденции из Любляны под заголовком «Югославия приближается к войне с открытыми глазами». В ней недвусмысленно заявлялось о том, что «в Югославии люди уже толком не знают: началась ли так часто предсказываемая гражданская война, она закончилась или еще есть шанс ее предотвратить?»; делался вывод о том, что страна «неизбежно движется к гражданской войне, и содержался вывод о том, что вопрос, являются ли те или иные деятели неосталинистами, фашистами, большевиками, сепаратистами или демократами, вероятно, перестанет быть актуальным»³. Публикации в нидерландской центральной и региональной прессе, последовавшие за визитом в страну представителей словенского руководства, отражали

¹ Rudeberg U. Kroatië boycot beraad en Slovenië loopt uit protest weg Crisisberaad over toekomst van Joegoslavië opnieuw mislukt // De Volkskrant. – 1991. – 09.02. – P. 5.

² Ibid.

³ Engelen T. Joegoslavië loopt met open ogen op oorlog af // NRC Handelsblad. – 1991. – 12.02. – P. 6.

общий настрой нидерландского политикума, крайне скептически относившегося на этом этапе к возможному отделению от СФРЮ составлявших ее республик. В посвященной этой теме публикации профессора Лейденского университета Й. Банка в упоминавшейся выше NRC Handelsblad, озаглавленной «Национальное государство больше не может быть основой мира и процветания», открыто стоялся вопрос о том, «должны ли на данный момент иностранные государства гарантировать выживание Югославии». В связи с этим отмечалось наличие «ряда причин для продолжения такой политики, которой сейчас фактически и следуют», а также то, что «пока это означает поощрение тех политических сил в Югославии, которые стремятся сохранить федерацию»¹. Принципиальная проблема, возникавшая в сложившейся ситуации, заключалась в том, «до какой степени государство может поддерживаться за счет внешнего давления в ситуации, когда его внутренняя легитимность уже не признается значительной его частью»². Среди главных причин оказания поддержки сторонникам сохранения единой Югославии указывались «опасность войны при ее распаде» и тот факт, что «такая гражданская война несет в себе также еще один риск: опасность иностранной интервенции. Соседние государства могут предложить “своим” меньшинствам эффективную защиту. Тогда гражданская война может превратиться в Балкансскую войну, четвертую с начала этого века»³. Автор материала подчеркивал, что национальное государство не является панацеей от всех проблем, а «интеграция и открытость экономических границ остаются лучшими инструментами для южнославянского региона, чтобы сохранить многонациональное сообщество и привести его к процветанию, чем множество национальных государств с тенденциями к закрытости». В связи с чем нидерландский исследователь приходил к выводу: «Таким должен быть западноевропейский ответ на проблемы, коренящиеся в довоенном вильсоновском мирном порядке»⁴.

В начале 20-х чисел февраля 1991 г. в нидерландской прессе уже сообщалось о том, что в ответ на действия Словении и Хорватии началась политическая активизация ЮНА и «недавно военные

¹ Bank J. Nationale staat wellicht geen basis meer voor vrede en welvaart. Nog is Joegoslavië niet verloren // NRC Handelsblad. – 1991. – 21.02. – P. 6.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

прямо выступили в роли защитников республики Тито¹, что явно вело к усилению межреспубликанского конфликта в СФРЮ, в то время как «империя Тито рушится». Конечно, это происходит не по вине Словении или Хорватии, скорее, агрессивный национализм Сербии разрушил баланс между республиками. Именно страх перед «социалистической» Великой Сербией привел Словению к выходу из федерации... Словения и Хорватия стремились к конфедерации, но это требование встретило сопротивление со стороны Сербии². Констатировалось, что в итоге Словения в июле 1990 г. провозгласила себя суверенным государством, а в декабре был проведен вышеупомянутый референдум об отделении. Словенская и хорватская темы оказались к концу февраля 1991 г. в центре внимания нидерландской прессы, в материалах которой проводилась мысль о том, что «Словению в ее стремлении к отделению поддерживает Республика Хорватия. Вторая по величине республика заявила, что последует примеру Словении. Самая большая республика, коммунистическая Сербия, выступила против распада федерации. Сербы хотят сохранить нынешнюю федерацию шести республик...», а «федерация пользуется поддержкой армейской верхушки, которая в основном состоит из прокоммунистически настроенных сербов»³. Информация о перспективах начала военных действий в Югославии приобретала все более четкие очертания в нидерландской прессе, со ссылкой на зарубежные (американские и британские) информагентства. 6 марта 1991 г. сообщалось об обострении взаимоотношений между Белградом и Загребом и угрозе использования вооруженных сил. При этом обращалось внимание на то, что в ЮНА «знают, что этническая рознь приблизила балканскую страну к гражданской войне»⁴. Одновременно делался однозначный прогноз о перспективе развития ситуации. Об этом свидетельствовали также заголовки публиковавшихся в газетах материалов, один из которых в начале марта 1991 г. звучал как «Распад Югославии»⁵. Автор статьи высказывал мнение, что существование шести республик уже невозможно, несмотря на оказывавшееся давление со стороны США,

¹ Joegoslavië // De Volkskrant. – 1991. – 22.02. – P. 3.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Belgrado dreigt met leger. Zware kritiek presidentschap op Kroatië // *Algemeen dagblad*. – 1991. – 06.03. – P. 8.

⁵ Engelent T. De verkruimeling van Joegoslavië // *NRC Handelsblad*. – 1991. – 07.03. – P. 23.

Великобритании и ФРГ, призванное убедить «семью на Балканах, что проблемы могут быть везде; незачем паковать чемоданы и начинать хлопать дверями»¹.

Публиковавшиеся в нидерландской прессе на протяжении практически всего марта 1991 г. материалы содержали не только детальную информацию о все более обострявшемся политическом кризисе в Югославии, но и прогнозы на ближайшее будущее. В связи с этим отмечалось приближение «внутреннего взрыва» в СФРЮ², делалось заключение о том, что сам кризис «становится неуправляемым», а «внутриполитические волнения в Сербии могут сигнализировать о начале новой конфронтации между республиками в стране, разваливающейся из-за межнациональной розни, о возрождении великосербских устремлений и ослаблении центральной власти государства»³. В публикациях прессы уже открыто констатировался провал политики президента Сербии С. Милошевича, сторонника идеологии «Великой Сербии», давшего множество обещаний, но так и не обеспечившего ни экономической, ни политической стабильности, ни роста⁴.

В середине марта 1991 г. в нидерландской прессе высказывались предположения о том, что главу Сербии ждет судьба иракского диктатора С. Хусейна⁵. Одновременно обращалось внимание и на действия сербской оппозиции. В частности, отмечалось, что отсутствие у одного из ее лидеров, В. Драшковича, «ясности в отношении национальной проблемы в Югославии и будущих отношений между различными республиками, входящими в состав Югославии, вероятно, также является причиной того, что Хорватия и Словения, две республики, которые хотят разорвать связи с Сербией, почти не приветствовали успехи сербской оппозиции»⁶. В связи с этим делалось заключение о том, что «если армия, офицерский состав которой состоит на девяносто процентов из сербов, не вмешается и не объявит чрезвычайное военное положение, политическая судьба

¹ Engelent T. De verkruimeling van Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 07.03. – P. 23.

² Familievetes verhaasten ontploffing van Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 07.03. – P. 24.

³ Oplossing verkeken // Algemeen Dagblad. – 1991. – 11.03. – P. 3.

⁴ Lucas N. «Slobö» Milosevic overspeelt zijn hand // Trouw. – 1991. – 13.03. – P. 5.

⁵ Boogaard van den R. Politieke lot van «Slobö Saddam» lijkt bezegeld // NRC Handelsblad. – 1991. – 15.03. – P. 5.

⁶ Ibid.

Милошевича решена...»¹. Ссылаясь на югославские официальные сообщения, нидерландская пресса в середине марта 1991 г. обращалась к теме роли и места армии в складывавшейся ситуации, отмечая, в частности, информацию «Танюг»², что «Югославская Республика Хорватия вчера вечером предупредила о “реальной опасности” военного переворота в Югославии. Переворот мог произойти в результате отказа президента государства [Председателя Президиума СФРЮ] объявить чрезвычайное положение в стране по предложению армии...», тем более что Председатель Президиума Б. Йович, сербский коммунист, который «поддерживает армию в ее просьбе навести порядок в стране с помощью чрезвычайных мер», демонстративно подал в отставку³. Эти материалы соседствовали с позитивной оценкой сербской оппозиции на том основании, что в середине марта она добилась определенных результатов. Как сообщалось в одном из материалов газеты Trouw, комментатор Белградского телевидения М. Ковач, представитель оппозиции, заявил: «После того, что произошло на этой неделе, мы определенно сделали выбор в пользу европейской Сербии и против балканской Сербии... Священная цель состоит в том, чтобы сделать Сербию членом великой демократической семьи Европы. И мы добьемся успеха»⁴.

На этом фоне особое внимание в нидерландской прессе уделялось все более обострявшимся отношениям между Белградом, с одной стороны, и Загребом и Любляной – с другой. В связи с этим в ряде материалов все большее значение придавалось реакции хорватской и словенской стороны на ситуацию, складывавшуюся в Сербии, а тема возможного военного переворота и начала гражданской войны приобретала с середины марта 1991 г. вполне реальную основу⁵. В частности, приводилась информация о том, что «Совет обороны Хорватии в пятницу предупредил о реальной опасности военного переворота против правовых институтов югославских республик. Причиной переворота может стать отказ пре-

¹ Boogaard van den R. Politieke lot van «Slobo Saddam» lijkt bezegeld // NRC Handelsblad. – 1991. – 15.03. – P. 5.

² Государственное информационное агентство Югославии.

³ Vrees voor staatsgreep doorleger Joegoslavië // Het Parool. – 1991. – 16.03. – P. 1.

⁴ Цит. по: Lucas N. De «culturele revolutie» van Servië. Hoop op terugkeer naar de «redelijkheid» na de vurige twisten // Trouw. – 1991. – 16.03. – P. 6.

⁵ Van onze correspondent Joegoslavië aan rand burgeroorlog. Kroatië roept reservisten op // Nieuwsblad van het Noorden. – 1991. – 18.03. – P. 1; Lucas N. «Hoor ik al tanks of iets anders dat op een staatsgreep lijkt?» // Trouw. – 1991. – 20.03. – P. 5.

зидента объявить в стране чрезвычайное положение, предложенное военными»¹. Сообщалось, что происходящие в Сербии события указывают на то, что местная оппозиция активно выступает против президента С. Милошевича и ожидает в ближайшей перспективе его поражения. В материалах нидерландской прессы, обращавшейся к информации из Югославии, давались подробности развивавшегося кризиса. Отмечалось, например, со ссылкой на местные СМИ, что «руководство армии глубоко расколото», «министр обороны В. Кадиевич и его заместитель адмирал С. Бровет выступили против предложения ввести чрезвычайное положение, а начальник штаба Б. Аджич поддержал желание Милошевича поставить федерацию под контроль военной администрации»². Однако уже вскоре в материалах из Любляны, основанных на ставших известными деталях происходивших в руководстве СФРЮ процессов, нидерландская пресса сообщала о том, что, судя по всему, армейская верхушка отказалась от идеи «государственного переворота, но оставляет за собой право играть важную, если не решающую, роль в югославской политике, не спрашивая разрешения у председателя Президиума, который больше не признается армией в качестве главнокомандующего», а «решение военных означает, что они не позволят Словении и Хорватии в одностороннем порядке выйти из федерации»³. Одновременно сообщалось и о том, что С. Милошевич не собирается покидать свой пост и «форсирует окончательный крах федеративной структуры Югославии, надеясь восстановить популярность, вернув на первый план национальное дело Сербии. Оппозиция настаивает на необходимости ухода Милошевича и выжидает. Подавляющее большинство населения ждет, и, кажется, никто точно не знает, что сейчас сербские рабочие думают о своем президенте»⁴. Также обращалось внимание на перспективу «балканизации» СФРЮ⁵ и новый аспект ситуации: отказ союзного парламента одобрить отставку

¹ Kroatië waarschuwt voor gevaar burgeroorlog President Jovic in Joegoslavië afgetreden // Amigoe. – 1991. – 16.03. – P. 8.

² Chaos wordt steeds groter in uiterst onrustig Joegoslavië // Nederlands Dagblad. – 1991. – 19.03. – P. 1.

³ Lucas N. «Hoor ik al tanks of iets anders dat op een staatsgreep lijkt?» // Trouw. – 1991. – 20.03. – P. 5.

⁴ Boogaard van den R. Milosevic gaat niet opzij // NRC Handelsblad. – 1991. – 20.03. – P. 11.

⁵ Michielsen P. De balkanisering van de federale republiek Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 20.03. – P. 11.

Йовича и отказ военных безоговорочно поддержать С. Милошевича, дав возможность действовать политикам. При этом особо отмечалось, что глава Сербии «надеялся убить сразу двух зайцев: пресечь попытки хорватов отделиться и разоружить хорватские полицейские подразделения, а также уничтожить оппозицию в “единой республике”»¹.

На фоне обострявшегося югославского кризиса проходила активизация Европейского политического сотрудничества – внешнеполитической координационной структуры Европейского союза, – и 21 марта 1991 г. так называемая тройка политических директоров из числа представителей государств (бывший председатель Совета Европейского Союза от Италии, действующий председатель от Люксембурга и будущий председатель от Нидерландов), созданная для разрешения югославского кризиса, а также нидерландский дипломат П. ван Валсум посетили Вашингтон для консультаций с американской стороной.

Тем временем попытка найти выход из складывавшейся ситуации, предпринятая 28 марта 1991 г. президентами шести составляющих СФРЮ республик, не принесла результатов, а 31 марта федеральные войска начали боевые действия против Хорватии, которые продолжались до 12 ноября 1995 г. и вошли в историю как хорватская война за независимость. Вполне естественным на этом фоне становилось доминирование в материалах нидерландской (как, впрочем, и мировой) прессы «хорватской» темы в рамках общего югославского кризиса. В связи с этим авторы материалов в нидерландской прессе отмечали, что «несмотря на продолжающиеся консультации с президентами шести республик югославскому государству вчера не удалось найти решение хорватско-сербского конфликта»². При этом они всё более однозначно начинают указывать на инициатора «силового» решения вопроса и на дальнейшую перспективу, отмечая, что «новый кризис вызван лидерами Сербии, самой большой и самой сильной в военном отношении из шести югославских республик. Самое зловещее в развитии кризиса то, что теперь размыкаются внутренние границы внутри Югославии, границы между различными республиками. Это приближает Югославию к граж-

¹ Holthausen J. Jovic blijft alsnog aan als president. Servisch parlement weigert ontslag te accepteren // Het Parool. – 1991. – 21.03. – P. 5.

² Rudberg U. Joegoslavisch presidium vindt geen uitweg uit crisis. Tankbewegingen in Kroatië zaaien onrust onder burgerij // De Volkskrant. – 1991. – 04.04. – P. 5.

данской войне между сербами и хорватами, двумя крупнейшими народами федеративной Югославии¹. В публикации ставится пророческий, как показали дальнейшие события, вопрос: «Не начали ли уже Милошевич и его сторонники осуществлять свою угрозу, что в случае распада Югославии они овладеют теми частями других республик, где проживают сербы?»². Имея в виду важность позиции внешних сил для внутриюгославской ситуации, автор особо подчеркивал, что ЕС и МВФ настаивали на сохранении единства СФРЮ, а «Европа и мир не заинтересованы в новой балканизации Балкан». Касаясь действий европейской «тройки», автор обращал внимание на то, что при посещении ею Белграда «было бы неплохо напомнить собеседникам, что выживание Югославии возможно только в том случае, если не будет предпринято никаких попыток разрушить внутренние границы страны». Однако делавшийся в связи с этим вывод был достаточно пессимистичным, и его суть сводилась к констатации того, что «вероятно, уже слишком поздно для такого предупреждения»³. Более того, ко второй половине апреля 1991 г. в нидерландской прессе все больше авторов публикаций склонялись к пессимистичному сценарию развития событий в Югославии. Об этом свидетельствуют их заключения о том, что, во-первых, референдум по поводу сохранения СФРЮ не приведет к положительным результатам, а во-вторых, «Балканы снова могут стать проблемным ребенком Европы: уголком бедности и раздора, дежавю 1990-х годов»⁴. К началу мая в нидерландской прессе все чаще начали появляться материалы из СФРЮ, явно свидетельствовавшие о подготовке Белграда к «силовому» решению развивающегося кризиса. Так, читатели региональной газеты *Limburgsch dagblad* информировались о том, что югославская армия начала призыв резервистов, а глава военного ведомства страны В. Кадиевич «призвал президиум принять решительные меры для восстановления “порядка и спокойствия в стране”» и фактически пригрозил, что в случае бездействия «вооруженные силы сами примут меры, если представители республик и областей не прекратят насилие». Примечательными были приведенные слова министра о том, что в Югославии уже началась

¹ Roelofs A. In Joegoslavië bezwijken de binnengrenzen // De Volkskrant. – 1991. – 04.04. – P. 5.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Michielsen P. Balkan valt in snel tempo ten prooi aan instabiliteit // NRC Handelsblad. – 1991. – 17.04. – P. 5.

гражданская война¹, которые совпадали с оценками происходившего нидерландских журналистов, находившихся в СФРЮ и отмечавших в той же газете, что «заявление министра обороны Югославии о том, что в его стране бушует гражданская война, вполне может означать окончательный раскол между различными республиками балканской страны»².

Действия руководства Сербии во главе со С. Милошевичем в союзном президиуме все больше рассматривались со стороны ЕС, создавшего так называемую «тройку» для переговоров с руководством Югославии и главами республик, как способные еще больше обострить ситуацию. Так, в частности, оценивалась угроза Белграда заблокировать 15 мая ротацию на пост председателя президиума страны хорвата С. Месича. На этом фоне принципиальное значение приобретало поведение глав союзных республик, в частности Словении и Хорватии, которые еще в декабре 1990 г. объявили о подготовке выхода из СФРЮ и с одной из которых, с Хорватией, федеральные вооруженные силы вели боевые действия. Обе республики собирались 25 июня провозгласить независимость, но при этом для них было важно получить поддержку на международной арене, и прежде всего у Европейского союза, на который они ориентировались в политическом и экономическом отношениях. Нидерландская пресса, как и европейская печать в целом, уделяла большое внимание обеим республикам, имея в виду последующую перспективу развития событий в СФРЮ. Именно поездка главы Словении М. Кучана и министра иностранных дел Д. Рупеля в Италию оказалась в центре многочисленных публикаций нидерландских СМИ. Одно из общенациональных изданий, газета *Algemeen dagblad*, обращаясь к этой теме, ссылалась на слова словенского президента о том, что словенская сторона хорошо понимает, что «распад Югославии не устраивает Европейское сообщество». Поэтому тот обещал достичь соглашения с другими югославскими республиками о формах их взаимоотношений, о чем предполагалось сообщить 26 июня, то есть на следующий день после провозглашения независимости³.

Вторая половина июня 1991 г. оказалась судьбоносной для СФРЮ как единого государства. Прошедший в Берлине 19–20 июня

¹ Joegoslavië roept reservisten op // Limburgsch dagblad. – 1991. – 08.05. – P. 1.

² Joegoslavische eenheid valt langzaam uiteet // Limburgsch dagblad. – 1991. – 08.05. – P. 1.

³ Stewart G. «Slovenië houd betrekkingen met republieken vast» // *Algemeen dagblad*. – 1991. – 12.06. – P. 8.

саммит СБСЕ принял «Заявление о положении в Югославии». С одной стороны, участники выступили в поддержку «единства и территориальной целостности Югославии и демократии в этой стране», а с другой – признали, что «будущее этой страны должны решать сами народы Югославии» и «выход из сложившейся сегодня непростой тупиковой ситуации необходимо искать без применения силы, в соответствии с правовыми и конституционными процедурами»¹. Таким образом, не имея реального механизма влияния на ситуацию и ограничившись призывами, СБСЕ фактически не имела никаких возможностей добиться перевода уже начавшейся гражданской войны в русло мирных переговоров. На фоне происходившего расширения кризиса в Белград сразу же после завершения заседания СБСЕ прибыл участвовавший в нем государственный секретарь США Дж. Бейкер для переговоров с участниками конфликта. О результатах своей 10-часовой встречи 21–22 июня с югославскими официальными лицами сам глава американского внешнеполитического ведомства заявил в интервью СМИ вполне однозначно: «То, что я услышал здесь сегодня, не развеяло моей озабоченности и не развеет опасений других... Мы считаем, что ситуация очень серьезная»². Его призывы решать проблемы без насилия и кровопролития были явно проигнорированы. Тем временем ситуация продолжала обостряться, и через два дня после объявления 25 июня 1991 г. независимости Хорватии и Словении военные действия распространились и на вторую республику. Со своей стороны ЕС предприняло шаги, направленные на прекращение фактически продолжавшейся войны Сербии против Хорватии и начавшейся войны против Словении. Созданная в конце марта 1991 г. тройка в составе министров иностранных дел Нидерландов (Х. Ван ден Брук), Люксембурга (Ж. Поос) и Италии (Дж. Де Микелис), в задачу которой входило посредничество между конфликтующими сторонами внутриюгославского конфликта, начала активные действия. 28 июня она отбывает в Белград и Загреб, 28–29 июня заседает Европейский совет, занимающийся югославскими делами, а с 30 июня по 1 июля

¹ Первая встреча Совета. Резюме выводов. Заявление об обстановке в Югославии : Берлинская встреча Совета СБСЕ, 19–20 июня 1991. – Берлин, 1991. – С. 8. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/3/40238.pdf> (дата обращения: 19.11.2022).

² Kempster N., Willians C.J. Yugoslav Unity eludes Baker in Belgrade // Los Angeles Times. – 1991. – 22.06. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-06-22-mn-901-story.html> (date of access: 19.11.2022).

предпринимаются новые попытки тройки посредничать в Югославии. 1 июля 1991 г. Нидерланды принимают главу внешнеполитического ведомства королевства Ван ден Брука, таким образом, ложится новая обязанность неформального лидера тройки. Буквально на следующий день глава нидерландского МИД, сопровождаемый П. Ван Валсумом, посещает Вашингтон для консультаций с советником по национальной безопасности Б. Скоукрофтом и госсекретарем Дж. Бейкером. Симптоматичным в данном контексте было появление в нидерландской прессе материалов о Югославии, в которых особо подчеркивалась позиция ЕС, заключавшаяся в стремлении сохранить единство СФРЮ. В них также обращалось внимание на то, что Ван ден Брук, «который со вчерашнего дня является председателем совета министров иностранных дел ЕС, считает “неуместным” выступать за изменение позиции ЕС о необходимости сохранения федерации югославских республик. Единственная возможность – начать диалог в Югославии с учетом принципов СБСЕ»¹.

Тем временем нидерландское посольство в Белграде сообщило 3 июля в Гаагу о продвижении федеральных войск в направлении хорватского города Вуковар с явной целью проведения военной операции. В то же время в нидерландских газетах приводились высказывания белградских политиков и военных, не оставлявшие сомнений относительно вероятного образа действий федеральных властей. Так, в частности, в тот же день, когда из нидерландского посольства была направлена телеграмма в МИД Нидерландов, в центральных и региональных СМИ страны появилась информация о заявлении начальника Генштаба ЮНА генерала Б. Аджича о том, что армия «”любой ценой” возьмет под контроль всю территорию мятежных республик Словении и Хорватии». В связи с этим отмечалось, что Аджич, «известный своей бескомпромиссностью, также обвинил председателя Президиума и федеральное правительство в том, что они мешают военным, настаивая на переговорах»². Одновременно в публикациях нидерландской прессы высказывались критические оценки деятельности СБСЕ при решении югославского кризиса из-за отсутствия у этой структуры конкретных планов³.

¹ Garschagen O. EG blijft vasthouden aan Joegoslavische eenheid // De Volkskrant. – 1991. – 02.07. – P. 1.

² Zimmermann O. Leger eist overgave. Tankbestuurder rent voor zijn leven // Algemeen Dagblad. – 1991. – 03.07. – P. 1.

³ CVSE biedt nauwelijks houvast bij aanpak van crisis // De Volkskrant. – 1991. – 04.07. – P. 1.

Продолжавшаяся война в Словении вызвала ответную реакцию ЕС, который ввел 5 июля эмбарго на поставки оружия в Югославию до момента нормализации ситуации. Появлявшиеся в нидерландских СМИ материалы о действиях словенского руководства давали читателям основания для выводов о том, что позиция Любляны относительно независимости остается неизменной, но, с другой стороны, она готова идти на компромиссы и добиваться нормализации отношений с Белградом, примером чего был вопрос с военнопленными¹. На фоне боевых действий в Югославию отправляется тройка ЕС (в составе представителя от Нидерландов – Ван ден Брука, от Люксембурга – Ж. Пооса и от Португалии, которая должна была стать следующим председателем после Нидерландов, – Ж. Деуш Пинейру) для подготовки соглашения об урегулировании югославского кризиса. Несмотря на высказывавшуюся буквально за несколько дней до этого в нидерландской прессе критику СБСЕ за отсутствие конкретных планов решения внутриюгославского конфликта, тем не менее отмечалось, что «Европейское сообщество при явной поддержке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) направляет группу наблюдателей в Югославию для наблюдения за выполнением согласованного режима прекращения огня»². Совместная деятельность СЕ и СБСЕ рассматривалась в публикуемых материалах с точки зрения масштабного сотрудничества двух структур, последняя из которых имела гораздо большее представительство чем первая, и, таким образом, присоединялась к инициативе первой, усиливая ее позиции. Это нашло свое отражение в сообщении о том, что «конференция по европейской безопасности в Праге единогласно решила направить делегацию в Югославию для наблюдения за передвижением войск и обеспечения соблюдения режима прекращения огня. Миссия возложена на ЕС»³.

Не менее важной, а в определенной степени даже более значимой была опубликованная информация о нюансах в подходах ряда европейских стран к реализации схемы посредничества. Так, в частности, читатели нидерландской прессы.staviliлись в известность о том, что в соответствии с предложением Франции миссия должна

¹ Engelen T. Slovenië laat gevangenen vrij, wijst ultimatum van de hand // NRC Handelsblad. – 1991. – 05.07. – P. 1.

² Meines R. EG stuurt waarnemers en trojka naar Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 05.07. – P. 1.

³ CVSE werkt met EG inzake Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 05.07. – P. 5.

была быть военной, в то время как со стороны ФРГ выдвигалась идея «гражданской миссии с военным опытом»¹. Не менее важной для понимания нидерландскими читателями происходившего в Югославии и значения развивавшегося там конфликта была представленная в местной прессе «цепочка угроз», способных создать серьезные кризисы в Центрально-Восточной Европе и отразиться на ситуации в западноевропейских странах. Так, в частности, отмечалось, что Австрия и Венгрия планировали созвать конференцию государств, граничивших с СФРЮ, в число которых помимо них входили Албания, Болгария, Греция и Румыния. При этом отмечалось, что Австрия и Болгария, прямо или косвенно, были на стороне Хорватии и Словении, в то время как Албания, Греция и Румыния были «очень обеспокоены возможностью того, что отделение Хорватии и Словении приведет к тому, что группы меньшинств в других местах на Балканах будут более решительно предъявлять свои требования... Чехословакия также обеспокоена этим»². При этом обращалось внимание на заявление чехословацкого правительства по югославскому вопросу, поскольку официальная Прага «впервые не привела веских доводов в пользу сохранения югославской федерации», и даже более того, в заявлении по данному вопросу «не упоминалась единая Югославия», но одновременно утверждалось, что «независимость Хорватии и Словении должна быть достигнута мирным и законным путем»³. Со стороны западноевропейских политиков, как отмечалось в публикуемых материалах, также проявлялись как осторожность, так и противоречивость, свидетельством чего были слова главы бельгийского МИД М. Эйскинса о преждевременности признания независимости Словении и Хорватии, но при этом он сам не видел причин для отказа от этого признания в долгосрочной перспективе и высказывал прогноз относительно распада Югославии. В свою очередь лидер фракции СДПГ в Бундестаге ФРГ Х.-Й. Фогель призывал признать независимость этих двух республик⁴. Вопрос международной легитимации независимости Хорватии и Словении был одним из центральных в нидерландской прессе, и тем более важным с точки зрения освещения

¹ Meines R. EG stuurt waarnemers en trojka naar Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 05.07. – P. 1.

² CVSE werkt met EG inzake Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 05.07. – P. 5.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

его в СМИ стало определение в публикациях так называемых двух лагерей по этой проблеме. Первый из них был представлен Данией, ФРГ, Великобританией и Бельгией, выступавшими за признание независимости Хорватии и Словении, а второй – Францией и Нидерландами, выступавшими против этого. При этом позиция Нидерландов объяснялась их опасениями, что «это признание в настоящее время приведет к эскалации насилия, отчасти потому, что словенские ополченцы чувствовали бы себя более уверенно, атакуя федеральные войска»¹. Последнее нашло отражение в одном из газетных заголовков: «Разрушение югославской федерации вновь создает балканскую пороховую бочку»².

В ходе переговоров 7 июля 1991 г. при посредничестве тройки была подписана так называемая Брионская декларация. В соответствии с ней три стороны – Хорватия, Словения и СФРЮ – обязывались начать до 1 августа переговоры о будущем Югославии, прекратить блокаду военных объектов, вернуть армию в места дислокации, прекратить действия ополченцев и принять наблюдателей ЕС. Уже через два дня после подписания декларации нидерландская пресса обращала внимание на то, что в Словении руководство и политические круги разделились на два противостоявших лагеря в соответствии со своим отношением к результатам переговоров, один из которых состоял из сторонников, а другой – из противников этого соглашения, при этом оппоненты обвиняли друг друга в предательстве³. Важным итогом подписания Брионской декларации было прекращение 7 июля боевых действий в Словении, вошедших в историю этой страны как Десятидневная война. Окончательно подразделения ЮНА были выведены из Словении 25 июля.

В складывавшейся обстановке все настойчивее в политических кругах членов ЕС, включая Нидерланды, обсуждался вопрос о возможном участии европейских стран в миротворческой операции в Югославии, формах и методах реализации подобной схемы. Судя по нидерландским СМИ, ситуация в СФРЮ все больше интересовала общественно-политические круги страны, что нашло отражение и в обсуждениях нидерландского парламента. О высказывавшихся

¹ EG stuurt waarnemers naar Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 05.07. – P. 5.

² Michielsen P. Breuk Joegoslavische federatie maakt van Balkan weer kruitvat // NRC Handelsblad. – 1991. – 05.07. – P. 5.

³ Verdeeldheid over Brioni. Sloveense leiders voor 'verraders' uitgemaakt // Trouw. – 1991. – 09.07. – P. 1.

на его заседаниях мнениях относительно посылки миротворческого контингента в Югославию в нидерландских общенациональных и региональных газетах сообщалось достаточно подробно. В частности, в ряде публикаций отмечалось, что у подобного шага есть как сторонники, так и противники¹. Обращалось внимание на результативность деятельности министра иностранных дел Ван ден Брука, которая заслужила комплиментарные оценки на международном уровне². Более того, нидерландская сторона направила 13 июля своим партнерам по ЕС документ, содержавший предложения об изменении границ в СФРЮ, который, впрочем, был ими отклонен. С 13 по 17 июля 1991 г. ЕС направил в Югославию 50 наблюдателей с целью контроля за ситуацией в Словении. Однако уже в начале августа сербское республиканское руководство и командование ЮНА заняли жесткую позицию и ответили отказом на предложение осуществить очередной визит тройки ЕС в Югославию для проведения посреднической миссии и размещения наблюдателей в Хорватии с целью прекращения боевых действий. Более того, до 1 сентября предполагалось, что противоборствующие стороны сядут за стол переговоров. 27–28 августа президент Франции Ф. Миттеран встречался с президентами Хорватии Ф. Туджманом и Сербии С. Милошевичем для так называемого сближения позиций сторон. Эти переговоры проходили на фоне усиления поддержки Белградом сербских подразделений в Хорватии и помощи им со стороны ЮНА, что привело к началу сентября 1991 г. к расширению контроля над территориями Крайины и Славонии. 1 сентября глава нидерландского МИД Ван ден Брук прибыл с полномочиями от ЕС заключить договор о прекращении огня, увеличить количество наблюдателей и провести конференцию в Гааге.

Деятельность Ван ден Брука и его визит в Белград подробно освещались в центральной и региональной нидерландской прессе. Общенациональная газета *Algemeen dagblad* сообщала со ссылками на иностранные информагентства о том, что министр проявил после переговоров со С. Милошевичем «умеренный оптимизм», но в то же время приводила мнение нидерландских дипломатов, которые «были далеко не уверены, что соглашение о прекращении огня,

¹ Kamer: bij nieuw geweld troepen naar Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 12.07. – P. 3.

² Meines R. Minister V.d. Broek overlegt met Kamer over toestand Joegoslavië // NRC Handelsblad. – 1991. – 12.07. – P. 3.

международном контроле и переговорах о будущем страны может быть подписано»¹. Ультиматум ЕС – сесть за стол переговоров до 1 сентября – оказывался невыполненным, в связи с чем в статье отмечалось, что «неспособность достичь соглашения к полуночи открывает путь для дипломатических, политических и экономических действий, и страны ЕС оставляют за собой право созвать конференцию тех республик, которые готовы подписать соглашение»². Как отмечалось в другой публикации в этом же номере газеты, угроза признать независимость Словении и Хорватии в случае отказа Белграда от участия в международной конференции заставила власти Сербии согласиться с планом ЕС³. Этот факт отмечался и в материалах других нидерландских газет⁴. Одновременно нидерландским журналистам стали известны подробности переговоров Ван ден Брука со С. Милошевичем. Так, в частности, была изменена формулировка речи нидерландского министра, так как в прежнем варианте говорилось о «принятии декларации ЕС от 27 августа об эффективном прекращении огня, международном контроле и созыве мирной конференции» и осуждались действия нерегулярных сербских подразделений. В новой редакции все предложения министра формулировались как «принятие инициативы СЕ»⁵. Примечательным в данном контексте было то, что нидерландские журналисты обратили внимание на роль Франции в заключении соглашения. Они сообщали, что «президент Миттеран официально принял своего сербского коллегу Слободана Милошевича в Елисейском дворце и призвал его принять план, разработанный совместно с Францией. В противном случае раздосадованный ЕС придет на помощь Хорватии и Словении под давлением Германии, и Сербия окажется в изоляции как последний оплот коммунистов в Европе»⁶.

Перспектива проведения международной конференции по Югославии оценивалась в большинстве нидерландских газет, которые опубликовали большое количество материалов на эту тему, приводя подробности «дипломатического закулисья», как серьезная

¹ Joegoslavië heeft niet voldaan aan ultimatum EG // *Algemeen dagblad*. – 1991. – 02.09. – P. 1.

² Ibid.

³ Vliegveld Zagreb dicht na gevechten // *Algemeen Dagblad*. – 1991. – 02.09. – P. 7.

⁴ Servië stemt in met Europees plan voor redesconferentie // *NRC Handelsblad*. – 1991. – 02.09. – P. 1.

⁵ Ibid.

⁶ Nijenhuis H. Een tijd voor praten // *NRC Handelsblad*. – 1991. – 02.09. – P. 4.

победа Ван ден Брука. Более того, отмечалось, что в ответ на нидерландское предложение начать конференцию не позднее 16 сентября во Дворце Мира в Гааге Франция и Германия настаивали на том, чтобы она состоялась ранее этой даты¹. В ходе подготовки к этой встрече, на что обращалось внимание в нидерландской прессе, выяснились различия в трактовке позиций сторонами внутриюгославского конфликта. В связи с этим делался вывод о том, что «по соглашению с ЕС все военизированные формирования, за исключением полиции, и все нерегулярные формирования должны быть разоружены и демобилизованы», но «заранее договориться по этому вопросу представляется невозможным»². Целью Ван ден Брука в контексте происходившего, как отмечалось в прессе, было создание консультативных структур «между руководителями наблюдателей во главе с бывшим послом Нидерландов в Белграде Я. ван дер Валком и командующими федеральной армией, хорватской национальной гвардией и сербскими отрядами»³.

Открытие 7 сентября 1991 г. в Гааге конференции ЕС по Югославии под председательством лорда Кaringтона вселило некоторый оптимизм, как об этом свидетельствовали публикации в нидерландской прессе. При этом о сохранявшемся пессимизме свидетельствовала фраза в одном из материалов, опубликованном в общенациональной газете NRC Handelsblad в день начала работы саммита, где автор, Р. Майнес, писал, что «дело кажется безнадежным, но Европейское сообщество с уверенностью погрузилось в югославский кризис; отказ только усугубит ситуацию»⁴. В этой статье в деталях излагались усилия ЕС по разрешению югославского кризиса, начиная с лета 1991 г.

Как и предполагалось, конференция, несмотря на все попытки европейских участников добиться конструктивного диалога между участниками конфликта, уже не могла решить главного вопроса: сохранения любой формы единства Югославии и прекращения боевых действий. В центральной нидерландской прессе появлялось все

¹ Meines R. Vredesoverleg Joegoslavië in Den Haag // NRC Handelsblad. – 1991. – 03.09. – P. 1.

² EG-plan voor Kroatië verschillend uitgelegd // De Volkskrant. – 1991. – 03.09. – P. 4.

³ Strijd luwt in Kroatië na ondertekenen akkoord // De Volkskrant. – 1991. – 03.09. – P. 5.

⁴ Meines R. Rol EG bij de Balkancrisis begon zo mooi // NRC Handelsblad. – 1991. – 07.09. – P. 5.

больше материалов о расширении масштабов внутриюгославского конфликта и обращалось внимание на перспективу включения в него Боснию¹. Одновременно сообщалось о том, что находившиеся в Хорватии наблюдатели, пытавшиеся добиться прекращения огня, продолжают оставаться там, а некоторые из них – нидерландцы и ирландцы – были в местах боевых действий, включая г. Осиек на востоке Хорватии. Особо отмечалось, что посланнику Еврокомиссии Г. Вейнэнду, нидерландскому дипломату, удалось добиться прекращения огня в контролировавшемся сербами анклаве Крайины². Следует отметить, что буквально в день публикации этой статьи, 11 сентября 1991 г., дипломат едва не погиб в результате обстрела вертолета, в котором он летел, направляясь на восток Хорватии, в Окучани³.

Явная неудача конференции подтолкнула ЕС к окончательному изменению его позиции по вопросу сохранения единой Югославии, так как становилось очевидным, что этот план уже невозможно реализовать. Именно поэтому на Парламентской ассамблее Совета Европы, XIII заседание которой проходило 21 сентября 1991 г., была принята резолюция № 969, содержавшая озабоченность и беспокойство по поводу непрекращающихся боевых действий. В ней заявлялось о том, что Парламентская ассамблея «обращает внимание на право республик в соответствии с конституцией Югославии 1974 г. на выход из федерации и призывает государства – члены Совета Европы рассмотреть вопрос о признании тех республик, которые объявили о своей независимости. В ней подчеркивалось, что любое право на самоопределение должно сопровождаться полным уважением прав человека и прав меньшинств, а также соответствующих международных договоров. В связи с этим приветствовалось предложение, принятое Европейским парламентом (Резолюция от 11 сентября 1991 г.), о том, что права меньшинств должны также

¹ Strijd in Kroatië dreigt naar Bosnië over te slaan // *Algemeen dagblad*. – 1991. – 11.09. – P. 1; Gespannen sfeer in Bosnië // *Algemeen dagblad*. – 1991. – 11.09. – P. 9.

² Gespannen sfeer in Bosnië // *Algemeen dagblad*. – 1991. – 11.09. – P. 9.

³ Впоследствии он написал книгу воспоминаний о событиях тех дней на французском языке, которая была затем переведена на нидерландский: *Wijnaendts H. L'engrenage : chroniques Yougoslaves, juillet 1991–août 1992*. – Paris : Denoël, 1993. – 195 p.; *idem* *Joegoslavische kroniek : juli 1991 – augustus 1992*. – Amsterdam : Rap, 1994.

зашитаться в соответствии с определениями и процедурами, установленными Советом Европы»¹.

Тем временем ситуация в Югославии развивалась от отдельных вспышек вооруженного насилия и локальных боевых действий к полномасштабной гражданской войне в крупных регионах не-когда единого государства. В середине 20-х чисел сентября 1991 г. нидерландская пресса в связи с введением ООН эмбарго на поставки вооружений в Югославию стала обращать внимание на явно обнаружившийся раскол в руководстве Президиума. Так, сообщая об обращении его председателя хорвата С. Месича к Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру с просьбой о посылке миротворческого воинского контингента ООН в Югославию, газета *Amigoe* выражала сомнение в том, «что за ним стоит все коллективное президентство Югославии»².

Конец сентября – первая декада октября 1991 г., несмотря на проводившиеся переговоры европейских представителей с югославскими руководителями и состоявшуюся 4 октября встречу лорда Карингтона с президентами Хорватии и Сербии по поводу принципов выхода республик из состава СФРЮ, не принес серьезных результатов. Временно достигнутое перемирие между ЮНА и хорватскими силами получило достаточно скептическую оценку в нидерландской прессе, хотя в ней отмечалось соблюдение договора о прекращении огня. В появившихся в первой декаде октября публикациях приводились слова главы французского МИД Р. Дюма о том, что «Югославии больше не существует и Европа должна принять это во внимание»³.

Необходимость добиться прекращения боевых действий и перевода внутриюгославского конфликта из «горячей фазы» в мирное русло рассматривалась Европейским союзом как главная задача его дипломатии. 10 октября Van den Bruk вводит двухмесячный период для проведения переговоров между противостоящими сторонами. Именно этот аспект всего комплекса югославского кризиса превращался в основную тему публикаций нидерландской, как, впрочем, и всей европейской прессы. Судя по появлявшейся в нидерландских

¹ Crisis in Yugoslavia. Resolution 969 (1991) / Parliamentary Assembly. – 1991. – URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16380&lang=en> (date of access: 20.11.2022).

² EG wil Wapenembargo VN. Onduidelijkheid Over positie van Mesic Joegoslavische president: VN moet ergens optreden // Amigoe. – 1991. – 25.09. – P. 10.

³ Bestand in Joegoslavië // Nederlands dagblad. – 1991. – 10.10. – P. 1.

газетах информации, журналисты были хорошо осведомлены о деталях дипломатических усилий МИД своей страны, чему в немалой степени способствовало активное взаимодействие главы ведомства Ван ден Брука со СМИ. Так, в частности, обращалось внимание на давление, оказанное руководством Сербии на Ван ден Брука с тем, чтобы на пленарное заседание конференции по Югославии в Гааге был приглашен весь Президиум СФРЮ, где большинство мест оказалось в руках Сербии и Черногории, так как до этого нидерландский министр проводил совещание с президентами шести республик. Со своей стороны, ЕС заявил, что Сербия и Черногория захватили власть в Президиуме СФРЮ, что рассматривалось как государственный переворот, который не мог быть признан европейцами¹. Такие действия Белграда объяснялись тем, что председателем Президиума являлся С. Месич – представитель Хорватии, которая не участвует в заседаниях Президиума, заявила о выходе из Федерации и против которой ЮНА, а точнее Сербия, вела фактически войну. Одновременно сообщалось о переговорах глав Сербии и Хорватии, президентов С. Милошевича и Ф. Туджмана, с президентом СССР М. Горбачевым, а также президентом России Б. Ельциным. По результатам переговоров был направлен призыв к США, СССР и ЕС «сопровождать переговоры, которые могут привести к “длительному миру”»².

Одновременно в нидерландских газетах особое внимание обращалось на позиции противоборствовавших сторон югославского кризиса, и прежде всего – федерального центра в лице приобретавшей все больший вес Сербии, руководство которой фактически получило контроль над Президиумом СФРЮ. Это обстоятельство особо подчеркивалось в публикации общенациональной газеты *Algemeen Dagblad*, сообщавшей о негативной реакции этого высшего государственного органа, который «резко раскритиковал организацию мирной конференции ЕС по Югославии. В обнародованном в Белграде письме говорится, что “успешное проведение конференции гарантируется только при участии Президиума”. Тем самым Президиум в Белграде отреагировал на отказ Европейского сообщества пригласить его членов на конференцию»³. В другой

¹ EG nodigt hele staatspresidium Joegoslavië uit naar Den Haag // Nederlands dagblad. – 1991. – 18.10. – P. 5.

² Ibid.

³ Kritiek op opzet EG-conferentie // *Algemeen Dagblad*. – 1991. – 17.10. – P. 8.

общенациональной газете, *De Volkskrant*, автор статьи о перспективах проведения конференции высказывал предположение о том, что «специальное заседание югославской конференции, которое состоится в пятницу в Гааге, заранее рискует провалиться. Сербия выступает против новой попытки посредничества ЕС, потому что Президиум страны не будет представлен в Гааге»¹.

О степени значимости происходившего в Югославии для нидерландской общественности свидетельствовали также публикации региональных газет о событиях в этой стране и действиях международной дипломатии, в том числе нидерландской стороны, по решению кризиса. В связи с этим обращалось внимание на то, что «Сербия отвергает предложения ЕС по будущему строительству Югославии», о чем «заявил президент Сербии Слободан Милошевич в ходе пленарного заседания конференции по Югославии в Гааге. План ЕС предусматривает свободную ассоциацию суверенных или независимых республик в соответствии с международным правом»². Более того, конференция была временно приостановлена главой нидерландского МИД до тех пор, пока не будет отдан приказ о прекращении огня в Хорватии. И «только после того, как коллективный государственный Президиум и президент Хорватии Франьо Туджман в присутствии президента Сербии Слободана Милошевича согласились отдать приказ своим войскам о прекращении огня, Ван ден Брук открыл заседание»³. Проблемой, с которой столкнулись организаторы конференции, был вопрос о гарантиях сербским жителям Хорватии, на чем настаивал С. Милошевич, и его недовольство ограничениями автономии, о которых говорил нидерландский министр. В то же время стало очевидным отсутствие рычагов давления на Хорватию со стороны ЕС, что указывалось в материале газеты, а также вероятность того, что в случае устранения Европейского союза от дальнейших переговоров Германия могла признать независимость Хорватии в одностороннем порядке⁴. 18 октября 1991 г. руководство Сербии отвергло так называемый «Механизм общего урегулирования», предложенный лордом Карингтоном, а спустя десять дней министры иностранных дел ЕС в резкой форме

¹ Rudberg U. Staatspresidium niet vertegenwoordigd in Den Haag. Verzet Servië tegen EG-conferentie // *De Volkskrant*. – 1991. – 17.10. – P. 1.

² Servië verwerpt EG-plan Joegoslavië // *Leeuwarder courant : hoofdblad van Friesland*. – 1991. – 18.10. – P. 1.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

предупредили о введении ограничительных мер для «несотрудничающих сторон» в деле урегулирования югославского кризиса. Это не остановило руководство в Белграде, и 18 ноября сербские подразделения взяли город Вуковар, что вызвало быструю реакцию Генерального директора по политическим вопросам Van Валсума, обратившегося 19 ноября с предложением к Van den Бруку начать проводить политику по сдерживанию Сербии. 2 декабря 1991 г. ЕС отменяет санкции против всех республик Югославии, за исключением Сербии и Черногории, а 16 декабря Совет министров ЕС принимает решение, рекомендующее в течение ближайшего месяца признать те из республик бывшей Югославии, которые отвечают критериям ЕС в области прав человека, поддерживают мирные усилия ЕС и ООН, соблюдают стандарты СБСЕ и принимают на себя финансовые обязательства после выхода из Югославии. Первым шагом на этом пути стало признание независимости Словении и Хорватии со стороны ФРГ 23 декабря, а на следующий день с просьбой о признании в ЕС обратились Босния и Герцеговина, Македония, Словения и Хорватия. Все эти события получили детальное освещение в нидерландской общенациональной и региональной прессе, обращавшейся к деталям происходившего и действиям нидерландской дипломатии на «югославском направлении».

В то же время в публикациях нидерландских СМИ все чаще высказывались прогнозы о том, что предпринимавшиеся в последние три месяца 1991 г. международным сообществом, и прежде всего ЕС, усилия, а также достигнутые соглашения, направленные на поиск компромиссов с целью прекратить начавшуюся гражданскую войну в Югославии и добиться перехода к переговорному процессу о судьбе некогда единого федеративного государства, оказывались под угрозой срыва. Ежедневные публикации нидерландской прессы о Югославии и действиях международных посредников, большую роль среди которых играл глава нидерландского МИД Van den Брук, включали информацию как непосредственно из СФРЮ, так и с «переговорных площадок» в Европе. В конце декабря 1991 г. стало ясно, как отмечалось большинством нидерландских газет, что решающую роль в продолжении «горячей фазы» играют руководство Сербии и лично президент С. Милошевич. В связи с этим политические комментаторы и журналисты склонялись к мысли о стратегическом поражении последнего. В появившейся за два дня до нового 1992 г. в газете NRC Handelsblad статье под характерным названием «Президент Сербии серьезно просчитался» отмечалось, что «дела у сербских лидеров в Белграде идут не очень хорошо», и напоминался

эпизод с признанием независимости Словении и Хорватии Германией. В публикации упоминалось также заявление Евросоюза о намерении признать к 15 января независимость желающих отделиться республик, в то время как «сербское руководство ожидало, что министры иностранных дел ЕС уступят давлению Совета Безопасности, который несколькими днями ранее призвал европейских лидеров не признавать их. В Белграде считали, что Германии придется отказаться от предложенного признания Словении и Хорватии или оказаться в международной изоляции»¹. В свою очередь, «Европейское сообщество вздохнуло с облегчением». В новых условиях, как отмечалось в статье, после срыва 12 предыдущих соглашений о прекращении огня и отказа Белграда от плана ЕС по урегулированию кризиса наступил момент, когда уже никто не знал, что делать. Поэтому после этого шага ЕС дальнейшие действия должна была предпринимать ООН, и все оказались довольны: «ЕС – потому что Сербия теперь была готова принять миротворческие силы, Хорватия – потому что она месяцами умоляла ввести войска ООН, и Сербия – потому что она думала, что избавилась от беспокойных европейцев». Между тем федеральные войска терпели неудачи в западной Славонии, а в Сербии росло недовольство войной и мало кто верил, что «Милошевичу удастся подчинить ООН своей воле». Более того, в материале приводились слова лидера сербской оппозиции В. Драшковича, заявившего о неизбежности политического конца «последнего сталиниста в Европе»².

Этот довольно пессимистический для сербского президента вывод соседствовал в центральной нидерландской прессе с информацией о новой тактике С. Милошевича. 30 декабря газета *Algemeen dagblad* опубликовала статью под заголовком «Сербия ищет примирения». В ней сообщалось о призывае президента Сербии создать «“новую Югославию” для мирного урегулирования кризиса в стране»³. Более того, в материале, цитировавшем югославскую прессу, приводилась версия причин происходившего в интерпретации сербского лидера, заявившего о том, что «конфликт возник не потому, что несколько республик хотели стать независимыми государствами, а потому, что они хотели реализовать этот идеал с

¹ Engelen T. Servische president heeft zich ernstig verrekend // NRC Handelsblad. – 1991. – 30.12. – P. 5.

² Ibid.

³ Servië zoekt verzoening // Algemeen dagblad. – 1991. – 30.12. – P. 7.

помощью насилия»¹. Перспектива «обновления» Югославии, как она виделась С. Милошевичу, приводилась в статье газеты на основе его высказываний, опубликованных в югославской печати. По его мнению, «границы будущего государства должны определять “люди, которые хотят остаться в Югославии, и люди, которые хотят уехать”». Он также выражал надежду, что «к новому государству присоединится большая часть Боснии и Герцеговины и Македонии»². Из этого пассажа даже для неискущенного нидерландского читателя становилось ясно, что сербский президент, с одной стороны, стремился продемонстрировать свое миролюбие и невиновность в развязывании гражданской войны, а с другой – продолжал сохранять уверенность в том, что у него хватит сил и возможностей для удержания других республик в составе становившейся подконтрольной ему федерации.

Одновременно, если иметь в виду вовлеченность Нидерландов в разрешение югославского кризиса и широкое освещение как его самого, так и действий нидерландской дипломатии во главе с ее главой Ван ден Бруком на «югославском направлении», вполне закономерным становилось обращение национальной прессы к итогам 1991 г. с точки зрения определения результативности председательства Нидерландов в Европейском сообществе. Буквально за два дня до окончания года одна из центральных газет, *Nederlands dagblad*, в специальной подборке об итогах уходящего года и окончании нидерландского председательства в ЕС, обращаясь к теме югославского кризиса, в статье «Европейский баланс» отмечала, что для Ван ден Брука это были «физически изнурительные месяцы», а вторая половина 1991 г. была не самым лучшим временем для разрешения югославского кризиса. В то же время особо отмечалось, что глава МИД выдвинул план политического союза, который был отвергнут остальными членами ЕС и который заключался в том, что «Нидерланды хотели примирить два противоречивых идеала: федеральный характер ЕС, включая внешнюю политику и политику безопасности, и постоянную связь с Соединенными Штатами. В результате это вызвало неприязнь как у атлантистов, так и у федералистов...»³.

¹ Servië zoekt verzoening // *Algemeen dagblad*. – 1991. – 30.12. – P. 7.

² Ibid.

³ Первая встреча Совета. Резюме выводов. Заявление об обстановке в Югославии : Берлинская встреча Совета СБСЕ, 19–20 июня 1991. – Берлин, 1991. – С. 8. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/3/40238.pdf> (дата обращения: 19.11.2022). Se balans // *Nederlands dagblad*. – 1991. – 30.12. – P. 1.

На этом фоне освещение заключительных шагов нидерландского министра в русле урегулирования югокризиса приобретало особое значение. Передача эстафеты Португалии, следующему председателю ЕС, когда глава МИД отбыл для консультации со своим португальским коллегой, а также председателем конференции по Югославии лордом Кэррингтоном и спецпредставителем ООН бывшим Госсекретарем США С. Вэнсом в Лиссабон, оценивалась с точки зрения того, что это «положило конец центральной роли, которую Van den Broek играл от имени ЕС в югославском конфликте». Также упоминался тот факт, что вице-премьер Югославии А. Митрович был «не в восторге от политики ЕС последних месяцев»¹. В связи с этим примечательным становилось появление в центральной нидерландской прессе за день до нового 1992 г. материалов, в которых сообщалось, что на встрече в Лиссабоне С. Вэнс заявил о том, что хотел, «чтобы Европейское сообщество и ООН более тесно сотрудничали в поисках решения югославского кризиса»². Такое предложение явно свидетельствовало о недостаточности усилий ЕС и могло в определенной степени косвенно создать негативные представления о деятельности главы нидерландского МИД как одного из главных переговорщиков по югокризису.

Освещение событий в Югославии, детальные подробности югославской ситуации и дипломатических усилий ЕС, а нередко – эксклюзивные материалы о действиях МИД Нидерландов и его главы в нидерландских газетах различной политической направленности свидетельствовали об исключительном интересе, проявлявшемся СМИ страны к событиям в Югославии, которые серьезно влияли на международную повестку дня мировой дипломатии, затрагивая интересы Европы, США и СССР. Примечательной особенностью, характерной практически для всех материалов, публиковавшихся в газетах, была высокая степень осведомленности их авторов, беспристрастность и во многих случаях аналитичность.

¹ Van den Broek overlegt met Portugal over Joegoslavië // De Telegraaf. – 1991. – 31.12. – P. 3.

² Oplossing crisis Joegoslavië vraagt, om samenwerking' // Algemeen Dagblad. – 1991. – 31.12. – P. 5.

Литература

Первая встреча Совета. Резюме выводов. Заявление об обстановке в Югославии : Берлинская встреча Совета СБСЕ, 19–20 июня 1991. – Берлин, 1991. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/3/40238.pdf> (дата обращения: 19.11.2022).

Bezinning op het buitenland. Het Nederlands buitenlands beleid in een onzekere wereld / Hellema D., Segers M., Rood J. (reds.). – Maastricht : Instituut Clingendael, 2011. – 226 p.

Both N. From indifference to entrapment : the Netherlands and the Yugoslav crisis, 1990–1995. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2000. – 266 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9789048505012>

Juncos A.E. EU foreign and security policy in Bosnia : the politics of coherence and effectiveness. – Manchester : Manchester University Press, 2013. – 224 p. – DOI: [10.7228/manchester/9780719082405.001.0001](https://doi.org/10.7228/manchester/9780719082405.001.0001)

Kempster N., Willians C.J. Yugoslav Unity eludes Baker in Belgrade // Los Angeles Times. – 1991. – 22.06. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-06-22-mn-901-story.html> (date of access: 19.11.2022).

Crisis in Yugoslavia. Resolution 969 (1991) / Parliamentary Assembly. – 1991. – URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16380&lang=en> (date of access: 20.11.2022).

Schoneveld J.A. Tussen Atlantica en Europa. Over opkomst en ondergang van de spagaat in de Nederlandse buitenlandse politiek. – Leiden : Proefschrift Universiteit, 2000. – 235 p.

Wijnaendts H. Joegoslavische kroniek : juli 1991 – augustus 1992. – Amsterdam : Rap, 1994. – 206 p.

Wijnaendts H. L'engrenage : chroniques Yougoslaves, juillet 1991–août 1992. – Paris : Denoël, 1993. – 195 p.

Zwan A.C. van der, Graaff B. de, Hellema D. In dienst van Buitenlandse Zaken : achttien portretten van ambtenaren en diplomaten in de twintigste eeuw. – Amsterdam : Boom, 2008. – 307 p.

Глава 15. ВЗГЛЯД ИЗ БРЮССЕЛЯ И ВАШИНГОТНА: ВОЙНА В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ 1992–1995 гг. В ОЦЕНКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США¹

Распад Югославии и связанный с ним Балканский кризис конца 80-х – 90-х годов XX в. является предметом пристального внимания европейской общественности в начале XXI в. Оценка его причин и последствий регулярно становится предметом для дискуссий в средствах массовой информации Европы. Очередной «юбилей» актуализирует внимание экспертного сообщества и общественности к событиям на югославском и постюгославском пространстве в те годы².

¹ Крючков Игорь Владимирович – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета; igory5@yandex.ru.

² В отечественных публикациях см., напр.: Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 84–100; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю.С. Новопашин. – Москва : Наука, 2007. – 396 с.; Мусатов В.Л. Политика М.С. Горбачева и демократические революции рубежа 1980–1990-х годов в Восточной Европе // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы : 20 лет спустя / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : РОССПЭН, 2011. – С. 79–90; Никифоров К.В. Общие черты и специфика трансформационного процесса в Сербии // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы : 20 лет спустя / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : РОССПЭН, 2011. – С. 271–281; Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 22–58; Романенко С.А. Изучение истории Балкан / Юго-Восточной Европы : исследовательские задачи и постановка проблемы // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 7–21; Романенко С.А. Между пролетарским интернационализмом и «славянским братством» : российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX в. – 1991 г.). – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 1024 с.; Центрально-европейские страны на рубеже ХХ–ХХI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / отв. сост. Ю.С. Новопашин. – Москва : Новый хронограф, 2003. – 270 с.; Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец ХХ – начало ХХI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – 480 с.; Этнополитические конфликты в Югославии и страны Юго-Восточной

На основе интервью с профессором Белградского университета М. Вукомановичем и профессором Сараевского университета Д. Абазовичем журналисты в 2013 г. попробовали ответить на вопрос о том, почему религия не стала миротворческой основой для разрешения конфликта на территории бывшей Югославии. По мнению ученых, практически любой этноним в Югославии четко увязывался с определенной религией. Босняки-мусульмане, сербы-православные, хорваты-католики и т.п. СФРЮ являлась светским государством, поэтому религиозность не очень поощрялась в обществе. Однако все меняется в 80-е годы, когда происходит крайняя политизация и радикализация религии, растет ее популярность в югославских республиках. Религиозные институты способствовали национальной консолидации и мобилизации общества в условиях вооруженного конфликта, так как во время войны и в отсутствие уверенности в завтрашнем дне набирает силу вера в тоталитарные и универсальные системы, выступающие в защиту традиций¹.

Оба собеседника подчеркивают, что завершение конфликта в Боснии и Герцеговине привело к диалогу между различными конфессиями, хотя именно они несут определенную вину за начало гражданской войны. Они даже не принесли друг другу официальные извинения за многочисленные жертвы. В то же время, если следовать формальной логике, именно религиозные конфессии могли выступить в качестве основы для межконфессионального диалога в Боснии и Герцеговине после завершения войны. Причина этого явления заключается в том, что во время войны многие религиозные лидеры оказались тесно связаны с наиболее радикальными группами и продолжали поддерживать с ними контакты также после войны. Более того, крайнее увлечение политикой ослабляет их интерес к социальным проблемам и другим чаяниям рядовых жителей Боснии и Герцеговины².

2015 и 2016 годы ознаменовались памятными датами в трагической истории Боснии и Герцеговины, связанными с 25-летием начала конфликта и 20-летием его завершения. Эти даты

Европы / под ред. А.А. Языковой. – Москва : ИМЭПИ РАН, 1999. – 164 с.; Яковина Т. Хорватская политика : символика и бездействие // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 101–126.

¹ Куге А. Бывшая Югославия : религия и примирение. Почему религиозные лидеры не стали миротворцами на Балканах // Иносми. – 2013. – 05.05. – URL: <https://inosmi.ru/world/20130505/208720860.html> (дата обращения: 26.12.2022).

² Там же.

заставили европейскую общественность вновь вернуться к пересмотру причин и последствий этого конфликта.

В июле 2015 г. к двадцатилетию кровопролития в Сребренице, в результате которого погибли около 8 тыс. человек, разгорелся очевидный международный скандал, заставивший мировое сообщество вспомнить войну в Боснии и Герцеговине. США и Великобритания на заседании Совета Безопасности ООН вынесли резолюцию, осуждающую геноцид мусульман в Сребренице. Однако Россия воспользовалась своим правом вето и заблокировала ее принятие. Газета *The Washington Post*, обращаясь к этому вопросу, отмечала, что, несмотря на заявления лидеров большинства западных стран, отдельных представителей ООН и даже Генерального секретаря, ООН не может найти четкое обозначение для событий в Сребренице, отмечая неконструктивные, по ее мнению, действия России. Москва настаивает на полном исключении слова «геноцид», поскольку это может привести к односторонней оценке причин конфликта в Боснии и Герцеговине, с чем издание категорически не согласно, так как последний проект резолюции возлагал ответственность за конфликт на все стороны. Издание полагало, что Москва таким образом стремится сохранить свое влияние в Сербии и сербской половине Боснии и Герцеговины¹. При этом автор статьи указывал, что ООН и другие международные организации должны признать свою ответственность за бездействие во время событий в Сребренице. Тема бездействия во время войны в Боснии и Герцеговине постоянно звучит в статьях европейских и американских изданий.

Испанская газета *El País* подчеркивала важность сохранения исторической памяти о событиях в Сребренице. Это необходимо делать в связи с двумя аспектами. Во-первых, это служит своеобразным барометром, показывающим положение дел в настоящее время в Боснии и Герцеговине, как и на постюгославском пространстве в целом. Во-вторых, демонстрирует важную роль международного сообщества в разрешении конфликта в регионе. Эти аспекты тесно переплетаются друг с другом и по-прежнему оказывают влияние на современное положение дел на Балканах².

В то же время испанский аналитик и специалист по международным отношениям Р.М. Торральба, в отличие от большинства

¹ *Young de K. Russian veto of U.N. resolution on Srebrenica infuriates U.S., allies // The Washington Post. – 2015. – 08.07.*

² *Torralba R.M. La herida abierta de Srebrenica // El País. – 2015. – 07.07.*

журналистов и экспертов Европы и США, посчитал несвоевременной предложенную Великобританией резолюцию, признающую трагедию в Сребренице актом геноцида. Прежде всего, ее содержание во многом выхолащивается, так как Международный суд ООН в Гааге квалифицировал данные события как проявление геноцида, возложив за них ответственность на сербских лидеров Боснии и Герцеговины. Кроме того, по его мнению, принятие резолюции не приблизит мир в Боснии и Герцеговине, а, напротив, будет способствовать новому витку конфликта в стране. Такого рода решения должны приниматься на основе консенсуса как внутри Боснии и Герцеговины, так и в международном сообществе. В этом плане аналитик вспомнил операцию «Буря», приведшую к гибели 2 тыс. сербов и депортации более 200 тыс. человек из Хорватии. Амнистия двух хорватских генералов вызвала много вопросов к Международному суду ООН и оценке этих событий внутри Хорватии. Генералы А. Готовина и М. Маркач становятся, по сути, национальными героями Хорватии. В стране ежегодно празднуется победа в операции «Буря» («Oluja»). Такие действия Загреба не ведут к укреплению стабильности на Балканах и взаимопониманию между народами региона. Кроме этого, возникает вопрос о том, как хорватский национализм в рамках уже ЕС будет способствовать позитивной политике Союза на Балканах¹. По мнению журналиста, любые односторонние действия не приведут к стабильности в регионе. Поэтому необходим консенсус между государствами Балкан и ведущими мировыми державами. ЕС в этом плане следует выработать единую стратегию действий².

В 2020 г. исполнилось 25 лет со дня трагедии в Сребренице. На это событие отреагировали почти все ведущие европейские издания. Шведские журналисты назвали трагедию в Сребренице самым кровавым событием в Европе после Второй мировой войны. Печальная дата вновь заставляет вспомнить о причинах конфликта на территории бывшей Югославии, в том числе в Боснии и Герцеговине. Ответственность за данные события полностью возлагается на сербских националистов³. По мнению Г. Йонссона, в социалистической Югославии сложились нормальные отношения между

¹ Torralba R.M. La herida abierta de Srebrenica // El País. – 2015. – 07.07.

² Ibid.

³ Jonsson G. 25 år efter Srebrenica – det värsta illdådet i Europa efter andra världskriget // Dagens Nyheter. – 2020. – 07.10.

различными народами. Режим Й. Броза Тито жестко пресекал любые проявления национализма. Однако смерть Й. Броза Тито и развал коммунистической системы в стране привели к всплеску национализма в Югославии. Всю ответственность за начало конфликта на территории страны журналист возлагал на С. Милошевича, взявшего курс на возрождение великосербского национализма. В условиях многонационального состава населения во многих регионах брался курс на проведение этнических чисток и депортации населения, что полностью поддерживал режим Милошевича¹.

Г. Йонссон полагал, что во время конфликта в Боснии и Герцеговине, включая резню в Сребренице, Европа показала свою полную несостоятельность. Только решительная политика США и президента Б. Клинтона, возмущенных действиями сербских националистов в Сребренице, привели к заключению Дейтонских соглашений. Они гарантировали стране хрупкий мир, поддерживаемый НАТО и ЕС. Кроме того, они открывали путь для преследования военных преступников вне зависимости от их этно-конфессионального происхождения. События в Сребренице продемонстрировали еще один исторический урок – полное бессилие ООН в экстремальных условиях, когда речь заходит о принятии быстрых и решительных мер по предотвращению уничтожения тысяч людей².

Французский независимый сетевой ресурс *Slate.fr* обратился к теме преодоления одного из последствий войны в Боснии и Герцеговине – к разминированию многочисленных минных полей. Несмотря на все усилия властей и неправительственных организаций, данную проблему не удалось решить в полном объеме. Отчасти это связано с тем, что не сохранились карты минных полей, зачастую мины устанавливали гражданские лица и различные неформальные воинские объединения. Все это осложняет проведение данных работ. Ситуация еще больше усугубилась после сильного наводнения в Боснии и Герцеговине в 2013 и 2014 гг.³

В июне 2016 г. журнал *Der Spiegel* обратил внимание на 25-летие со дня начала кровавой гражданской войны в Боснии и

¹ Jonsson G. 25 år efter Srebrenica – det värsta illdådet i Europa efter andra världskriget // *Dagens Nyheter*. – 2020. – 07.10.

² Там же.

³ Aubry A., Kotelnikoff L. Vingt ans après, la Bosnie reste un champ de mines // *Slate*. fr. – 2015. – 02.09. – URL : <http://www.slate.fr/story/105911/vingt-ans-apres-bosnie-champ-mines> (date of access: 26.12.2022).

Герцеговине. По его мнению, антивоенный рок-концерт, состоявшийся в ледовом дворце «Зетра» в Сараево 28 июля 1991 г., с участием известных в бывшей СФРЮ рок-групп, стал последним манифестом сил, выступающих за мир, в бывшей югославской республике. На концерте собралось почти 80 тыс. человек. Трудно было предположить, что через несколько месяцев Босния и Герцеговина скатится в бездну войны, а «Зетре» будет суждено стать большим моргом. Неожиданно для мирового сообщества и отчасти для самих жителей бывшей Югославии соседи в Сараево начинают стрелять друг в друга, город оказывается в осаде, сопровождаемой массовыми убийствами, совершаемыми обеими сторонами. Этническая принадлежность становится решающим фактором в восприятии граждан бывшей единой страны.

Войны на территории Югославии, в том числе в Боснии и Герцеговине, по мнению журнала *Der Spiegel*, нанесли сильный удар по европейской идеи и политическим настроениям в Европе¹. После падения Берлинской стены Европу охватила эйфория; казалось, что единство континента становится реальностью и он сможет навсегда избавиться от конфронтации и войн на своей территории. Европейцы собирались двигаться сообща к «светлому будущему». Однако эта идиллическая картина быстро была разрушена «варварством», захлестнувшим Балканы.

Авторов статьи волновал вопрос о том, как могла разразиться трагедия, когда значительная часть жителей бывших республик СФРЮ выступала за мир, по всей территории страны проходили демонстрации, призывающие к миру и гражданскому согласию. О данном движении, по мнению журналистов, незаслуженно забыли в Европе, в том числе в бывших югославских республиках.

Журнал *Der Spiegel* приводит точку зрения социолога Я. Беч, которая одну из причин трагедии видит в серьезном кризисе, охватившем Югославскую народную армию, в результате которого почти 40 тыс. человек оказались дезертирами и еще около 100 тыс. новобранцев так и не попали в свои воинские части. В Белграде количество «уклонистов» достигло 85%². Издание, ссылаясь на слова бывшего посла США в Югославии У. Циммерманна, отмечает,

¹ Braun C., Pfeil M., Visevic D. Jugoslawien 1991 : Warum flammt ein Krieg auf, den niemand will? // *Der Spiegel*. – 2016. – 28.06. – URL: <https://www.spiegel.de/international/tomorrow/war-in-yugoslavia-and-the-peace-movement-that-preceded-it-a-1100626.html> (date of access: 01.03.2023).

² Ibid.

что Югославия являлась развитой страной с сильным гражданским обществом и высоким уровнем образования, что, казалось, создавало мощные барьеры на пути разжигания кровавых гражданских войн на ее территории. Виновниками трагедии, на взгляд бывшего дипломата, стали политики-националисты, которые, решая в том числе собственные задачи, ввергли страну в пучину конфликта, спустив его «сверху вниз»¹.

Журналисты *Der Spiegel* встретились с участниками знаменитого концерта 1991 г. в Сараево, чтобы собрать их воспоминания о войне. Все они отмечали, что война в Боснии и Герцеговине оставила глубокий след в истории уже независимой страны. Поствоенный синдром во многом определяет развитие государства в настоящем. Оно уже никогда не будет прежним.

Среди материалов западной прессы о событиях в Боснии и Герцеговине выделяется обращение к воспоминаниям очевидцев событий, в том числе ставших впоследствии известными журналистами. К таким по праву принадлежит А. Брезар. В 1992 г. он с родителями в Сараево отмечал свое восьмилетие за несколько недель до начала войны в Боснии и Герцеговине. После чего они отправились кататься на лыжах в горы. В это время уже вовсю бушевал конфликт в Хорватии и шла осада Вуковара. Однако жители Сараево и его пригородов вне зависимости от национальности верили, что в их республике такой сценарий развития событий невозможен. Казалось, что плюрализм боснийского общества является лучшей преградой на пути межэтнических конфликтов². Поэтому родители А. Брезара скептически отнеслись к предостережениям полковника ЮНА о грядущей опасности. Эта ошибка привела к тому, что временный отъезд семьи А. Брезара к дяде на две недели, «пока все не успокоится», превратился в четыре года скитаний.

Автор, по сути, акцентирует внимание на действиях сербской стороны (осада Сараево и Мостара, этнические чистки в Сребренице и Баня-Луке и др., называя их геноцидом). О фактах насилия в отношении сербов он ничего не говорил, тем самым полностью возлагая ответственность за войну на сербскую сторону. Большую часть вины за события в Боснии и Герцеговине он возлагал на международное сообщество, которое до 1995 г. не предпринимало

¹ Braun C., Pfeil M., Visevic D. Op.cit.

² Brezar A. Bosnia is close to the edge. We need Europe's help // The Guardian. – 2019. – 29.05.

решительных мер по прекращению конфликта в Боснии и Герцеговине. По сведениям автора, в конфликте погибли 130 тыс. человек, а 2,2 млн человек оказались внутренне перемещенными лицами. А. Брезар также пишет о посттравматическом синдроме боснийского общества, затронувшем от 400 тыс. до 1,7 млн человек¹. Позитивным моментом для страны явилось то, что, несмотря на все переживания, люди постарались полностью сосредоточиться на ее восстановлении.

Подводя итоги 25 послевоенных лет, А. Брезар весьма скептически оценивал положение дел в Боснии и Герцеговине. В стране сложилась громоздкая и неэффективная система государственного управления, способствующая межэтническому противостоянию и развитию коррупции. Приватизация государственной собственности сопровождалась коррупцией, кумовством и решением вопросов в угоду определенным национальным кланам. Это привело страну к глубокому экономическому кризису. В результате 57,5% молодежи остались без работы. Несколько десятков тысяч боснийцев были вынуждены покинуть страну в поисках лучшей доли. В довершение ко всему почти 23% населения страны живут за чертой бедности². Более того, национализм разъедает все государственные и общественные институты. В Республике Сербской постоянно звучат заявления о недееспособности государства и необходимости раздела Боснии и Герцеговины. Кроме этого, в республике создается военизированная полиция, что вызывает тревогу в стране и в ООН.

А. Брезар отмечал и невыгодный для Боснии и Герцеговины внешнеполитический контекст. Сербия наращивала вооруженный потенциал, в том числе с помощью сотрудничества с Россией. Роль России в развитии ситуации в Боснии и Герцеговине автор статьи оценивал крайне отрицательно. При этом Запад занимал пассивную позицию. Отрицательно он относился и к роли Хорватии в стабилизации ситуации в Боснии и Герцеговине, в том числе когда вскрылись факты оказания Загребом помощи исламистским группировкам в стране.

Дейтонские соглашения и основы внутренней политики Боснии и Герцеговины постоянно являлись темой для жесткой критики западной прессой. Соглашения критикуются за раздел страны по национальному (кантональному) признаку, когда националистические партии становятся полными хозяевами положения дел в своих

¹ Brezar A. Op.cit.

² Ibid.

регионах, создавая препятствия для формирования общебоснийских политических объединений. Заложником соглашения становится экономика Боснии и Герцеговины. Ее предприятия не выдерживали конкуренции с сербскими и македонскими, многие из них разоряются. В результате сокращался экспортный потенциал страны. Внутреннее потребление развивается крайне вяло, а выполнение программы реформ МВФ окончательно его подорвало. Темпы роста ВВП Боснии и Герцеговины отставали от аналогичных показателей ее соседей. Внешний долг страны превысил треть от ее ВВП.

Известный французский журналист А. Кастене полностью согласен с А. Брезаром в том, что консенсус между правящими элитами в стране произошел по двум вопросам: масштабная приватизация, проведенная по клановому принципу, и разворовывание государственного бюджета. По мнению журналиста, в стране постепенно нарастает недовольство экономической политикой националистов¹.

О серьезности ситуации в стране говорит новый виток исторических войн памяти, развернувшихся на территории Боснии и Герцеговины. Сербы стремятся пересмотреть оценки гражданской войны, включая события в Сребренице, Хорватия предпринимает усилия по реабилитации действий усташей, в том числе на территории Боснии и Герцеговины².

Все эти факты убеждают автора в наличии в Боснии и Герцеговине глубокого кризиса, представляющего угрозу для мультикультурализма страны и ее единства. Поэтому, по его мнению, Европа должна предпринять решительные усилия по сохранению культурного многообразия страны, искоренению в ней национализма, коррупции и поддержанию единства Боснии и Герцеговины³.

В 2011 г. французская газета *Le Figaro* на примере одного из немногих выживших во время резни в Сребренице мужчин-мусульман, М. Омеровича, описывает все действия, совершившиеся армией Р. Младича, и обращается к современной жизни в городе, где сербы теперь составляют 60% населения. М. Омерович оказался среди тех боснийцев-мусульман, которые несмотря на пережитое решили

¹ Castaignet A. Bosnie-Herzégovine : pourquoi le système politique demeure instable? // Le Huffington Post. – 2014. – 30.06. – URL : https://www.huffingtonpost.fr/actualites/article/bosnie-herzegovine-pourquoi-le-systeme-politique-demeure-instable_39805.html (date of access: 26.12.2022).

² Brezar A. Op.cit.

³ Ibid.

вернуться в родной город. В городе царит своеобразная атмосфера. Люди вне зависимости от национальности стремятся поскорее забыть былые обиды и наладить нормальный образ жизни. Даже новости об аресте Р. Младича 26 мая 2011 г. не привели ни к каким внешним проявлениям эмоций, сербы и мусульмане восприняли эту новость буднично. По мнению французского издания, хотя в Сребренице установился мир, однако эта стабильность может быть разрушена действиями М. Додика, не отказавшегося от идеи сербского национализма¹. Германский журналист А. Майер, отражая общий настрой европейской прессы и изданий США, считает М. Додика главной опасностью для целостности страны и ее курса на вступление в ЕС².

На взгляд А. Кастене, Европа забыла о Боснии и Герцеговине на фоне развития ее связей с Албанией, Македонией, Сербией и Черногорией. Требования ЕС об укреплении позиций центрального правительства и ограничения автономии Республики Сербской могут привести к противоположному эффекту – началу нового витка межэтнического противостояния. В результате лидеры сербской общины становятся активными сторонниками Дейтонских соглашений, противопоставляя их политике Брюсселя. Успех в Боснии и Герцеговине возможен только при условии внутрибоснийского диалога, с каким бы трудом он ни начинался, а его противниками как раз являются националисты всех мастей. Поэтому ЕС должен содействовать диалогу между сербами, хорватами и боснийцами-мусульманами³. По мнению американского издания *The Atlantic*, он возможен, поскольку Босния и Герцеговина демонстрирует пример либерального ислама, настроенного на компромисс с другими культурами и религиями. Отчасти это является наследием нахождения региона в составе Австро-Венгрии и проявлением желания мусульман адаптироваться к европейским ценностям⁴.

Таким образом, зарубежные СМИ регулярно обращаются к осмыслению исторического опыта войны в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. С одной стороны, они стремятся определить причины

¹ Picard M. L'odyssée de Dile, rescapé de Srebrenica // Le Figaro. – 2011. – 31.05.

² Meier A. Westlicher Balkan : Der lange Weg zur EU // Der Tagesspiegel. – 2018. – 08.10.

³ Castaignet A. Op. cit.

⁴ Asimovic Akyol R. Want to cultivate a liberal European islam? Look to Bosnia // The Atlantic. – 2019. – 13.01.

конфликта и роль международного сообщества в его обострении; с другой – понять проблемы и перспективы развития Боснии и Герцеговины после заключения Дейтонских соглашений. Большинство проблем развития страны в настоящее время зарубежные СМИ связывают с последствиями гражданской войны, борьбой боснийского мультикультурализма с национализмом сербов, хорватов, боснийских мусульман. Без поддержки ЕС и США стране трудно будет обрести консенсус, способный создать благоприятные перспективы для ее дальнейшего процветания.

Литература

История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю.С. Новопашин. – Москва : Наука, 2007. – 396 с.

Мусатов В.Л. Политика М.С. Горбачева и демократические революции рубежа 1980–1990-х годов в Восточной Европе // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы : 20 лет спустя / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : РОССПЭН, 2011. – С. 79–90.

Никифоров К.В. Общие черты и специфика трансформационного процесса в Сербии // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы : 20 лет спустя / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : РОССПЭН, 2011. – С. 271–281.

Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 22–58. DOI: 10.31249/ape/2021.02.02

Романенко С.А. Изучение истории Балкан, Юго-Восточной Европы : исследовательские задачи и постановка проблемы // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 7–21. DOI: 10.31249/ape/2021.02.01

Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – 480 с.

Центральноевропейские страны на рубеже ХХ–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / отв. составитель Ю.С. Новопашин. – Москва : Новый хронограф, 2003. – 270 с.

Этнополитические конфликты в Югославии и страны Юго-Восточной Европы / под ред. А.А. Языковой. – Москва : ИМЭПИ РАН, 1999. – 164 с.

Яковина Т. Хорватская политика : символика и бездействие // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 101–126.

РАЗДЕЛ V.

СССР И СФРЮ: СУДЬБА ГОСУДАРСТВ И ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ

Глава 16. ВЗГЛЯД ЖУРНАЛИСТА: УРОКИ ВОЙНЫ ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ¹

Мулла забрался на минарет главной мечети в Сараево, столице Боснии и Герцеговины, и кричит: «Правоверные, у меня украли часы! Если это сделал мусульманин – пусть вернет их в мечеть. Если хорват – пусть положит часы у входа. Ну а если это дело рук серба – то я зря тут разоряюсь». Этот анекдот я услышал впервые, когда приехал в Сараево на зимние Олимпийские игры в 1984 г., когда здесь многократно звучал гимн Советского Союза в честь побед наших олимпийцев. Мы отмечали эти победы на Башчаршии – местной средневековой романтической рыночной площади, полной ресторанчиков и лавочонок с вкуснейшей снедью.

Тогда снежный вихрь, поднятый нашими великолепными лыжниками, конькобежцами, биатлонистами, и блеск их медалей не позволили увидеть глубинных процессов, разрушавших внешне благополучную Социалистическую Федеративную Республику Югославия. Но скоро, в начале 1990-х, в том же многонациональном Сараево подвыпившие мусульмане на сербской свадьбе застрелили двух кумовьев, и на улицах города тотчас же начали расти баррикады, разделившие город по этническому принципу. Потом они стали линией фронта.

Так началась гражданская война, в ходе которой на Балканах погибло и пропало без вести несколько сотен тысяч человек со всех сторон. Ее последствия до сих пор ощущаются не только в много-

¹ Грызунов Сергей Петрович – канд. ист. наук, шеф бюро АПН («Новости») в Югославии (1990–1994), председатель Комитета РФ по печати (1994–1995); s.gryzunov@mail.ru.

национальном Сараево, но и в сербском Белграде и хорватском Загребе. В Гааге с 1993 по 2017 г. работал Международный трибунал по бывшей Югославии¹.

Я был свидетелем этих преступлений, когда в качестве журналиста пробирался то в осажденное сербами Сараево, то в сербские укрепления на прилегающих вершинах. Я видел, как снайперы и пулеметчики обстреливали мирных жителей, бродивших по незащищенным улицам в поисках воды и продовольствия. Так были убиты три тысячи детей. Я видел, как по ночам люди хоронили своих близких на стадионе, где всего несколько лет назад гремели олимпийские гимны.

Приехав в Сараево много лет спустя, уже в начале 2000-х, я первым делом отправился на это кладбище. Сегодня здесь, в центре столицы, под огромной статуей льва рядом друг с другом лежат босняки (боснийские мусульмане), сербы и хорваты. Некоторые покоятся в одной могиле – как семья Татаревичей: Аднан, Ася, Надан, Дженан, Наджия и Веселько, последний – явно серб. Родились они в разное время – с 1925 по 1983 г., но погибли вместе в 1994 г. от попадания артиллерийского снаряда.

Все они – жертвы агрессивного национализма, универсально-го зла, последствия которого одинаковы везде – в Сербии, Боснии, России, Киргизии, Испании и Индии. Впрочем, Зия Османович, сараевский водитель, с которым я ездил по местам журналистской молодости, настроен оптимистично: «Мы с сербами возвращаемся к нормальной жизни. Нас связывает общий бизнес – это лучшее лекарство от старых ран». Мой шофер, бывший капитан боснийской артиллерии, по-своему прав. Большинство тех боснийцев, с которыми я встречался, от политиков и ученых до симпатичных официанток на Башчаршии, убеждены, что война не может повториться.

Но напряжение в обществе ощущимо. Страну по-прежнему раздирают этнические и религиозные противоречия. Ни граждане Югославии, ни югославское государство не были готовы к вспышке национализма после распада страны в начале 1990-х.

В течение прошедших тридцати лет с момента распада СФРЮ многие историки, политологи, аналитики, журналисты анализиро-

¹ Полное название: Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991).

вали причины и последствия кризиса и распада югославской федерации и стремились найти положительный ответ на вопросы о том, можно ли было избежать распада, можно ли было избежать войны, могла ли она быть менее долгой, ожесточенной и кровопролитной, можно ли было избежать тогда и впоследствии политического и ценностного конфликта с США и ЕС¹. Пытаясь ответить на предпоследний из этих вопросов с высоты прошедшего тридцатилетия, приходишь к выводу, что войну на постъюгославском пространстве мог закончить почти в самом начале Милан Панич, премьер-министр Югославии в 1992–1993 гг. и кандидат в президенты Сербии в 1992 г.²

Родившийся в сербской семье в Белграде 20 декабря 1929 г., Милан 14-летним подростком стал бойцом Народно-освободительной армии Югославии. В октябре 1944 г. он встречал красноармейцев 3-го Украинского фронта в боях за освобождение Белграда.

После окончания войны М. Панич продолжил обучение в Белградском университете, изучая медицину и биохимию. В 1955 г., будучи одним из лучших югославских велосипедистов, после соревнований в Нидерландах Панич вместе с семьей бежал в Австрию и попросил убежища в Западной Германии. Ожидая решения своей судьбы в лагере для переселенцев, он подал заявление в аспирантуру университета в Гейдельберге. Получив убежище в ФРГ, Панич почти сразу подал следующее заявление – о приеме в программу по эмиграции в США. Получив статус участника этой программы, в 1956 г. он переселился в Калифорнию, где после трех лет работы в частном Университете Южной Калифорнии в 1959 г. создал собственную фармацевтическую компанию International Chemical and Nuclear Corporation (ICN). Заводы ICN впоследствии разместились во многих странах на всех континентах. Пять из них находились и в России. Сербская фирма Galenika, также известная отечественному

¹ Ђосић Д. Пишчеви записи (1992–1993). – Београд : Филип Вишњић, 2004. – С. 103–104. Также, см., напр.: Энтина Е.Г. Евроатлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2018. – № 1. – С. 192–208.

Князева С.Е. Проблема вступления в ЕС балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 176–193.

² Грызунов С.П., Сысоев Г.Н. Балканский пророк. – Москва : Индиго, 2011. – С. 8.

потребителю лекарств, была куплена ICN в 1991 г.¹, а в 1999 г. политическим решением С. Милошевича большая часть компании перешла в собственность СРЮ.

Панич оказался пророком, когда говорил, что главную опасность для всех балканских народов представляет национализм, который до сих пор проявляет себя в тяжелых формах на просторах этих чудесных стран. После провозглашения Союзной Республики Югославия (СРЮ) 27 апреля 1992 г. по настоятельной просьбе президентов СРЮ (Добрица Чосич) и Сербии (Слободан Милошевич)² М. Панич 14 июля 1992 г. занял пост Председателя Правительства СРЮ. Пробыл он на этом посту всего около полугода, до 9 февраля 1993 г.³. Игравший ключевую роль в политике сохранившейся после распада СФРЮ СРЮ, С. Милошевич рассчитывал, что серб по национальности, гражданин США и успешный бизнесмен сможет в интересах сложившегося в Белграде националистического режима восстановить отношения этого режима и лично С. Милошевича с США и Западом в целом, включая отмену установленных 30 мая 1992 г. резолюцией Совета Безопасности ООН № 757 санкций против СРЮ⁴. 15 ноября того же года СБ ООН принял резолюцию № 787, ужесточавшую предыдущую резолюцию⁵.

Однако понимание Паничем ситуации в Сербии, СРЮ и на постъюгославском пространстве, а также способов и путей достижения мира после распада СФРЮ существенно отличалось от понимания С. Милошевича. Панич выступал не только за установление мира и снятие санкций, но и за устранение причин, их породивших. Как только Панич, как и бывший диссидент – сербский националист Д. Чосич, начали «проявлять самостоятельность и критиковать линию фактического правителя страны, они были досрочно смешены со своих постов»⁶.

Более того, Панич осмелился бросить и политический, и личный вызов самому Милошевичу на выборах президента Сербии

¹ Грызунов С.П., Сысоев Г.Н. Указ. соч. – С. 9–13.

² Там же. – С. 14–20.

³ Ђосић Д. Указ. соч. – С. 104–105; Грызунов С.П., Сысоев Г.Н. Указ. соч. – С. 14–20.

⁴ Резолюция СБ ООН № 757 // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1, 2. – Москва : Индрик, 2000. – С. 26–30.

⁵ Резолюция СБ ООН № 787 // Там же. – С. 43–46.

⁶ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под. ред. А.А. Языковой. – Москва : Весь мир, 2007. – С. 190.

20 декабря 1992 г. Панич обвинял Милошевича в том, что тот нанес серьезный ущерб экономике Сербии; Панич также поддерживал признание независимости Хорватии и Боснии и Герцеговины в существовавших границах, что должно было бы стать частью будущего компромисса, который привел бы к окончанию войны, начавшейся в Хорватии в марте 1991 г. и в БиГ в апреле 1992 г. На выборах Панич занял второе место, уступив президентский пост Милошевичу, что, по мнению многих аналитиков, не могло произойти без вмешательства прежней исполнительной власти¹.

Уже через несколько дней после вступления Панича в должность главы правительства, 20 июля 1992 г. его политический соперник и идеиний противник, президент Союзной Югославии в 1992–1993 гг. Добрица Чосич записал в своем дневнике: «Милан Панич развел поразительно активность. Всюду действует решительно и самоуверенно. Летает по всему миру. Общается с любым, даже с тем, кто не желает с ним разговаривать. Хочет мира любой ценой, хочет соглашения с Европой любой ценой. Он человек без какой-либо идеологии. Прагматик, который вступил в конфликт с национальной идеологией и общим сознанием народа, правительство которого возглавляет². Мне будет страшно тяжело привести его радикальные цели в соответствие с позицией республик Югославии, правящей партии и сильной национальной волной в Сербии и Черногории.

Амбиции Панича – разорвать кольцо блокады Союзной Югославии. Невероятна мощь в достижении целей, которые он себе поставил. Если бы у этого энергичного человека было больше политического опыта, если бы он лучше знал ситуацию и проблемы страны, правительство которой возглавляет, тогда, возможно, он и мог бы сделать что-то значительнее, а так – сомневаюсь. Но все равно я его поддерживаю. Для нас он сейчас единственный голос в мире и для мира. Если уж с ним не выберемся из изоляции, то с Милошевичем – точно нет»³.

Милан Панич сразу получил прозвище «летучий премьер». Он буквально не выходил из самолета. Его Boeing 727 курсировал

¹ О результатах выборов 20 декабря 1992 г. см.: Ђосић Д. Указ. соч. – С. 216–217.

² См.: Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 84–100.

³ Ђосић Д. Указ. соч. – С. 110.

между столицами стран Европы, Америки и Азии. В самолете с премьером, помимо группы его советников, постоянно летали десятки журналистов – югославских и иностранных, аккредитованных в Белграде (в том числе и автор этих строк). Так что информация обо всех сторонах деятельности премьера тут же попадала на страницы и экраны мировых электронных СМИ. В тот момент Панич стал, наверное, самым известным политиком в мире. Не только на Балканах, но и в других странах люди внимательно следили за деятельностью необычного политика, который вел себя и говорил не так, как все остальные югославские и постюгославские чиновники. Да и другие чиновники тоже. Мир следил за «летучим премьером». Кто – с надеждой, кто – с недоверием, кто – с издевкой, а кто – просто с непониманием.

«Меня не волнуют это возмущение и эти обвинения, – эмоционально говорил Панич. – Предательством было втянуть Югославию в ту ситуацию, в которой она сейчас находится. Я же хочу избавить страну и народ от санкций, блокады и войны. Мы должны убедить мир и показать на деле, что Сербия – не агрессор, что она за мир. Мира нужно добиться любой ценой. Прежняя политика Белграда привела Сербию к поражению, а я провожу политику мира, поскольку только так можно вернуть Сербию и Югославию в общество цивилизованных стран. Ситуация предельно проста: либо мы принимаем то, что от нас требует цивилизованный мир – и тогда с нас снимают санкции, либо мы отвергаем их требования и гордо погибаем в петле блокады»¹.

Чосич в душе понимал, что премьер по большому счету прав и что Запад не снимет санкций, пока Сербия не выполнит всех его требований. Однако он считал, что принятие всех условий для Белграда равносильно капитуляции, а к этому патриарх сербской политики был не готов. Он убеждал себя, что существует некий третий путь между капитуляцией и изоляцией, и мучительно искал его. «Я хотел бы идти средним путем, через компромиссы, и так нормализовать отношения с Хорватией и другими отделившимися республиками», – говорил сам себе Панич².

Балканы не являются внешнеполитическим приоритетом Москвы. Могу вам сказать – это не является государственной тайной – что, конечно же, для Кремля гораздо более важным являлось

¹ Цит. по: Грызунов С.П., Сысоев Г.Н. Указ. соч. – С. 41.

² Цит. по: Там же.

налаживание партнерских отношений с США, Евросоюзом, затем с Китаем. Балканы, по моему личному мнению, таковыми приоритетом не являются, однако это не значит, что у России здесь нет интересов. Они, прежде всего, экономические. Для сотен тысяч, а может быть, и миллионов россиян Балканы были и остаются очень привлекательным местом для туризма, отдыха и бизнеса. Вот почему многие с тревогой смотрят на сохраняющееся в регионе политическое напряжение.

Я думаю, что «славянское братство» и, как говорили еще вчера, «пролетарский интернационализм» не могут быть основой для любви и дружбы между представителями разных народов¹. Думаю, что в третьем тысячелетии основой для добрососедских отношений должно быть развитие демократии свободного рынка и, если хотите, соблюдение десяти заповедей. Я имею в виду соблюдение высоких моральных принципов, которые мы, к сожалению, нарушаем и по сей день. Но, конечно же, никто в России не забывает о глубоких культурно-исторических корнях, которые связывают наши народы. Было бы неправильно говорить, что россияне делят по какому-то религиозно-национальному принципу народы бывшей Югославии. Для умных людей в моей стране нет никакой разницы, с кем сотрудничать и куда ехать отдыхать. Вот недавно я вернулся из Белграда, а в будущем году обязательно посещу Боснию, Хорватию, Словению, Черногорию, Северную Македонию.

В 2021–2022 гг. исполняется тридцать лет с начала последней войны XX в. в Европе. Уроки этой войны должны выучить российские политики и наши дети.

* * *

Сегодня Милан Панич, которому за 90, ушел из бизнеса, занимается семьей, детьми, внуками, правнуками и здоровьем. Я был счастлив работать вместе с ним. Счастлив и сегодня хранить воспоминания о нашей дружбе, сотрудничестве и совместных добрых делах.

¹ Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). – Москва : НЛО, 2011.

**Война еще не кончилась :
интервью президента Словении М. Кучана С. Грызунову //
Новое время. – 1991. – № 32. – С. 20–21.**

Вашего корреспондента и корреспондента ИАН Сергея Грызунова согласился принять президент Словении. До дверей его кабинета нас сопровождает вооруженный охранник. Но сам Милан Кучан менее всего выглядит как верховный главнокомандующий республиканской армии, которая месяц назад противостояла частям Югославской народной армии. Одни называют словенского руководителя «югославским Ландсбергисом», другие – правдолюбцем, третьи – мудрым человеком, последовательно идущим к цели. Поддержкой народа он пользуется.

– Господин президент, в чем причины происходящего в стране?

– В первую очередь в том, что в свое время СФРЮ опоздала на «европейский поезд», оставшись сообществом, построенным на идеологических принципах, с однопартийной системой и идеологизированной армией. Такое государство оказалось неспособным решить национальные проблемы в соответствии с требованием времени: вместо расширения демократических свобод шел процесс их ущемления, права меньшинств игнорировались. Естественно, Европу беспокоит стихийный, бесконтрольный распад многонациональных государств, таких, как Югославия.

– Как вы намерены действовать в будущем?

– Наше решение о независимости не означает желания словенцев создать закрытое государство. Подобное стремление не имеет перспектив для любой страны – большой или малой. Мы уже подготовили законы, подкрепляющие самостоятельность республики: о создании независимого банка, новой финансовой системы, собственной денежной единицы. Однако их реализация займет определенный период времени, в ходе которого мы продолжим процесс координации с союзным правительством.

– Но по вопросу об охране национальных границ вам договориться с центральными югославскими органами, судя по всему, не удалось?

– Выступая за то, чтобы Словения самостоятельно охраняла свои границы, мы исходим из общей европейской тенденции. На континенте границу охраняет, как правило, полиция.

– Словения согласилась с трехмесячным мораторием на свое решение об отделении?

– Да, это время будет использовано для достижения договоренности о постепенном переходе к Словении функций, которые ранее были в компетенции федерации.

– Какими вы видите отношения Словении с остальными югославскими республиками в будущем?

– Ясно, что на идеологической основе эти отношения невозможны. Формы взаимосвязи Словении с другими республиками – останутся ли они в составе федерации или пойдут по пути независимости – будут определяться прежде всего экономическими интересами и готовностью партнеров к взаимодействию. Спектр возможного сотрудничества широк: от создания зон беспошлинной торговли до единой денежной системы.

Причем будущее сообщество не следует обязательно ограничивать рамками нынешней Югославии. К примеру, можно говорить о региональной интеграции государств, о среднеевропейском объединении. Другими словами, отнюдь не обязательно тасовать карты из старой югославской колоды, возможны и другие комбинации.

– Считаете ли вы, что дальнейшая эскалация конфликтов в Югославии неизбежна? Некоторые руководители Хорватии, к примеру, заявляют, что «война только начинается».

– Европа не позволит, чтобы в Югославии разгорелся серьезный конфликт. Не из-за ее особой любви к южным славянам, а потому, что такое развитие событий угрожало бы собственным интересам европейцев. Кроме того, даже если война начнется, она ничего не решит. После нее останутся те же проблемы.

– И тот же спор относительно границ между республиками? Является ли передел внутри югославских границ неизбежным?

– Нет таких экспертов, которые могли бы провести границу, устраивающую всех. Этнически чистые государства сегодня создать невозможно. Мечта о Великой Сербии – миф. Другое дело, что сербы в Хорватии вправе претендовать на гарантии их прав, вплоть до политической автономии. Но тогда Сербия должна предоставить такую же автономию албанцам в Косово, венграм в Воеводине и т.д.

– Происходит интернационализация югославского кризиса. Не является ли это нарушением принципа невмешательства?

– Югославия фактически уже утратила свой экономический, а в значительной мере и политический суверенитет. Интересам Словении отвечает осуществление международного контроля за

выводом югославской армии с нашей территории. Мы не рассматриваем это как вмешательство во внутренние дела. Напротив, считаем помощью. Словения не возражает, чтобы в число наблюдателей вошли не только представители Общего рынка. Сейчас встал вопрос о расширении сферы деятельности иностранных наблюдателей и на другие территории Югославии, что вызывает возражения Сербии.

– **А как вы относитесь к перспективе увидеть из окна своего кабинета военных в «голубых касках»?**

– Если политические средства разрешения кризиса будут исчерпаны, перспектива, о которой вы говорите, станет вполне реальной. Но для «голубых касок» здесь будет больше работы, чем на Ближнем Востоке, где они выполняют роль буфера, разделяя враждующие стороны. В Югославии им придется отделять одно село от другого, а в некоторых местах – улицу от улицы.

– **На днях руководители Литвы заявили о признании независимости Словении и Хорватии. Какова ваша реакция на это заявление и будет ли оно иметь последствия для отношений Словении с Советским Союзом?**

– Мы воспринимаем решение Литвы как жест солидарности. Но Словения не хотела бы, чтобы это повредило нашим отношениям с Советским Союзом. Наш интерес к сотрудничеству с народами вашей страны сохранится независимо от дальнейшей судьбы советской федерации.

– **Как вы объясняете трансформацию собственных взглядов: руководитель Союза коммунистов Словении становится президентом независимого государства?**

– Изменения моих взглядов связаны с общими переменами в мире. Стремясь сохранить власть, Союз коммунистов не смог освободиться от догматизма. В партии возникло своего рода «движение сопротивления». Словенские коммунисты единственные добровольно поступились властью, ибо мы были уверены, что без этого успешное развитие Словении невозможно.

– **Словенцы обычно подчеркивают свое отличие от остальных народов Югославии. Вы разделяете это мнение?**

– Мы никогда не скрывали, что считаем себя прежде всего словенцами, а потом уже славянами...

Литература

Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 84–100. DOI: 10.31249/ape/2021.02.04

Грызунов С.П., Сысоев Г.Н. Балканский пророк. – Москва : Индиго, 2011. – 144 с.

Князева С.Е. Проблема вступления в ЕС балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 176–193. DOI: 10.31249/ape/2021.02.08

Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1, 2. – Москва : Индрик, 2000. – 496 с.

Романенко С.А. Балканы. Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2021. – № 2. – С. 22–58. DOI: 10.31249/ape/2021.02.02

Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – 2018. – № 1. – С. 192–208.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под. ред. А.А. Языковой. – Москва : Весь мир, 2007. – 352 с.

Ђосић Д. Пишчеви записи (1992–1993). – Београд : Филип Вишњић, 2004. – 423 с.

Глава 17. ВЗГЛЯД ВЕРНОГО ДРУГА: «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ, МЫ ВАШИ БРАТЬЯ!»^{1,2}

Предисловие автора

Мне неизвестно в точности, какой именно тогда стоял день. Может быть, светило солнце, и им радостно и несложно было готовиться к очередному журналистскому заданию: собирать аппаратуру, заправлять машину, обговаривать еще раз план съемок... А может, накрапывал дождь, и настроение было ему под стать, хмурое и нерадостное. А вдруг и погода не подвела, и широкое небо им улыбалось, и дорога шла ровно и приветливо, а вот поди ж ты – точил душу какой-то червяк, и не хотелось ехать. И если бы они сказали об этом тогда, обмолвились кому-то из тех, кто провожал их, теперь бы мы говорили: внутренний голос не обманул, предчувствия не подвели... Не знаю и не хочу гадать, было ли оно у них на самом деле, это предчувствие. Я журналист, мое дело – факты. А факт заключается в том, что двадцать лет назад, утром 1 сентября 1991 г., два собственных корреспондента Гостелерадио СССР Виктор Ногин и Геннадий Куричной выехали на съемку из Белграда в сторону Загреба. Они не первый месяц работали в зоне военного конфликта – в раздираемой жестокой войной Югославии, – и не первый раз подвергали свою жизнь опасности, потому что эта «горячая точка» тоже не была для них первой. Только вот в этот раз они домой не вернулись... Когда меня спрашивают, почему столько лет эта история не дает мне покоя, почему мешает жить и даже разводит «по разные стороны баррикад» с иными коллегами и друзьями, я всякий раз теряюсь с ответом. Что тут сказать? Что один из пропавших журналистов, Виктор Ногин, был моим близким другом и что долгое время я бился над «югославским делом», надеясь найти ребят пусть в пленау, концлагере, искалеченными, в больнице, но живыми?...

¹ Отрывки из книги: *Мукусев В.В. Не стреляйте, мы ваши братья!* – Москва : Arsis Books, 2018.

² **Мукусев Владимир Викторович** – журналист, канд. полит. наук В 1990–1993 гг. – народный депутат РСФСР, депутат Верховного Совета России, Председатель организованной ВС специальной парламентской комиссии по расследованию исчезновения наших журналистов в Югославии (официально комиссия Мукусева – март – сентябрь 1993 г.); mukutat@yandex.ru.

Конечно, это было главной причиной. Или что спустя уже несколько лет, проводя свое журналистское расследование, я мало-помалу терял эту надежду, но почитал своим профессиональным и человеческим долгом добиться истины, раскрыть загадку их исчезновения и рассказать, как все было на самом деле? Да, и это тоже. Но отчего теперь, спустя целую жизнь, я упорно, вопреки всем и всему продолжаю поиски? Да, двадцать лет прошло, все быльем поросло. Да, они оказались первыми, но отнюдь не последними в том скорбном списке советских (а потом и российских) журналистов, которые пропали без вести, были взяты в плен или убиты неизвестными... И давно уже закончилась та, не наша, Балканская война. И нет уже Гостелерадио СССР, которое отправило Виктора Ногина и Геннадия Куринского в последнюю в их жизни командировку. Да что там – и страны тоже нет, той самой страны, которую они представляли на Балканах, именуясь «русскими корреспондентами». Но для меня все эти доводы – вот беда – каждый раз звучат «за», а не «против». За то, чтобы довести расследование до конца и добиться – насколько это возможно через столько лет – окончательной ясности. За то, чтобы все-таки попытаться поставить в той старой, полузабытой, трагической истории последнюю точку. И как раз потому, что они были первыми. Потому, что, сколько бы народу мы ни потеряли с тех пор, как Советский Союз исчез со всех карт мира, хочу верить, что журналистская солидарность еще существует, восстановление справедливости все еще возможно. А самое главное – потому, что я убежден: у человеческой дружбы и человеческой памяти нет срока давности. В Союзе журналистов в Москве есть стена с портретами погибших журналистов – но фотографий этих двух ребят там почему-то нет. Я хочу, чтобы эта очевидная несправедливость была исправлена. И еще я хочу, чтобы однажды Витя Ногин и Гена Курина всё же вернулись домой, в русскую землю. Вернулись посмертно – самым печальным, но единственным возможным теперь достойным образом.

Я пишу эту книгу в 2011-м, чтобы еще раз, мысленно, пройти тот путь, который прошел однажды в своем расследовании. Чтобы отыскать концы оборванных нитей и попытаться связать их вместе – в одну-единую. Чтобы отметить очередной печальный юбилей их исчезновения – как я это делал пять, десять, пятнадцать лет назад, – и, может быть, добиться того, чтобы ребята были наконец оценены по заслугам и чтобы все необходимые государственные решения о признании их погибшими при исполнении служебного

долга оказались все-таки приняты. В самом начале я сказал, что мое журналистское дело – это факты. Однако все, что будет рассказано дальше о событиях 1 сентября 1991 г., – все-таки версия. Моя версия, основанная тем не менее исключительно на добывших за двадцать лет работы фактах: интервью, фотографиях, встречах, результатах поисковых работ. Давным-давно появилась в моей жизни обыкновенная черная папка для документов, в которую я складывал год за годом свидетельства моих поисков. Теперь вы держите эту папку в руках – конечно, не в прямом смысле слова. Отныне, перелистив эти страницы, и вы будете знать все то, что постепенно, по крупицам узнавал об этой истории я. Добавлю к сказанному, что в мае 2011 г., когда уже полным ходом шла работа над книгой, я получил официальное приглашение из Хорватии принять участие в открытии памятного знака на месте гибели российских журналистов. Большой камень с надписью на двух языках теперь поставлен на той самой дороге возле городка Костайница, где когда-то были расстреляны наши коллеги. Расследование все-таки дало реальные результаты – сотни моих обращений (и, в частности, с идеей установки такого памятного знака) не остались бесплодными. И это означает, что версия, о которой я хочу рассказать, как минимум имеет право на существование. А как максимум — обязывает к тому, чтобы завершить наконец давно начатое дело, довести поиски до конца и вернуть Виктора Ногина и Геннадия Куринского домой с Балканской войны.

ГЛАВА 3. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Югославия, 1 сентября 1991 г. – Москва, 1991–1993 г.

Как мы живем на свете? Суетимся, торопимся, бегаем. Зарабатываем деньги, тонем в рабочей текучке, тратим недели на пустяки... Не успеваем вспомнить о самом важном. Бывает, вот уже месяц (а потом и два, и три, и полгода) не встречался с другом – разве что редкие телефонные звонки да случайно переданные приветы от общих знакомых. У него работа, у меня работа: эфир, поездки, репортажи, программы. Время от времени мелькнет, конечно, мысль: «Эх, давно не виделись! Надо бы встретиться, посидеть, поговорить...» Но дни бегут за днями, ничего не меняется в жизни, и все время утешаешь себя: да куда ж он

денется, друг-то наш? Вот сейчас закончу одно дело, а он как раз и вернется из командировки... и уж тогда... обязательно... А потом, как обухом по голове, вдруг один телефонный звонок – и весь твой мир, пусть суетный, но такой привычный и удобный, рушится на глазах.

Из Останкина мне позвонили как раз среди какой-то очередной запарки. Новость оглушала, сбивала с ног, не давала дышать: Виктор Ногин вместе со своим оператором Геннадием Куриным не вернулись из очередной поездки по воюющей Югославии. Связи с ними нет, их судьба неизвестна. Когда я дозвонился до Гали Ногиной, жены Виктора, голос ее срывался и дрожал, телефонные помехи дробили звук речи.

– Галка, чем я могу помочь? Что можно сделать? Ты только скажи... – Володя, он пропал... Витька не вернулся из командировки... Ты ничем не можешь помочь, понимаешь? Он пропал, пропал! Мне показалось тогда, что из телефонной трубки хлынуло на меня все отчаяние, весь испуг мира. Беда вошла в комнату, заполонила собой все вокруг и стояла так близко, что, кажется, можно было еще что-то с ней сделать: силой отвести рукой в сторону, оттолкнуть, отшвырнуть... Но отшвырнуть ее не получилось. Галина продолжала произносить в трубку то, что, наверное, должна была сказать: делается все необходимое... все вот-вот прояснится... Я понимал, что держится она на исходе сил, но смог тогда только пробормотать в ответ:

– Галь, ты подожди... Они просто задержались где-то. Ты же сама знаешь, что там творится, какая неразбериха. Война... Нет, последнее слово я не произнес вслух. Я сказал его мысленно, про себя, потому что это было совсем не то слово, которое могло утешить в такую минуту. А вслух я добавил с той самой нарочитой уверенностью, какой мы утешаем больше себя, чем окружающих, когда смертельно боимся чего-нибудь: – Вот увидишь, не сегодня-завтра они вернутся. Я буду ждать его звонка, Галь!

Но ни Виктор Ногин, ни его оператор Геннадий Куринной так и не вернулись домой. Балканская война, раздиравшая на клочки Югославию, – очередная «горячая точка» в их послужном журналистском списке – сделала свое черное дело и забрала их навсегда. Только тогда мы еще не знали об этом и, конечно, не хотели думать о самом плохом. Мы ждали ребят из командировки, жадно ловили любые новости и надеялись на лучшее. Потом мне много раз, в подробностях и деталях, рассказывали о том,

как хорошо, почти празднично начинался в жизни Виктора этот роковой день. Вместе с ним и Геной Куриным в Югославии были их семьи, и день 1 сентября был для них не просто обычным рабочим днем, а еще и, как это принято называть у нас по традиции, «праздником знаний». В этот день, перед отъездом в командировку, они успели побывать на торжественной линейке в школе при посольстве, где учились их дети, и даже, по словам коллег, засняли кадры праздника на память для всех желающих. А затем, покидав в дорожные сумки все необходимое и наскоро попрощавшись с родными – прощались ненадолго, поездка была вполне рядовая, – на синем редакционном «опеле» выехали из Белграда в сторону Загреба. Обычно путь занимал всего несколько часов. Но ребята не знали и не могли знать, что в этот день знакомое им шоссе окажется блокированным в нескольких местах. Замечу здесь, что команда Виктора в Югославию не была случайной; трудноказалось бы найти человека на телевидении, который лучше подходил для выполнения этого журналистского задания, чем Ногин, который не просто знал, а очень любил эту страну и умел понимать ее жителей... Но провидцем Витя, конечно, не был. И то, что линия фронта уже «расползлась» из-под Вуковара (где они тоже планировали побывать) в разные стороны, захватив, в числе прочего, и автомагистраль, по которой двигался их «опель», оставалось для него неведомым. Проверки документов, обыски, задержки – ко всему этому наши журналисты были готовы, недаром сюжеты, снятые Ногиным и Куриным, числились на Гостелерадио среди самых острых, ярких, рискованных (и не случайно их, бывало, просили поделиться отснятыми сюжетами коллеги из других стран, у которых не получалось так разговорить местных жителей, так вызвать их доверие, как это умел Виктор Ногин). Однако того, что по пути их следования уже шли бои между вооруженными отрядами сербов и хорватов, предположить они не могли. К этому ребята, видимо, готовы не были. Детали последних событий до сих пор во многом остаются неясными, тайными. Но тогда мы не знали о случившемся вообще ничего. Знали только, что никто из пропавших ребят на связь с родными не вышел. Что домой в намеченные сроки они не вернулись. Более того, когда там, на месте, друзья и родные принялись разыскивать журналистов, обзванивать гостиницы и югославских коллег, выяснилось, что и до Загреба они в тот день не доехали. Виктор Ногин и Геннадий

Куриной словно растворились в светлом, теплом сентябрьском дне, навсегда сделав для нас эту дату тяжелой и черной¹.

Когда вдруг исчезает «из зоны доступа» близкий и дорогой тебе человек – даже в мирное время, в мирной стране, – паника неизбежна, и в голову невольно лезут самые горькие мысли. Тем более страшно, если люди пропадают в воюющем государстве. С этим невозможно примириться, это невозможно пережить, и ожидание известий час от часу делается все тяжелее. Но все-таки надежды мы не теряли очень долго. Гале Ногиной и Гале Куриной там, в Югославии, в посольских службах неизменно отвечали: «Не волнуйтесь, мы их обязательно найдем. Пропасть бесследно в Югославии практически невозможно. Скорее всего, попали в какую-то переделку, где-то задержаны... Самы понимаете, нештатные ситуации в журналистской профессии случаются. Неделя-другая – и они объявятся, вот увидите!» Мне в Москве на мои запросы, не только журналистские, но и депутатские (а я был к тому времени уже депутатом Верховного совета России), тоже отвечали солидно и уверенно: вмешиваться ни во что не нужно, можно только помешать спецслужбам. Журналистов ищут все уполномоченные на то организации, и масштаб сил, задействованных в поисках, весьма серьезен: Министерство иностранных дел, Служба внешней разведки, Прокуратура СССР... Делом занимается, в том числе, и лично президент Горбачев. Это было правдой и, хоть не утешало, но все же как-то успокаивало: делается все возможное, ребят вот-вот найдут, и у меня на столе зазвонит телефон, и Витькин голос в трубке скажет

¹ Приложение. Приводим документ эпохи 1991 г.: «ОБРАЩЕНИЕ ЖУРНАЛИСТОВ «ИЗВЕСТИЙ».

Тринадцатый день ничего не известно о судьбе журналистов советского телевидения Виктора Ногина и Геннадия Куринского, не вернувшихся из охваченных гражданской войной районов Хорватии.

Ни сербские, ни хорватские власти, обещавшие помочь в поисках журналистов, до сих пор не предоставили никакой информации. Специальное обращение советского Президента и призывы общественности не привели пока ни к каким результатам.

Сегодня мы обращаемся к нашим коллегам – журналистам всего мира, но в первую очередь к тем, кто представляет противоборствующие стороны – Сербию и Хорватию. Даже в воюющей стране не могут бесследно исчезнуть два человека. Постарайтесь как можно больше узнать о Викторе Ногине и Геннадии Куринном.

Мы взвыаем к вашей профессиональной солидарности. Мы верим, что даже в условиях беспощадной гражданской войны журналисты не утратили чувства сострадания к попавшим в беду коллегам». – Прим. ред.

с усмешкой: «Ну, ты, стариk, даешь! Подумаешь, задержались немнogo. Ладно, семья, но ты-то чего переполошился? Не знаешь разве, как оно бывает в нашей профессии?..» Именно в ту пору и появилась в моей жизни та самая черная папка, в которой сначала было всего лишь несколько листков с запросами по делу и которая теперь так забита материалами, скопившимися за двадцать лет поисков, что на ней невозможно защелкнуть замок. Я не покупал эту папку специально, не выбирал ее цвет, не готовил к какой-то особой миссии – такие были у всех депутатов Верховного совета России, обычное вместилище для документов и рабочих бумаг. Но для меня эта папка, разбухавшая на глазах по мере того, как двигалось наше расследование, стала своего рода наваждением. Я мечтал, чтобы она перестала быть нужной мне, потеряла свою значимость, испарилась из моей жизни навсегда, как только в деле будет поставлена последняя – победная – точка. Я хотел сжечь ее вместе со всеми документами, когда ребята вернутся домой. Хочу я этого и теперь. Вот только возвращение их с Балканской войны, если и случится, будет уже совсем другим – не таким, как мы когда-то надеялись... Первое более-менее достоверное личное свидетельство о судьбе Ногина и Куринского было получено в десятых числах сентября от одного из местных военных, командовавшего рядом местных гвардейцев. Звонимир Калань, житель Костайницы, с которым я лично разговаривал в мае 2011 г., рассказал, что хорошо помнит приезд русских журналистов на их хорватские позиции. Он даже вспомнил, что один из них отлично говорил на их языке и очень подробно расспрашивал солдат, как они относятся к происходящему в Югославии. Еще он вспомнил, что у журналистов в машине лежал один бронежилет. Прощаясь, он подарил нашим ребятам еще один бронежилет, две каски, а в дорогу дал бутылку коньяка, при этом предупредив о возможной опасности, которая их ждет впереди, у выезда из Костайницы. Тогда мы впервые услышали название этого городка, которое теперь, десятилетия спустя, стало для меня символом всей этой трагической и долгой истории. До Загреба оставалась какая-нибудь сотня километров пути. Ногин и Куринский могли поехать прямо туда, и тогда все в их судьбе, конечно, сложилось бы по-другому. Но они были профессионалами и, вероятно, решили снять то, что увидели на передовой. Еще один очевидец утверждал, что машину наших журналистов заметили у съезда с автомагистрали, на тех территориях, где было уже совсем неспокойно. Возможно, именно эти съемки местных окрестностей, еще недавно вполне безопасных и мирных, и стали для ребят роковыми. Конечно, название города Костайница «красной нитью» прошло через все поиски

не только из-за одного свидетельства, пусть даже выглядевшего достаточно правдивым. Официальные запросы, которые рассылались в ходе поисков, разговоры с местными жителями, ополченцами, местной милицией, оперативные мероприятия спецслужб – словом, весь арсенал методов, применяемых обычно в такой ситуации, позволил примерно очертить тот «географический треугольник», в котором в последний раз видели советских корреспондентов. Центром его все равно оказалась та самая Костайница, которая в конце концов просто начала сниться мне по ночам. И каждый день в том проклятом сентябре я засыпал и просыпался с одной и той же мыслью: ну сегодня наконец это случится... Их найдут. Или они появятся сами. Все объяснится, все утрясется. Вот-вот, уже сегодня, через полчаса... Я услышу эту новость по радио. Или мне позвонят. Или вбежит в аппаратную запыхавшийся коллега и крикнет: «Ты уже слышал?! Они вернулись!..» И тогда я пошлю к чертовой матери все дела и сделаю всё, чтобы поскорее увидеться с Ногиным. Потому что никогда – никогда в жизни – я больше не стану откладывать «на потом» встречи с лучшими друзьями... Механизм поиска частных лиц государством (пусть даже эти лица были журналистами и пропали при выполнении профессионального долга) не был тогда отработан в нашей стране, как, впрочем, нельзя считать его отработанным и сегодня. Но о том, что работа поначалу велась вполне серьезная, свидетельствует документ, адресованный из Службы внешней разведки в Генеральную прокуратуру и существовавший в ту пору под грифом «секретно». Я получил к нему доступ уже гораздо позднее, однако хронологически он описывает первоначальный период поисков, а потому привожу его здесь – естественно, убрав из него некоторые не подлежащие публичной огласке нюансы.

«Генеральному прокурору Российской Федерации государственному советнику 2 класса т. Степанкову В.Г.
О поиске пропавших без вести
В. Ногина и Г. Куринского
К № 15-729-92/2114 с от 10.03.92 г.
№153/2-1431 от 25.03.92.

Уважаемый Валентин Георгиевич! По существу поднятых в Вашем письме вопросов, связанных с исчезновением 1 сентября 1991 года российских тележурналистов В. Ногина и Г. Куринского и предпринимаемых нами мерами по их поиску, сообщаем следую-

щее. Как Вам известно, совместный поиск тележурналистов силами российского посольства в г. Белграде и генерального консульства РФ в г. Загребе был начат 4 сентября прошлого года после обращения жены В. Ногина по поводу исчезновения ее мужа и оператора ЦТ Г. Курилого. С этого момента в этих мероприятиях активно участвуют и наши сотрудники, работающие в Югославии под прикрытием российских загранучреждений. Так, офицер безопасности в этих целях использует свои официальные контакты в югославских спецслужбах и правоохранительных органах. Одновременно Служба внешней разведки России в розыске журналистов задействовала и другие свои оперативные возможности. В октябре 1991 г. по каналам разведки руководителям спецслужб Австрии, Германии, Италии и Югославии было передано письмо бывшего Председателя КГБ СССР Бакатина В.В. с обращением об оказании нам помощи в выяснении судьбы пропавших без вести В. Ногина и Г. Курилого. Наши усилия в этой работе согласовываются и координируются с поисковым штабом, созданным в посольстве в г. Белграде. Вся информация, добываемая через наши возможности, реализуется в заинтересованные ведомства в Москве по линии посольства. Отсутствие результатов в продолжительных по времени поисках В. Ногина и Г. Курилого, противоречивая и порой исключающая друг друга информация относительно их местонахождения в момент исчезновения, наличие в том период в районе конфликта большого числа неконтролируемых военизированных сербских и хорватских формирований и отдельных малочисленных групп дают, к сожалению, основание с большой долей вероятности предполагать, что наших тележурналистов на сегодняшний день нет в живых. Подобная версия высказывалась также министром внутренних дел Австрии Ф. Лешнаком и специальным представителем председательствующего в Европейском сообществе Х. Вайнандтом (оба ссылались на определенные источники, которые, тем не менее, назвать нам отказались). Эту же точку зрения в ходе бесед с нашими сотрудниками доводили и представители спецслужб Югославии и Болгарии. При этом не исключается, что произошедшее не было преднамеренным убийством, а явилось результатом стечения случайных обстоятельств, что предопределило в последующем стремление к тщательному скрытию следов преступления. В настоящее время работа по выяснению судьбы В. Ногина и Г. Курилого по прежнему затруднена из-за продолжающегося политического и военного кризиса в Югославии, фактического раз渲ла страны и

создания на ее территории новых независимых государств, обострения отношений между ними. Не благоприятствуют прояснению ситуации и взаимные попытки сербов и хорватов обвинить друг друга в преступлении, совершенном против российских журналистов, в ущерб выяснению истинных причин их исчезновения. Несмотря на эти трудности, СВР России продолжает работу по поиску пропавших без вести В. Ногина и Г. Курилова и будет вести ее до окончательного выяснения их судьбы...

*Директор Службы внешней разведки
Российской Федерации Е. Примаков»*

Я процитировал письмо почти полностью, опустив только пару последних «политесных» абзацев, потому что вся информация, приведенная в нем, важна. Но особенно обращают на себя внимание в этом документе три вещи. Во-первых, судя по его содержанию, уже в начале 1992 г., благодаря информации, полученной по различным каналам (дипломатическим, оперативным), трагический характер случившегося был относительно ясен для наших спецслужб. Все произошедшее с журналистами напрямую именуется в письме преступлением, следы которого намеренно скрываются. Мы же, повторюсь, в ту пору еще продолжали надеяться и ждать возвращения ребят. Во-вторых, особая сложность поисков справедливо объясняется кризисной ситуацией в Югославии, раздираемой войной. Однако, конечно, в документе ни слова не сказано о том, что и без того было превосходно известно и автору, и получателю, – о кризисе, который переживала наша собственная страна. Корреспонденты советского Гостелерадио пропали в сентябре 1991 г., а уже в декабре, через несколько месяцев, СССР прекратил свое существование на карте мира – вместе со своими Гостелерадио, МИД, КГБ, СВР и прокуратурой, которые занимались поиском пропавших. Конечно, была образована прокуратура РФ, так же как появились правопреемники и у других организаций, задействованных в поисках. Но все-таки в предлагаемых условиях, в ситуации массового передела страны, было уже не до двух пропавших журналистов. О них еще не забыли, но дел у спецслужб хватало и без их поисков.

И третье, очень важное. Кто виновен? В скользь упомянув о том, что сербы и хорваты пытаются переложить друг на друга ответственность за случившееся, Е. Примаков, сам того не ведая,

обозначил одну из самых острых проблем моего будущего расследования. У убийц нет национальности, но, когда речь идет о большой политике, о том, кого именно поддерживают те или иные силы в «балканском вопросе», выяснение национальной принадлежности преступников вполне может стать камнем преткновения на пути раскрытия истины. Мне в то время и в голову не могло прийти, сколько раз еще придется больно спотыкаться об этот камень, разве что не расшибать об него голову... Шли дни, недели, месяцы. Мы ждали новостей, надеясь, что они будут добрыми. В конце концов, все понимали, что такая война, – в Югославии пропадало немало людей, удерживаемых в плену (это, собственно, и была наша версия судьбы пропавших друзей), вынужденных бежать или скрывающихся по тем или иным причинам. Однако известие, пришедшее в конце марта, никак не относилось к разряду радужных. И все-таки это было уже хоть что-то – первое материальное доказательство того, что Ногин и Куричкой действительно были в окрестностях Костайницы. Неподалеку от этого села обнаружили синий «опель» журналистов. Машину нашли в страшном состоянии – мало того, что специалисты насчитали немало пулевых отверстий, «прошивших» салон, так она еще вдобавок оказалась сильно обгоревшей и странным образом изуродованной, словно измятой или сброшенной с большой высоты. В том, что это именно «наш» автомобиль, сомнений не было; это доказывали сохранившиеся номера кузова и двигателя. Зато во всем остальном сомнений оставалось немало. Процитирую следующий документ из моей черной папки – самое важное из него, опуская несущественные подробности.

*«Генеральному прокурору Российской Федерации государственному советнику 2 класса т. Степанкову В.Г.
О поиске пропавших без вести
В. Ногина и Г.Куричного
К № 153/2-1431 от 25.03.92*

Уважаемый Валентин Георгиевич! В дополнение к направленной Вам ранее информации о предпринимаемых Службой внешней разведки Российской Федерации мерах по поиску пропавших без вести российских тележурналистов сообщаем следующее. В настоящее время нами поддерживается активный

рабочий контакт с представителями югославской военной прокуратуры, проводящей необходимые экспертизы обнаруженной в конце марта с.г. автомашины корреспондентов. Осуществить идентификацию найденных в автомобиле журналистов 11 фрагментов костей пока не удается из-за недостаточного количества материалов для исследования. В результате проведенной югославскими специалистами баллистической экспертизы установлено, что автомобиль наших корреспондентов был обстрелян с позиций, которые занимали в тот период бойцы хорватской гвардии. Крайне острая обстановка в районе предполагаемого исчезновения В. Ногина и Г. Курилова оказывает серьезные препятствия для передвижения там российских представителей. Однако активность поиска с нашей стороны не снижается. С целью расширения возможности получения новых сведений установлены оперативные контакты в российском батальоне, находящемся в Югославии в составе сил ООН. С югославской стороной достигнута договоренность о передаче имеющихся у следствия вещественных доказательств в распоряжение следственных органов России для более тщательного их исследования...

*Директор Службы внешней разведки
Российской Федерации Е. Примаков»*

Казалось бы, надежды практически нет: обстрелянная, изуродованная машина, останки людей в салоне, сгоревшее оборудование... Но информация эта оставалась под грифом «секретно» и вопросов у тех, кто был к ней причастен, вызывала немало. Тем более что довольно скоро выяснилось: в машине – не они... Найденные в автомобиле кости не имели отношения к российским журналистам. Значит, эта «случайно обнаруженная» и сгоревшая машина – намеренно выстроенная декорация? Дезинформация? Маскировка реальности? И куда же делись ребята, где их держат?! Сейчас я думаю: хорошо, что в ту пору, ранней весной 1992 г., они всё еще были живы для нас... Мы словно сумели вырвать у небытия лишних несколько месяцев жизни для своих друзей. Хотя бы такой, призрачной и ненастоящей, но все-таки жизни – пусть только в наших надеждах, наших мыслях, в мечтах об общем будущем, которое обязательно будет хорошим.

«Генеральному прокурору Российской Федерации государственному советнику 2 класса т. Степанкову В.Г.
О поиске пропавших без вести
В. Ногина и Г. Курина
К № 160/1473 от 19.05.92

Уважаемый Валентин Георгиевич! В результате предпринятых Службой внешней разведки Российской Федерации мер по розыску пропавших без вести российских тележурналистов стало известно, что югославская военная прокуратура располагает показаниями свидетелей, подтверждающими данные МВД Хорватии о пребывании В. Ногина и Г. Курина в хорватской Костайнице 1 сентября 1991 г. Военная прокуратура имеет также показания других свидетелей о том, что во время обстрела автомобиля, принадлежащего нашим корреспондентам, в нем находились два хорватских гвардейца, одетых в маскировочную форму, которые затем были убиты и сгорели в автомобиле. Свидетелям, однако, не известно, кто именно обстрелял автомашину. Исходя из указанных данных, следователи военной прокуратуры сделали предположение, что тележурналисты были задержаны хорватами в Костайнице и там же или расстреляны. Автомобиль корпункта хорватские гвардейцы использовали в своих целях, о чем свидетельствует найденная в нем радиостанция. Сведения, полученные от военной прокуратуры, поисковый штаб российского посольства в Югославии планирует через генконсульство РФ в Загребе передать МВД Хорватии для их перепроверки и получения новых данных о судьбе корреспондентов. В связи с тем, что подразделения Югославской народной армии в ближайшее время должны будут покинуть район Костайницы, где устанавливается контроль сил ООН, расквартированных в Хорватии, расследование военной прокуратуры прекратится. Следственные мероприятия будут продолжены местными гражданскими властями. Имеющиеся в военной прокуратуре материалы по делу розыска журналистов обещано передать посольству РФ в Белграде.

С целью получения дополнительных сведений о В. Ногине и Г. Курина Служба внешней разведки обратилась к руководству спецслужб Венгрии, Германии, Испании, Швеции, Италии и Франции с просьбой оказать содействие в добыче необходимых

для розыска данных через возможности югославских землячеств, находящихся в указанных странах. О поступающей от партнеров информации Прокуратура Российской Федерации будет нами информирована.

*Директор Службы внешней разведки
Российской Федерации Е. Примаков»*

Заметим, что в этом документе, как и в предыдущем, речь идет о причастности к пропаже двух российских корреспондентов именно хорватских сил: автомобиль обстрелян с позиций, удерживаемых бойцами хорватской гвардии; хорваты удерживали Ногина и Куринского в Костайнице, и ими же тележурналисты были расстреляны. Такова была информация военной прокуратуры Югославии. Однако никаких серьезных подтверждений этим данным обнаружить так и не удалось. Сербская сторона ссыпалась на неких свидетелей, но их так и не нашли. Ситуация в то время под Костайницей была сложная, стреляли со всех сторон, и хорваты (равно как и сербы) отрицали свою вину и в официальных заявлениях, и в прессе. Однако с политической точки зрения «хорватская версия» куда удобней для нашей страны: так сложилось, что исторически и конфессионально сербы и русские – братья, поэтому, по определению, сербы не могли убить русских журналистов. Хорваты же, напротив, ссыпались на причастность к пропаже Ногина и Куринского именно сербов, называя это намеренной провокацией, чтобы поссорить Россию и Хорватию. Реальных доказательств ни у той, ни у другой стороны не было. Время шло, дипломаты и политики спорили, а судьба ребят так и оставалась неизвестной. В нашей же стране тем временем наступала эпоха «большого хапка». Верховный Совет еще пытался всеми законными и возможными способами противостоять ельцинскому беспределу, но тщетно: бабло побеждало добро. Повсеместно. Россия катилась в пропасть. Семьи Ногина и Куринского, долго ждавшие мужей и отцов в Югославии, вернулись домой, в Москву. С чем столкнулись две Галины в российских девяностых, после более-менее благополучной и хорошо устроенной жизни в Белграде? Нетрудно вспомнить: тотальный дефицит, галопирующая инфляция, нехватка денег. Это мы потеряли друзей и коллег, а семьи потеряли кормильцев. И ни у Первого канала, пославшего журналистов в командировку, ни у Союза журналистов, ни у учреждений государственной помощи

и поддержки не нашлось даже рубля для помощи этим семьям. Да и почему, собственно, эти средства должны были найтись? Ведь по официальной версии, с точки зрения государства журналисты были всё еще живы. Галина Ногина и Галина Куринная растили детей и по-прежнему ждали своих мужей, веря, что рано или поздно эта проклятая командировка все-таки кончится. Мы, их друзья и коллеги, тоже продолжали жить по-прежнему: ходили на работу, решали семейные проблемы, ездили в «горячие точки» – их становилось не меньше, а только больше, – и так же, как Ногин и Куринной, привозили оттуда свои репортажи... В общем, жизнь шла своим чередом. Только вот где-то внутри, очень-очень глубоко, постоянно саднил и болел какой-то нерв. Это были те еще «качели»: от истовой веры – вот-вот вернутся! – к полному отчаянию: нашли автомобиль и останки в нем... От вновь загоревшейся надежды (есть новая версия!) – к горестному разочарованию. Жить с этим постоянно качающимся маятником эмоций было тем более непросто, что в «югославском деле» постоянно возникали новые следы, поначалу радостно-обнадеживавшие, но затем обрывавшиеся в никуда. Одно из подобных известий пришло в мае.

*«Генеральному прокурору Российской Федерации государственному советнику 2 класса т. Степанкову В.Г.
О поиске пропавших без вести
В. Ногина и Г. Куринского
К № 160/1473 от 19.05.92
№ 160/2121 от 14.07.92*

Уважаемый Валентин Георгиевич! В поисковый штаб российского посольства в Югославии поступило письмо от местного гражданина М. Шарича из г. Субботица, с которым в начале апреля с.г. проводились переговоры о содействии в поиске тележурналистов. По выдвинутой тогда югославом версии, не подкрепленной, однако, доказательствами, В. Ногин и Г. Куринной укрывались в г. Загребе со-трудниками секретариата внутренних дел Хорватии. В своем письме М. Шарич вновь повторил сообщенные им ранее сведения о судьбе журналистов, подробно изложив факты: когда, где и при каких обстоятельствах произошла у него с ними встреча. Югослав утверждает, в частности, что 4 сентября прошлого года, проезжая на автомашине по шоссе Белград-Загреб, он недалеко от г. Славонский

Брод посадил и довез до загребской гостиницы “Интернациональ” наших корреспондентов. Далее в письме сообщается, что В. Ногин и Г. Куриной живы и содержатся поочередно в двух тюрьмах г. Загреба (указываются их названия). М. Шарич перечисляет инициалы лиц из правительственные кругов Хорватии, которые якобы причастны к пропавшим без вести журналистам, указывает регистрационный номер автомашины, перевозящей их из одной тюрьмы в другую. Копия письма югослава была немедленно передана в Союзный секретариат по внутренним делам СРЮ, где изложенные в нем сведения были оценены как очень важные и требующие срочной перепроверки. Ответственный работник ССВД обещал установить М. Шарича в ближайшее время через возможности МВД Сербии, определить его как свидетеля, официально задокументировав показания югослава. В случае необходимости сотрудникам российского посольства в Белграде будет предоставлена возможность провести с М. Шаричем обстоятельную беседу. Обо всех других новых моментах в розыске В. Ногина и Г. Куриного Прокуратура Российской Федерации будет нами своевременно информироваться.

*Первый заместитель Директора Службы внешней разведки Российской Федерации,
генерал-лейтенант В. Трубников»*

Кажется, окажись у меня в тот самый момент в руках эта бумага – пешком был бы готов уйти в Загреб, лишь бы отыскать в нем наших ребят. Ведь всё, всё известно со слов свидетеля: название гостиницы, где их видели и могли запомнить, имена людей, причастных к похищению, номера автомашин... Названия чертовых тюрем, наконец! Однако радоваться, как выяснилось, оказалось рано. Тщательная проверка фактов, сложные, многоходовые операции по установлению контактов с самыми разными людьми в Загребе показали: вытянута пустышка. Вот короткая выписка из еще одного документа Службы внешней разведки: «...По поступившим в поисковый штаб из ССВД СРЮ данным, итоги проверки сигнала югославского гражданина Шарича (наш № 160/2121 от 14.07.92) показали, что проверяемый является психически больным человеком (шизофрения). С 1963 года неоднократно находился на принудительном лечении в больницах закрытого типа для тяжелобольных (в г. Мондрече). Дважды судим – в 1963 году за клевету и в 1983 году за нанесение тяжелых телесных повреждений. Склонен к интригам, обману и насилию. По заключению врачей, психическое заболева-

ние у Шарича прогрессирует. Однако от лечения он отказывается. Сотрудники ССВД СРЮ, занимавшиеся проверкой Шарича и сообщенных им сведений о наших тележурналистах, пришли к выводу, что его информация является вымыщенной в целях получения денежных вознаграждений...»

Таких ложных следов в поисках наших пропавших друзей оказывалось немало. Мы – люди, и устроены так, что терпеть не можем секретности, особенно когда от нас стараются скрыть самую нужную нам, самую долгожданную информацию. Но иногда я думаю: слава Богу, что эти бумаги проходили под грифом «секретно» и спецслужбы не торопились информировать жен Ногина и Куринского обо всех подряд «свидетельствах» и «находках». Ни одно сердце не выдержало бы подобных разочарований. Оно бы просто разорвалось, было бы убито фальшивками, которые ради наживы или спортивного интереса подбрасывали следствию люди типа Шарича. Шло лето девяносто второго года. От попыток выяснить судьбу пропавших журналистов спецслужбы еще не отказались, но поиски в районе Костайницы – единственном, последнем месте, где ребят точно видели живыми и здоровыми, – уже практически сворачивались. Вот что сказано об этом в письме, направленном на имя Генерального прокурора РФ, которое я только что цитировал: «Уважаемый Валентин Георгиевич! 30 июля с.г. состоялась встреча руководителя поискового штаба посольства РФ и офицера безопасности с военным прокурором СРЮ В. Младеновичем, ведущим следствие по факту исчезновения российских тележурналистов... В настоящее время, по словам В. Младеновича, никаких следственных действий в районе обнаружения автомашины В. Ногина и Г. Куринского не предпринимается из-за того, что армейские подразделения оттуда выведены, а компетентные органы Республики Сербская Краина, которые могли бы их осуществить, остаются все еще никем непризнанными. В этой связи военный прокурор посоветовал обратиться за помощью в белградское отделение Международного Красного Креста (МКК)...». На территории бывшей Югославии не было ни мира, ни спокойствия; там возникали «пока еще никем не признанные» новые государства, по-прежнему шла война, бродило множество вооруженных группировок, а люди исчезали десятками, сотнями. Исчезала, рушилась страна. И масштаб поисков наших журналистов, и уровень организаций, задействованных в них, как видно из этого документа, были уже не теми, что в самом начале, по «горячим следам». Практически последней надеждой найти ребят живыми стала версия о том, что они могут находиться в плену или в лагере беженцев, которых Балканская война породила

немало. Это была тяжелая, безрадостная версия, ибо на долю таких пленных выпадали обычно тяжелейшие испытания – как физические, так и душевные. И все-таки оттуда они могли вернуться живыми... Но чем больше проходило дней и месяцев, тем более призрачной, тающей на глазах становилась эта надежда.

*«Генеральному прокурору Российской Федерации государственному советнику 2 класса Степанкову В.Г.
На № 15-7-92 от 27.08.92*

Уважаемый Валентин Георгиевич! Сведения о возможном нахождении наших корреспондентов в лагерях и пунктах сбора пленных (в средствах массовой информации они получили название “концентрационных лагерей”) на территории Хорватии и Сербии поступали в поисковый штаб посольства РФ в Белграде неоднократно. Появлялись даже “свидетели”, которые якобы видели их в этих местах. Все сигналы такого рода немедленно перепроверялись через компетентные органы данной страны, а также посредством выезда сотрудников посольства по указанным адресам. Ни один из них впоследствии не подтвердился. В настоящее время после обмена пленными между сербской и хорватской сторонами пункты сбора в этих республиках в основном ликвидированы. Упоминаемые в СМИ “концентрационные” лагеря беженцев на территории Боснии и Герцеговины стали возникать только в апреле с.г. после начала вооруженных столкновений в это республике. Ввиду постоянного перемещения значительного числа находящихся там беженцев, а также слабого внутрилагерного режима, факт содержания в лагере российских граждан неизбежно стал бы широко известен. Однако каких-либо сигналов на этот счет к нам до настоящего времени не поступало. В целях получения дополнительной информации о судьбе пропавших без вести нами была направлена просьба руководству спецслужб Венгрии, Болгарии, Германии, Швеции, Италии, Испании, Франции провести опрос беженцев из Югославии, прибывающих в их страны. Ответ поступил пока только от спецслужб Венгрии, в котором сообщается, что каких-либо сведений о В. Ногине и Г. Куринном от югославских беженцев получить не удалось. О всех новых моментах в розыске российских журналистов Генеральная прокуратура будет своевременно информироваться.

Директор СВР РФ Е. Примаков»

Вот уж подошла и годовщина со дня исчезновения ребят. Пода-
шлась – и рухнула, придавив своей тяжестью всех, кто не уставал
ждать и надеяться. Слишком много времени прошло, слишком много
надежд рассыпалось прахом... Осень девяносто второго года стояла
ненастная, хмурая, и зима, пришедшая ей на смену, тоже оказалась
тяжелой и нудной, не хотела радовать ни погодой, ни событиями, ни
добрими вестями. А потом наступил девяносто третий год.

С. 47–63

В апреле 2011 г. мне пришло письмо из Хорватии, и я понял,
что мое личное расследование, моя работа и не думали заканчивать-
ся. Их продолжает сама жизнь, и мне было бы стыдно уклоняться
от этой помощи...

*«Национальная русская община
в Хорватии. Загреб.
Вниманию В.В. Мукусева
12.04.2011 года*

*Уважаемый г-н Мукусев! 21 мая 2011 года на месте гибели
корреспондентов Гостелерадио СССР Виктора Ногина и Геннадия
Куринного состоится торжественное открытие памятного зна-
ка с мемориальной плитой, на которой будет надпись на двух язы-
ках – русском и хорватском. Просим Вас принять участие в этом
мероприятии и рассказать о Вашем двадцатилетнем расследова-
нии этой трагедии.*

*С уважением, Национальная
русская община в Хорватии
Председатель Яна Пешич».*

С. 156.

Последнее, что успел сказать в своей жизни журна-
лист Виктор Ногин, было: «Не стреляйте! Мы ваши братья!...»¹
С. 178

¹ 23 февраля 2021 г. программа «Вести» со ссылкой на РИА «Новости» под заголовком «Стали известны детали расстрела Ногина и Куринного» проинформи-
ровала, что, согласно сообщению МВД Хорватии, «журналист Виктор Ногин и опе-
ратор Геннадий Куринный 1 сентября 1991 г. приехали на автомобиле Opel к городу
Хрватска Костайница. В этом районе сражались хорватская армия и сербские опол-
ченцы. <...> Они освещали гражданскую войну в Югославии. При помощи кри-

...После вмешательства Михаила Федотова произошло чудо. Буквально через неделю мне пришел ответ из Администрации Президента с резолюцией – «Вайно А.Э. Прошу рассмотреть и доложить предложения. В. Путин. 03.11.2016 года».

Я просил Президента о двух вещах. 1. Дать указание соответствующим правоохранительным структурам возбудить уголовное дело по факту исчезновения 1 сентября 1991 г. на территории бывшей республики Югославия собственных корреспондентов Гостелерадио СССР Виктора Ногина и Геннадия Куринского. 2. Наградить трагически погибших при исполнении своего профессионального и служебного долга журналистов Виктора Ногина и Геннадия Куринского посмертно.

С. 239–240

ЗА МУЖЕСТВО И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ, ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА, НАГРАДИТЬ ОРДЕНОМ МУЖЕСТВА

КУРИННОГО ГЕННАДИЯ ДЕМЬЯНОВИЧА журналиста (посмертно),

НОГИНА ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА журналиста (посмертно).

Президент Российской Федерации В. Путин

Москва, Кремль 20 марта 2017 года

С. 249

Литература

Мукусев В.В. Не стреляйте, мы ваши братья! – Москва : ArsisBooks, 2018. – 254 с.

миналистических экспертиз установлено, что члены спецподразделения Сербской автономной области Крайина устроили засаду у дороги Хрватска Костайнца – Петринья. <...> Они расстреляли машину с дипломатическими номерами, в которой ехали Ногин и Куринной, рассказали хорватские полицейские. <...> Полиция подала в окружной суд Загреба заявления на двух подозреваемых, но отмечается, что они проживают за пределами Хорватии. Президент России Владимир Путин посмертно наградил орденами Мужества журналистов В. Ногина и Г. Куринского». – <https://www.vesti.ru/article/2527641> (дата обращения: 12.09.2023). – Прим. ред.

РАСПАД ЮГОСЛАВИИ: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Коллективная монография

Оформление обложки С.И. Евстигнеев

Верстка А.М. Дюма

Корректор Я.А. Кузьменко

Подписано к печати 29.11.2023

Формат 60×84/16 Бум. офсетная № 1

Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 20,5 Уч.-изд. л. 18,3

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Нахимовский пр-т, д. 51/21,

Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96

e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов,

ул. Чернышевского, д. 88, литера У